WARHAMMER
40,000
Firmly behind his men in the name of the Emperor
DUTY CALLS
A CIAPHAS CAIN NOVEL BY SANDY MITCHELL

Annotation

Мужественный комиссар Каин, его верный и ароматный помощник Юрген, прекрасная и опасная инквизитор Эмберли Вейл, а также полки Имперской Гвардии, корабли Имперского Флота, доблестные Адептус Арбитрес и самоотверженные Силы Планетарной Обороны — в эпическом противостоянии с самым прожорливым врагом Империума!

На тихой планетке Периремунда Герой Империума комиссар Кайафас Каин рассчитывал отдохнуть от необходимости геройствовать. Казалось бы, всех проблем на Периремунде — участившиеся теракты да дурак-губернатор. Ну еще генокрадов немножко и рой тиранидов на подходе. Культ Хаоса с психованными псайкерами-убийцами. Беглый техножрец с варповой штукой, от которой неизвестно чего ждать. Фанатичные Сестры Битвы, подчиняющиеся спятившему инквизитору. Курорт, а не планета, для полного

комфорта ей не хватало только орбитальной бомбардировки.

- Сэнди Митчелл
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11

- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37

- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63

- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89

- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97

Сэнди Митчелл
Зов долга

Примечание редактора

Каин не раз пользовался возможностью намекнуть — в тех частях своих мемуаров, которые у меня достало времени к данному моменту отредактировать и распространить, — на факт, что время от времени ему приходилось быть впутанным в дела Инквизиции, и обычно происходило сие по моему личному повелению. Поэтому вполне естественным мне видится то, что обстоятельства, при которых он оказывался действующим, хоть и невольным, агентом Священной Инквизиции, стали предметом ряда умопостроений со стороны некоторых моих собратьев-инквизиторов. Подразумевая сей аспект, я выбрала нижеследующий отрывок из архива Каина

для циркуляции в наших кругах. В отрывке собственными словами комиссара дан отчет о самом первом из тех случаев, когда мне довелось использовать его таланты — отчасти сомнительного свойства — после нашей первой встречи на Гравалаксе, которая случилась за несколько лет до описываемых событий.

Проницательный читатель поймет, что отчет Каина о его деятельности во время Первой Осады Перлии предвосхищает некоторые события данного повествования. Однако же в представленном здесь отчете речь идет о событиях, имевших место десятилетие спустя, на раннем этапе службы Каина с Вальхалльским 597-м полком. Поэтому, когда он ссылается на предшествующий опыт, мы должны понимать: все оглядки на прошлое делаются с новым пониманием о происходящем тогда (хотя и не настолько полным, как приобретенное им позже, во время Второй Осады в 999.М41, в самый разгар Тринадцатого Черного Крестового Похода).

Как обычно, отчет Каина о событиях

в основном сосредоточен на его собственном вкладе и практически полностью исключает из рассмотрения все остальные аспекты происходившего, так что, как всегда, мною была предпринята попытка восполнить данный недостаток материалами из других источников там, где я сочла это необходимым. К сожалению, одним из наиболее надежных, хотя и наименее удобочитаемых, свидетельств того периода карьеры Каина продолжает оставаться книга генерала Дженит Суллы, в которой генерал раз за разом обрушивает свое вызывающее всяческое восхищение воинское мастерство на беззащитный готик. Читатели, питающие более чем рудиментарное почтение к литературе, вольны пропустить данные пассажи. Дополнительная достоверная информация является слишком малым вознаграждением за то суровое испытание, каковым будет для них это чтение.

Несмотря на личное участие во многих из описанных событий, мне удалось преодолеть искушение сопроводить отчет

комиссара детальными комментариями и ограничиться сносками и лаконичными вставками, которые показались мне обоснованными. Помимо этого, мое вмешательство проявилось в том, что изначальный неструктурированный отчет был разбит на главы для более удобного прочтения. Основная же часть повествования принадлежит подлинному перу Каина.

Эмберли Вейл, Ордо Ксенос

Глава первая

Ежели я и питал какие-то надежды на спокойное существование по прибытии на Периремунду, им не суждено было продержаться хоть сколько-нибудь долгое время. Хотя не стоит забывать о том, что время — штука весьма относительная. Ко дню прибытия наш полк почти полгода не вылезал из варпа, если не считать немногих дней в реальном космосе Симиа Орихалки на Коронус Прайм, где я давал подробнейший отчет о происшедшем Эмберли и ее лакеям из Инквизиции, — поэтому даже тот факт, что планета нашего назначения была готова скатиться в пучины анархии, не уменьшал энтузиазма, который в солдат вселяла перспектива на ближайшее поддающееся обозрению время оказаться на

твердой земле. Говоря по правде, большинство считало настоящей наградой даже перспективу столкновения с врагом из плоти и крови, а не с металлическим ужасом без лиц, против которого мы выстояли в замороженном мире-гробнице.[1]

— По крайней мере, эти ублюдки умеют истекать кровью, — заявил майор Броклау, выражая общее настроение полка в своей обычной прямолинейной манере.

Полковник Кастин, командир 597-го полка, рассудительно склонила голову, поддерживая суждение своего старшего помощника.

— Знает кто-нибудь, отчего бунтует местное население? — спросила она.

Я в ответ лишь пожал плечами:

— Понятия не имею.

Как обычно, я не удосужился прочитать протокол совещания, проведенного Муниториумом, и, как всегда, считал, что не много потерял. Я знал, что Броклау в подобных вопросах крайне педантичен и старается избавить Кастин от необходимости самой

одолевать все содержащееся в подобных документах многословие, всегда предоставляя полковнику сжатую до нескольких слов суть. А если ни один из них не поставлен в известность о том, с какого перепугу на этой планете готов вспыхнуть вооруженный мятеж, значит, найти эти сведения в протоколе попросту нельзя.

— Подобные ситуации настолько изменчивы, что любые известия, которые ты получили до отбытия с Коронуса, к настоящему моменту безнадежно устарели.

Офицеры согласно кивнули, и, как и много раз прежде, я поразился тому, насколько они разные: рыжие волосы Кастин ярко контрастировали с ее бледной кожей и приглушенными тонами военной формы, в то время как серо-голубые глаза Броклау почти сливались цветом с формой, что в сочетании с темными волосами и таким же бледным, как у полковника, лицом[2] позволяло ему почти без остатка растворяться в

окружающих тенях.

Мы стояли в самом тихом, какой только смогли найти, уголке здания, которое постепенно превращалось в наш командный пункт. Опираясь на ограждение сигнального мостика, мы взирали на просторное помещение с камнебетонным полом. Внизу, под нами, солдаты перетаскивали туда-сюда коробки и оборудование, горячо споря друг с другом касательно того, куда и что предназначается, а наши технопровидцы тянули кабели, причем таким характерным манером, что кто-нибудь менее привычный непременно заподозрил бы попытку самоубийства в их действиях. Но поскольку технопровидцы состояли из металла почти в той же степени, что из плоти, полагаю, что случайный электрический разряд их не смутил бы в любом случае и даже доставил бы удовольствие.

Проще говоря, наша высадка шла своим чередом, с той же оперативностью, что и всегда, я же, как и было заведено, вполне удовлетворялся тем, что стоял в

стороне, предоставляя низшим чинам заниматься их солдатской работенкой и отправляя свои мысли к более масштабным задачам. К примеру, как обеспечить свое пребывание на этой своеобразной планете максимальным уровнем комфорта? Тут, впрочем, я рассчитывал на бесценный дар Юргена, моего помощника, чья незаменимость могла сравниться лишь с невыносимостью его телесного запаха. Так что я вновь обратил все свое внимание на офицеров, будучи уверен в том, что прямо сейчас мой помощник занимается тем, чтобы в мое личное пользование были выделены апартаменты самого высокого класса, а также устраивает мой рабочий кабинет таким образом, чтобы добраться до него можно было только в случае очень и очень острой необходимости.

— Да отчего крестьяне вообще бунтуют? — риторически вопросил Броклау.

Сложно отрицать, что подобные восстания возникают по всему Империуму с завидной регулярностью лишь затем,

чтобы быть подавленными соответствующими полномочными властями, так что, в конце концов, сами по себе они вряд ли представляют сколько-нибудь заметное событие.

Как правило, мятежи оказываются спонтанными и плохо организованными, вспыхивая из-за недовольства действиями властей или из-за несправедливости. Эти вспышки легко гасятся местными службами обеспечения правопорядка либо Силами Планетарной Обороны. Но восстание на Периметунде было иным.

Для начала само по себе было редким то, что настоящая кампания насилия развернулась едва ли не одновременно по всей поверхности планеты, ее не предваряли обычные для событий такого рода сигналы — не было ни беспорядков, ни протестов, ни хотя бы сожжения чучела губернатора.[3] Еще более редким оно было потому, что планета, о которой шла речь, в целом являлась процветающей, населенной лишенными воображения и глубоко верующими в Императора людьми,

а ее губернатор в довершение всего, кажется, не понарошку заботился о благополучии своих граждан.

Да и развертывание в качестве ответной меры десятка полков Имперской Гвардии тоже было чем-то беспрецедентным. Все это подсказывало, что какая-то шишка в командовании субсектора полагала СПО неспособными сдержать ситуацию в случае ухудшения, а это, в свою очередь, намекало на то, что лояльность Сил Планетарной Обороны была поставлена под сомнение. И уж вы можете быть уверены, что этого мне вполне хватило. Ладони мои охватил тот специфический зуд, сигнализирующий, что мое подсознание проводит какие-то связи и рисует такую картину, которая моему прозэнцефалону совсем не понравится, если он решит сфокусироваться на ней.[4]

— Без совещания не обойдется, — произнесла Кастин, проходя вслед за проклинающими все и вся потными солдатами, волокущими рабочий стол полковника в кабинет, который она

зарезервировала для себя; произошло это, как только мы получили в свое полное распоряжение это нагромождение ангаров на периферии посадочного поля космопорта.

Такое расположение гарнизона меня, с одной стороны, более чем устраивало — мне всегда приятно осознавать, что я нахожусь близко к путям отступления на случай, если дела обернутся плохо, а местность, заставленная готовыми выйти на орбиту шаттлами, расположенная на расстоянии, которое можно быстро преодолеть пешочком, — едва ли не наилучшее из возможных обстоятельств. Впрочем, с другой стороны, столь милое моему сердцу расположение означало, что полк, возможно, должен будет осуществить быстрое развертывание и с помощью десантного катера передислоцироваться в любую точку погорячее. Чтобы подобная вероятность осуществилась (если только моим зудящим ладоням можно доверять), не нужно много времени.

Еще одна группа солдат поспешно

проследовала внутрь уютного кабинета Кастин и обратно, добавив в интерьер стульев, подходящих по стилю к рабочему столу, и мы все присели, по-прежнему глядя наружу, на основное помещение склада. Мне подумалось, что полковник поступила правильно, выбрав один из отдельных кабинетов, расположенных на галерее бельэтажа, прилепившегося к стене приблизительно на половине высоты склада, с наружной стеной из стекла, которая выходила прямо на большие ворота, ведущие к погрузочным платформам. Отсюда ее властному взгляду открывалось все происходящее как внутри, так и снаружи.

В данный момент ворота были распахнуты, позволяя непрерывному потоку носильщиков, курсирующих от грузовиков со снятыми бортами, поданных к погрузочным платформам, вливаться в помещение вместе с вихрем снежинок, влетавших снаружи — оттуда, где наши «Химеры» с рычанием пробивали себе путь по тонкой пленке подмерзшей снежной каши. По вальхалльским меркам было

достаточно тепло, и большинство мужчин и женщин, попадавшихся мне на глаза, щеголяли в рубашках с длинными рукавами, у некоторых даже закатанными. Для меня же было довольно прохладно, так что моя комиссарская шинель, в которую я кутался, была как нельзя кстати. Внезапно морозный ветерок принес запах месячной давности носков, полежавших некоторое время в навозе, и в проеме двери появился мой помощник.

— Танны, сэр? — спросил он, выставляя поднос с напитком на недавно занявшую свое место столешницу цельного дерева, вокруг которой мы расположились.

— Спасибо, Юрген, — отозвался я, с благодарностью принимая благоуханную жидкость, и он обернулся, чтобы протянуть чайные чашки Кастин и Броклау, которые почти рефлекторно задержали дыхание при его приближении.

Они пригубили напиток раздумчиво, так что и мне пришлось сдержать побуждение проглотить содержимое своей чашки в один присест, — и все же я ощущал, как тепло постепенно

расплывается по моему телу с каждым глотком. Юрген снова наполнил мою чашку.

— На здоровье, комиссар. — Он протянул мне инфопланшет. — Доставили на ваше имя несколько минут назад.

Я принял его и бегло просмотрел, затем поднял взгляд на офицеров.

— Ну что же, — произнес я, стараясь подавить внезапную вспышку энтузиазма, возникшую от предвкушения представившейся вдруг возможности увильнуть на время куда-то, где хоть немножко теплее. — Полагаю, это возможность получить некоторые ответы.

— От кого? — спросила Кастин, не пытаясь скрыть удивление, — мы находились на поверхности этого грязного шарика всего лишь несколько часов, что вряд ли было достаточным, чтобы кто-либо на Периметунде заметил наше присутствие, не говоря уже о том, чтобы посылать нам сообщения.

— От местного арбитра,[5] — ответил

я, подвинув к ней планшет, чтобы она тоже могла прочесть информацию. — Он желает обсудить, согласно каким протоколам будут распределяться наши полномочия при отправлении правосудия, на случай если вашим мальчикам и девочкам случится слишком бурно провести свободное от несения службы время.

Подобный запрос был обычен для тех случаев, когда тот или иной полк Гвардии останавливался на какой-нибудь планете. Делалось это для того, чтобы, случись солдатам устроить дебош (что они и проделывали всегда, без исключения, и без этого моя должность потеряла бы значительную часть своего смысла), все заинтересованные стороны знали бы, должно ли их передать местному судопроизводству, офицерам военной полиции либо напрямую Комиссариату.

На все эти вопросы, вероятно, было столько же различных ответов, сколько комиссаров на планете, но что касается меня, я всегда просил, чтобы все солдаты, попадавшие в неприятности, были

переданы непосредственно на мое попечение, и изменять спустя много лет привычке, приобретенной еще в самом начале моей карьеры с 12-й полевой артиллерией, не видел никакого резона. Начать уже с того, что у солдат она порождала иллюзию попечения об их благе, у них складывалось мнение, что я сделаю все возможное, чтобы у любого из них было все хорошо, насколько это возможно. Таковое мнение в целом благотворно влияло на боевой дух, и к тому же все эти хлопоты давали мне хороший повод регулярно выезжать из расположения полка, чтобы поискать и для себя более приятные способы провести время. В тех же случаях, когда мне было недосуг либо я был самым честным образом слишком занят, я всегда мог положиться на Юргена в том, что он выполнит за меня всю бумажную работу.

Я пожал плечами:

— Полагаю, было бы возможно просто связаться с ним отсюда, но...

— Вы раздумываете о том, чтобы явиться лично? — спросила Кастин.

Я кивнул:

— Уверен, что он оценит подобную обходительность, а ведь произвести хорошее впечатление никогда не повредит.

Не говоря уже о том, что столица планеты располагалась на добрых пару тысяч метров ниже нас и потому в ней было, черт побери, несколько теплее, чем на Хоарфелле, где мы в данный момент пытались расквартироваться.

Броклау поглядел с беспокойством.

— По крайней мере, сначала отдохните хоть немного, — посоветовал он. — Вы на ногах с тех пор, как мы вышли на орбиту.

— Не долее, чем все остальные, — ответил я, напуская на себя такой вид, будто с трудом сдерживаю зевоту.

По правде говоря, я вовсе не был настолько усталым, потому как сумел урвать немного сна во время спуска на шаттле, что не только меня освежило, но и в качестве дополнительной награды позволило не быть свидетелем неизбежного характерного для Юргена стущения перед атмосферными

перелетами. Я никогда не видел, чтобы его по-настоящему тошнило, потому как подобное было ниже того достоинства, которое, как он наивно полагал, даровала ему высокая должность личного помощника комиссара, но его волнение перед тем, что это может произойти, соединенное с чисто физическим дискомфортом, заставляло его потеть, подобно орку, что, в свою очередь, позволяло обычному букету его запахов расцветать до поистине ошеломительной силы.

Я снова пожал плечами:

— К тому же это слишком хорошая возможность, чтобы ее упускать. Если кто-то и может нам сказать по всей правде, что здесь происходит, то это местный арбитр.

— Верно подмечено, — согласилась Кастин. — Конечно же, если вы сами чувствуете себя готовым к подобному визиту. — Она строго взглянула в мою сторону. — Все, что вы сможете у него вызнать, окажется гораздо более надежным, чем та лапша, которую мы

получаем по обычным каналам.

— Именно это я и хотел сказать, — отозвался я. — А чем больше мы знаем о том, с чем предстоит столкнуться здесь, тем лучше сумеем с этим справиться.

Конечно же, рассматривая эти надежды с перспективы прошедшего времени, я должен признать, что они оказались пустыми, но на тот момент у меня не было ни малейшего представления о том, насколько мало кто-либо осознавал истинное положение дел на Периметре. Кроме горстки людей, которые, наоборот, знали слишком много, чтобы спать спокойно.

Примечание редактора

Хотя Каин и высказывается достаточно ясно о необычных топографических чертах Периремунды, делает он это лишь в той мере, которая ему кажется необходимой. Его отношение к подобным аспектам повествования вынуждает меня прервать его собственное изложение следующим отрывком, который, как я надеюсь, сделает многие из последующих событий более понятными.

Из произведения Жервала Секара «Скучные люди в интересных местах: путевые заметки скитальца», 145.M39:

Как и у многих миров, обладающих необычными

чертами, ранняя история Периремунды скрыта пеленой домыслов и легенд. Достоверно известно, что впервые открыта она была в середине M24 исследователем Ацером Альбой лишь затем, чтобы быть наглухо забытой до самой его безвременной кончины, наступившей, вероятно, в момент защиты чести какой-нибудь куртизанки и пресечения притязаний на ее внимание. Планета была наконец колонизирована в ранние годы двадцать седьмого тысячелетия, вслед за обнаружением записок Альбы, что было сделано магосом Провокари, неустанным искателем неведомого, чьи неортодоксальные взгляды частенько навлекали на него насмешки со стороны коллег.

Делает же эту планету хотя бы и ненадолго, но

достойной внимания разборчивого путешественника тот факт, что мир сей является по большей части неподходящим для жизни. Экваториальные области его настолько горячи, что остаются в прямом смысле расплавленными, и сам камень там поднимается, кипя, из-под поверхности постоянно движущегося моря жидкой магмы, в то время как остальная часть поверхности представляет собой иссушенную пустыню, в которой, кажется, не может обитать ничто живое. Но конечно же, в этом мире имеются уголки, условия жизни в которых не хуже, чем на других удостоившихся большей милости Императора мирах. Обширные плато, слишком многочисленные, чтобы назвать точное их количество, возвышаются над засушливым

основанием, поднимаясь на такие высоты, где воздух достаточно прохладен и сама жизнь становится возможной; сотни наиболее крупных из них простираются иногда на десятки километров в поперечнике, и на них располагаются города, фермы, мануфактуры, дающие Периремунде возможность сравниться с теми гостеприимными планетами, которые большинство из нас счастливы называть своим домом.

Климат и температура изменяются здесь в зависимости от высоты, позволяя пресыщенному путешественнику наблюдать все разнообразие природных условий, не прилагая к этому усилий больших, чем те, что требуются, дабы нанять воздушный автомобиль с водителем, — хотя, как это

часто случается на окраинных планетах, рекомендуется проявлять разборчивость всегда, когда вам потребуется найти место для отдыха, потому как самые престижные местные отели могут, при ближайшем рассмотрении, предоставлять путешественникам лишь самые базовые удобства.

Глава вторая

И действительно, арбитр оказался польщен моим предложением обсудить наши дела лично, и не в малой степени, как мне показалось, оттого, что репутация моя летела впереди меня, как это нередко случалось, и прошел едва ли час, прежде чем мне вновь пришлось ощутить, как земля уходит подо мною вниз. Юргену удалось забронировать нам места на курьерском шаттле, направлявшемся по срочному поручению в Принципиа Монс,[6] Главную Гору, и законная гордость, испытываемая им по этому поводу, лишь слегка была подпорчена осознанием того, что он создал самому себе необходимость снова подняться в воздух во второй раз за день.

Несмотря на это, Юрген переносил

свои мучения с флегматичным стоицизмом, с которым принимал любые удары судьбы, так что лишь густеющий запах вокруг него и побледневшие костяшки пальцев являли молчаливое свидетельство того дискомфорта, который он начал испытывать раньше, чем мы прибыли на посадочную площадку (хотя, если уж мы говорим о Юргене, я полагаю, немного точнее будет сказать, что суставы его пальцев приобрели более бледный оттенок глубоко въевшейся грязи). Вероятно, для нас обоих было бы гораздо удобнее, если бы мне не пришлось брать его с собой, но правила этикета требовали, чтобы мой помощник сопровождал меня во время официального визита к имперскому официальному лицу столь высокого ранга. Так что нам обоим оставалось лишь терпеть, что для Юргена означало не обращать внимания на бунтующий желудок, а для меня — не живописать себе реакцию арбитра, когда мы вместе предстанем перед ним.

Возможно, именно по этой причине я перенес все свое внимание на ландшафт,

постепенно остающийся внизу, под нами, в первый раз по-настоящему взглянув на ту планету, которую мы прибыли защищать из такого далека. Утом я понимал, что мы оказались, будто на насесте, на самом высоком и наиболее безрадостном из плато этого мира-мозаики, но, лишь увидев реальность с высоты по-настоящему, я понял странность нашего расположения.

Сам Хоарфелл был огромен, простираясь на такое количество клоков,[7] что, когда мы высаживались из десантного катера, нам казалось, планета ничем не отличается от других миров Империума. Теперь же, когда наш челнок увалился на юго-восток, я понял, что впервые могу оценить уникальность этого плато.

Первым, что привлекло мое внимание, было посадочное поле, на котором мы изначально приземлились и которое, как и все подобные наземные обслуживающие объекты, разбросанные по лику планеты, сочетало в себе функции космопорта и аэродрома для местного

сообщения. Последняя, конечно же, имела немалое значение, учитывая примечательную топографию этих мест. За очень редким исключением, когда соседние обитаемые плато оказывались достаточно близкими и схожими по высоте, чтобы позволить сооружение между ними виадуков, путь по небу был единственным способом перевезти что-либо от одного маленького островка жизни к другому. Как результат объем воздушного движения, пересекающего планету во всех направлениях, был по-настоящему ошеломительным, и это учитывая скромную численность населения — около миллиарда человек. Даже за время нашего короткого путешествия к Принципиа Монс, которое заняло менее часа, мне удалось отметить не поддающееся исчислению количество всевозможных летучих транспортных средств — от двухместных небесных машин до медлительных грузовых дирижаблей размером с ангар, — вокруг которых суетились, подобно насекомым, рои более мелких самолетов.

По мере того как мы поднимались над городом Дариен — наиболее плотной жилой агломерацией Хоарфелла, — я понял, что нескончаемый рой ярких металлических насекомых, кружащихся над посадочными площадками, постепенно уменьшающимися вдали, напоминает мне гнездо огненных шершней на Кальцифри (которое оказалось необыкновенно полезным для того, чтобы отпугнуть отряд эльдарских разбойников, преследовавших меня, — но это я отвлекаюсь от темы). Хотя самое плотное скопление воздушного транспорта висело над аэродромом, немалая его часть роилась и над прочими районами города, в основном частные малотерные суда и воздушные машины. Я сделал себе мысленную заметку — посоветовать Кастин как можно быстрее развернуть наши «Гидры» на позиции: мне не нравилось, что в воздушном пространстве над нашим гарнизоном будут порхать все кому не лень. Конечно же, как оказалось, Кастин приняла это решение и без моих советов и к моменту моего возвращения

уже ввела исключительную воздушную зону с радиусом достаточно большим, чтобы она широко простиралась вокруг нашего расположения, и этим весьма разозлила местных диспетчеров.[8]

По мере того как мы поднимались все выше, прочь от города, мне удалось лучше разглядеть окружающий его ландшафт, представлявший собой дикие пространства снега и льда, сквозь которые прорастали холмы и эскарпы приглушенных черных и серых тонов, пронизывающие свинцовые облака над ними, так что было трудно различить, где же кончается камень и начинается испаренная влага. Где-то среди этих возвышенностей расположилась и самая высокая точка планеты, но я не мог сказать, которая из расплывающихся клякс является ею, да и не очень-то интересовался.

Затем внезапно этот ландшафт оборвался ошеломляющей крутизной. Мне хватило времени на то, чтобы кинуть самый краткий взгляд на гладкую поверхность обрыва, глубина которого

была более чем потрясающей, хотя и едва просматривалась, окутанная скрывающим все сумраком, — прежде чем нас самих окутало туманом, что взвился вокруг нашей хрупкой маленькой машины и полностью скрыл собой окружающий мир.

К счастью, мой первый взгляд на Принципиа Монс оставил гораздо более благоприятное впечатление. По мере нашего спуска облака истончались, поначалу лишь становясь белее, а затем и совершенно раздались в стороны, позволив столбам яркого солнечного света пробиться сквозь завесу и явив небо весьма примечательного ярко-голубого цвета (или оно показалось таким только мне, вынужденному последние несколько месяцев провести на звездных кораблях). Юрген пребывал не в своей тарелке, хотя не более, чем обычно, так что я оставил его в покое, снова переключив внимание на вид за иллюминатором, с нетерпением ожидая увидеть, что же откроют отступившие облака.

Не будет преувеличением сказать,

что за свою жизнь я повидал немало примечательных ландшафтов — от шпилей самой Святой Терры до северных сияний Фабулона, но панорама Периметунды была единственной в своем роде. Внизу, под нами, последние капли дождя исчезали, превращаясь в водяной пар, поднимаясь вновь вверх, чтобы сложиться в новые облака, никогда не достигая иссушенной поверхности мира, где голые, обожженные камни перемежались океанами зыбучих песков.

В какой-то момент мы пролетали над песчаной бурей, такой, что содрала бы плоть с костей незащищенного человека за считаные секунды и достигала нескольких километров в высоту, но все равно оставалась настолько далеко внизу, что казалась лишь тонкой пленкой пыли, несомой по поверхности планеты. Режущие глаза вспышки электрических разрядов блестели и сверкали глубоко в ее сердцевине, зловеще вторя звуковой волне, остающейся за нашим быстро несущимся вперед воздушным судном. И во всех направлениях до самой границы видимости

поднимались колонновидные скалы, отделенные друг от друга десятками или сотнями километров, стоящие одиноко и гордо, подобно стволам некоего необъятного окаменевшего леса.

Их вершины сверкали и бурлили жизнью, что составляло безоговорочный контраст с величественной пустотой, их окружающей. Когда путь наш пролегал неподалеку от какого-нибудь из этих плато, мне удавалось рассмотреть леса и озера, холмы и долины и те признаки человеческого жилья, которые невозможно было спутать ни с чем, и все это было похоже на виварии, которые иногда держат любопытные дети.

За время нашего путешествия мы пересекли или миновали десяток или около того этих примечательных пиков, хотя большинство из них пронеслись мимо настолько быстро, что у меня едва ли было время разглядеть какие-либо детали. Местность на некоторых из них была сравнительно открытой и, похоже, давала кров каким-то сельскохозяйственным общинам, в то время как другие будто бы

полностью заросли лесом, задушенные таким обилием перепутанной растительности, которое пришлось бы по нраву лишь катачанцу. Некоторые, как мне показалось, были заселены людскими сообществами, застроены небольшими городами, в то время как другие, шириной не более километра, казались совершенно необитаемыми.

Откуда-то я припомнил статистические данные о том, что примерно восемнадцать тысяч подобных плато, разбросанных по поверхности планеты, обитаемы,[9] и содрогнулся при мысли о логистических проблемах, которые этот факт подразумевал для сил Имперской Гвардии, разворачивающихся для их защиты.

Даже будучи разбитыми на отдельные отряды, что есть полный абсурд, наши полки не будут в состоянии защищать и малой части этих поселений. Все, что нам оставалось делать, — это ждать и надеяться, что наши враги проявят себя открыто там, где мы

сможем собрать против них наши силы воедино. Конечно же, надежда на это была весьма жалкой, если только противник знает свое дело, а то немногое, что нам известно о нем на данный момент, говорило, что знает. Если какая-то планета когда-либо и приближалась к идеалу места для ведения партизанской войны, то это была именно Периремунда.

Возможно, и к лучшему, что у меня не нашлось времени, чтобы предаться подобным пессимистическим размышлениям. Юрген наконец приподнялся из кресла с вопросительным и полным надежды выражением лица.

— Вы полагаете, мы прибываем, сэр? — спросил он.

Я кивнул и отозвался:

— Должно быть, так.

В подобном мире могло существовать лишь несколько по-настоящему урбанизированных мест, и я сомневался, что остальные настолько же плотно застроены, как Принципиа Монс. Слабая дрожь пробежала по корпусу нашего маленького кораблика, когда он начал

замедляться, позволив скорости движения стать меньше, чем скорость исходящей звуковой волны, и рев двигателей стал басовитым. Мы могли созерцать открывшийся город, пока шаттл медленно снижался, направляясь к посадочному полю.

Принципиа Монс был во многих отношениях приятно узнаваем, поскольку всю поверхность плато покрывал расползшийся во всех направлениях лабиринт жилых построек, мануфакторий, храмов и других подобных строений, которые можно увидеть на подлете к любому достаточно густо населенному городу Империума. Несколько открытых участков оставались незастроенными, в основном возле крутого обрыва, который являл собой границу этого примечательного города, похожего на орлиное гнездо. По периметру города было разбито с полдюжины парков, а еще один находился почти в самом центре, окружая нечто, что выглядело как укрепленный замок,[10] но в целом местечко это казалось целиком и полностью урбанизированным.

Когда мы приблизились, я смог разглядеть, что верхний километр или около того каменного столба был источен, подобно сотам, туннелями, выходившими наружу строениями и индустриальными зданиями, что лепились прямо к каменной стене. В целом все это производило такой эффект, который не мог не вызвать ассоциации с миром-ульем, и при этой мысли я ощутил слабый, но теплый намек на ностальгию.[11]

Впрочем, долго это ощущение не продлилось, быстро сменившись осознанием того, что, несмотря на возвышенное положение, планетарная столица обладает подземным «чревом», которое могло бы дать фору обычным городам. Как свидетельствовал мой опыт, смутьяны склонны кучковаться в подобных подземных лабиринтах, подобно тому как мусорные крысы тяготеют к сточным трубам, и уж когда им удается там угнездиться, вытравить их оттуда — работенка, достойная самого Хоруса.

Впрочем, это не моя проблема,

строго сказал я себе, потому как более чем достаточно нахлебался подобного на Гравалаксе и Симиа Орихалке. В любом случае мое место было с 597-м на Хоарфелле, который, как бы холоден и неприветлив ни был, по меньшей мере имел то преимущество, что нижних уровней, благоприятных для разведения еретиков, на нем не наблюдалось. Впрочем, времени на дальнейшие подобные размышления у меня не осталось, поскольку внезапно возросшее давление на позвоночник сообщило о том, что включились маневровые двигатели, и уже через несколько минут мы снова были на твердой земле, к красноречивому, хоть и невысказанному, облегчению Юргена.

На посадочной площадке нас встретил свежий ветер, слегка окрашенный ароматами сгоревшего прометия и остывающего металла, но, несмотря на это, приятный, и я рефлекторно зажмурился. Солнце еще не касалось горизонта, и, хотя первые краски заката начали расцвечивать облака над

нами, светило все равно казалось ослепительным по сравнению с безрадостным сумраком снеговых облаков, укрывающим Дариен. Веяло приятным теплом, и я расстегнул шинель, стараясь держаться подветренной стороны от Юргена. Я служил с ним вместе уже достаточно долгое время, дабы понимать, что за внезапным потеплением последует его телесный запах. Кинув взгляд окрест и сориентировавшись в обстановке, я отметил:

— Кажется, нас ожидают.

Через посадочную площадку от здания терминала к нам приближалась наземная машина, эскортируемая по флангам двумя верховыми, восседающими на моноциклах, чьи передние крылья были увенчаны хлопающими на ветру флажками с эмблемами Адептус Арбитрес. Мой помощник кивнул, отступая в сторону, чтобы дать дорогу сервитору, который был настолько поглощен задачей — забрать депеши из трюма почтового шаттла, — что даже не заметил нашего присутствия.

— По высшему разряду все устроили, — одобрительно отметил мой помощник.

Если и было что-то, к чему Юрген питал пристрастие, если не считать планшеты с порнографией, так это дотошное следование протоколу, желательно с максимально возможной помпезностью и церемониальностью. «Саламандра» или армейский грузовик мне вполне подошли бы, если честно. Хотя если бы мне было известно заранее, к чему приведет это маленькое проявление учтивости... Но в тот момент, надо признаться, я почувствовал себя вполне польщенным. Мне не так уж часто приходилось путешествовать в лимузинах, и уважение, которое было мне таким образом оказано, казалось добрым предзнаменованием. Прием, на который я должен был таким образом быть доставлен, обязан пройти хорошо.

Машина с легким шорохом остановилась у подножия посадочного трапа, и молодой человек в ладно сшитой форме выскочил из нее, чтобы приветствовать нас: меня — четкой

отдачей чести, а Юргена — косым взглядом, в котором читалось плохо сдерживаемое изумление.

— Комиссар Каин? — спросил он, как будто что-то позволяло сомневаться в данном факте, и я кивнул, отдавая честь в своей лучшей парадной манере.

— Все верно. — Я указал на своего зловонного спутника. — Мой личный помощник, стрелок Ферик Юрген.

— Юстикар[12] Биллет Найт. — Молодой человек кивнул Юргену со всей учтивостью, которую только смог изобразить, вне сомнения отмечая для себя контраст между своей собственной, без единой складочки формой и весьма неряшливой манерой моего помощника: на Юргене форменная одежда словно старалась отодвинуться как можно дальше от тела и, казалось, висела больше вокруг, чем на нем самом. — Арбитр Киш выслал меня встретить вас.

— Это очень любезно с его стороны, — произнес я, кивком поприветствовал наш

эскорт и утонул в сиденье настолько мягком, что мне на мгновение подумалось, что выбираться из него придется, прорезая путь цепным мечом. Ни один из сопровождающих, казалось, на меня не взглянул, хотя отражающие забрала их шлемов не позволяли утверждать это с уверенностью. Я подавил промелькнувшее было воспоминание о некронах и опустил стекло, поскольку как раз в этот момент Юрген втиснулся следом за мной, снимая лазган с ремня, дабы протолкнуть его через дверь (как и большинство солдат Гвардии, он скорее отрезал бы себе руку, чем отправился бы куда-то без своего оружия, и этой привычке я оказывался более чем благодарен несчетное количество раз). — Я должен признать, что все организовано гораздо более комфортабельно, чем я мог бы ожидать.

Небольшой застекленный шкафчик из дерева наал, который сам по себе, вероятно, стоил больше, чем тот челнок, на котором мы прибыли, предоставлял в наше распоряжение шесть хрустальных бокалов и несколько полных графинов.

Обнаружив, что один из них содержит в себе амасек весьма выдающейся выдержки и аромата, я налил себе добрую меру и откинулся на сиденье, готовый к тому, чтобы насладиться поездкой.

— Это личная машина арбитра, — сообщил нам Найт с оттенком гордости в голосе, явно наслаждаясь своим положением, благодаря которому он, несомненно, был одним из немногих юстикаров, которым доводилось поиграть этой дорогой игрушкой. — Я его личный секретарь.

— Что ж, вне сомнения, мне следует лично поблагодарить его при встрече, — сказал я, краем глаза отмечая выражение лица Юргена и быстрым жестом пресекая неизбежное соревнование, которое непременно должно было начаться между двумя помощниками за то, чтобы выявить, чье же положение выше теперь, когда Юрген осознал, что Найт шишка покрупнее, чем просто шофер.

Найт также уловил намек и проследовал на место водителя, бесконечно благодарный судьбе за то, что

между ним и пассажирским салоном находится лист бронекристалла.

На первый взгляд Принципиа Монс мало отличался от любого другого имперского города, который мне случалось посетить за последние несколько лет, если не считать отсутствия повреждений от залпов артиллерии. Машина наша неслась по широкому проспекту меж зданий приятных пропорций, и, казалось, нехватка места на плато, которое занимает город, не оказала видимого влияния на местную архитектуру. Я ожидал большей тесноты, но в целом открывшийся вид, к моему удивлению, не производил впечатления скученности. Спустя некоторое время я сообразил, что подобное кажущееся противоречие объяснялось наличием обширного подземного города, который я отметил при подлете: периремундцы просто-напросто строили вниз, а не вверх (хотя я на их месте не был бы слишком счастлив подобному раскладу, потому как это означало ослаблять верхушку того столба, на котором сидишь, но, как я

решил для себя, они должны сами разуметь, что делают).

Таким образом, это была во всех отношениях приятная поездка, по крайней мере до того момента, как кто-то попытался нас прикончить.

Глава третья

Если уж говорить о засадах вообще, то, должен признать, конкретно эта была устроена чисто и профессионально. Полагаю, я должен был ожидать чего-то подобного, будучи предупрежденным еще до нашего отбытия с Коронуса, что мятежники, против которых мы выступаем, хорошо организованы и действуют с эффективностью, совершенно непропорциональной их численности, но незнакомый вкус роскоши и непритворная естественность тех уличных сцен, что проплывали за окном, убаюкали меня, внушив ложное ощущение безопасности, шедшее вразрез с редко изменявшей мне паранойей.

Верховой эскорт расчищал нам путь, сверкая огнями и завывая сиренами, так

что постоянный поток гражданского транспорта, который в другом случае затруднял бы наше приближение, суетливо, с угодливой поспешностью расступался перед нами; оттого я совершенно не удивился, когда заметил, что за нами в кильватере следует больших размеров, чем у нашего эскорта, и более тяжелый моноцикл, — он использовал тот свободный фарватер, что мы оставляли за собой, дабы двигаться с гораздо большей скоростью, чем мог рассчитывать на обычно запруженных городских дорогах. Лицо водителя было скрыто защитным шлемом, похожим на те, которые были у нашего эскорта, — за исключением того, что по нему струилось яркое изображение пламени, повторяющее красно-желтую раскраску самого моноцикла; на самом водителе была ярко-красная кожанка, как и на его пассажире. Девушка, что ехала на заднем сиденье, была, впрочем, с непокрытой головой, если не считать пары очков-банок, и ее золотисто-каштановые волосы хлестали по ветру, подобно штандарту, так что я

даже подавил побуждение помахать ей рукой, когда они приблизились.

— Что за черт... — произнес Найт, голос которого эхом раздался у меня в боксе как раз в тот момент, когда он вдавил тормоза со внезапностью, которая вырвала меня из объятий мягкой обивки и едва не заставила расплескать амасек. Прямо перед нами оказался большой транспортный агрегат, развернутый поперек проезжей части, причем его кабина, будто клин, втиснулась между быками, поддерживающими виадук. Очевидно, водитель не рассчитал габариты, стараясь съехать на обочину, уступая нам путь, застрял да так и бросил свой большегрузный трейлер болтаться посреди дороги, перекрывая ее. — Уберите эту штуку!

— Уже занимаюсь этим, — заверил его один из моноциклистов эскорта, очевидно на той же самой частоте, и дал газ, отдаляясь от нас.

Он боком затормозил возле кабины и принялся горячо браниться с водителем.

— Что-то тут не так, — произнес я,

ощущая знакомый зуд в ладонях.

Водитель уже должен был находиться вне кабины, по меньшей мере осматривая повреждения или хотя бы из уважения к полномочиям юстикара, который его теперь распекал. Доверяя моим инстинктам безоговорочно после всего, через что нам довелось вместе пройти, Юрген поднял лазган, который до сих пор просто лежал у него на коленях, и снял с предохранителя.

— Что вы хотите сказать, сэр? — спросил Найт за секунду до того, как моноцикл, который прежде следовал за нами, с ревом возник сбоку и я понял, что гляжу в дуло автоматического дробовика.

Девушка, держащая его, улыбнулась мне — причем в широком рту на ее угловатом лице, как мне почему-то показалось, оказалось слишком много зубов, — после чего нажала на спусковой крючок. Шикарный салон автомобиля заполнил громкий треск, и мгновение я с удивлением размышлял, отчего еще не мертв, но затем ни с чем не сравнимый запах ионизированного воздуха сообщил

мне, что Юрген сумел выстрелить первым. Девушка кувырнулась с заднего сиденья моноцикла, и крупнокалиберный бронебойный патрон, очевидно предназначенный для того, чтобы пробить окно из бронекристалла (нападавшие вполне могли ожидать его в такой машине, и, вероятно, оно не было бы опущено, если бы меня сопровождал менее пахучий помощник), взрезал вместо этого усиленный корпус автомобиля в каких-то сантиметрах от моего плеча.

— Это что за чертовщина? — вопросил Найт, который соображал, кажется, несколько туговато для агента имперского правосудия, впрочем, извинительно для человека, которому нужно было следить за дорогой.

— Засада! — кратко откликнулся я, вытаскивая лазерный пистолет, но так и не получив возможности использовать его против водителя моноцикла, все еще державшегося рядом с нами.

Теперь уж Найт отреагировал мгновенно, заставив тяжелую машину вильнуть в сторону и, будто тараном,

сметя противника с дороги. Наш неудавшийся убийца ударился о поручень безопасности, описал изящную параболу и отскочил от контрфорса моста, путь под которым, конечно же, все еще был блокирован фраговым грузовиком.

— Его мне не объехать, — доложил Найт, тормозя с разворотом, который после удара о пару других наземных машин привел к тому, что лимузин наш полностью остановился, обращенный теперь в противоположном направлении, с которого наплывал, казалось, бесконечный поток попавшего в безвыходную пробку транспорта, заполняя каждый квадратный метр камнебетона в зоне видимости, подобно воде, заполняющей кадушку.

Легкий грузовик, принадлежащий, если верить яркому знаку на его борту, ассенизаторской конторе, ударился нам в борт, намертво придавив двери.

— Эта сторона тоже заклинена, — любезно сообщил Юрген, затем выпустил еще один лазерный заряд, на этот раз по гражданскому в жилете с узором в желчно-зеленую и оранжевую клетку, чьи

выкрашенные в фиолетовый цвет волосы стояли на его голове так, будто он только что засунул палец в электрическую розетку.

Сам по себе жилет был достаточно отвратителен, чтобы оправдать высшую меру в отношении обладателя, но причина, почему Юрген выбрал его своей целью, была гораздо более прагматичной — парень был вооружен дробовиком того же типа, который пытались использовать против нас затейники-моноциклисты лишь несколько секунд назад; и, вне сомнения, у них это получилось бы, если бы мое простительное желание глотнуть свежего воздуха не позволило Юргену выстрелить первым.

— Мы в ловушке! — констатировал Найт, причем прозвучало это скорее зло, чем испуганно, что, я полагаю, показалось бы весьма обнадеживающим, если бы сам я не паниковал к тому времени так, что хватило бы на всех нас.

Мистер Отвратительная Жилетка нырнул в укрытие за машиной, полной вопящих гражданских, которые посыпались

прочь из нее и кинулись бежать; я же огляделся, надеясь обнаружить наш эскорт, который по идее должен был быть неподалеку. Но поле зрения было перекрыто во всех направлениях.

— Нет, ничего подобного, — произнес я, движением большого пальца переводя цепной меч на самую большую скорость, после чего резко поднял его над головой.

Пассажирское отделение наполнилось искрами и запахом горелого, но все же я справился с задачей резки усиленного металла; и спустя некоторое время мне удалось откинуть достаточно широкий кусок крыши нашего экипажа, чтобы червем протиснуться наружу, на крышу.

Там я, как, впрочем, вы можете быть уверены, задерживаться не стал, поскольку идея представлять собой очевидную мишень никогда не стояла высоко в списке моих желаний. Соскальзывая вниз в поисках какого-нибудь укрытия, я постарался восстановить в памяти то, что успел увидеть.

Обладатель дробовика и дурного вкуса занял удобную позицию для того, чтобы

сделать жизнь нашу весьма неприятной в тот самый момент, когда нам вздумается высунуть голову или еще как-то подставиться под прямой огонь. Я знал, что дробовики могли еще и быть заряженными всяческими сюрпризами, и сомневался, что наши враги, кем бы они ни были, ограничат свой выбор чем-то столь банальным, как дробь или пули. Само по себе количество крутившихся вокруг гражданских не позволяло угадать, сколько же еще из них имеют к нам претензии огнестрельного характера, но в том, с какой стороны ждать атаки, я не сомневался. Ныряя за обнадеживающе массивный борт бронированного лимузина, я увидел, как водитель грузовика, того самого, который перегораживал дорогу, выпрыгнул из кабины, сжимая в руке лазерный пистолет.

— Семь неприятелей приближаются к «Катящемуся правосудию»![13] — передал тот из наших сопровождающих, который в самом начале был послан разобраться с затором. Затем раздался треск ружейного

выстрела. — Поправка, шесть продолжают движение, с одним покончено.

— Ролин, Доуз, ко мне! — приказал Найт, при этом голос его приобрел особенный ровный тембр, который выдает того, кто осознанно старается контролировать себя, несмотря на выброс адреналина, достаточный, чтобы разбудить впавшего в спячку кета. — Всем, кто находится поблизости, проследовать к нашим координатам!

— Я все еще не могу покинуть укрытие, — отозвался один сопровождающий, и треск ручного оружия был подтверждением его словам.

Второй голос зазвучал на том же канале, вероятно принадлежащий второму из них, куда бы он ни подевался:

— Вижу его, Доуз. Он за тем красным спортивным автомобилем, от тебя на два часа. Я могу обойти его и снять.

— Отставить! — отрезал Найт. — Возвращайтесь сюда и охраняйте комиссара.

Полагаю, вы со мной согласитесь, что слова эти звучали ободряюще, но я

достаточно представлял себе расклад, чтобы понимать, насколько проще это было сказать, чем сделать. У Ролина было больше шансов остановить лавину с помощью чайной ложечки, чем пробиться сквозь окружающую нас толкотню, и то же самое относилось к подкреплению, вызванному Найтом. Если нам и суждено уцелеть в сложившейся ситуации, то позаботиться об этом должен я сам, как обычно.

Ну или почти сам. Знакомый запах за спиной принес добрую весть о том, что ко мне присоединился тот единственный помощник, на которого я мог по-настоящему рассчитывать.

— Юстикар снял одного, — подтвердил Юрген, втискиваясь в зазор между передним бампером нашей машины и моторизованной трехколесной повозкой с большой металлической коробкой, установленной между двумя передними колесами.

Судя по аромату зеленоватых соевых ростков, который она источала, и одеянию растерянной девушки-водителя, что

глядела на нас так, будто перед ней внезапно выскочила пара орков, эта штука была полна чего-то съестного, предназначенного для уличной продажи. Юрген снова поднял лазган и дал очередь в направлении обладателя дробовика.

— Фраг! Промазал по этому гретчелюбу. — Он кинул взгляд на тихонько скулящую уличную продавщицу и залился краской. — Простите, мэм. Не сообразил, что здесь леди.

Неуместность этой демонстрации хороших манер убедила девушку в том, что она не галлюцинирует, по крайней мере, она конвульсивно сглотнула.

— Ничего, не обращайте на меня внимания, — выдала она, причем голос ее дрожал гораздо меньше, чем я того ожидал. Очевидно, приободренная до той меры, которая вообще была возможна в текущих обстоятельствах, девушка нервно откашлялась. — Кто вы такие? И какого варпа происходит?

— Кайафас Каин, полковой комиссар, Пятьсот девяносто седьмой Вальхалльский. Мой помощник, стрелок

Юрген. А происходит террористическая атака, — сказал я, удовлетворяя ее любопытство настолько кратко, насколько мог, прежде чем вернуть свое внимание к тому, что было в данный момент важным.

Доуз вывел из строя как минимум одного из нападавших и поддерживал перестрелку с другим. Это оставляло нам пять противников, вполне возможно приближающихся к нашему местоположению. Об одном из них мы знали, и он никуда не мог от нас деться, что оставляло четверых, о которых мы не имели ни малейшего представления. Ладони мои снова начали зудеть.

— Где остальные нападающие? — передал я по воксу, надеясь, что Ролин или Доуз могут меня проинформировать. Но конечно же, это было бы слишком крупной удачей.

— Потерял в толпе, — любезно отозвался Ролин.

— Да какого фрага! — взорвался я. — Глазами гляди! Все, кроме них, должны уже разбегаться прочь!

Внезапно заряд из стаббера пробил

дыру в металлической коробке трицикла, и его обладательница, взвизгнув, нырнула мне под ноги, будто перепуганный щенок. Я кинул взгляд наверх как раз вовремя, чтобы увидеть молодого человека в одеянии чиновника Администратума невысокого ранга. Он стоял на крыше ассенизаторского грузовика и выверял прицел. Прежде чем он закончил это дело, я, вскинув цепной меч, перерубил ему ногу в колене, и он рухнул на камнебетон перед нами, где я сумел отделить его голову от тела одним простым взмахом. Продавщица закусок снова взвизгнула, когда покрашенные зеленым пряди в ее волосах дополнились кроваво-красным, что был ей куда менее к лицу.

— Еще одним меньше, — доложил я. — Найт, вы, фраг побери, где?

— Уже иду, — отозвался юстикар, появляясь наконец-то на крыше лимузина, и тяжелый стаббер у него в руках сразу сделал ясной причину его долгого отсутствия: вне сомнения, все это время он копался в каком-то хорошо замаскированном оружейном ящике.

Развернув свое орудие, он срезал градом крупнокалиберных зарядов переднюю часть автомобиля, за которым нашел укрытие вооруженный дробовиком террорист. Отвратительная Жилетка откатился в сторону, поднимая оружие, но, прежде чем он сумел выстрелить, Юрген всадил ему в грудь короткую, сдержанную очередь, так что тот, подергавшись еще мгновение, затих. Найт, обернувшись, поглядел на меня и отсалютовал стаббером.

— Вычеркивайте троих, — произнес он с ноткой самодовольства в голосе.

Затем, прежде чем я сумел сказать что-нибудь полезное, вроде «Слезай, к фрагу, вниз, ты, идиот», новый выстрел из дробовика попал ему в грудь, и он тяжело рухнул на землю. Нагрудник бронежилета, кажется, принял на себя основную силу удара, но и крови тоже было порядочно. Через секунду юстикар сумел подтянуться, чтобы принять более-менее вертикальное положение и привалиться к корпусу машины, не вставая при этом с проезжей части, но, насколько я мог судить,

большого толку в бою от него с этого момента ждать не приходилось.

— У нас раненый, — отметил Юрген, как будто это могло укрыться от моего внимания, но, полагаю, его слова могли предназначаться и для слушающих нас сопровождающих.

— Контакт с противником, — доложил Ролин за мгновение до того, как это стало очевидно по треску выстрелов ручного оружия. — Две вражеские единицы, женщины, кажется, вооружены автоматами.

Возникла секундная пауза.

— Одна прорывается на вашу позицию...

Затем на вокс-канале внезапно воцарилось молчание.

— Ролин выведен из строя, — почти сразу же подтвердил Доуз. — Противник, с которым я вел перестрелку, отступает. — В голосе его прорезалась нотка недоумения. — Зачем бы им так делать? Он же держал меня прижатым к месту.

— Не знаю, — откликнулся я, в то время как мои ладони зудели уже вовсю, —

но их действия, кажется, отлично координируют.

Я взглянул на остывающие тела тех террористов, от которых мы успели избавиться. Ни на одном из них не было видно никакого рода коммуникационного оборудования.

— Возможно, вы видите того, кто ими командует?

— Никак нет, — откликнулся Доуз. Он уже не скрывал недоумения. — Если уж на то пошло, я не заметил, чтобы кто-нибудь из них вообще говорил.

Ужасающее подозрение начало шевелиться в глубине моего сознания. Впрочем, в тот момент у меня не было времени побеспокоиться о нем, потому как грянула настоящая канонада направленного против нас огня.

— Император, защити нас, мы все умрем! — простонала продавщица закусок, так плотно вжимаясь в камнебетон, словно хотела сойти за один из знаков разметки.

Каким бы вероятным ни был подобный исход, вряд ли подобные замечания могли

нам помочь, так что, пока Юрген возвращал нападавшим любезность в виде пары-другой неприцельных очередей, просто направленных в ту сторону, откуда на нас сыпался металл, я посмотрел на девушку своим самым комиссарским взглядом.

— Мы пока еще не мертвы, — произнес я со всей уверенностью, какую только смог собрать. — И мы не погибнем. Я принес клятву защищать Империум от врагов Императора, когда надел форму, и сегодня вы — та часть Империума, которую я должен защитить. Ну хорошо же...

Тут я запнулся, внезапно вспомнив, что не имею ни малейшего представления о том, как девушку зовут. Та кивнула, с очевидностью разгадав мое затруднение.

— Земельда Клет. — Она глубоко вздохнула и распрямилась, подбирая стаббер, оброненный молодым человеком, которого я чуть раньше разъединил на три части. — И я способна сама постоять за себя, спасибо большое.

— Хорошая девочка, — только и осталось мне сказать, и мои мысли

приняли другое направление: даже притом, что ее собственные шансы попасть во что-то из неуклюжего орудия были минимальны, она все же могла отвлечь на себя огонь противника. — Берешь вот так, под мышку, нажимаешь на спусковой крючок, нежно, и да направит Император твой прицел.

Она последовала моим указаниям с некоторой робостью, морщась от громкого звука выстрела и отдачи, но затем лицо ее растянулось в жестокой улыбке.

— Живая штучка! — с одобрением заметила она, а затем направила мерный поток выстрелов в сторону противника, который, как мне подумалось теперь, совершенно не желал воспользоваться своим все еще сохраняющимся в неизменности перевесом в огневой мощи.

— Почему они не наступают? — спросил Юрген, в действительности не рассчитывая на ответ. — Они полностью нас обложили.

— Возможно, они ждут, что мы запаникуем, — откликнулся я, стараясь, чтобы слова прозвучали вскользь, как

нечто незначительное, хотя на самом деле они довольно близко соответствовали текущему состоянию дел, по крайней мере в том, что касалось меня. — Покинем укрытие и попытаемся прорваться.

Конечно же, это было бы равносильно самоубийству, но и происходит подобное чаще, чем вы могли бы поверить. Рефлекс «сражайся или беги» глубоко заложен в человеческой душе и склонен выплывать на поверхность в самые неподходящие моменты; именно поэтому солдаты Гвардии проходят столь тщательную подготовку в том, чтобы подавлять его, — а на тот случай, если и этого окажется недостаточно, за ними всегда приглядывают такие люди, как я.

— Для этого мы должны быть сущеглупыми, — совершенно излишне указал Юрген. — Здесь мы можем сдерживать их хоть целый день.

Это было истинной правдой: мы находились на позиции, которую могли защищать с легкостью, даже если занять ее у нас получилось благодаря удаче, а не здравому рассуждению; теперь, когда

последние невинные прохожие (не считая Земельды) превратились в быстро удаляющиеся точки на горизонте, обороняться стало еще легче, поскольку любой, кто не был одет в форму юстикара, являлся очевидной мишенью. Мой помощник пожал плечами, развив свою мысль подробнее:

— Это если у них нет гранат или огнемета, конечно.

— Конечно, — эхом повторил я, ощущая, как по спине пробегает холодок ужаса при мысли о подобном.

Внезапно их тактика приобрела гораздо больший смысл — заставить нас держаться пониже, пока кто-то постепенно подбирается достаточно близко, чтобы перекинуть пару фраг-гранат через защищающую нас металлическую баррикаду. Это если некоторые из тех дробовиков, которые нападающие предпочитали в качестве оружия, не были заряжены снарядами инферно, в каковом разе им даже не требовалось приближаться, а лишь хорошенько прицелиться и начать делать

из нас барбекю.

Я связался с Доузом:

— У кого-то, кого вы можете видеть, имеются при себе гранаты?

— Нет. — Голос его изменился, приобретя оттенок любопытства. — Я снова вижу движение в грузовике. Двое, может быть, трое. Обхожу их, чтобы лучше разглядеть.

— Соблюдайте осторожность, — произнес я, в то время как тот самый слабый голос, что желал предупредить меня о чем-то, уже просто-напросто кричал.

Дав пару выстрелов из лазерного пистолета в сторону неясного движения за синего цвета грузовым прицепом в четырех или пяти машинах от нас, я был вознагражден внезапной лихорадочной суетой — кто бы там ни был, он спрятался снова. Пара бессистемно выпущенных стабберных зарядов и целый град дроби простучали по нашему укрытию, когда я нырнул обратно, и все опять затихло.

— Определенно трое, передвигаются, укрываясь, — доложил Доуз через несколько

мгновений. — Передвигаются быстро. Зубы Императора, а они шустрые! Идут наперехват.

— Не суйтесь туда! — предупредил я, потому как то подозрение, которое я все еще не хотел допускать в сознание, снова поднялось во мне, оставив зудящее ощущение страха где-то в самом низу живота.

Я раздраженно постарался стряхнуть это ощущение. Дела и так шли худо, без того чтобы хвататься еще и за призрачную опасность.

— Все в порядке, — заверил меня Доуз. — Они не знают, что я здесь. Я смогу снять одного из них, пока остальные... — Тут голос его поднялся до крика. — Император на Земле, что это за черт!..

Его вокс-связь замолчала.

— Вот они и двинулись, — возвестил Юрген с таким же спокойствием, с каким докладывал обо всем, начиная от того, что моя ванна готова, и до внезапного появления порабощающей орды демонов-поработителей, после чего открыл огонь из своего лазгана. Мгновение спустя он уже

вновь нырнул в укрытие рядом со мной, принеся с собой мощный заряд личного благоухания, и скривился: — Кажется, отступать не намерены.

— Да уж, тут ты не шутишь. — Земельда припала к земле с другой стороны от меня, с бледным лицом.

Град направленного огня разрывал воздух над нашими головами, и я мог только надеяться, что у Найта тоже хватит здравого смысла, чтобы не высовываться.

— Они не пытаются убить нас, — произнес я, вовсе не утешенный этой мыслью. — Все это предназначено лишь для того, чтобы не дать нам стрелять в ответ.

— Ну, это у них получается. — Челюсти Земельды мрачно сжались. — Но зачем?

— Для того, чтобы они могли приблизиться. Они, должно быть, знают, что подмога к нам уже идет, так что должны закончить все быстро.

Юрген кивнул:

— Мы называем это подавляющим

огнем. Когда он прекращается, противник готов что-нибудь предпринять.

Мы поглядели друг на друга с трачным пониманием.

— Так что, как только он прекращается, начинаем стрелять мы, — объяснил я, стараясь все упростить для гражданской. — Стреляй во все и вся, что может показаться представляющим угрозу. Ясно?

— Ясно. — Земельда, казалось, стала зеленее своих волос, но все же кивнула.

— Отлично.

И как раз тут шум прекратился, и мы, как один, поднялись, выискивая себе цели. Юрген нашел одну сразу же, и это были две женщины, вооруженные автоматами, которые устремились к нам с яростью берсерков. Одна была в одежде медика, а если точнее, то санитарки, другая же в рабочем халате цвета морской волны, который смазывал очертания ее тела, но все же недостаточно, чтобы скрыть некую едва различимую неправильность, которая, впрочем, стала вполне очевидной, когда из-

под полы высунулась третья рука, дабы заменить опустевший магазин.

— Гибриды генокрадов, — произнес Юрген, сразу же узнав, кто перед нами, потому как участвовал в нашей стычке с их собратьями на Гравалаксе, и открыв огонь в полностью автоматическом режиме, так что обеих накрыла густая метель лазерных зарядов.

Лжемедичка упала, и разошедшаяся одежда на груди позволила увидеть защитные хитиновые пластины, в то время как чудовище с тремя руками снова нырнуло в укрытие за брошенным автомобилем. Земельда с выражением ошеломления и ужаса на лице принялась превращать борт машины в дуршлаг зарядами из стаббера. Краем глаз уловив молниеносное движение, я повернулся как раз вовремя, чтобы упредить выстрелом из лазерного пистолета еще одного нападавшего, одетого столь же безвкусно, как и давешний парень с дробовиком. Заряд угодил нападавшему прямо в лицо. Он заверещал и, выгнувшись назад, рухнул с крыши ассенизаторского грузовика с

покрыт шлепком, словно кусок сырого мяса, а в это время еще один террорист в спецовке прыгнул ко мне, раскинув ощетинившиеся когтями руки, готовясь рвать и кромсать. К несчастью для него, у моего цепного меча радиус действия был гораздо шире, чем у его рук, так что он упокоился в виде нескольких отдельных кусков прежде, чем успел подобраться достаточно близко.

— Что это за уроды? — спросила Земельда, все еще играя в морской бой с гибридом, спрятавшимся за машиной, в то время как Юрген пытался уловить момент для прямого попадания по очередному «медику».

— Ксеносы, — отозвался я, — от скрещения с людьми, которые даже не знали, что заражены чужеродными генами. Мы находили их на многих мирах по всему сектору.

Я кинул взгляд вверх и застыл. Три чистокровных генокрада неслись в нашу сторону, перепрыгивая через горы скопившегося на автостраде металла, со злобной уверенностью охотничьих собак,

учуявших кого-то маленького и пушистого. Я крутанулся к Юргену:

— Забудь о гибридах!

Даже будучи чрезвычайно опасными, гибриды теряли всякую значимость в сравнении с этой угрозой. На борту «Порожденного проклятием»[14] я видел, как чистокровные прорывают насквозь терминаторскую броню, и знал, что, стоит им подобраться на расстояние удара, мы все будем мертвы.

Мы сосредоточили огонь на приближающихся тварях, но они были адски быстрыми и проворными, так что большая часть наших выстрелов прошла мимо. Нам удалось задеть ближайшего из них, но он почти сразу же поднялся снова, в то время как остальные пронеслись мимо упавшего, не сбавив хода. И словно нам этого было мало, мы снова оказались под огнем вооруженных автоматами гибридов, заставившим нас пригнуться и не дававшим толком прицелиться. Глядя на истекающие слюной челюсти, я не имел ни малейшего сомнения в том, что все мы

будем мертвы через считаные секунды, и, как это не раз бывало со мной в подобных ситуациях, обнаружил, что чрезвычайно подробно воспринимаю мельчайшие детали всего, что меня окружает.

Возможно, в другой ситуации я бы и не заметил едва ощущаемую дрожь камнебетона под подошвами ботинок, как будто что-то большое и быстрое передвигалось у меня под ногами. В любом случае я отчетливо помню, что ощутил эту легкую дрожь, но, прежде чем смог сообщить о своем наблюдении соратникам, осознал, что нечто новое происходит на дороге перед нами. Ярко-желтый грузовик-платформа на пути наступающих генокрадов, казалось, смещался и поднимался, так что на мгновение я заподозрил вмешательство какого-то варпового колдовства. Но затем машина приподнялась еще выше, и я увидел то, что стояло под ней.

— Благословение Императору! — проговорила Зетельда со всей возможной искренностью, и, должен признать, вряд ли я был бы более удивлен, если бы

упомянутый явился передо мной лично.

Грузовик отодвигало в сторону нечто обладавшее в целом человеческими пропорциями, но при этом полностью заключенное в изящно украшенный металл, отражавший сияние солнца и не оставляющий сомнений в своем благородстве. Меньший по размеру, чем доспех, используемый Астартес, тем не менее это был самый что ни на есть силовой доспех, причем изготовленный таким оружейником, уровень мастерства которого определенно произвел бы впечатление даже на Тобамори.[15]

Пока мы наблюдали, едва осмеливаясь поверить в то, что видим, золотой воин опрокинул тяжелый грузовик на головы генокрадам. С пронзительным визгом раздираемого металла две твари оказались размазаны о другие машины. Едкая сукровица просочилась между обломками, удостоверяя тот факт, что ни один из генокрадов оттуда внезапно не выберется.

— Откуда он появился? — спросил

Юрген, и обычное для него выражение некоторого умственного затруднения на лице показалось мне в текущих обстоятельствах вполне обнадеживающим.

— Я бы предположил, что вот оттуда, снизу, — сказал я, указывая на крышку люка, лежащую на проезжей части поблизости от темной дыры в камнебетоне. — Должно быть, прошел через подземный город.

Для дальнейших предположений у меня времени не осталось, потому как выживший чистокровный бросился на золотого воина, и дыхание застряло у меня в глотке; но заключенная в доспехи фигура с легкостью уклонилась от существа, с едва ли не легкомысленной грацией, более приемлемой в бальном зале, чем на поле брани, захватила одну из оканчивающихся губительными когтями рук и с мясом вырвала ее из сустава. Генокрад завизжал и попытался вновь перейти в нападение, но враг, с которым он столкнулся, кажется, был не менее ловок. Увидев, что хитиновый ужас подбирается вплотную,

загадочный воин опустил правую руку, в наручь которой, как оказалось, был встроен болтер. Одной короткой очереди хватило, чтобы от омерзительного существа осталось лишь грязное пятно.

— Ну что же, нам повезло, — сказал я, ради Земельды произнося слова как можно более непринужденно, но, впрочем, мог бы и не стараться. Она все еще была настолько ошеломлена неожиданным поворотом событий, что в данный момент вряд ли заметила бы даже самого Императора, если бы Он похлопал ее по плечу.

— Но кто это? — спросил Юрген.

Я пожал плечами:

— Полагаю, мы выясним в самом скором времени.

И правда, наш загадочный спаситель двигался к нам самым неторопливым шагом, задерживаясь лишь для того, чтобы избавиться от оставшихся гибридов короткими болтерными очередями. Они попытались, конечно, сражаться за свою жизнь, но это было по-настоящему бесполезное занятие, потому как их снаряды лишь отскакивали от сверкающей

золотой брони, подобно летнему дождику.

Должен признать, что шип определенного подозрения пророс во мне, когда сияющая фигура приблизилась, позволяя мне оценить в полной мере все великолепие брони, в которую была облачена. Как я и предположил в самый первый момент, это была работа настоящего мастера, вне сомнений. Элегантность конструкции была очевидна для того, кто провел столько же времени, сколько я, слушая восторженные рассуждения Тобатори о той или иной техноадептовской игрушке. Заряды дробовиков не оставили на ней ни царапины, ни красота, ни сложность доспеха не понесли ни малейшего урона.

Броня не была, как показалось в первый момент, сделана целиком из золота (что, учитывая мягкость этого металла, в любом случае не предоставило бы ее обладателю значительной защиты). Золотой оказалась гравировка, покрывающая отполированную поверхность гораздо более темного металла и

представляющая собой замысловатую филигрань, которая, в свою очередь, обрамляла переплетением лики святых и хорошо известные сцены из жизни Его, сущего на Земле. Вся эта красота, впрочем, не могла скрыть смертоносную сущность силовых доспехов, и дуло болтера на правом предплечье, а также легкое потрескивание и запах озона вокруг силового кулака на левой руке вместе являли молчаливое свидетельство разрушительной силы своего обладателя.

Фигура замерла в паре метров от нас и, к моему изумлению, обратилась ко мне по имени.

— Привет, Кайафас, — донеслось из вокс-аппарата на груди. Голос казался знакомым, хотя я и не мог быть до конца в этом уверен, пока золоченая перчатка не поднялась, чтобы поднять щиток шлема. С шипением разъединяющихся герметичных замков мне открылось очень памятное лицо, обрамленное золотистыми волосами. Мне предназначались широкая усмешка и играющая в бездонных голубых глазах чертовщинка. — Пора бы нам уже начать

встречаться при других обстоятельствах.

Откровенно наслаждаясь изумленным выражением моего лица, Эмберли улыбнулась мне еще шире.

Глава четвертая

При всей скромности я должен все же заявить, что опомнился, учитывая все сопутствующие обстоятельства, необыкновенно быстро.[16]

Я вернул меч и лазерный пистолет на свои обычные места, а Юрген, закинув лазган за спину, отправился на поиски базовой аптечки, чтобы принести ее раньше, чем Найт истечет кровью. Лимузин, к счастью, оказался хорошо оснащен не только припрятанным вооружением, так что уже через несколько секунд мой помощник занимался тем, что срезал броню с юстикара с помощью боевого ножа. Найт выглядел все хуже и хуже, так что Юрген разломил у него под носом ампулу с нашатырем, находясь в блаженном неведении о том, насколько это

бесполезное средство в присутствии его самого.

— Последняя встреча, припоминаю, была более приятна, — признал я, вспоминая ее роскошные апартаменты в отеле и приятную беседу об угрозе нападения некронов. Затем созрел наконец очевидный вопрос: — Какого варпа ты здесь делаешь?

Эмберли вновь улыбнулась:

— Полагаю, то же, что и ты. Пытаюсь спасти Периремунду от заражения генокрадами. Хотя я надеялась, что у Киша будет возможность объяснить происходящее раньше, чем ты вляпаешься в него сам.

— Я бы тоже предпочел этот вариант, — с чувством сказал я, прежде чем весь смысл сказанного дошел до моего сознания. — Ты хочешь сказать, что Арбитрес уже знают?

— Конечно же знают. Почему, как ты полагаешь, они настаивали на том, чтобы для подавления восстания была прислана Имперская Гвардия? Ты же знаешь, что СПО непременно должны быть подвержены

порче.

Я кивнул. Мне доводилось видеть то же самое на Гравалаксе, а до того на Кеффии.

— Значит, инвазия уже глубоко укоренилась?

Эмберли вроде бы кивнула, хотя при обилии скобяных изделий, надетых на нее, я могу и ошибаться.

— Хуже, чем на Гравалаксе, насколько я могу судить. Мы избавились от патриарха, что должно их немного замедлить, но не пройдет много времени, как разовьется другой чистокровный, чтобы занять его место, уж тут можно побиться об заклад. — Она слегка повернула голову со слабым жужжанием сервомоторов и кинула взгляд на Земельду, которая все еще стояла за моей спиной с открытым ртом и безжизненно свисающим из руки стаббером. — Может быть, представишь меня своей маленькой подружке?

— Земельда Клет, — произнес я, переводя взгляд с одной женщины на другую так, будто мы лишь случайно

повстречались где-нибудь на светском рауте, — которая, к несчастью, оказалась вовлечена в эти события. Земельда, это инквизитор Вейл, мой давний друг.

— Инквизитор?

Лицо Земельды побледнело настолько, насколько это вообще возможно, и на секунду показалось, будто она собирается удариться в бега просто из принципа, но затем здравый смысл победил, и она приросла к месту. Эмберли кивнула и улыбнулась теплой дружеской улыбкой, которую, как ей, видимо, казалось, люди должны были считать успокаивающей.

— Из Ордо Ксенос. Так что, если ты не из чужаков, беспокоиться на мой счет не стоит.

— Все ясно. — Продавщице закусок было ясно далеко не все, но она тем не менее попыталась улыбнуться. — Знаете, мне никто не поверит, что я повстречала настоящего инквизитора и настоящего комиссара.

Девушка снова посмотрела на меня, и что-то, казалось, в ее взгляде

переменилось.

— Ой, я только что сообразила, вы ведь тот самый комиссар Каин — тот, кто освободил Перлию и все такое прочее.

Как ни лестно быть узнанным такой привлекательной (как я оценил теперь, когда появилось на это время) молодой женщиной, я все равно ощущал, что меня охватывает беспокойство. Болтовня ее казалась мне не более чем запоздалой шоковой реакцией, что было бы неудивительно в подобных обстоятельствах.

— Ну, тогда точно никто не поверит, что я все это не выдумала.

— Боюсь, у тебя не будет возможности кому-нибудь рассказать, — мягко сказала Эмберли, очевидно приходя к тому же выводу, что и я. — Мое присутствие здесь является секретом, как и настоящая природа противостоящего нам врага.

Эмберли подняла правую руку, и я поймал себя на мысли о том, не собирается ли она решить эту проблему короткой очередью из болтера, но инквизитор всего

лишь потянулась и открыла ящик со снедью на трицикле Зетельды. Оттуда она извлекла кусок серовато цвета выпечки, проделав это с удивительной ловкостью, учитывая массивность механических клешней, что облегали в данный момент ее руки, но затем остановилась с выражением печали на лице.

— Прошу прощения, у меня с собой совершенно нет мелочи. У этого платья не предусмотрено карманов. Кайафас, не сможешь одолжить мне пару кредитов?

— Полагаю, что смогу.

Порывшись в карманах шинели, я выудил пригоршню монет.

Зетельда только покачала головой:

— Да забудьте. Вы только что спасли мне жизнь. Порция глопов — меньшее, чем я могу за это отплатить. — Она пожала плечами. — В любом случае термоизоляция пробита, они не так долго останутся достаточно теплыми, чтобы их продавать. Так что угощайтесь на здоровье.

По правде говоря, закуски эти не

показались мне такими уж аппетитными, но у Эмберли, очевидно, выдалось напряженное утро (насколько в действительности напряженное, я узнал позднее), так что она набросилась на них с таким же рвением, как и Юрген, когда сообразил, что еду эту предлагают совершенно бесплатно.[17]

— Жить будет, — набив полный рот восстановленными белками, доложил мой помощник, кидая последний раз взгляд на Найта, который теперь, когда кровотечение было остановлено, а спаситель его оказался с подветренной стороны, смотрел гораздо веселее. — Хотите, чтобы я позаботился об остальных?

— Не имеет смысла. — Эмберли слизнула вытекшую начинку с уголка рта и поглядела на экран аупсика, встроенный в ее шлем. — Поблизости не отмечается больше никакой жизнедеятельности, так что мы можем просто продолжить наш путь.

— Путь куда? — спросил я.

Эмберли кинула взгляд на крышку того люка, из которого появилась совсем недавно.

— А ты как полагаешь? — намекнула она, в то же время одной рукой взваливая Найта себе на плечо.

— А что с трупами? — задал я новый вопрос. — Если присутствие генокрадов должно оставаться в секрете...

— Это не проблема, — радостно заверила она, походя отсоединяя что-то от подвески на силовых доспехах и кидая в сторону. — Вокруг столько разлитого прометия, что он превратит все улики в пепел.

Она сделала пару шагов в сторону темной дыры в проезжей части и оглянулась на нас:

— Я бы на вашем месте прибавила шагу. Таймер инферно поставлен всего лишь на две минуты.

Этого было вполне достаточно, чтобы привести меня в движение, уж вы можете быть уверены. Остановившись лишь для того, чтобы ухватить Зетельду под руку и настойчиво заставить ее

пошевеливаться, — это потому, что один раз я уже имел возможность прошвырнуться по зараженным генокрадами подземельям в компании Эмберли и желал, чтобы между мною и возможными неприятностями стояло как можно больше теплых тел, — я припустил к люку. Мы едва успели плечами задвинуть за собой тяжелую металлическую крышку, когда земля над нашими головами вздрогнула и с едва заметным шорохом с потолка полетела пыль, оседая на моей фуражке, потерявшей от этого часть своего блеска.

Земельда робко откашлялась.

— Простите, — сказала она, выглядя довольно потерянно в свете люминаторов, встроенных в костюм Эмберли, — но что нам делать теперь?

Ну что же, это был, безусловно, неплохой вопрос, но меня совершенно не удивило, что Эмберли, проигнорировав его, зашагала вперед в темпе, который мог показаться прогулочным, но нас заставил поспешать за нею чуть ли не рысью. Туннель здесь был широким, с высокими

потолками, по стенам тянулись кабели и трубы, чье назначение осталось для меня загадкой, но я предположил, что они относились к инфраструктуре находящегося над нашими головами города.

Местные техножрецы, видимо, часто посещали это место, о чем можно было судить по свежим восковым печатям на щитках, которые встречались через каждые несколько десятков метров или около того, и едва заметному не выветрившемуся запаху благовоний, витавшему в воздухе, но почти заглушенному более свежими ароматами пыли и влаги. Пару раз мы прошли мимо посвященных Омниссии алтарей, и их вид возвратил мне присутствие духа. Я никогда по-настоящему не разбирался во всех аспектах той доктрины, согласно которой шестеренки[18] почитали модель Императора в виде часового механизма, но если они появлялись здесь так часто, как на то намекали эти Его изображения, то и для нас не было большого риска нарваться на гнездо генокрадов (не то

чтобы я ожидал встретить их так близко к поверхности, обычно они обретаются глубже, но на тот момент, как вы можете себе представить, я не был склонен принимать на веру что-либо вообще).

Размышляя об этом, я заметил впереди еще один источник света, продвигающийся в нашу сторону, и снова схватился было за оружие. Эмберли, впрочем, не разделила моего порыва, а лишь скосила на меня глаза, в которых плясали веселые искорки, после чего дружески окликнула встречных:

— Я их нашла.

— Блестяще!

Я сразу же узнал говорившего — хоть он и держался в арьергарде группы; его одеяние писца казалось еще более нелепым, чем обычно. Даже если бы мне на глаза не попались его лицо и одежда, то сухой, педантичный голос выдал бы моментально, не говоря уже о присущем ему словесном недержании.

— Я бы оценил ваши шансы на своевременное прибытие, — продолжал он, — с учетом максимальной скорости,

которую могут поддерживать данные доспехи, и сравнительно не обремененной препятствиями дороги к поверхности, как восемьдесят семь и две трети процента, хотя те наблюдения в данной системе туннелей, что я сделал, пока мы следовали путем, который вы проделали перед нами, вероятно, должны снизить данную оценку — ориентировочно до восьмидесяти шести и одной четверти...

— Привет, Мотт, — произнес я, и принадлежащий к свите Эмберли ученый-эрудит наконец прервал свое бормотание на достаточное время, чтобы сердечно кивнуть, приветствуя меня.

— Комиссар Каин. Какое удовольствие вновь встретиться с вами!

Я уже было внутренне собрался, готовясь выдержать еще одну словесную лавину, но, видимо, последняя фраза не включила никаких случайных ассоциаций в его своеобразном мозгу, за что я был благодарен. Когда мы подошли ближе к этой небольшой группке людей, я не был удивлен, обнаружив еще одну знакомую личность, которая старалась держаться

от нас как можно дальше. Догадываясь о причинах такой сдержанности, я отодвинул Юргена в конец нашего отряда, стараясь, чтобы расстояние между ними оказалось максимально возможным.

— И Рахиль. Как себя чувствуете?

Вечно находящаяся в состоянии потраченного рассудка, принадлежащая Эмберли приручённая женщина-псайкер, казалось, была настолько в здравом уме, насколько это вообще для неё возможно, и просто пялилась на Юргена с отвращением куда более глубоким, чем это случается делать обычным людям. Хотя надо признать, что для обычных людей приблизиться к нему не значило потерять сознание или начать биться в конвульсиях, в отличие от неё.[19]

— Я ощущаю тень, — пробормотала она, и, как обычно, её монотонный, гнусавый голос вызвал у меня зубную боль. — И она голодна.

Одета Рахиль была в солдатскую рабочую форму, которая, как и вся принадлежавшая ей одежда, казалась ей

немного маловатой, тем самым слишком хорошо и даже несколько излишне демонстрируя все богатство, данное ей природой в области декольте. Но по меркам Рахиль, полагаю, нынешний наряд ее был весьма практичен. К моему удивлению, она была вооружена лазерным пистолетом. Я бы предположил, что любое оружие в ее руках должно представлять больше опасности для ее спутников, чем для врага, но если Эмберли считала, что ей можно доверять, то уж я спорить не собирался.

— Какая незадача, — сухо произнес я. — Если бы мы знали, то захватили бы с собою тот ящик с глопами.

— Кайафас, — осуждающе глянула на меня Эмберли, — не дразни псайкера. У нее был тяжелый день.

— У всех нас, — вставил энергичный молодой человек с непослушной блондинистой челкой.

В ее отряде было три незнакомых мне человека: двое из того рода наемной силы, которую Эмберли использовала и на Гравалаксе, пока до них не добрались

генокрады, в то время как третий был облачен в одежды техножреца. Я кивнул им, от всего сердца приветствуя, потому как в окружении вооруженных людей чувствовал себя намного более счастливым (правда, если не считать Рахили, конечно же, но, пока она не направляла пистолет на меня или Юргена, я не видел смысла возражать).

— Жду не дождусь услышать ваш рассказ о нем, — сказал я, — как только мы попадем туда, куда собрались, где бы это ни было.

— Неужели я не сказала? — наивно поинтересовалась Эмберли, которая все это время продолжала держать на плечах Найта, похожего на слабо подергивающийся шарфик. — Мы двигаемся к зданию Арбитрес. — Она снова усмехнулась. — Я бы не хотела, чтобы вам пришлось пропустить назначенную встречу.

— Как заботливо с вашей стороны! — произнес я, намереваясь не выдавать слишком большого удивления, что бы она ни говорила. — Вы именно там вошли в

подземный город?

— Да, — подтвердил ее молодой сотрудник. У него через плечо был перекинут автомат, а на груди красовался патронташ с запасными магазинами. Подобно Рахиль, одет он был в ничем не примечательную солдатскую рабочую одежду, хотя на нем она сидела по размеру и к тому же не была расстегнута до пупа. Он, кажется, вызвался быть личным проводником Земельды, против чего та не возражала, поскольку его любезные манеры сочетались с внешностью если и не определенно привлекательной в общепринятом смысле, то все же весьма приятной. Это только подчеркивалось копной белокурых волос, которые постоянно лезли молодому человеку в глаза. Каждый раз, когда это происходило, он откидывал пряди легким кивком, причем, кажется, чистосердечно не замечал этого автоматического жеста, который, как я предположил, стал источником его прозвища (но это лишь до того момента, когда я в первый раз увидел, как он буквально исчезает в темноте). — Зовут

меня Пелтон, но друзья называют Мельком.

— А как тебя называют враги? — лукаво спросила Земельда, на что Пелтон лишь пожал плечами.

— У меня их нет, — ответил он, — я их всех убил.

Земельда рассмеялась, а у меня по спине пробежал холодок. Тогда, на Гравалаксе, Эмберли рекрутировала группу убийц и психопатов для налета на гнездо генокрадов, и один из них обернулся против нас в самый неподходящий момент. Вне сомнения ощутив мою тревогу, Эмберли улыбнулась, глядя на меня.

— Мельком безвреден, — заверила она. — Вплоть до моего приказа.

Я посмотрел на второго мужчину, который занял место в голове отряда, рядом с Рахиль, либо из ранее оговоренного построения, либо по собственной инициативе:

— А что касательно вот того?

Если вопрос и возымел какое-то действие, то ее улыбка в результате лишь стала шире.

— Симеон? О, вот он опасен, это точно. В основном, впрочем, для себя самого.

Верилось с трудом. Человек этот был худощавого сложения и, казалось, горел от нервной энергии, которая едва ли не светилась вокруг него в сумраке туннеля. Одет он был в куртку без рукавов, весь увешан подсумками, а его жидкие сальные волосы не могли закрыть тонкую, гибкую трубку, которая входила в основание черепа откуда-то из-под одежды.

— Слот, психон, «улет», назови что угодно, и на это он будет подсажен тоже. Уберите то, что ему вживлено, и он умрет. Рано или поздно это, конечно, все равно случится. Но пока что автоматические системы поддерживают его в состоянии относительной стабильности, варьируя пропорции смеси.

— Подобный человек может быть весьма полезен, — медленно проговорил я. — По крайней мере, пока действуют транквилизаторы.

— Он отработал свое место в отряде, когда мы были в гнезде генокрадов, —

отозвалась Эмберли. — Дала ему быструю дозу валева и спустила с поводка. После мне оставалось только не отставать, а это уже о чем-то говорит.

Я кивнул и спросил:

— Почему ты не использовала силовые доспехи на Гравалансе?

Эмберли пожала плечами, и сервомоторы заныли, пытаясь повторить это движение, а лежащее на ее плечах тело Найта слегка покачнулось.

— Там предполагался разведывательный рейд, — напомнила она. — Эта штука очень хороша, когда ожидается открытое столкновение, но не вполне скроена для того, чтобы в ней куда-то прокрадываться.

Сервомоторы снова издали тот же звук.

— К тому же они не до конца надежны. Не прекращают ломаться в самый неподходящий момент.

— С доспехом все в порядке, — укоризненно произнес техножрец, в голосе которого слышалось отчетливое грассирование, характерное для системы

Каледонии. — Если будешь продолжать вставать под огнем тяжелого оружия, я мало что смогу сделать, чтобы он продолжал функционировать.

Он повел в мою сторону механодендритом, будто отметая что-то.

— В то время как она носилась вместе с вами по Гравалаксу, я восстанавливал основную гидравлическую подачу и заново освящал бутыль синтеза.

— Что-то я не слышала, чтобы ты жаловался, когда стоял под этим самым огнем за моей спиной, — отозвалась Эмберли, и ее добродушного тона было достаточно, чтобы подтвердить для меня тот факт, что техножрец, по-видимому, был частью ее свиты по меньшей мере столь же долго, как Мотт или Рахиль.

Техножрец пожал плечами, что для таких, как он, было удивительно человеческим жестом, хоть и показавшимся мне немного скованным, что намекало на многочисленные аугметические улучшения, прятавшиеся под его грязно-белой робой. Пара

механодендритов лениво покачивались у него за плечами, а глаза под капюшоном были пустыми и отражали свет люминаторов.

— Верный слуга Омниссии благодарит Его за защиту, в какой бы форме она ни проявлялась, — выдал он в ответ. — А болтеры не очень полезны для моего здоровья. — Его серебряные глаза задержались на мне в задумчивости. — И поскольку наша леди, кажется, не помышляет дать себе труд нас представить... вычислитель Янбель.

— Кайафас Каин, — совершенно автоматически ответил я. Затем махнул в сторону моего помощника, который, кажется, отыскал в одном из своих подсумков, которыми обычно был увешан как гирляндами, глоп из Земельдиных закромов и теперь заталкивал его, более или менее попадая, себе в рот. — А это Юрген. Не позволяйте первому впечатлению обмануть вас, большую часть времени он вполне сносен. Если, конечно, вы не будете стоять слишком близко.

— Пустой, — кивнул Янбель. — Я знаю. Эмберли потребовалось приложить немалые усилия, чтобы заполучить сюда вас обоих.

Он оборвал фразу под ее колючим взглядом, который она быстро сменила, послав мне ослепительную улыбку. Впрочем, новость, которую позволил себе сболтнуть техножрец, не стала для меня особенным сюрпризом, хотя и не была слишком приятной. И все же перспектива провести рядом с Эмберли некоторое время, прежде чем она втянет меня в какую-нибудь из своих самоубийственных эскапад, во многом искупала подобные неудобства.

— Польщен, — сказал я, обращаясь к ней лично, — но не могу не поинтересоваться, зачем вам это понадобилось.

— Все в свое время. — Кокетливое выражение, которое было мне слишком хорошо знакомо, обозначилось на ее лице, так что я сразу осознал, что настаивать на разъяснениях не имеет смысла. — Киш объяснит. Здесь происходят значительные

события, которые я вряд ли могла бы описать парой предложений. — В глазах ее снова появился озорной огонек. — К тому же не хочу испортить сюрприз.

— Сюрприз? — переспросил я, стараясь, чтобы тревога не звучала в голосе слишком отчетливо.

Эмберли кивнула.

— Увидите сами, — радостно заявила она.

Глава пятая

Через некоторое время мы остановились возле тяжелой железной двери, подобной многим другим, мимо которых мы прошли, удаляясь от места засады. Симеон тут же распластался по стене, как будто ожидал еще одной атаки. Он переводил лихорадочный взгляд вперед и назад по ходу туннеля, напряженно ловя намек на движение, которым неприятель мог выдать себя, и я в первый раз заметил, что его бледное лицо и руки покрыты шрамами, судя по рубцовой ткани старыми. Симеон был вооружен дробовиком, — наверное, потому, что бессмысленно было предъявлять ему какие-либо требования по точности стрельбы. Он держал дробовик прижатым к телу, но в постоянной готовности применить без

размышлений.

Каждый раз, когда он переводил взгляд с одного конца туннеля на другой и скользил взглядом этим по мне, он чуть вздрагивал — что, как вы должны понять, я не находил успокаивающим, учитывая его психическое состояние и сам факт вооруженности. Когда я поделился этим наблюдением с Эмберли, она только покачала головой.

— Дело не в тебе, — сказала она, нажимая на дверь. Металл немного прогнулся, но не сдвинулся с места, и она сделала шаг назад, с раздражением выдыхая. — В твоей форме.

Я счел это хорошим объяснением, потому как именно полковой комиссар должен был для начала сослать Симеона в тот ад, которым являлись штрафные легионы.

— Чем он провинился? — спросил я, невольно заинтересованный, и Эмберли снова пожала плечами, заставив подвывать сервомоторы, к чему я уже начинал привыкать.

— Сломался в тяжелой обстановке.

Приказал расстрелять целый взвод за то, что не поприветствовали должным образом вышестоящего офицера во время вражеского артиллерийского обстрела, и сам застрелил семерых солдат из личного оружия, прежде чем его сумели свалить с ног. Трагично.

— Такое случается. — Я тоже пожал плечами. — Некоторые молодые офицеры не могут выдержать того давления, которое оказывает на них битва. Именно поэтому за ними стоят комиссары.

— Так он и был комиссаром, — отозвалась Эмберли, и я глянул на этого жалкого грешника со смесью ужаса и жалости.

Иногда приходится слышать истории о тех, кто принадлежал к Комиссариату, но в результате оказался на самом дне и ниже, но никто не придает им большого значения — и в тот раз впервые я увидел одного из своих соратников опустившимся до такого состояния. Впрочем, на мрачные размышления у меня оказалось не очень много времени.

— Позвольте. — Янбель мягко

проскользнул мимо меня на маленьких колесиках своих аугметических ног и принялся производить какие-то сложные манипуляции своими механодендритами с одной из кабельных коробок, в то время как его обычные руки были заняты небольшой ароматической курильницей и, к моему удивлению, глотком из зеленоватой сои, который он, очевидно, выклянчил у Юргена. Поймав мой взгляд, он только пожал плечами. — С того времени, как мы позавтракали, прошло немало времени.

Объяснение это прозвучало не вполне членораздельно.

Вспоминая о том, что большинство техножрецов, с которыми мне довелось быть знакомым, совершенно не заботились о вкусе еды, рассматривая ее только как топливо для организма (что, полагаю, в данном случае было преимуществом), я решил рассматривать устроенный Янбелем импровизированный перекус как подтверждение давно сложившемуся впечатлению, что некоторая доля эксцентричности является необходимым условием для включения в свиту

Эмберли.[20]

— О, разобрался. — С гулом сервомоторов лист металла перед нами начал сдвигаться в сторону, пропуская нас внутрь, и техножрец усмехнулся, глядя на Эмберли. — Тридцать семь секунд. Возможно, пора посоветовать арбитру обновить протоколы безопасности.

— Учту, — сухо отозвалась Эмберли, входя в ярко освещенное пространство за дверью.

Я последовал за нею, понимая, что мы оказались в подсобном помещении, которое мало отличалось от любых других подвалов по всему Империуму: пыль, трубопроводы, пара убегающих прочь грызунов и лестничный пролет, ведущий наверх. Основным отличием от прочих, которое я отметил, была группа юстикаров с нацеленным на нас оружием, но Эмберли это, казалось, не слишком заботило, а учитывая, что большая часть ее окружения находилась между мной и стволами, — меня тоже. Впрочем, стражи порядка начали расслабляться сразу, как

только тяжелая дверь в подземный город стала закрываться за нами.

— Инквизитор вернулся, — четко доложил командир отряда, видимо кому-то вышестоящему, через встроенный в шлем вокс-передатчик, поскольку для всех находящихся в помещении факт этот и так должен был быть очевиден. Затем юстикар слегка запнулся: — С дополнительным... персоналом.

— Комиссар Каин, — представился я, выступая вперед и перехватывая инициативу прежде, чем кто-то подумает, что я являюсь всего лишь еще одним из подручных Эмберли. — Арбитр ожидает моего визита. Сожалею, что пришлось использовать несколько обходной путь.

— Похоже, это будет занимательная история, — раздался голос с лестницы. Я поднял взгляд и увидел седовласого человека в черной форме арбитра сениорис, который разглядывал нас сверху вниз с выражением легкого любопытства. — Я хотел бы услышать ее в деталях и в более подходящей обстановке.

— Нам потребуется медик, — произнесла Эмберли, позволяя Найту соскользнуть с ее плеча на руки оказавшихся поблизости юстикаров.

Арбитр Киш отступил на пару шагов, дабы дать им возможность пройти, затем снова утвердился наверху лестницы.

— А что остальные двое? — спросил он.

— К сожалению, они погибли. — Эмберли посмотрела в мою сторону. — Я уверена, что Кайафас расскажет вам подробнее.

— Вы не собираетесь присутствовать на совещании? — спросил Киш.

Эмберли покачала головой.

— Присоединюсь к вам, как только смогу сменить одежду на что-нибудь более комфортное, — ответила она, проследовала вверх по лестнице во главе своей банды не вписывающихся в нормальное общество личностей, которое теперь пополнилось Земельдой, и скрылась от наших взоров.

С моей привычкой читать язык жестов, я не мог не заметить, что

Пелтон и Киш избегали встречаться взглядами и каждый из них буквально ощетинился, когда они оказались вблизи друг от друга: разговор Пелтона с зеленовласой продавщицей закусок внезапно стал самым захватывающим трепом в Галактике, в то время как внимание арбитра полностью поглотил какой-то вокс-9 докладом.[21]

Впрочем, задумываться об этом мне было некогда, потому как к тому времени мы с Юргеном, в свою очередь, достигли вершины лестницы.

— Комиссар Каин. — Киш протянул руку для пожатия, улыбаясь со всей возможной открытостью, и я совершенно автоматически протянул свою в ответ, — добро пожаловать на Периремунду. Сожалею, что прием, вам оказанный, был вовсе не настолько сердечным, насколько мне хотелось бы.

— Не беспокойтесь, — гладко ответил я. — Сожалею, что поцарапали вашу машину.

— Должно быть, это попросту случайность, противник перепутал цель, — произнес Киш, когда мы с комфортом расположились в его кабинете, а я бегло и сжато пересказал ему наши приключения на дороге от аэродрома. Приемной ему служило обширное помещение, хорошо обставленное и с эффектным видом на простирающийся внизу город и открытую пустошь за ним, где небо полыхало багрянцем и золотом, поскольку солнце наконец-то садилось за каменные колонны на горизонте. — Мятежники, очевидно, полагали, что в машине окажусь я, и надеялись, что мое устранение подорвет усилия по их искоренению.

— Это кажется наиболее вероятным, — согласился я, потягивая амасек еще более изысканный, чем тот винтаж, который я обнаружил в машине, а Эмберли испарила своей огненной бомбой. — Вряд ли проведенного мною здесь времени достаточно, чтобы обзавестись собственными врагами.

— Кроме тех, которым противостоит все мы, — сухо добавила

Эмберли; она расположилась, откинувшись, на диванчике возле одной из стен, баюкая в руке тонкого фарфора чашечку с рекафом.

Я кивнул, соглашаясь, и спросил:

— Насколько глубоко закрепились проникшие в наш тыл генокрады?

— Достаточно глубоко, — ответил Киш, не отрываясь от огней люминаторов, которые начали, мерцая, зажигаться в Принципиа Монс. — Если судить по количеству ячеек, которые мы раскрыли за последний год, они находятся здесь уже несколько поколений. Никто не подозревал об их присутствии, пока они не начали свою кампанию по разжиганию мятежей.

— Что поднимает перед нами вопрос о том, почему именно сейчас? — Я кинул взгляд на Эмберли. — Мы в большой беде, не так ли?

— Именно так. — Она пожала плечами, заставив заволноваться дымчатую материю платья. — По крайней мере, мы уничтожили патриарха, что должно дезорганизовать их хотя бы здесь, в Принципиа Монс. Но должны быть еще — в гнездах на других плато.

— Например, на Хоарфелле? — обеспокоенно спросил я, но, к моему облегчению, она покачала головой:

— Конечно же, мы не можем полностью исключить этого, но, кажется, подобное маловероятно. Мы до сих пор не получали докладов о беспорядках там. — Она оценивающе поглядела на меня, без сомнения догадавшись об основной причине моего беспокойства. — Конечно же, даже там должна найтись ячейка гибридов. Дариен достаточно большой город, чтобы они могли в нем спрятаться и без обширного туннельного комплекса.

— Это верно, — согласился я, когда картина этого привольно раскинувшегося города с пригородами, увиденная мною с высоты, встала перед моим внутренним взором. — Могу я сообщить полковнику Кастин о том, против чего мы на самом деле выступаем?

— Можете, хуже от этого не будет, — признала Эмберли, обменявшись быстрыми взглядами с Кишем, который, очевидно, не очень обрадовался этому, но по понятным причинам не склонен был

спорить с инквизитором. Впрочем, от Эмберли беспокойство арбитра не укрылось, потому что она сразу же снова поймала его взгляд. — Пятьсот девяносто седьмой принимал участие в зачистке Гравалакса, — пояснила она, — сражался с тиранидами и прежде. Их эффективность увеличится, если они будут знать, с чем имеют дело.

— Я понимаю. — Киш кивнул, вроде бы успокоенный. — Тогда, конечно же, сообщите им, комиссар. Полагаю, вы можете полагаться на осмотрительность своего полковника?

— Безусловно, — ответил я, стараясь, чтобы это не прозвучало так, словно я уязвлен подобным вопросом. На его месте я задал бы точно такой же.

— Ну хорошо. — Киш повернулся и активировал гололит, встроенный в его стол. Медленно вращающееся и, что характерно для всех подобных устройств, слегка поматривающее изображение Периметунды появилось на нем, усеянное голубыми значками, обозначающими основные населенные центры, и помеченное

красным там, где удалось выследить и уничтожить гнезда генокрадов за последний год или около того, с тех пор как они начали демонстрировать свою деятельность. Янтарные точки отмечали места, где, как полагалось, культисты сумели избежать очистительного огня юстикаров и СПО, и обширная сыпь тошнотворно-фиолетовых показывала те места, где существование таких ячеек подозревалось, но не было доказано. Арбитр кивнул Эмберли. — Если так, то я понимаю, почему вы настояли на размещении в Дариене этого подразделения.

— Это показалось мне предусмотрительным, — произнесла Эмберли, мельком скосив глаза на Юргена, который потерянно сидел в углу комнаты, с отсутствующим видом жуя еще один глоп из припрятанных в недрах формы.

Догадываясь о том скрытом смысле, который мог быть вложен в этот взгляд, я не мог не согласиться с нею. Удивительный дар моего помощника, который разрывал телепатическую связь в

выводке тиранидов, что обнаружилось в туннелях под Майо,[22] мог оказаться эффективным и здесь.

Конечно, для этого инквизитор должна была ожидать, что мы окажемся достаточно близко к проклятым тварям, для того чтобы способности Юргена сделали свое дело, что само по себе внушало беспокойство. Стремясь не думать о подобном, я указал на гололит:

— Можем ли мы увидеть на этой карте расположение наших собственных сил?

— Конечно же. — Киш повозился с управлением, и на изображении появилось внушающее уверенность число зеленых значков.

Я достаточно легко узнал идентификационный код 597-го, да и другие гвардейские полки оказались развернуты настолько грамотно, насколько вообще было возможно в текущей ситуации; два из них стояли прямо здесь, в столице. В то же время основная часть отмеченных имперских боевых единиц

принадлежали СПО, и я с немалой долей трепета заметил, сколь многие из них расположены в непосредственной близости от янтарных или фиолетовых контактных иконок.

Я указал на них, поведя рукой, и спросил:

— Нужно ли понимать так, что данные боевые единицы считаются потенциально ненадежными?

Киш кивнул:

— Конечно же.

Дрожь недоброго предчувствия охватила меня, когда полномасштабная картина сложилась в моем мозгу. Разумеется, не все отряды СПО будут в итоге подвержены порче, но вполне достаточно, чтобы их назначение на любые боевые задачи стало рискованным. Я видел инфицированных солдат, которые обращали оружие против собственных товарищей на Кеффии и Гравалаксе, и сама возможность того, что это произойдет, уже оказывала не лучшее влияние на боевой дух. Но что еще хуже, по мере того как проблема будет

становиться все более очевидной, усиливающееся недоверие в рядах приведет, вне сомнения, к стычкам и учащению «дружественного огня» даже между теми отрядами, которые совершенно чисты от инфекции.

Я задумался о том кошмаре, который готовился упасть на наши головы, и моя тревога превратилась в ужас. Если даже часть того, что я увидел сейчас, была правдой, то Периремунда находилась на грани падения в пучину анархии, в ситуации гораздо худшей, чем виденное мною на Кеффии или Гравалаксе. На тех мирах заражение генокрадами было вовремя выявлено и эффективно нейтрализовано прежде, чем котел закипел, но здесь он готов был взорваться. Раздумывая над своими выводами, я заметил незнакомый мне значок среди небольшого числа зеленых росчерков на карте — которое начинало казаться мне все более жалким — и в некотором смущении указал на него.

— А здесь что такое? — спросил я. — Это не Гвардия и не СПО.

— Это женский монастырь, — объяснил Киш, удивленный тем, что я не узнал символа. — Орден Белой Розы[23] содержит на нашей планете небольшой Дом Сестринства, благословляя Перимегунду своим присутствием. — Он пожал плечами. — Конечно же, для нас это очевидная удача — в наших обстоятельствах.

— Немалая, — дипломатично согласился я.

Этого нам только и не хватало — кучки распевающих псалмы фанатичек в силовых доспехах, путающихся у нас под ногами и мешающих дать скоординированный военный ответ врагу. Мне не часто в прошлом представлялась возможность лично контактировать с воинствующими Орденами Экклезиархии, но из тех немногих случаев, когда это все-таки происходило, я вынес мнение, что несомненная воинская доблесть их монахов и монахинь идет рука об руку с наихудшими проявлениями ограниченности и узости взглядов,

способными достать до печенок самого Императора. Эффективно ввести их в бой в рамках того, что хоть немного напоминало бы связный план битвы, — практически невозможная задача. Лучшее, что можно было сделать, — указать им направление, выкрикнуть «Еретик!» и предоставить их самим себе. Если повезет, они могут пробить дыру во вражеских войсках, которой вы сможете воспользоваться. А если им это не удастся, по крайней мере, вы избавитесь от них раньше, чем они вынесут вам мозг своими проповедями.

— Уверена, что мы сможем найти для них какое-нибудь важное дело, — произнесла Эмберли, похоже не более моего убежденная в их полезности.

Но что-то в ее тоне заставило мои ладони зудеть, и я пристально поглядел на инквизитора. На задворках моего сознания зашевелилось ужасающее подозрение.

— Есть что-то еще, что вы мне не сообщили, не так ли? — спросил я, встречаясь с Эмберли взглядом.

Спустя мгновение она кивнула:

— Есть, но это все еще засекречено. Вы можете сообщить своему полковнику и майору Броклау, если сочтете нужным, но, если эта информация просочится дальше до того момента, когда будет сделано официальное оповещение, меня это самым серьезным образом огорчит.

— Понял. — Я даже не желал представлять себе последствия ее огорчения. — И какова же эта информация?

Я не был уверен в том, что хочу это знать, но пойти теперь на попятный, не потеряв лица, я не мог. Уверен, что Эмберли прекрасно догадывалась о свойствах моей настоящей личности, но Киш, конечно же, верил в легенду о Герое Каине, и разочаровывать его было не время.

Эмберли сделала глоток рекафа.

— Ты сам слышал Рахиль там, в туннеле, — произнесла она, и я кивнул; мне слова псайкера показались обычной для нее бессмыслицей, но теперь, с моими нынешними знаниями о заражении генокрадами, приобретали подобие смысла.

— Она говорила что-то о тени, — сказал я, стараясь сделать вид, что добрый глоток атасека последовал за этими словами просто для того, чтобы дать мне паузу на размышления, а не затем, чтобы скрыть, как нервно дернулся мой кадык в подступившей панике, — и что она голодна.

Я уставился на болезненную сыпь значков, обозначающих известные и предполагаемые культы генокрадов, едва осмеливаясь поверить тому заключению, которое не мог не вынести из всех имеющихся свидетельств.

— Они начали звать, не так ли?

— Начали, — подтвердила мои слова кивком Эмберли и поставила чашечку с рекафом на специально для нее пододвинутый столик — внешне столь же невозмутимая, как если б мы болтали о погоде. — Рахиль заметила это несколько дней назад. Именно поэтому мы пошли в рейд на гнездо, надеясь избавиться от патриарха и тем самым помешать им.

— Это сработало? — спросил Киш, и, к моему невыразимому облегчению, Эмберли

кивнула.

— В определенной степени — да. Они, конечно же, все еще могут телепатически общаться друг с другом, но без повелителя выводка, который связывает их в сознание улья, колония больше не является маяком. — Инквизитор пожала плечами. — Разумеется, это был лишь самый сильный из сигналов, но это позволяет надеяться на то, что другие гнезда просто значительно слабее и их сигнал пока что не проходит. Возможно, это даст нам достаточно времени, чтобы положить конец и им тоже.

— Если Рахиль справится с подобным напряжением, — сказал я, ощущая неожиданное сострадание к псайкеру. Конечно же, голос у нее был подобен скрежету ногтей по школьной доске и даже в удачный день шарики изрядно заходили за ролики, но не иметь возможности сбежать из своей головы, чтобы не слышать тот нечистый психический вопль, исторгаемый генокрадами, призывающими собратьев к месту кормления... Вряд ли это приятно. А уж быть вынужденной активно

участвовать в поисках источника этого голоса... Это немалый груз для ее хрупкого сознания и кругленьких плечиков. — Я так полагаю, именно поэтому она вас сопровождала?

Эмберли кивнула.

— Привела нас прямиком в сердце гнезда, — ответила она и широко улыбнулась. — Они, должно быть, совершенно не ожидали гостей: на нашем пути почти не попалось охранников.

Вспомнив мою собственную отчаянную дуэль с патриархом гравалакского культа — цепной меч против когтей, которые вполне способны порвать броню «Гибельного клинка», — я печально покачал головой.

— Не думаю, что они полагали, будто им понадобится охрана, — сказал я так безразлично, как только смог. — Насколько свидетельствует мой опыт, повелитель выводка вполне способен постоять за себя сам.

— Он не сдался без боя, — согласилась Эмберли, и в глазах ее на мгновение мелькнула тень, совершенно не вяжущаяся

с легким тоном. — Но доспех помог, а остальные не позволили чистокровным вцепиться мне в спину, пока я его не прикончила.

Несмотря на беззаботный вид собеседницы, я не мог не представить себе, хотя бы отчасти, каким ужасом должна была быть наполнена эта ожесточенная схватка в темноте. Инквизитору и ее агентам повезло, что они вернулись живыми, и не было никакой гарантии, что в следующий раз им будет сопутствовать такая же удача. Конечно, если бы она не вернулась, если бы не прослушивала вокс-частоты юстикаров, если бы не услышала о том, что происходит на поверхности в тот момент, когда они уже возвращались с победой, мы с Юргеном были бы мертвы и все события на Периметунде приобрели бы совершенно другой оборот.

— Но Рахиль все еще чувствует тень, — сказал я, возвращаясь к словам псайкера. — Значит ли это...

— Да. — Эмберли резко кивнула. — Мы пресекли сигнал, но он уже был услышан. Возможно, мы выиграли для себя чуть

больше времени на подготовку, но на пути
к нам находится флот-улей, и мы не в
силах остановить его.

Примечание редактора

Поскольку не все читатели этих записок знакомы с настоящим положением дел касаемо тиранидской угрозы, каковой она была в начале девятьсот тридцатых годов М41 (что, надо сказать, верно и в отношении самого Каина), следующий отрывок может оказаться полезен, в особенности для того, чтобы прояснить конкретную цель инвазии генокрадов, которая обычно предваряет собой нападения флота-улья.

Из произведения Артена Буррара «Отвратительный хитин: краткая история Тираниче ских войн», 095.М42:

Всю последнюю четверть

M41 считалось, что угроза Империуму со стороны тиранидов была если не полностью устранена, то, во всяком случае, минимизирована. И правда, отдельные не связанные между собой отметки, оставшиеся от флота-улья «Бегемот», еще продолжали появляться время от времени на восточных окраинах как напоминание о той, казалось необоримой, колеснице смерти, продвижение которой лишь ужасной ценой удалось остановить Ультрамаринам в отчаянной битве за Макрагге. Какими бы опасными ни были остатки «Бегемота», в целом объединенная мощь Флота, Астартес и Имперской Гвардии вполне способна была справиться с ними. Изредка тиранидам удавалось полностью захватить какой-либо мир, и каждый раз, когда это происходило, они

увеличивали запас биомассы и сила их росла. Таким образом, преобладающая стратегическая доктрина, основанная на опыте противостояния «Бегемоту» в 745-м и действующая до ужасающего обнаружения в последние годы тысячелетия двух новых флотов, каждый из которых был на порядок больше и смертоноснее, чем их предшественник, заключалась в уничтожении любого следа дьявольских организмов, где бы они себя ни проявили.

Учитывая обширность Империума и непредставимые пространства между системами, которые составляют его, вряд ли можно назвать удивительным то, что подобные флоты-ошметки оказались трудноуловимыми. Впрочем, бдительные защитники благословенных владений Императора обладали

одним значительным преимуществом, которое позволяло им в достаточной мере успешно предсказывать появление роев.

Здесь необходимо упомянуть о том, что одним из первых и наиболее шокирующих открытий, сделанных после разгрома флота «Бегемот», было обнаружение среди многообразия тиранидских организмов, встречавшихся защитникам Империума, такой формы, как генокрады. Коварная эта порода с тех пор стала широко известна: многие миры оказались наводнены их предательскими отпрысками, и лишь бдительность Священной Инквизиции, вырезающей подобные раковые опухоли из тела Империума с неустанным усердием — за что мы и должны вознести ей хвалу,[24] —

защитила многие другие планеты от заражения.

Десятки лет механизм, позволяющий генокрадам достигать цели, оставался загадкой, до того момента, когда, анализируя инцидент на Ихаре IV — тот самый, что стал предвестником флотаульи «Кракен», — инквизитор Агмар доказал со всей очевидностью то, что прежде лишь предполагалось. Вероятно, когда выводок генокрадов успешно проникает на заселенный людьми мир (или, если уж на то пошло, запятнанный присутствием одной из менее разумных рас, таких как орки, тау или эльдары), он остается в тени, скрытно пополняя свои ряды и наращивая свое влияние до тех пор, пока не достигнет определенной пропорции в численности населения. Вслед

за этим телепатическая связь выводка становится настолько сильна, что начинает излучать вовне, через варп, действуя в качестве маяка для роев.

На Ихаре IV по причине беспрецедентных масштабов заражения впервые этот зов был обнаружен астропатами по всему субсектору — настолько он был силен, — что подтвердило предположения некоторых инквизиторов Ордо Ксенос относительно механизма привлечения флотов. А некоторые даже заявляли о том, что использовали санкционированных псайкеров, чтобы успешно прервать зов и вычислить источник, и такие случаи были далеко не единичны.[25]

Сомневающиеся, предлагавшие другие объяснения, были вынуждены признать

неоспоримый факт: где бы культ генокрадов ни набирал достаточно силы, чтобы начать открытые выступления против имперских властей, там в течение каких-то месяцев обязательно должен был появиться флот-улей. Таким образом, и Мунициум, и Адмиралтейство взяли за правило жестко отслеживать подобные мятежи и выделять для защиты подобных миров в самые краткие сроки столько ресурсов, сколько можно было на текущий момент отвлечь с других фронтов.

Впрочем, должно помнить, что славный наш Империум огромен и не все миры, которые таким образом оказались под угрозой, имеют счастье быть вовремя избавленными от беды.

Глава шестая

Как вы можете представить, мое возвращение на Хоарфелл было изрядно отравлено той информацией, которую мне предстояло переварить, и настроение мое вовсе не улучшило то, что, едва покинув здание Арбитрес, я оказался окружен толпой недоумков из пикт-передач и печатных листов, размахивающих перед моим лицом визуализаторами и выкрикивающими в мой адрес ошеломляюще идиотские вопросы. Я не имел ни малейшего понятия, как они вообще узнали о моем местонахождении, но тем не менее подозрения питал. Присутствие Эмберли на Периремунде должно было оставаться тайной, так что подлинный (по крайней мере, в глазах всех остальных) Герой Империума, который

ошивался в это время неподалеку, просто обязан был обеспечить ей столь необходимое прикрытие. В любом случае мне удалось скрыть свое раздражение с легкостью, выработанной за время жизни в притворстве, и я выдал несколько банальных фраз о причинах моего визита (которые были не на первом месте среди заботивших меня вещей, хотя и с ними тоже предстояло разбираться, — поэтому Юрген по моему поручению передал необходимые бумаги кому-то в офисе Кииша, а я рассудил так, что Найту будет занятие на то время, пока он валяется, выздоравливая).

— Можете ли вы как-то прокомментировать происшедшее сегодня нападение террористов на дороге из аэропорта? — выкрикнул кто-то, и я жестко улыбнулся, специально для пикт-репортеров.

— Любой, кто угрожает подданным Императора, в моем понимании, не что иное, как еретик, — изрек я, решив играть грубовато-откровенного солдата, что, как я знал, гражданские примут за чистую

монету, и принял героическую позу, утвердив одну руку на рукояти цепного меча. — Для меня не имеет значения, насколько террористы, как им кажется, хорошо спрятались, они все равно будут обнаружены и дорого заплатят за предательство. Можете не сомневаться.

Все это была, как вы понимаете, всего лишь добротная демагогия, рассчитанная на толпу, подобные заявления я делал с того самого момента, как получил свой алый кушак, и потому никак не ожидал, что кто-то способен воспринять их всерьез. По крайней мере, не настолько, чтобы попытаться меня убить.

Но я забегаю вперед. Тогда же я выкинул свое короткое интервью из головы, посчитав еще одним досадным моментом и без того дурного дня. Ладно, неожиданное удовольствие снова увидеть Эмберли и перепробовать принадлежащую Кишу коллекцию хорошо выдержанного амасека делали этот день даже сносным. Особенно с учетом грядущего. Отбрехавшись от репортеров и выдав на-гора кучу успокоительных банальностей, я

последовал за Юргеном к несколько менее шикарной машине, которую Киш отрядил, чтобы доставить нас обратно на аэродром. Аромат, исходящий от моего помощника, заставил толпу охотников за новостями расступиться столь же эффективно, как это сделала бы болтерная очередь, ничто более не мешало мне отправиться в безрадостное путешествие обратно, дабы воссоединиться со своим полком. Я имел веские основания подозревать, что этот час или около того будет временем покоя и тишины, чем мне вряд ли доведется насладиться в ближайшие месяцы.

— Генокрады, — склонив голову, проговорил Броклау и скривился так, словно только что откусил от пирожного из горькокорня, думая, что начинка у него — варенье из лепестков роз. По крайней мере, он не выдал: «Вы уверены?» — как сделали бы многие на его месте, но ведь он, как и Кастин, достаточно хорошо меня знал и понимал, что преувеличивать в таких делах я не стану (во всяком случае,

они в это верили, по мне, так это одно и то же). — Полагаю, мы могли бы и догадаться.

— Теперь мы хотя бы знаем, с каким врагом имеем дело, — сказала Кастин, принимая чашку с танной, которую протягивал ей Юрген, пока мы разговаривали.

Мы собрались на совещание в ее кабинете, который выглядел уже совершенно обжитым благодаря инфопланшетам, в изобилии разбросанным по поверхности стола, а также стопке чашек из-под танны, которая опасно громоздилась на самом краю. Командный пункт под нами тоже приобрел более деловой вид: все аускпики, вокс-передатчики и когитаторы уже были подключены и работали, а вокруг них суетилось обычное количество личного состава. Технопровидцев не видно — это указывало на то, что они привели все свои устройства в действие настолько, насколько те вообще были способны функционировать, и отправились заниматься нашими военными машинами,

что ввиду перспективы весьма утешительно. Последнее, чего хотелось бы, — во время внезапного нападения врага обнаружить, что половина огневой мощи, которой мы располагаем, вообще не при делах.

Я отхлебнул из чашки, подавил зевок и кивнул. Напряженные события этого дня начали сказываться и на мне. Но хотя бы погрузочные ворота закрыли, так что больше не было того завывающего сквозняка, который заставил меня лететь на Принципиа Монс, хотя в Дариене за время моего отсутствия шел снег и в комнате было определенно прохладно, во всяком случае для меня. Я грел пальцы о чашку (оставшиеся, конечно, — аугметические не чувствовали разницы).

— Аккуратно поставьте в известность личный состав, — посоветовал я. — И ни слова местным СПО.

— Разумеется, — отозвалась Кастин, откидываясь на стуле.

Мы все знали, что если СПО подвержены порче — а в этом, учитывая обширность заражения на Периремунде, не

приходилось сомневаться, — любой намек на то, что игра их раскрыта, со всей определенностью стал бы искрой, которая зажгла бы мятеж во всех зараженных подразделениях. Оптимальным решением был бы осторожный сбор всей возможной информации, идентификация зараженных, а затем превентивный удар, раньше, чем они сообразят, что мы их обнаружили.

— В любом случае, похоже, инквизитор знает, что делает, — произнес Броклау.

Учитывая, насколько хорошо я знал Эмберли, а также по крохам собранные впечатления о функционировании Инквизиции (слишком много, чтобы спать спокойно, но слишком мало, как мне довелось уяснить еще до завершения битвы за Периметунду), я не разделял мнения майора. Я, впрочем, считал, что лишать его иллюзий было бы нечестно с моей стороны, не говоря уже о том, что не очень мудро, так что пришлось придержать язык.

— Сказала ли она еще что-нибудь? — спросила Кастин, пристально вглядываясь

в меня сквозь пар, поднимающийся из ее чашки с танной.

До того момента, честно говоря, я не успел прийти к решению относительно того, делиться ли последней бомбой, которую выдала мне Эмберли, с соратниками, но теперь, когда Кастин спрашивала напрямую, я не смог найти никакого достойного повода скрыть это. Я доверял этим двоим офицерам настолько, насколько вообще мог доверять кому-нибудь, кроме Юргена, и, по меньшей мере, так я оказывался не единственным, кто будет мучительно раздумывать над этими новостями.

Я медленно кивнул:

— Да, несомненно, но то, что она сказала, не должно покинуть стен этой комнаты. — Я вгляделся в них обоих по очереди, подчеркивая со всей утонченностью второразрядного актера, который играет на публику, находящуюся в заднем ряду галерки, необходимость в благоразумии. — Она особо указала, что вы двое являетесь единственными, кому я могу доверить эти сведения.

Кастин и Броклау торжественно кивнули, едва позаботившись скрыть самодовольство, вполне понятное для посвященных в тайну, относительно которой вышестоящие офицеры останутся в блаженном неведении ближайшие несколько недель. Конечно же, их удовлетворенному состоянию не суждено было продлиться дольше, чем несколько ближайших минут, но уж в этом я не был виноват. Я кинул наигранный взгляд на дверь, дабы убедиться, что она закрыта, и это заставило выражение жадного ожидания на лицах моих коллег только усилиться.

— Вы можете положиться на нас, — сказал Броклау.

— Именно так я и доложил арбитру Инквизитору Вейл, конечно же, это уже известно.

Кастин склонила голову, принимая подразумевавшийся комплимент.

— Вы можете передать, что мы оправдаем оказанное доверие, — произнесла она.

Я никогда точно не знал, какой вывод

сделала для себя полковник относительно моего сотрудничества с Эмберли, но, кажется, она принимала как должное наши деловые контакты и, возможно, подозревала, что я — один из многочисленных агентов инквизиции под прикрытием (каковым мне приходилось становиться время от времени, поскольку отвертеться было трудно: уверен, что большинству мужчин в Галактике знакомо чувство падения в пропасть, сопровождающее слова: «Могу я попросить об одном одолжении, мой дорогой?» — а когда женщина, задающая подобный вопрос, оказывается инквизитором, ответить отрицательно — значит поступить очень и очень глупо). Если полковник думала именно так, это уводило ее внимание от Юргена, который в действительности был для Эмберли гораздо более ценным достоянием, чем я, как, впрочем, и наименее вероятным кандидатом на роль агента.

— Хорошо, — произнес я, понижая голос, — потому что, если хоть что-то из того, что я сообщу, выйдет наружу,

начнутся такие беспорядки, по сравнению с которыми все, с чем тут имели дело до сих пор, покажется уличной дракой двух выпивох. Все население ударится в панику, а учитывая, что на СПО мы положиться не можем, нам никогда не справиться с последствиями.

— Замечен флот-улей, не так ли? — спросила Кастин, и лицо ее было даже бледнее, чем всегда.

— Еще нет, — отозвался я, — но Эмберли уверена, что он на пути сюда. Рахиль, кажется, ощущает его присутствие в варпе.

— Тогда у нас осталось не так много времени, — сказал Броклау.

Он казался гораздо более потрясенным новостями, чем полковник, но, впрочем, оба быстро вновь обрели присутствие духа; да я и не мог винить их за некоторое смятение. 597-й полк был сформирован из остатков двух других, 296-го и 301-го, после защиты Коранни, сократившей численность обоих подразделений больше чем наполовину. Именно тираниды безжалостно уничтожили их друзей и

соратников, и если мысль о столкновении в бою с каким-то из врагов Империума и могла заставить их задуматься, то это именно воспоминание о копошащемся хитиновом ужасе. Если уж на то пошло, я и сам вдоволь нагляделся на эту мерзость, хватило бы на три жизни.

— Я начну разрабатывать план экстренных мер по очистке плато от спор, когда они начнут падать. Если мы справимся с этой задачей, то сможем обороняться здесь едва ли не бесконечно.

— Хорошая мысль, — сказала Кастин, кидая на меня взгляд, уже полный обычной для нее уверенности. — Если что хорошего и есть в здешней фраговой географии, так это то, что она дает нам шанс постоять за себя. Большая часть тиранидских спор упадет в пустыни или лавовые котлы, где они не найдут ничего, что можно было бы сожрать. Мы потеряем некоторые плато, в этом не приходится сомневаться, необитаемые просто стерилизуем с воздуха, а остальные отобьем старым добрым способом в открытом столкновении.

— Уже похоже на план действий, — сказал я, стараясь не показать своего облегчения.

Конечно же, Кастин права: условия, которые делали Периремунду таким кошмаром, когда речь шла о выкуривании из подполья гнезд генокрадов, должны были сыграть нам на руку, когда дело дойдет до сражения с, основной массой тиранидов. Во всяком случае, именно на это оставалось надеяться. Подобные размышления казались вполне обнадеживающими, и именно им я и собирался предаться, но внутренний голос сообщил мне, что все не так просто.

— Немедленно начнем тренировки, специфичные для тиранидской угрозы, — добавила Кастин. — Если мы добавим их в стандартный курс по подавлению мятежей, то никто вне полка этого не заметит и в целом для боевого духа полка это будет очень неплохо.

— Ротные командиры подготовят все необходимое, — согласился Броклау, затем посмотрел на меня. — Как только младшие офицеры узнают о том, что нам

противостоят гибриды, они в любом случае начнут отрабатывать с личным составом приемы боя против тиранидов. Нам даже не придется сообщать им, что приемы эти понадобятся в действительности.

— Согласен, — отозвался я, безусловно радуясь тому, что наши бойцы будут настолько хорошо подготовлены к надвигающейся буре, насколько это вообще возможно, и мне даже не пришлось нарушать соглашение с Эмберли.

Большая часть личного состава еще очень хорошо помнила, что отчаянная битва за Коранию началась с рутинной операции по зачистке гнезда генокрадов, которая очень скоро превратилась в полномасштабное сражение за выживание, когда один из флотов-ошметков, который подозвали генокрады, прибыл на орбиту. Лишь такая счастливая случайность, как присутствие в системе кораблей Флота, а также относительная слабость того роя не позволили превратить осаду в нечто гораздо худшее.[26]

К сожалению, действительность всегда была сложнее, чем казалось.

Я добрался до квартиры, которую нашел для меня Юрген, — приемлемой комфортности комнаты в тихом уголке нашего гарнизона, избегаемом большинством вальхальльцев из-за тепла, которое выделяла находящаяся в подвале энергетическая установка, — и рухнул в постель. Сон, впрочем, пришел ко мне далеко не сразу, и, когда это случилось, он был беспокойным из-за видений, наполненных роями тиранидов, неудержимо движущихся через города, подобно копошащейся смертельной лавине.

Глава седьмая

В течение последующих нескольких дней, несмотря на совершенно понятное беспокойство, владевшее мною, Дариен не сотрясли никакие гражданские восстания — обстоятельство, которое должно было быть утешительным, но вместо этого заставляло лишь отчетливее предчувствовать беду. Моя паранойя, а я ей вполне доверяю, продолжала настаивать на том, что чем длительнее будет затишье, тем хуже станет тогда, когда дела все же пойдут под откос. Не утешало меня и такое счастливое открытие, как присутствие на Дариене изрядного количества приличных ресторанов, а также весьма привлекательных игорных домов, которые были рады-радехоньки — едва ли не

слишком — заполучить ту особую оценку, которую, как они, наверное, полагали, даст им визит Героя Империума. Так что мое свободное время протекало достаточно мило, несмотря на низкие температуры, которые мои братья по оружию полагали едва ли не знойными.

— Мы полностью завершили развертывание, — доложил Броклау, делая жест в сторону гололита, при этом рукава его были закатаны выше локтей, невзирая на то что каждое сказанное им слово вылетало вместе с облачком пара.

Я наклонился над проектором, запорошив его тонким слоем снега, который успел собраться на моей фуражке за время короткого путешествия до штаба, и сразу отметил для себя позиции наших сил. Они развернулись равномерно по всему плато, причем проделано все было с эффективностью и скоростью, которые не мог бы повторить никто, кроме выходцев с ледяного мира, — и на первый взгляд никакой критики я высказать не мог.

Двум полным ротам, первой и второй,

вменялась обязанность защищать Дариен, и они продолжали использовать в качестве базового лагеря наш импровизированный гарнизон; если вам это кажется несколько излишним сосредоточением войск, то вы должны вспомнить, что город являлся также самым большим скоплением жизни на Хоарфелле и потому должен был привлечь любые формы тиранидов, которые достигнут поверхности, с той же неотвратимостью, с какой Юргена привлекал любой фуршет, не говоря уже о том, что здесь располагался космопорт, который представлял собой последний путь для отступления в том случае, если дела примут совсем дурной оборот.

Поскольку все мы фактически угнездились на тонком каменном шпиле, места для маневра у нас фактически не было, так что, случись осаде врага увенчаться успехом, единственным спасением для нас станут шаттлы, и Хорус забери тех, кто отстанет. Не в первый раз я обнаружил, что благословляю предусмотрительность того, кто расквартировал нас так близко к

посадочному полю.

Я одобрительно кивнул:

— Город надежно защищен.

— Полагаю, — согласился Броклау. — Я подумал о том, не выделить ли пару взводов от первой роты на усиление кордона внешних пикетов, но если дела пойдут совсем плохо, то здесь они будут остро необходимы, чтобы защитить гражданских.

Он говорил об этом так, словно последнее вообще было возможно, но мы все понимали, что гражданские станут легкой добычей для тиранидов, а если рой окажется на улицах города, мы будем слишком заняты собственным выживанием. Если кому-то из гражданских удастся при этом уцелеть, это будет не более чем приятной неожиданностью.

— Четвертая и пятая,[27] на мой взгляд, вполне способны удержать оборону, — заверил я его, и Кастин согласилась:

— Именно так.

По холмам и долинам вокруг города располагался еще пяток деревень, и все они

теперь предоставляли кров где одному, где двум взводам, которые были готовы с максимальной оперативностью, учитывая зимний ландшафт, ответить на любое, желательно не очень массированное, вторжение тиранидов.

— Нам удалось расположить их так, чтобы области патрулирования пересекались, так что шансы спор достичь поверхности и остаться незамеченными снижаются настолько, насколько это вообще возможно.

— Хорошо задумано, — произнес я.

Конечно же, ставить на чью-либо удачу обнаружить ликтора или кого-то еще из специальных разведывательных организмов я бы не стал (если только тварь не решит по-быстрому перекусить), но развернутая стратегия должна была затруднить обычным хормагаунтам и им подобным незаметное проникновение сквозь наши кордоны. Я указал еще на несколько разбросанных деревушек и горнодобывающих станций, возле которых не было значков, указывающих на присутствие наших войск:

— А что здесь?

Кастин пожала плечами, явно не принимая их во внимание.

— Поселения на сотню душ максимум, кое-где вообще не больше дюжины. Они не стоят усилий, которые потребуются для их защиты.

Полагаю, что обитатели деревушек имели бы на этот счет иное мнение, но я не мог пойти против военной логики и потому согласился.

— Мы сообщили местным, что необходимо эвакуироваться в ближайший населенный пункт. Некоторые так и поступили, но, как обычно, есть такие, что наотрез отказываются. — Она снова пожала плечами. — Это их выбор. Если они хотят корчить из себя приманку для тиранидов, я не собираюсь рисковать своими людьми, чтобы их от этого удержать.

— Справедливо, — согласился я, поскольку сам был бы счастлив иметь как можно больше тяжеловооруженных солдат между мною и хитиновыми ордами, и обернулся к потаргивающему монитору. —

Мы как-то продвинулись в других областях, которые обсуждали ранее?

— Не слишком, — ответила Кастин, разворачиваясь и поднимаясь по лестнице в свой кабинет.

Следующий вопрос был слишком секретным, чтобы обсуждать его там, где нас могли услышать солдаты; хоть я был более чем уверен, что они уже сами сообразили, что к чему, особенно теперь, когда просочилось сообщение о том, что нужно держать ухо востро и выискивать следы деятельности генокрадов. Подождав, пока я не закрою за нами дверь, понизив таким образом непрекращающийся шелест голосов из командного пункта до приглушенного, неясного шума, полковник продолжила:

— Мы поддерживаем контакт со всеми гражданскими организациями, но пока что не можем сказать с точностью, какие из местных подразделений СПО заражены. — Она пожала плечами и протянула мне инфопланшет, который говорил о том же самом, но только более подробно, так что я просто положил его

обратно на стол, удостоив лишь беглым взглядом. — Конечно же, мы не можем полностью доверять ни одному из этих источников. Вполне возможно, что гибриды проникли в ряды юстикаров, Администратума, службы безопасности космопорта, — да что там говорить, я бы не поручилась здесь ни за кого — от местных экклезиархов до сборщиков мусора.

— Именно так, как мы и ожидали, — заключил я, стараясь, чтобы в голосе моем не прозвучало уныния перед теми бескрайними просторами недоверия, которые стояли за ее словами.

Броклау задумчиво созерцал меня:

— Возможно, ваш друг в Принципиа Монс мог бы несколько сузить круг подозреваемых?

Я вернул ему задумчивый взгляд. Эмберли, вполне вероятно, обладала какой-то точной информацией, но если она ею не поделилась, значит, у нее имелись причины поступить подобным образом. В любом случае я не собирался ее расспрашивать. Принцип выдачи

информации лишь по мере надобности был двадцать третьей строкой инквизиторского катехизиса.[28]

— Сомневаюсь, — сказал я. Вопрос в любом случае был праздным, потому как Эмберли не выходила на связь уже более недели, занимаясь зачисткой всех тех гнезд чистокровных генокрадов, которые только могла отыскать, — в попытке прервать психический сигнал, который, как ощущала Рахиль, патриархи выводков посылали в пустоту над нами. — К тому же ее нет в городе.

— Ясно. — Кастин, казалось, была несколько разочарована. — Может быть, вы могли бы лично обратиться к арбитру?

— Могу попробовать, — ответил я без особого энтузиазма.

Киш продвигался в решении этой проблемы очень короткими, хоть оттого и не менее ценными шагами, и уж он-то передал бы нам все новости, какие только удалось бы узнать и могущие повлиять на нашу оборону. С другой стороны, личная встреча с ним означала возможность

вернуться, хоть на короткий срок, в более приемлемый климат Принципиа Монс — проведя, казалось, вечность за отмораживанием конечностей, я не собирался упускать возможность даже самого кратковременного избавления.

— Я прикажу Юргену сделать соответствующий запрос.

— Мы можем признаться себе, — подвел итог Броклау, — что единственными людьми на этой планете, которым мы можем доверять, являются наши однополчане. — Он кинул на меня взгляд. — Это, надеюсь, все еще верно?

— Да, — подтвердил я.

На Кеффии генокрады сумели инфицировать десятки гвардейцев, которые были посланы на планету с целью их искоренения, используя для этого бары и бордели, где жертвы легко могли быть изолированы для внедрения в их тела чужеродной ткани. Получив такой опыт, я поместил все подобные заведения под строгий запрет, едва возвратившись на Хоарфелл с недобрыми вестями. Солдаты поворчали, конечно же, но смирились с

подобным ограничением. Некоторым из них пришлось в свое время лично наблюдать, как я расстрелял их зараженных товарищей на Гравалаксе, и рассказ об этом достаточно быстро обошел весь полк, так что никто, кажется, в очередь не вставал. Конечно же, с неизбежностью нашлось несколько таких, кто на личный страх и риск все же нарушил запрет — из дурной бравады или просто по глупости, — но ни один, когда юстикары доставили их обратно в полк, не выказал выдающих чужеродное внедрение ран; а уж я, со своей стороны, постарался, чтобы все веселье, которое они могли получить за ночь отсутствия, не искупило того, каким стало для них утро. После этого проблема постепенно сошла на нет.

— Ну что же, по крайней мере, это уже что-то, — сказала Кастин.

Ответ на мой запрос о встрече с Кишем был настолько же оперативным, насколько и неожиданным, поскольку разбудил меня мой помощник ранним утром с помощью чашки горячей танны и

новостей о том, что сам арбитр находится на вокс-связи и желает поговорить со мной. Вытащив себя из постели и вынув свой вокс из-под подушки, где рядом с ним ночевал и мой лазерный пистолет, я засунул миниатюрный передатчик в ухо и сделал большой глоток обжигающего ароматного напитка, в то время как Юрген подавал мне штаны.

— Каин, — произнес я так четко, как только мог, одновременно стараясь продышаться после горячего. — Благодарю вас, что так быстро откликнулись на мой запрос.

— Наш общий друг со всей очевидностью дал понять, что мы должны сотрудничать, — откликнулся Кииш, который обладал достаточной мудростью, чтобы не упоминать Эмберли по имени или званию, даже разговаривая на шифрованном канале связи. — Так что я подумал, что стоит предупредить вас заранее о том, что вы узнаете по обычным информационным каналам через час или около того. Мы только что получили астропатическое сообщение с Коронуса.

— Это хорошие новости, — произнес я, делая еще один глоток танны, на этот раз аккуратнее.

Сам по себе факт, что сообщение это прошло, означало, что флот-улей или находится от Периремунды еще на некотором расстоянии, там, где тень, которую он отбрасывает в варпе, еще не способна разорвать связь с нами, либо не настолько силен, чтобы область вызываемых им помех была значительной. Тон Киша приобрел гораздо более осторожный оттенок.

— И да и нет, — проговорил он, и мои ладони снова начали зудеть. Несмотря на то что арбитр пытался придать голосу невозмутимость, очевидно, что-то серьезно возмущало его. — Думаю, вы будете довольны, услышав, что нам выслано подкрепление.

Конечно, это в любом случае было поводом для оптимизма. Но Киш медлил.

— Я так чувствую, что теперь последует «но», — произнес я, сумев спрятать свое собственное предчувствие беды намного лучше его.

Киш откашлялся:

— Мое ведомство получило разведывательные данные, которые проливают на происходящее совершенно новый и очень тревожный свет. Лорд-генерал приказал собрать совещание для всех командующих полками, лично, — сказал он, а несказанное стало очевидным. Информация была такого рода, какую он не хотел распространять даже по воксу. — Конечно, это касается только гвардейских офицеров.

Все лучше и лучше. То, что СПО оставят в неведении, только подтверждало щепетильность новых сведений. Ладони мои зачесались, как никогда прежде.

— Разумеется, комиссары также приглашены.

— Разумеется, — эхом повторил я и стал запоминать подробности, касающиеся времени и порядка обеспечения безопасности предстоящего совета, которые Киш принялся отработанно проговаривать.

Когда сеанс связи завершился, я

поймал себя на размышлениях о том, не
поздно ли еще заползти обратно в
кровать, накрыться с головой одеялом и
пролежать так, пока все не закончится. Но
такой возможности у меня не было.
Задержавшись лишь для того, чтобы
допить танну да перехватить горячий
пирожок с гроксом, раздобытый для меня
Юргеном, я отправился к полковнику с
добрыми вестями.

Глава восьмая

— Есть у вас какие-нибудь предположения, о чем пойдет речь? — спросила Кастин, хотя вряд ли ожидала ответа.

Я покачал головой, про себя проклиная ветер, что разгуливал по просторам космопорта, и ответил:

— Арбитр не стал вдаваться в подробности.

Полковник и я обменялись кучей подобных фраз за последние несколько часов, и ни одна не привела нас ни к какому умозаключению, поскольку запас всех, даже самых безумных, предположений мы исчерпали еще ранее. Что и к лучшему, потому что эти гадания лишь еще больше портили нам настроение. Хотя, нужно сказать, ни одно из наших предположений

по пессимизму и близко не стояло с тем, что предстояло услышать в ближайшее время — едва достигнем столицы. Я плотнее закутался в шинель и постарался, чтобы озноб был не слишком заметен.

Мы стояли на краю посадочной площадки, расположенной в самом центре аэродрома, и ворчание двигателя одинокой «Химеры», которая доставила нас сюда, скрашивало наше ожидание, заодно наполняя воздух запахом сгоревшего прометия; леденящий ветер умудрялся бросать грязноватый снег мне в лицо с любого направления, куда бы я ни повернулся. Ни один из вальхалльцев, сопровождавших нас, конечно же, не испытывал совершенно никакого неудобства, по их меркам, погода стояла вполне комфортная. Большая часть отряда (который являлся разумной предосторожностью в свете давешнего визита на Принципиа Монс) была облачена в шинели и меховые шапки, но бойцы, как один, оставили тяжелые одеяния не застегнутыми (кроме Кастин, которая для особого случая нарядилась в

парадную форму и не хотела, чтобы та промокла перед встречей с арбитром), позволяя рассмотреть под шинелями стандартные легкие бронежилеты.

— С шаттла есть какие-нибудь известия? — спросил я Юргена, и тот скорбно покачал головой, потому как уже начал испытывать дискомфорт предстоящего путешествия по воздуху.

— Потороплю их, комиссар, — пообещал он, движимый чувством долга, и стал вызывать кого-то по воксу в своей обычной манере, сочетавшей спокойную рациональность и несокрушимую настойчивость.

— Благодарю, — я взглянул на хронограф, — не хотелось бы заставлять арбитра, не говоря уже о лорде-генерале, ждать.

По правде говоря, я мог бы заставить обоих дожидаться своей персоны неограниченное время (само мое положение обеспечивало такое право, не говоря уже о репутации), но поступать подобным образом было нежелательно. С одной стороны, я хотел как можно скорее

услышать дурные вести, которые приготовил для нас Киш, чтобы начать беспокоиться уже по реальному поводу, а не строить ужасные предположения, которые подкидывало мне мое воображение; а с другой стороны, мне, кажется, удалось произвести положительное впечатление на лорда-генерала еще при встрече на Гравалаксе, и я был бы не прочь усилить его. Как свидетельствует мой опыт, никогда не вредно быть на короткой ноге с теми, кто командует всеми остальными, особенно в тех случаях, когда принимаемые ими решения могут весьма существенно повлиять на мои шансы пережить следующие двадцать четыре часа, не потеряв никаких важных частей тела. Короче, на тот момент я просто хотел забраться на борт челнока, который опаздывал уже на десять минут, и спрятаться от этого гнилого, болезненного ветра.

— Кажется, у диспетчеров возникли проблемы, — доложил Юрген через несколько мгновений. — Они задерживают все рейсы и пока не могут разобраться, в

чем дело.

— Проблема? — спросил я, переключаясь на частоту, на которой я мог слышать все сам, и тревога моя мгновенно вскипела оттого, что у распорядителя воздушного движения в голосе были отчетливо слышны тусклые нотки сдерживаемой паники.

— HL — шестьсот восемьдесят семь, отвечайте. Говорит Дариен Нижний,[29] вызываю HL — шестьсот восемьдесят семь. Вы отклонились от предписанной траектории полета. Вернитесь на курс и немедленно доложите.

— Они упустили один из тяжелых транспортных дирижаблей, — любезно пояснил Юрген. — Без прометий для топливных хранилищ на краю плато, но затем у него порвались крепежные тросы, и теперь его сносит к городу.

— Мою задницу сносит, — произнесла Кастин, прикрывая глаза рукой и глядя вверх. Обширная тень закрыла переливчатую дымку, которая обозначала здесь солнце, пробивающееся через снеговые

облака, тем самым погружая нас в частичное затмение. — Эта штука идет с двигателями.

— Вы правы, — откликнулся я, и дрожь от осознания этого факта ударила больнее, чем порывы ветра. Низкий гул двигателей эхом отражался от припорошенного снегом камнебетона вокруг нас. Я кинул взгляд на затерщую «Химеру». — Ластиг, можем ли мы сбить его из тяжелых болтеров?

— Попробуем, — сказал сержант, опытный воин, под командованием которого находился сопровождавший нас отряд. — Семь Несчастий, за мной!

— Есть, сержант!

Рядовой Пенлан, чье прозвище было, надо сказать, не вполне незаслуженным, бегом последовала за командиром, и след теплового ожога на ее щеке раскраснелся от внезапной физической активности. Несмотря на ее репутацию человека, с которым постоянно случаются какие-то происшествия, я понимал, что Ластиг сделал правильный выбор. Она была надежным и компетентным солдатом, не

склонным терять голову, а нам как раз нужна была твердая рука на тяжелом вооружении, если мы собирались заставить надутого газом бегемота над нами снизиться без того, чтобы зацепить его высоковзрывчатый груз. Что напомнило мне о...

— Говорит комиссар Каин, — передал я, используя свой комиссарский код доступа, для того чтобы вклиниться на частоту диспетчеров. — Ввиду очевидной и непосредственной опасности для гражданского населения я перевожу данный инцидент под военную юрисдикцию, немедленно. — В действительности, конечно, гражданское население меня заботило не больше брошенного фрага, но прозвучало это неплохо, и, если я только мог судить, сотрудники аэропорта только рады были переложить проблему на плечи любого, кто окажется достаточно слабоумным, чтобы вызваться добровольцем. — Сколько прометия на этой штуке?

— Три килотонны, — сообщил мне диспетчер, заставив кровь мою

похолодеть даже больше, чем ей случалось на Симиа Орихалке. — Если они сдетонируют...

Голос его сошел на нет, и я его не винил; взрыв такой силы сровняет с землей большую часть города, прихватив заодно космопорт и наш гарнизон. И тут мне явилось наконец-то головокружительное осознание того, почему ни Эмберли, ни Киш не засекли никакой деятельности генокрадов в Дариене. Фраговы гибриды покинули это место, приготовив вот этот сюрприз, который, несомненно, вызовет панику и восстания по всей планете, если все пройдет как задумано. И что более важно, я превращусь в барбекю вместе с городом. Чего бы это ни стоило, дирижабль необходимо остановить.

— Цельтесь по газовым ячейкам,[30] — передал я по воксу Ластигу и Пенлан, с облегчением отметив, что покрывающая ячейки оболочка немного нависает над скоплением топливных цистерн, которые были закреплены под туго натянутым полотном, — а надо сказать, каждая из

цистерн была такого размера, что в ней можно было разместить все наши «Химеры» и еще осталось бы свободное место.

Град тяжелых разрывных зарядов должен был разорвать на куски относительно слабый материал ячеек баллона, выпустив газ, и тем самым лишить воздушное судно подъемной силы. Я повернулся к остальным солдатам, сопровождавшим нас:

— Цельтесь в двигатели!

Двигатели, по правде сказать, должны были быть прочнее ячеек, но все равно не бронированными, поэтому лазерные заряды нашего легкого вооружения обязаны были причинить им достаточные повреждения.

— Верно говорите, — согласилась Кастин, вскидывая личное оружие и кладя два заряда точно в двигатель правого борта, который тут же стал истекать топливом и струйками дыма.

Лишь теперь я вспомнил, что Кастин обычно носила при себе болт-пистолет, но пока что, кажется, нас не подорвала, так

что я предоставил ее самой себе и направился обратно к «Химере», Юрген следовал за мной по пятам. Из машины я мог наблюдать за происходящим с большим комфортом, без того чтобы ветер бросал мне в лицо снег каждые пару секунд и отвлекал меня в самый ответственный момент. А если дела пойдут совсем скверно, у меня есть некоторый шанс избежать самых дурных эффектов образовавшегося в результате шара огня за толстой броней (разница была бы совершенно незаметной, но дайте мне выбор между почти неминуемой смертью и гарантированной — и я всегда выберу хоть жалкую, но надежду). Мне показалось, что Кастин сейчас присоединится ко мне, но она, похоже, разрезвилась, всем своим видом демонстрируя полное удовлетворение жизнью и профессией, и продолжала дырявить мучительно воющие двигатели.

Я нырнул в нашу крепкую небольшую машинку как раз в тот момент, когда Пенлан выпустила очередь из болтера, которым была оснащена башня, а Ластиг

секунду спустя открыл огонь из второго орудия на переднем скате, хотя и не мог добиться нужного угла. Не думаю, впрочем, чтобы это имело какое-то значение, потому что цель наша все равно была достаточно большой. Дирижабль уже находился над нами, и я высунулся из верхнего люка, чтобы видеть происходящее. Ластиг сделал череду дыр в заднем нависающем крае. Конечно, мой поступок выглядел несколько безрассудно, но я рассчитывал успеть нырнуть обратно в том случае, если обстановка снаружи станет совсем уж неуютной; и, в конце концов, надо же беречь незаслуженную репутацию лидера, ведущего людей за собой.

— Фраг! — выругался Ластиг, когда корма дирижабля наконец прошла ту точку, где он еще мог навести свой болтер на цель.

Пенлан, впрочем, подобных затруднений не испытывала, и потому глаза ее были прикованы к ауспику наведения — она поворачивала башню из стороны в сторону, оставляя на боках

неуклюже ползущего бегемота длинные рваные раны.

— Юрген, — позвал я, — нужно развернуть машину!

— Слушаюсь, сэр, — отозвался он; мгновение спустя работавший на холостых оборотах движок взревел, и из-под гусениц «Химеры» полетели брызги ледяной каши, когда она повернулась вокруг своей оси, давая возможность Ластигу вновь применить орудие. — Так удобнее?

— Неплохо, неплохо, — отозвался сержант, подтверждая свои слова удачным выстрелом болтера, прогрызшим очередную дыру в газовом баллоне.

— Работает! — доложила Кастин снаружи, и ее напряженный голос отозвался эхом в моем передатчике.

Кинув взгляд на продырявленный дирижабль, я был вынужден согласиться. Он определенно терял высоту, обшивка висела складками и хлопала на ветру сразу в нескольких местах, там, где до того была туго натянута давлением газа; летающая машина была если не искалечена, то серьезно подранена. За ее

двигателями тянулись полосы дыма, но ни один из них до сих пор не отключился, а лопасти теперь развернулись в горизонтальной плоскости, чтобы дать дополнительную подъемную силу, насколько возможно, пока дирижабль продолжал свое неуклонное движение в сторону ничего не подозревающего города.

— Продолжайте огонь!

Возможно, это был самый ненужный приказ из всех, какие она когда-либо отдавала, но тем не менее все мы последовали ему с пламенным энтузиазмом, и Пенлан снова крутанула башню, чтобы разорвать еще несколько газовых ячеек, да так, что я едва не потерял равновесие.

Именно в этот момент я заметил еще одну опасность, которая укрылась от моего внимания за угрозой всесожжения. По мере того как левиафан все более снижался, швартовы, которые болтались под ним, начали скрести по земле, подобно щупальцам огромных размеров медузы, поднимая за собою миниатюрные снежные бури. Вспомнив о том, что любой, кто

запутается в них, будет разорван на куски и, таким образом, потеряет способность далее продолжать свои труды по обеспечению моей личной безопасности, я передал общее предупреждение по воксу.

— Берегитесь причальных тросов. — Произнося эти слова, я еще раз взглянул наверх.

Последняя очередь болтерных зарядов, кажется, завершила дело; в любом случае дирижабль определенно терял не только высоту, но и маневренность — его водило из стороны в сторону.

— Будет исполнено, сэр, — откликнулся Юрген, как и обычно принимая мои последние слова за буквальный приказ и исполняя его наиболее прямолинейным способом.

Он резко подал «Химеру» назад.

— Фраг!

Захваченная врасплох неожиданным толчком, Пенлан сжала рукоятку поворота башни, так что та дико мотнулась, взвизгнув сервомоторами, протестующими против столь жесткого обращения. Очередь болтерного огня

вильнула прочь от цели, взорвавшись где-то среди переплетения металлических опор, которые, подобно вуали, окутывали зловещую тушу топливного хранилища, под завязку наполненного прометием. Пенлан отдернула палец от гашетки, будто она внезапно раскалилась добела, и уставилась на меня, причем глаза ее под нависающей шапкой были до предела расширены.

— Простите, сэр, меня застало врасплох.

— Меня тоже, — признал я, с усилием заставляя безмятежную улыбку пробиться сквозь гримасу ужаса, которая, казалось, закаменела на моем лице. — Никакой беды не произошло...

— Вижу всполохи огня, — доложила Кастин, и голос ее прозвучал напряженно, как никогда.

Ледяная рука коснулась моего сердца, а затем сжала пальцы, и мне пришлось сделать над собою усилие, чтобы взглянуть вверх. Яркий оранжевый цветок появился на расположенной по правому борту цистерне и, помилуй нас

Император, расползался все шире прямо на глазах. Теперь в любой момент все цистерны могли взорваться, унеся в прошлое космопорт и нас с ним заодно. Даже если бы нам как-то удалось попасть на борт этой штуковины и преодолеть сопротивление гибридов, которые управляли ею из кабины экипажа, все равно мы искалечили аппарат слишком сильно, чтобы увести его куда-нибудь, где он мог бы взорваться без особого вреда, я уже не говорю о том, чтобы самим спастись с него и уцелеть.

И как раз в этот момент на меня нахлынуло вдохновение. В отчаянии оглядываясь вокруг в поисках какого-нибудь способа спасти наши шкуры — или хотя бы свою собственную, — я увидел, как один из шивартовов бороздит посадочную площадку прямо перед нами, поднимая вокруг небольшое облако снега, пара и сточенного в пыль камнебетона, будто давая нам ощутить в миниатюре нависший над нами апокалипсис.

— Юрген! — проорал я. — Тарань причальный канат!

Не сомневаюсь, что большинство людей на его месте помедлили бы, сомневаясь и, возможно, размышляя, не рехнулся ли комиссар, — но одной из хорошо замаскированных добродетелей моего помощника было его непоколебимое уважение к приказам. Он опять отреагировал без вопросов и хотя бы секундной задержки. «Химера» качнулась назад, а затем вперед, когда он швырнул рычаг переключения скоростей снова на переднюю передачу, причем сразу такую высокую, что ни один другой водитель не помыслил бы даже попытаться проделать подобное, дал газу, да так, что высокий визг мотора заставил бы скривиться от зубной боли эльдарского баньши, и лишь затем отпустил сцепление. Несмотря на претерпеваемое жестокое обращение, «Химера» прыгнула вперед, подобно спущенной со сворки гончей, шарахнув меня о край люка с такой силой, что я ощутил удар, который должен был оставить синяк, даже через толстую ткань своей шинели (что, в свою очередь, заставило меня на короткий миг пожалеть, что мне не

пришла в голову идея надеть под нее свою личную нательную броню), но затем все мое внимание было полностью захвачено необходимостью вцепиться во что-нибудь, чтобы держать равновесие. Все прочие в нашей компании находились на сиденьях, которые защищали их от большей части ударов, но я не решался покинуть свою позицию в башне машины. У нас был лишь один шанс, чтобы претворить задуманное в жизнь, и тот достаточно слабый. Точный расчет времени имел для нас первейшую важность.

— Пенлан, — распорядился я, заклиная Золотой Трон, чтобы обычная для Юргена жесткая манера вождения не перемешала ей все мозги, — будьте готовы повернуть башню, как только я укажу. И как можно быстрее, не останавливаясь, что бы ни произошло. Ясно?

— Так точно, сэр, — кивнула она, трачная и решительная, слишком многое повидавшая, чтобы задавать какие-либо вопросы в решающей ситуации.

— Приготовьтесь к столкновению! — предостерег Ластиг со своего места,

рядом с сиденьем водителя.

Я именно так и поступил, когда Юрген пропахал «Химерой» болтающийся стальной трос толще моего предплечья, который рыл узкую канавку в более чем твердом камнебетоне посадочной площадки. Машина содрогнулась от удара. Со своего возвышения я увидел, как передний скат промялся, и на какое-то пронизанное паникой мгновение мне показалось, что швартов или разрежет машину, или перевернет ее, но Юрген вступил в сражение за власть над «Химерой», и гусеницы снова вцепились в прочную поверхность под тонким слоем льдистой слякоти. Трос угрожал снести мне голову, болтаясь из стороны в сторону, на какое-то мгновение заякоренный весом нашего гусеничного транспорта.

— Давай! — взвыл я, и Пенлан тут же принялась раскручивать башню, поворачивая ее вокруг оси быстрее, чем могли поверить технопровидцы, которые занимались нашим транспортным парком, и определенно быстрее, чем одобрили бы.

Мне казалось, что моя отчаянная

игра провалилась, когда башня сделала два полных оборота, а затем со звуком раздираемого металла внезапно остановилась, заполнив пассажирский отсек запахом сгоревших изоляционных материалов.

— Прошу прощения, сэр, — сказала Пенлан, глядя в совершенном уж унынии. — Она застряла.

— Отлично. — Я снова осторожно высунул голову наружу, просто чтобы быть уверенным, и сердце мое воспарило. Болтающийся швартов, как я и надеялся, плотно обмотался вокруг башни, едва не оторвав болтер, который теперь совершенно бесполезно болтался на том, что осталось от его крепежа. — Юрген, опускай рампу!

— Есть, сэр! — Мой помощник выполнил приказ, и погрузочный пандус с резким металлическим звуком откинулся за нами, царапая поверхность посадочной площадки, — свисающий сверху металлический кабель дернул нас вперед, как попавшуюся на крючок рыбу.

— Ластиг, Пенлан, наружу! — гаркнул

я, мечтая последовать за ними, но сейчас такой возможностью не располагая; солдаты выполнили приказание, дисциплина и непостижимая уверенность во мне заставили их двигаться даже быстрее, чем я мог надеяться. Когда они протиснулись мимо меня, я вытащил цепной меч и принялся резать шарниры, поддерживающие этот тяжелый пласт брони. — Юрген, вперед! Правь прямиком на обрыв!

— Кайафас? — Голос Кастин отчего-то звучал немного странно, менее четко и резко, чем обычно. — Какого дьявола вы творите?

— И сам не до конца понимаю, — пришлось признаться, когда мой меч с пронзительным визгом и фонтанами искр начал прорезать петли. Под вой протестующего двигателя мы начали тянуть, сначала болезненно медленно. Корпус «Химеры» громыхал, будто принимал прямые попадания из тяжелого орудия, истязаемый металл принимал натяжение троса и безмерную инерцию медленно падающего дирижабля. Внезапно

задний скат отвалился, и «Химера» покатилась вперед, постепенно набирая скорость. — Но это все, что я могу придумать.

— Император да пребудет с вами, — произнесла Кастин.

Я искренне полагал, что мне еще очень рано пребывать с Императором, но, если везение изменит мне, пожелание полковника осуществится. Я как можно беззаботнее помахал ей и нырнул в люк, занимая место, освобожденное Ластигом.

— Куда, сэр? — спросил Юрген, потому как его смотровая щель была едва ли не целиком перекрыта свисающим швартовом, а также паутинкой трещин, которые лучами разбегались по бронекристаллу.

Сказать по правде, на месте стрелка было немногим лучше, чем в башне, но мне удалось разглядеть достаточно через прицел болтера, чтобы направлять наше движение. И к моему огромному облегчению, оружие все еще было исправно. Это немного облегчало нашу задачу.

— Немного левее, — сказал я, заметив

один из ярких оранжевых светоотражателей, которые обозначали границу посадочной площадки. Нам нужно было как можно дальше уйти от прометиевых терминалов.

Не стоило ухудшать положение дел, если только это вообще еще было возможно. Наш потятый броневик отозвался на легкое прикосновение Юргена к рукоятям управления, издав звук, откровенно напоминающий предсмертный стон.

— Кайафас! — раздался в моем воксе голос Кастин; судя по тону, вопрос не терпел отлагательства. — Дирижабль все быстрее теряет высоту. Он упадет прямиком на вас!

— Тогда лучше бы нам закончить дело побыстрей! — произнес я, подавляя желание поглядеть вверх, чтобы убедиться, насколько близко находятся три тысячи тонн горящего прометия и как быстро они приближаются. — Как там пожар?

— Быстро распространяется, — трачно откликнулась Кастин.

Чудесно! Отодвинув тяжелые мысли на задворки сознания усилием воли, которое несколько удивило меня самого, я вернул свое внимание к прицелу болтера и узкой полосе припорошенного снегом камнебетона, которую видел через него. У меня была всего одна попытка, чтобы выполнить задуманное.

— Можешь чем-нибудь заклинить газ? — спросил я Юргена, и он кивнул.

— Будет исполнено, — заверил помощник, обдав меня дурным запахом изо рта, и принялся свободной рукой копаться в своих неисчислимых подсумках и обвязках. — О, а я-то думал, куда оно делось.

С этими словами он выудил штуку, подозрительно похожую на окаменевший кусок глопа из тех, что везла на продажу Земельда; хотя точно сказать не могу, поскольку сосредоточил все внимание на прицеле болтера, да и в целом не склонен был к праздному созерцанию. В любом случае Юрген втиснул это нечто в прорезь рукоятки газа и кивнул с очевидным удовлетворением:

— Твердо, как наша вера в Императора!

— Хорошо, — отозвался я, надеясь, что оно окажется более прочным, чем — во всяком случае, моя — вера, но в тот момент задумываться над подобными вопросами было некогда.

Ограничивающая звездный порт по периметру стена надвинулась на нас, и я зажал гашетку болтера, надеясь, что барьер этот окажется настолько хрупок, насколько мне нужно. Обычно подобные стены больше похожи на укрепления, чем на простое обозначение границ, потому как предназначены сдержать собою взрыв, который может последовать за крушением орбитального челнока, но в этом месте принимать подобные меры предосторожности необходимости не было. Все, что находилось за этой стеной, — крутой обрыв Император знает сколько километров глубиной, так что предназначение стены заключалось в том, чтобы уберечь от падения за край редкого сотрудника космопорта, который посещает вынесенные на периферию

строения. При некоторой удаче стена должна была оказаться дешевкой, не более прочной, чем большинство других гражданских построек.

К моему несказанному облегчению, я оказался прав: стена перед нами исчезла под градом тяжелых зарядов в облаке кирпичной пыли, открыв ужасающе узкую полоску покрытой снегом грязи, за которой открывалась головокружительная панорама облаков.

— Кайафас! Он прямо над вами! — пронзительно прокричала Кастин, и я выпрыгнул из своего кресла.

— Бежим, быстро! — проорал я Юргену, и мы ринулись к зияющему проему в задней части «Химеры».

Мы прыгнули почти одновременно с тем, как днище машины, накренившись, ушло из-под наших ног; «Химера» подпрыгнула на обломках, оставшихся от стены, а затем исчезла за краем бездонной пропасти.

На мгновение я было усомнился, что мы допрыгнем. Затем мои сапоги ударились о скользкую от инея траву, и я,

потеряв равновесие, тяжело упал на колени. Полное паники мгновение, пока я отчаянно шарил вокруг в поисках опоры, — мне казалось, что я соскальзываю туда, в эту ужасающую бездну. Затем руки мои впились в куст, крепко прицепившийся к самому краю мира, и сердце мое постепенно стало замедлять темп. Я глубоко вздохнул, причем знакомые миазмы, исходящие от моего помощника, сообщили мне, что ему тоже удалось выбраться. Пошатываясь, я сумел встать на ноги.

— Ну, пошла, — совершенно обыденным тоном заметил Юрген, усаживаясь на кучку обломков, в то время как пылающий дирижабль проскрежетал по верхушке неповрежденных секций стены, задевая оба края пролома, вызвав, в свою очередь, небольшую лавину из кирпичей.

У меня перехватило дыхание — я понял, что мне во время нашей безумной поездки по пространству космопорта не было видно, насколько широко распространилось пламя. Оно жадно со всех сторон облизывало баки с прометием, и

металл стал красным от жара, так что катастрофа, безусловно, должна была вот-вот разразиться.

Раненое чудище завалилось в бездну — сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее, по мере того как улетучивались последние остатки газа, увлекаемое вниз собственной смертоносной тяжестью, а также раскачивающейся на конце троса, подобно свинцовому грузу, нашей доблестной «Химерой».

— Кайафас! Вы там? — спросил в моем ухе голос Кастин, и я глубоко вздохнул, стараясь унять дрожь в голосе.

— В порядке, — заверил я полковника. — Юрген тоже.

Что-то прокатало, подобно далекому грому, и секунду спустя выдох жара пронесся совсем рядом с нашими лицами, мгновенно превращая снег на краю пропасти в пар. Далеко внизу облака зарделись алым светом, как будто каким-то образом под нашими ногами заходило второе солнце. Я еще раз глубоко вдохнул, стараясь не закашляться от попавшего в легкие окружившего нас теплого тумана.

— Но боюсь, нам потребуется еще
одна «Химера».

Примечание редактора

Следующий отрывок публикуется без каких-либо комментариев с моей стороны, кроме одного: это типичный пример словоизвержения, которое вышло в печати в тот день.

«Периремунда сегодня: новости, которые важны для нашей планеты», 224.933.M41:

Героический комиссар спасает Дариен!

Огненный апокалипсис предотвращен!

Источники, близкие к офису Адептус Арбитрес в Принципиа Урби,[31] подтвердили слухи, которые широко

разошлись этим утром, будто террористы, которые ведут презренную кампанию против всего, что обладает добротой и святостью на нашей благословенной Императором планете, были упреждены в своем наиболее дерзком из совершенных до сих пор нападении и их планы разрушены не кем иным, как комиссаром Кайафасом Каином, прославленным Героем Империума, чей недавний публичный обет сокрушить предателей в наших рядах столь сильно воодушевил нас и наших соотечественников.

Доблестный комиссар находился на аэродроме Дариена, когда прометиевый танкер, в команду которого пробрались еретические отродья, был направлен в самое сердце города в самоубийственной попытке

взорвать несомый им груз и тем самым стереть с лица планеты как стратегически важный космопорт, так и миллионы невинных жизней. Действуя по секундному наитию, без какой-либо оглядки на свою личную безопасность, комиссар Каин присоединил один из швартовочных канатов дирижабля к оказавшемуся поблизости танку, чтобы лично отвести машину к краю плато и затем спустить с обрыва, дабы увлечь туда же и смертоносный груз, всего за какие-то мгновения до взрыва, который нанес бы смертельную рану беззащитному поселению.

К счастью для Периремунды и для Империума, жизненно важной частью которого является наш мир, комиссар Каин был милостью Императора избавлен от участи разделить судьбу тех,

чей низкий заговор он столь героически пресек, и он вышел из происшествия без единой царапинки, с тем чтобы продолжать свой безжалостный поход с целью раскрыть и уничтожить врагов Его Священного Величества везде, где бы они ни прятались.

Выдающаяся храбрость комиссара Каина и его преданность долгу своим свидетелем имели полковника Кастин, величавую рыжеволосую валькирию, что командует полком, к которому приписан комиссар. Но на наш вопрос, есть ли правда в слухах о романтической связи между ними, она со всей скромностью отказалась ответить.[32]

Глава девятая

Новости о происшедшем, как оказалось, разлетались по Периметунде с удивительной скоростью, и я снова задумался, не рука ли Эмберли придала им ускорение.[33]

Едва прибыв на аэродром Принципиа Монс, мы чуть ли не в то же мгновение оказались окружены толпой пикт-репортеров и писцов из печатных изданий, которые орали, подобно ваааагх орков, что-то по поводу проявленного мною героизма там, на Хоарфелле. К счастью, мы с Кастин оставили при себе наш эскорт, несмотря на потерю «Химеры», и потому сумели пройти через эту орду, не доставая оружия, пока Ластиг и его подчиненные удерживали напиравших на расстоянии вытянутой руки от нас с помощью

прикладов и ругательств.

Возможно, не менее удачным обстоятельством оказалось то, что вальхальльцам климат здесь, так далеко внизу, казался неуютно жарким и от своих шинелей они избавились, а легкая летняя парадная форма Кастин весьма благоприятным образом облегала ее фигуру, демонстрируя в самом лучшем свете и таким образом отвлекая на нее немалую долю всеобщего внимания.

— Комиссар. Полковник. — Найт поджидал нас возле выхода из главного вестибюля воздушного вокзала, немного потрепанный, что неудивительно при обстоятельствах, в которых мы расставались в прошлый раз. Он был окружен тесным кольцом вооруженных юстикаров и явно не собирался повторять ошибку. Я начал чуть меньше сожалеть о потере «Химеры». Юстикар приветственно кивнул нам с Кастин, подчеркнуто не замечая при этом Юргена. — Не ожидал, что с вами будет настолько значительный эскорт.

— Могу сказать то же самое о вас, — парировал я, осознавая, насколько много вокруг нас любопытных ушей и что мне надо играть именно ту роль, которой от меня ожидали. О том, чтобы упомянуть причину нашего общего беспокойства, конечно же, не могло быть и речи. Я мотнул головой в сторону выхода. — Проследует далее?

— Конечно же, — отозвался Найт, направляясь впереди своих слишком многочисленных юстикаров наружу. К моему удивлению, вместо обычной машины, которую я ожидал увидеть, нас поджидал приземистый бронированный «Рино» с включенным двигателем, аквилой и гербом Адептус Арбитрес на развевающихся знаменах, которые украшали его в той манере, которая мгновенно напомнила мне о злосчастном лимузине Киша. Наш провожатый поглядел на ожидающую машину с сомнением. — Я не уверен, что в ней хватит места для всех.

— Первая команда[34] может поехать

на броне, — вызвался Ластиг, кинув взгляд на полковника. — Будем приглядывать, не появится ли какая-нибудь проблема.

Кастин кивнула:

— Это будет вполне уместно, не так ли?

— Конечно же, — произнес Найт, в то время как тон, которым это было произнесено, говорил совершенно противоположное.

Пока первая команда карабкалась на броню, находя для себя подходящие выступы, за которые можно было держаться, остальные залезли внутрь через одну из боковых дверей, которая с веским чавканьем захлопнулась за нами.

Я огляделся, почти сразу же сориентировавшись внутри машины. Прошло немало лет с тех пор, как нога моя ступала в чрево «Рино», но нутро было почти таким же, как и у тех, на которых мне приходилось кататься во время моей краткой приписки к Отвоевателям, — за исключением того, что здесь скамьи были закреплены на высоте более удобной для людей, а не закованных в броню гигантов

Астартес. В их машинах ноги мои болтались в воздухе, как у ребенка на высоком стуле, что всегда заставляло меня испытывать удивительную неловкость. Потолок был, впрочем, столь же высок, как мне помнилось, так что над головой оставалось пространство большее, чем то, к которому я привык в «Химере», потому как рассчитан «Рино» все-таки на то, чтобы вмещать Астартес. Единственное настоящее отличие, которое я отметил, заключалось в оружейной стойке, разделявшей водительское и пассажирское отделения. Вместо громоздких болтеров, слишком тяжелых и плохо сбалансированных, чтобы ими мог эффективно пользоваться обычный человек, там находились травматические ружья, танглеры и стабберы.

— Мы едем по той же дороге, что и раньше? — спросил я, когда мы с рывком тронулись с места, но Найт покачал головой:

— Шоссе все еще закрыто на ремонт. — Он обернулся ко мне с улыбкой. —

Кажется, мы наделали в нем немало дыр.

Я кивнул, понимая, что он не хотел упоминать о присутствии Эмберли перед рядовыми солдатами и, возможно, перед своими собственными подчиненными тоже.

— Комиссар Каин рассказывал нам обо всем, что случилось, — произнесла Кастин, делая достаточное ударение на «всем», чтобы успокоить любые сомнения, которые могли возникнуть у юстикара на предмет того, посвятил ли я ее в подробности. Найт склонил голову, сразу же уловив, что она хотела сказать, и полковник продолжила с уверенной гладкостью, с которой иной дипломат увиливает от вопросов о своем политическом курсе. — Я рада, что вы столь быстро оправились от ран.

— Достаточно, чтобы исполнять свои обязанности, — заверил ее Найт.

Юрген пробормотал что-то про перекладывание инфопланшетов и полив цветов в горшках, но я предпочел сделать вид, что не услышал.

Спустя сравнительно небольшое время, которое мы провели, трясясь в

«Рино», который, впрочем, был лишен комфорта не более, чем другие подобные машины (по крайней мере, по нам не била тяжелая артиллерия), мы остановились и люк распахнулся. Я последовал за Найтом и Кастин наружу и был приветствован несколько растрепанным Ластигом.

— Никаких поводов для беспокойства, — доложил он, отдавая честь одновременно мне и полковнику одним быстрым движением.

— Лучше бы вам собрать своих людей и поискать, чем их накормить, — сказал я ему. У меня было подозрение, как оказалось вполне справедливое, что совещание затянется. Я кинул быстрый взгляд на Кастин. — Здесь мы должны быть в достаточной безопасности.

— Уж я надеюсь, — ответила полковник, и в глазах ее промелькнула тень веселья.

Остановились мы в подземном бункере, который, несомненно, был вырублен в камне под зданием Арбитрес, вместе с нашим там припарковалось еще несколько «Рино». В резком свете

люминаторов они выглядели угловатыми и сугубо функциональными, с некоторыми из них уже возились технопровидцы. Толстая адамантиевая противовзрывная дверь скользнула, закрываясь, за нами, полностью перекрыв пандус.

— Я и не предполагала, что местные защитники правопорядка так хорошо вооружены.

— Это оборудование принадлежит Арбитрес, — проинформировал нас Найт, отряжая одного из своих подчиненных, чтобы тот позаботился о Ластиге и его солдатах, сам же повел нас вперед по коридору со стенами из камнебетона, который находился за другой, более привычных размеров дверью. — Мы получаем доступ к нему лишь в случае значительной угрозы гражданскому населению.

— Я так представляю, что нынешняя ситуация более чем подходит под данное определение, — сказал я, и он серьезно кивнул:

— Боюсь, что вы правы.

Что бы Найт ни собирался сказать

еще, ему пришлось оставить это при себе, потому как впереди послышался оживленный голос:

— Кайафас! Тебе все-таки удалось добраться!

Эмберли поджидала нас возле деревянной двери без каких-либо обозначений, которая могла вести куда угодно. Одета инквизитор была просто, но при этом замечательно — в переливающийся оттенками серого камзол поверх облегающего костюма, который я привык видеть на офицерах Арбитрес, хотя тот, который носила она, был глубокого, насыщенного красного цвета, а не полночно-черного. Волосы ее были собраны сзади и удерживались лентой того же красного цвета, идеально сочетавшегося с рубинами, вложенными в глазницы миниатюрного черепа в центре стилизованной буквы «J» на инсигнии, украшавшей ее шею.

— Ты, кажется, удивлен?

— Именно так, — признал я. — Хотя и самым приятным образом.

Что, как ни странно, было правдой, и

улыбка ее стала шире.

— Ты беззастенчивый льстец. Но все равно спасибо. — Толчком распахнув дверь, Эмберли шагнула внутрь. — Впрочем, боюсь, у нас недостанет сегодня времени на приятный разговор.

Я последовал за нею, оказавшись в помещении, застланном ковром, ноги в котором утопали едва ли не по щиколотку, и увешанное портретами, которые, как я предположил, изображали тех арбитров, которые в прежние времена оказались достаточно невезучими, чтобы получить назначение на этот захолустный мирок. Гобелены, изображавшие наиболее заметные судебные решения или цитирующие какие-то тонкие аспекты закона на высоком готике, заполняли оставшееся место, так что, кинув взгляд назад, я уже не мог сказать, где находится служебная дверь, через которую мы попали в публичную часть здания. Эмберли немного замедлила шаг, чтобы пойти рядом со мной, и взяла меня под руку.

— Хорошая работа, — сказала она. —

Позволь ты этой топливной барже взорваться, мы попали бы в довольно неловкое положение.

— Для нас оно было бы очень неловким, — произнес я.

Эмберли покачала головой, и в глазах ее на секунду промелькнула какая-то тень.

— Я имею в виду более широкую перспективу. Если дела обстоят так плохо, как мы предполагаем, нам потребуется Дариен. — Она дружески сжала мне руку и снова усмехнулась. — Не говоря уже о тех ценных активах, которые у нас там расположены. — Произнося это, она кивнула Кастин, давая понять, что имеет в виду полк, но взгляд ее скользнул по Юргену, который, как и обычно, был на шаг или два позади меня.

Заметив это, я ощутил слабый, предостерегающий укол в ладонь и снова подумал о том, сколь многое в нынешнем положении остается для меня тайной. Но впрочем, именно чтобы тайн стало поменьше, и затеяно предположительно сегодняшнее совещание.

Прежде чем я смог сформулировать

адекватный ответ, мы уже перешли в широкое фойе и Эмберли задержалась перед двойными дверьми, покрытыми затейливой резьбой, из-за которых слышался гул голосов.

— Вот мы и на месте, — произнесла она, отстраняясь.

Возможно, Эмберли и собиралась сказать что-то еще, но вокс-бусинка, встроенная в кулон на ее шее, издала легкий звон, и едва различимый голос неясно проговорил что-то, чего я не сумел разобрать.

— Она абсолютно уверена? — спросила инквизитор и снова прислушалась. — Я знаю, что у нее не получается быть точной, но все же... Сейчас буду. — Эмберли снова перевела свой взор на меня. — Пора идти. Нужно спасать планету, ну, ты знаешь, как это бывает.

— Ты не останешься на совещание? — удивленно спросил я.

Эмберли покачала головой, явно развеселившись:

— Мое присутствие здесь является тайной, помнишь? Я не собираюсь

выходить на подиум перед половиной шишек этой планеты. — Она одарила меня своей ослепительной улыбкой, в глазах ее плясали чертики. — Не говори никому, что видел меня здесь, — очень не хочется тебя расстреливать.

— Я бы тоже предпочел, чтобы такой необходимости не возникло, — заверил я, стараясь, чтобы это прозвучало как ответная шутка, но сам в этом уверен не был.

— Постараюсь присоединиться к вам позднее, — сказала Эмберли и собралась было уйти, но помедлила. — Или, если у меня не получится, выйду на связь как только смогу. Услышав то, что намерен сообщить Киш, ты будешь понимать гораздо больше.

— Весь в предвкушении, — отозвался я и протянул руку, чтобы открыть дверь.

— Дальше мы вас сопровождать не можем, — произнес Найт, поспешно выступая вперед, чтобы загородить дорогу Юргену. — Совещание закрыто для всех, кроме командного состава.

Обычное для Юргена туповатое

выражение начало было трансформировать его физиономию в нечто такое, что даже адмиралов и генералов заставляло ждать, когда же я соизволю уделить им внимание, и он окинул Найта испепеляющим взглядом:

— Я иду с комиссаром, если сам он не прикажет иначе.

Заметив плохо скрываемую усмешку на лице Эмберли, я кивнул.

— Формально вы правы, конечно, — сообщил я Найту. — Воинское звание Юргена недостаточно высоко, чтобы позволить ему сопровождать меня. — В действительности настоящее его положение было настолько низким, что еще ниже — и его пришлось бы считать не гвардейцем, а просто элементом подсобного хозяйства, но это, впрочем, к делу отношения не имело. — Но в то же время, поскольку он присутствует здесь в качестве моего помощника, то является представителем не Имперской Гвардии, но Комиссариата, что подразумевает карт-бланш на проход туда, где могут потребоваться его услуги. Не так ли,

инквизитор?

— Вне всякого сомнения, — согласилась Эмберли, с определенным трудом сохраняя серьезное выражение лица.

— Я понимаю. — Найт даже немного покраснел, вне сомнения уже жалея, что вообще затеял подобный разговор. — Тогда я оставляю решение вам.

Он ушел дальше по коридору, Юрген же лишь без выражения поглядел на меня, и всякая агрессивность ушла из его лица.

— Могу я быть вам полезен, комиссар?

— Ничего не приходит в голову.

— Хорошо, сэр. — И он со вздохом удовлетворения оккупировал один из диванчиков, вынул откуда-то флягу с танной и планшет, несомненно с порнографией. — Тогда я жду вас на этом месте, так?

— Вероятно, это будет наилучшим решением, — признал я. В конце концов, у него сегодня тоже выдался трудный день, так что я мог позволить ему задрать ноги и расслабиться, пока есть такая

возможность. Подавляя мучительный приступ зависти, я обернулся к Кастин и жестом указал на дверь. — Не пора ли нам?

— Определенно.

Я распахнул створки, кинув последний полный сожаления взгляд на удаляющийся силуэт Эмберли пониже спины, и шагнул за полковником в зал заседаний.

Первое, что я отметил, был гомон перекрывающих друг друга голосов, которые эхом отражались от сводчатого потолка, а затем глаза мои восприняли всю открывшуюся картину. Мы находились в обширном амфитеатре с рядами добротных скамей, спускавшимися вниз, к подиуму, на котором уже восседал Киш, беседуя с лордом-генералом Живаном, командующим нашими скромными экспедиционными войсками, фигуру которого невозможно было не узнать. Очевидно, он тоже запомнил меня с Гравалакса. Быстро посмотрев вверх, он встретился со мною взглядом и склонил голову в приветствии. Конечно же, это привлекло к нам внимание всех остальных, несколько десятков голов повернулись в

нашу сторону, и сразу же окружающий шум значительно уменьшился, поскольку собравшиеся высокопоставленные лица заметили присутствие Героя Последнего Часа. Я огляделся, выискивая, где бы присесть.

— Комиссар, — произнес Живан, и дружелюбная улыбка пробила себе путь через его аккуратно подстриженную бороду, — какое удовольствие вновь встретиться с вами. — И кивнул Кастин. — И конечно же, с вами, полковник.

Кастин церемонно поклонилась.

— Мой лорд-генерал, — произнесла она, одновременно ненавязчиво выискивая место, где можно было сесть.

— Будьте любезны.

Это произнес техножрец и немного подвинулся, предоставляя место нам обоим, и мы с Кастин с благодарностью скользнули на скамью возле него. Одеяние адепта скрывало несколько непонятных твердых выступов, которые время от времени неуютно впивались мне в бок, но, по крайней мере, я больше не возвышался, подобно учебной мишени на стрельбище.

Нижняя челюсть нашего соседа была из металла, а на том месте, где должен был бы находиться рот, была установлена мелкоячеистая сетка. Несмотря на невозможность улыбаться, техножрец кивнул так, что движение это вышло достаточно радушным, а его вокс-кодировщик справился с тем, чтобы придать речи дружелюбный тон:

— Магос Лазур, к вашим услугам.

— Комиссар Каин, — ответил я, как будто он и так уже не знал, и указал на свою спутницу. — И полковник Кастин, Пятьсот девяносто седьмой Вальхалльский.

— Ваша слава летит впереди вас, комиссар, — сказал Лазур с оттенком веселья.

Поскольку мне напомнили о необходимости укреплять репутацию и покуда я являлся центром всеобщего внимания, я снова встретился взглядом с Живаном.

— Мои извинения за задержку, — сказал я, легко преодолевая голосом приглушенный теперь гул голосов, чему

меня научили, когда я был еще желторотым кадетом. — Наш пилот не смог вылететь по расписанию.

— И это для всех нас оказалось немалой удачей. — Живан принял мое извинение именно с той учтивостью, на которую я и рассчитывал, затем, к моему удивлению, снова улыбнулся мне. — Возможно, вы будете так любезны, что расскажете мне все в деталях за ужином, прежде чем вернетесь на Дариен.

— С удовольствием, — заверил я, не сомневаясь в том, что его личный шеф-повар окажется гораздо более искусным, чем кухонные работники 597-го.

— Если мы не ожидаем больше никого, возможно, нам стоит начать, — произнес Киш, пристально оглядывая комнату, и Живан кивнул.

— Запечатать помещение, — сказал арбитр, и отряд его личной охраны занял позиции по периметру круглого амфитеатра с хеллганами на изготовку, перекрыв выходы.

Пока они продвигались вверх по проходам между рядами скамей, я

воспользовался возможностью рассмотреть присутствующих и был немного удивлен их разнообразием. Конечно же, было очень много народу в гвардейской форме, поскольку присутствовали полковники всех подразделений, какие находились в данный момент на Периметунде, и некоторых из них сопровождали избранные старшие офицеры, да и большинство комиссаров тоже увязались за ними. Я разглядел несколько лиц, знакомых по прежним кампаниям, но большинство было мне неизвестно. Кроме Лазура, здесь находилось еще несколько техножрецов, и все они, казалось, собрались вокруг магоса, как будто представляли некую отдельную партию.

После всех сомнений, которые Киш высказывал относительно лояльности СПО, я вовсе не был удивлен отсутствием их представителей, но одна местная организация все-таки, кажется, завоевала доверие арбитра. Внизу, возле самого подиума, внимательно наблюдая за ним и Живаном из первого ряда, расположилась

небольшая группка фигур в серебристой силовой броне, и чернота стихарей, в которые они были облачены поверх доспехов, нарушалась лишь изображением одинокой белой розы.

— Сестры Битвы, — сказала Кастин, и голос ее приобрел оттенок благоговейного трепета.

Я кивнул.

— Полагаю, если и может быть какая-то планетарная военная сила, которую можно автоматически считать не подверженной порче генокрадов, так это они, — признал я.

В конце концов, любая из них вряд ли могла передать заразу далее, даже если бы оказалась инфицирована, да и в той атмосфере благочестия, от которой свело бы зубы даже у Императора, вряд ли инфицированный смог бы долго оставаться незамеченным.

— Милостью Императора, — отозвалась Кастин.

Я снова кивнул, хотя был куда менее рад их видеть, нежели мой полковник. Мне случалось наблюдать Сороритас на поле

боя раньше, и, как я уже упомянул, всегда создавалось впечатление, что с точки зрения тактики они представляют собой дубину, а для нас в данный момент важна изощренность. Конечно же, моему мнению по этому вопросу еще предстояло заметно измениться, но в то время я не имел для этого ни малейших оснований.

— Как многие из вас уже были проинформированы, — начал Живан, пока гололит, неверно мерцая, оживал, проецируя над его головой карту субсектора, — мы получили сообщение с Коронуса. Еще две группы Имперской Гвардии были успешно сформированы и ожидаются в нашей системе чуть позже чем через неделю вместе с усиленной группой Флота сектора, если течения варпа останутся благоприятными.

— Благословим Императора за дарованное спасение, — произнесла женщина, чьи силовые доспехи были наиболее пышно украшены, и остальные при звуках святого имени осенили себя знамением аквилы.

Живан кратко кивнул:

— Конечно же. Но мы еще не спасены. Флот-улей также находится на пути к нам, и, насколько мы может оценить его положение по той тени в варпе, которую заметили наши астропаты, он где-то неподалеку.

На дисплее появился расплывчатый пузырь, поглотив собою большой кусок космоса.

— Как вы можете легко увидеть, в зависимости от того, в какой части тени находится рой, он способен появиться и за неделю до прибытия подкрепления, и на следующую ночь после. Не существует способа определить точнее, вплоть до того момента, как они явятся пред нами.

Волна беспокойства будто заплескалась в помещении, и я подумал, что пора снова напомнить этим людям, каким героем меня полагается считать.

— Мне приходилось сталкиваться с тиранидами и ранее, — произнес я, — как и присутствующему здесь моему полковнику. Эти ксеносы, смею вас заверить, достаточно грозны, но мы являемся живым доказательством того, что их можно

победить.

— Хорошо сказано. — Живан глянул на меня с одобрением. — Но нужно принимать во внимание дополнительные трудности.

— Культы генокрадов, — подхватил я, кивая. — Мы должны зачистить СПО до того, как сюда доберутся тираниды, с тем чтобы появилась возможность бросить эти части в бой с полным к ним доверием.

— Мы делаем все возможное, чтобы ускорить этот процесс, — заверил нас Киш, — и именно это позволило вскрыть новую проблему.

Что-то в том, как он это сказал, снова вызвало зуд в моих ладонях, и я просто склонил голову, позволяя ему продолжить, неуверенный, что смогу вполне овладеть своим голосом и не выдать внезапно охватившее меня дурное предчувствие.

— Именно так, — произнес Живан, стальным взором обведя амфитеатр, и его харизма буквально пролилась на каждого по очереди. — То, что мы собираемся услышать, требует самого деликатного обращения. Не будет преувеличением

сказать, что выживание этого мира может зависеть от вашего благоразумия.

«Все лучше и лучше», — в который раз подумал я. Мне была знакома склонность Живана драматизировать, но что-то в его жестах и мимике в данный момент говорило мне, что сейчас не тот случай. Лорд-генерал кивнул Кишу.

— Прошлой ночью мы накрыли выводок гибридов в Силах Планетарной Обороны, — начал арбитр без всякого вступления. — Зачистка все еще продолжается, но среди тех станций, которые подверглись порче, оказалась вот эта.

Гололит мигнул и принялся демонстрировать нечеткую картинку системы Периремунды, на которой одна из станций, вращающихся по дальней орбите, была выделена красным.

— Орбитальная станция Аргус-пять, — любезно пояснил Живан. — Одна из восьми эфирных платформ, которые составляют общесистемную аусник-сеть.

— Именно, — сказал Киш, возвращаясь к своему докладу. — Конечно, едва осознав, что установка такой важности находится

под контролем врага, мы начали немедленный просмотр журналов данных. Обнаруженное вызывает беспокойство, если не сказать сильнее.

— Вызывает беспокойство? Чем? — снова вклинилась женщина в кричаще украшенной броне, и несказанное, но подразумевавшееся «да не тяни же!» будто эхом разнеслось по помещению.

Чувство нетерпения я начинал понемногу разделять. К чему бы ни подводил нас арбитр, ничем хорошим оно быть не могло, в этом-то я был уверен, так что ощущал острое желание наконец услышать самое худшее — и на том закончить.

— Канониса Эглантина, — кивнул Киш, отмечая ее присутствие в зале с таким усталым видом, который в полной мере указывал на то, что им уже приходилось встречаться раньше и редко случалось при этом сходиться во мнениях, что, полагаю, вряд ли могло быть удивительным: закон оперировал в рамках твердых доказательств, в то время как Экклезиархия жила предметами веры, и

обычно область общих положений у обоих была очень узка. — Вы хотели бы что-то добавить?

— Лишь то, что настоящий служитель Императора не должен ощущать смятения, какими бы предвещающими несчастье ни были новости, — произнесла женщина. — Он защищает.

Она склонила голову, и все ее окружение последовало этому примеру. Прежде чем Сороритас превратят собрание в мессу, Киш поспешил перейти к сути дела.

— Журналы были подправлены, — сказал он, — в целях сокрытия факта, что машинные духи ауспиков-предсказателей были ослеплены в узком радиусе, но на всю глубину системы.

Нечто похожее на резкий вдох сотрясло грудь техножреца рядом со мной: сама мысль о том, какое богохульное осквернение постигло вычислители на станции Аргус, должна была очень сильно его опечалить. Гололит снова изменил изображение — теперь появился

подкрашенный фиолетовым узкий туннель, подобный царапине на лице системы Периремунды, соединяя саму планету с отдаленной окраиной системы. Масштаб изображения на гололите начал уменьшаться, пока наконец Периремунда, ее звезда, а также остальные планеты системы и космические жилища не сжались до одной точки, будто плавали в наполненной водой ванне, а теперь затягивались водоворотом в сливную трубу.

— Область слепоты распространялась лишь до гало,[35] — произнес Живан, — но наши техноадепты и навигаторы смогли экстраполировать направление, на которое она указывала за пределами сети аусников.

С мрачным ощущением полной неизбежности я наблюдал за тем, как изображение снова изменило масштаб, пока не охватило весь субсектор. Как я и предполагал, тонкая фиолетовая линия протянулась на несколько парсеков от Периремунды, чтобы в конце концов

исчезнуть в той самой зловещей тени, что окружала флот-улей тиранидов.

— Как давно было совершено это предательство? — спросил я в нетерпении, готовый услышать самое дурное.

Киш посмотрел мне прямо в глаза, и его лицо при этом было очень серьезным.

— Записи были подменены на 847.932, — со значением произнес он.

Я начал отсчитывать время, ощущая холодок, скользящий вниз по спине, но, прежде чем осознал все целиком, Киш подтвердил все самое худшее:

— Таким образом, представляется весьма вероятным, что некая часть флота-улья приземлилась незамеченной около шести месяцев назад. Тираниды не просто на подходе, леди и джентльмены. Они уже здесь.

Глава десятая

Ну что я могу сказать... Уж это-то последнее замечание точно привлекло всеобщее внимание, в этом можете быть уверены, и последовавший нестройный шум, по крайней мере, дал мне время, чтобы спрятать собственный ужас. Это было гораздо хуже самого пессимистического сценария из тех, что мы с Кастин сумели выдумать, пока ждали на холодном аэродроме там, в Дариене.

Полковник глянула на меня, плотно сжав губы.

— Надо будет скорректировать нашу стратегию, — произнесла она, а я раньше не замечал за ней склонности к преуменьшениям. — Мы действовали, полагая, что будем противостоять вторжению из космоса. Если тираниды

уже на планете, нам нужно укреплять фронт на достаточную глубину.

— Когда будем знать, откуда они собираются атаковать, — согласился я.

Если они уже на Хоарфелле, их лазутчики могли скрываться где угодно. Маскировка и камуфляж были у них врожденными.

Имелась, правда, слабая вероятность, что мы сможем вычислить их присутствие, основываясь лишь на косвенных данных.

— Как только вернемся, запросите доступ ко всем файлам СПО и юстикаров на Хоарфелле за последние шесть месяцев. Пропавшие люди, сбои аусников, слухи, сплетни, байки — все, что может показаться странным или подозрительным.

Кастин кивнула.

— Если, конечно, можно доверять этим данным, — отозвалась она, подняв уже привычный вопрос о том, насколько мы может рассчитывать на другие организации, в любую из которых могли проникнуть генокрады.

— На текущий момент придется считать, что можно, — сказал я. — Это все, что нам остается.

Кастин вновь кивнула, и взгляд ее выражал отнюдь не счастье.

— Свяжусь с Рупутом, как только можно будет отправить сообщение.

В данный момент снестись с Броклау не позволяли меры предосторожности, которые установил Киш для этого собрания. Направленные вовне вокс-передачи были полностью блокированы.

— Хорошо, — сказал я и снова повысил голос, перекрывая возобновившийся гул: — Могу ли я задать вопрос?

Как часто случается в подобных случаях, единственного голоса, который звучал так, будто говоривший владеет ситуацией, оказалось достаточно для того, чтобы все остальные глубоко вдохнули — образно выражаясь — и немного успокоились. Вероятно, в данном случае сыграла свою роль и моя ложная репутация человека, который в любой кризисной ситуации остается спокойным и решительным.

— Конечно же, комиссар, — проговорил Киш с видимым облегчением, потому как я опередил делегацию Сороритас, собиравшуюся затянуть второй стих «Он прижимает нас к сияющей груди Своей».[36]

В очередной раз став объектом всеобщего внимания, я принял вид скромный и деловой.

— Были ли действительно отмечены следы деятельности тиранидов на каком-либо из плато?

На память пришли слова Эмберли о том, что нам может понадобиться Дариен, и с тактической точки зрения они имели смысл в том случае, если другие плато, оборудованные космопортами, оказывались под большей угрозой — а так, видимо, и было. В конце концов, необходимо учитывать, что на подходе еще две дивизии Имперской Гвардии и, когда они прибудут, нам необходимо будет их где-то высадить.

— Нет, — признал Киш, и его очевидное облегчение раскатило по аудитории волны уверенности, которую

потихоньку вновь обретали присутствующие. — Надеюсь, это означает, что, какое бы вторжение в наш тыл ни произошло, оно весьма ограничено в масштабе.

— Как вы можете быть так в этом уверены? — спросила Эглантина с некоторой резкостью в голосе, как будто обращалась к послушнице, которая не сумела правильно припомнить какую-то заветную часть вероучения.

Киш поглядел на нее едва ли не с жалостью:

— Залогом этому уникальная география нашей планеты, ваше благочестие. Пригодная для обитания часть Периремунды составляет незначительный процент всей поверхности и плотно заселена. Если тиранидам удалось успешно приземлиться, их численность либо настолько невелика, что позволяет оставаться незамеченными в подобных условиях, либо они оказались изолированы на одном из небольших необитаемых плато и фактически заперты там. Лорд-генерал и я сам

склоняется к последнему и не ожидает больших затруднений в том, чтобы справиться с врагами, когда те обнаружат себя.

Эглантина смотрела на него и не выглядела убежденной его словами.

— Если они вообще приземлились на одном из плато, — заметила она.

— Если они высадились в пустыне, то давно мертвы, — заверил ее Киш.

Будучи не понаслышке знаком с тем, насколько жизнестойкими бывают хитиновые уроды, я бы не поручился за подобное, и, судя по сомнению на лице, Живан разделял мое мнение на этот счет.

— Несмотря на это, — вклинился я, — не повредило бы провести сканирование с орбиты. Возможно, находящиеся там наши корабли могли бы этим заняться?

— Уже занимаются, — заверил меня Живан с одобрительным кивком. — Пока что ничего обнаружить не удалось, хотя, надо заметить, с наиболее глубоких участков поверхности сложно снять точные картины.

Вспомнив ту обширную песчаную

бурю, над которой мы пролетали перед тоим первым визитом в Принципиа Монс, я кивнул. За нею могло скрываться все что угодно, равно как и за дымом экваториальных вулканов. Но тот факт, что до сих пор не удалось обнаружить копошащейся орды, появления которой все мы с ужасом ожидали, возвращал крупицу уверенности в себе.

Теперь, когда наше сознание освободилось от картины приливной волны из хитина, которая накроет нас с головой, стоит высунуть нос из этой комнаты, внимание всех вернулось к более прозаическим вопросам тактического характера. В конце концов решение свелось к тому, чтобы предоставить каждому командиру на местах свободу действий в том, каким образом закрепиться на плато, к которому приписано его подразделение. Проработали экстренные планы эвакуации преимущественной части населения на те пики, что находятся под защитой Гвардии, на случай если появится флот-улей или силы противника в нашем тылу

поднимут голову прежде, чем прибудет наше подкрепление. Заслушали доклад Кишша о мучительно медленном процессе определения, какие из частей СПО свободны от порчи генокрадами, чтобы на них соответственно можно было полностью положиться в бою — без того, чтобы кто-то постоянно приглядывал за ними, готовый призвать артиллерийский огонь при первом же признаке предательства. Число подразделений, оказавшихся вне всяческих подозрений, все еще оставалось угнетающе малым, и, возможно, нам придется возложить все надежды на те соединения, которые попадали во вторую категорию доверия, то есть отмеченные Кишем как относительно свободные от подозрений. Именно тогда, когда гололит вывел этот, гораздо более длинный, список, Эглантина снова перебила арбитра.

— Да это практически то же самое, что сомневаться в лояльности моего сестринства! — воскликнула она не без драматизма.

Оказалось, что канониса заметила в

списке Гаварронское ополчение — соединение СПО, базировавшееся на том самом плато, где Орден Белой Розы основал свой сестринский Дом, — и, поскольку Гаваррон являлся ленным владением Экклезиархии, формально независимым от планетарного правительства и подчиненным лишь власти каноника, предпочла интерпретировать это как плохо прикрытую попытку поставить под сомнение лояльность самой церкви.

Честно говоря, я почти не сомневался, что Киш с наслаждением воспользуется возможностью немного подначить соперницу в бесконечной свaре церкви и государства, но в текущих обстоятельствах такой конфликт слишком сильно затрагивал общие интересы, поэтому арбитр просто склонил голову перед разъяренной канонисой.

— Уверен, что никто здесь не желает выказать подобных сомнений, — заверил он. — Если вы верите в чистоту Гаварронских СПО так же, как в чистоту ваших Сестер Битвы, вы вольны

распоряжаться ими так, как сочтете необходимым.

Не имея возможности пойти на попятный теперь, когда Киш так ловко вернул ей ее же слова — без того, чтобы вызвать как раз те подозрения, против которых она так возражала. — Эглантина резко кивнула.

— Мы побеждаем милостью Императора, — произнесла она.

— Ну что ж, тогда победа наша предрешена, — мягко произнес Киш, тем самым еще раз проворачивая нож в ране оппонента, а затем собрание продолжилось и тянулось до самого позднего вечера.

Но все скучные посиделки, к счастью, когда-нибудь заканчиваются, так что спустя некоторое время Киш и Живан пожелали нам доброго пути и напомнили о необходимости соблюдать абсолютную секретность. Правду сказать, предостережения были не так уж необходимы, потому что все без исключения присутствующие, полагаю, представляли себе последствия, если

информация о тиранидской угрозе просочится в гражданские круги до того, как будут закончены все военные приготовления. Простые люди и так уже были запуганы известиями о том, что вокруг снуют предатели и еретики, походя взрывая разные детали окружающего ландшафта. Стоит лишь намекнуть, какая угроза в действительности нависла над их родным миром, панику невозможно будет сдержать.

С головой, пульсирующей от усталости, я с удовольствием вышел из зала заседаний и вдохнул относительно свежий воздух холла. Кинул взгляд вокруг, ожидая увидеть Юргена, но он будто испарился, оставив лишь слабое напоминание о себе, витавшее в воздухе возле того диванчика, который он занимал. Были здесь и несколько более вещественных доказательств его давешнего присутствия — поднос, на котором стояли тонкого фарфора чайник с танной и наполовину опустошенная кружка, а также еще один поднос, украшенный размазанными остатками

того, что, вероятно, было когда-то эклером с дольчеягодами. Небольшая горка из крошек и менее опознаваемого мусора окружала то место, где, должно быть, стояли его ноги.

— Комиссар? — раздался за моим плечом голос Лазура, и что-то под его одеянием слабо загудело. — Вас что-то беспокоит?

— Да нет, ничего, — отозвался я, пряча раздражение. Зрелище остатков юргеновского пикника напомнило мне о том, насколько сам я голоден. Где Юрген раздобыл провизию, я не хотел даже спрашивать. — Просто недоумеваю, куда подевался мой помощник.

— Уверен, что он вскоре появится, — учтиво сказал Лазур и понизил голос до шепота: — Инквизитор Вейл, кажется, весьма доверяет вашей способности находить утерянное.

Он вгляделся в мое лицо, ожидая увидеть на нем реакцию, но хотелось надеяться, что долгая практика не позволила выдать ему что-либо, хотя, признаюсь, услышать имя Эмберли из уст

(которых, как я уже упоминал, у него по-настоящему не было) совершенного незнакомца было достаточно ошеломительно.

— На Гравалаксе нам просто повезло, — пояснил я, стараясь вести себя настолько тихо, насколько возможно.

Будучи слишком опытным притворщиком, я старался не искать спасения во лжи, которая могла быть легко поставлена под сомнение и раскрыта.

Очевидно, Лазур был в курсе, что мы с Эмберли знакомы, и если хотя бы подозревал о ее присутствии на Периремунде (если не знал наверняка), то мог пытаться выудить информацию об этом, хотя, конечно, в его словах могло заключаться и что-то совершенно иное. Видимо хорошо зная правила подобной игры, Лазур дружелюбно кивнул:

— Именно так я и слышал. Ну что же, тогда просто пожелаю вам удачи в поисках вашего подчиненного. — Он уже начал поворачиваться, чтобы уйти, но, как я и ожидал, будучи знакомым именно с

подобной тактикой беседы, обернулся, будто запоздало вспомнив о чем-то. — О, чуть не забыл. Есть ли какие-то зацепки касательно Метея?

Я не имел ни малейшего представления ни о каком Метее, но был в тот момент достаточно устал и голоден, чтобы удержаться немного не поддразнить собеседника.

— Ничего сколько-нибудь основательного, — произнес я, выдержав небольшую паузу, чтобы он подумал, будто я принимаю решение, скрывать ли от него информацию, и он снова кивнул, будто я что-то только что подтвердил.

— Конечно же. Сначала вам нужно поговорить об этом с инквизитором. — Он снова дружелюбно кивнул и сотворил знак шестерни. — Омниссия регулируй ваши системы.

— И ваши тоже, — вежливо отозвался я, размышляя, о чем же еще умолчала Эмберли.

— Кажется, вы неплохо сошлись, — произнесла Кастин, подходя поближе, теперь, когда техножрец ушел.

По какой-то причине шестереночки всегда приводили ее в легкий трепет, даже наши собственные технопровидцы, хотя ей удавалось хорошо скрывать свои чувства. Полковник не жаждала находиться в их компании и обычно стремилась, если только возможно, увильнуть под условно важным предлогом. В то время как мы столь эксцентричным образом беседовали тет-а-тет с Лазуром, она болтала с офицером одного из полков Харракони и — вероятно, к счастью — пропустила весь наш диалог.

— Возможно, — осторожно отозвался я и снова огляделся в поисках Юргена. Толпа в холле стала редеть, моего помощника по-прежнему нигде не было видно. Я было повернул голову, заметив краем глаза какое-то движение, но, посмотрев прямо, никого не обнаружил. Последние офицеры Имперской Гвардии расступались, чтобы дать возможность пройти Эглантине и ее эскорту, оставив Кастин и меня в одиночестве. — Наверное, лучше вам отправляться. Я нагоню, когда найду Юргена.

— Хорошо. — Полковник кивнула, не меньше моего осознавая необходимость как можно быстрее привести полковые дела на Хоарфелле в движение, и направилась по коридору, одновременно проверяя связь в своем воксе легким постукиванием пальца. Я услышал, как она произнесла: — Ластиг, ты отправляемся. Мне нужна вокс-связь с майором Броклау сразу же, как только окажемся за пределами действия глушилок.

Оставшись в совершенном одиночестве, я нетерпеливо вздохнул и в очередной раз огляделся, надеясь обнаружить хоть какой-то намек на то, куда удалился Юрген. Он не мог уйти далеко, потому как чайник с танной все еще был горячим.

Это простое умозаключение спасло мне жизнь. В тот момент, когда я низко наклонился, чтобы на ощупь определить температуру фарфора, краем глаза заметил новое движение, такое же быстрое, как и прежде, и прохладный ветерок пронесся возле моей щеки. Уж с этим ощущением я был знаком слишком

хорошо. Это не прибавило мне хорошего настроения, и я рефлекторно выхватил цепной меч, проводя им защитную комбинацию ударов, которую практиковал так часто, что она претворялась в жизнь уже без всякого сознательного усилия. Быстро оборачиваясь вокруг своей оси в поисках цели, я обнаружил, что нахожусь в совершенно пустой комнате.

Во рту у меня пересохло, на корне языка внезапно зародилось ощущение холода, и вокруг разлился запах озона, сопровождающий колдовство. Мне, конечно же, уже приходилось сталкиваться в бою с псайкерами, но почти всегда это происходило в компании Юргена, так что теперь пришлось подавить поднимающуюся, подобно приливу, волну паники. Отодвинув ее в задние отделы мозга, туда, где она могла работать мне на пользу, ускоряя рефлексы, вместо того чтобы уменьшать мои шансы на выживание, я снова внимательно осмотрел комнату, выискивая выдающий врага размазанный след движения.

Заметил его проблеск я

периферическим зрением и в самый последний момент инстинктивно парировал, скорее ощутив, чем увидев последовавший удар, — впрочем, наградой мне был вполне знакомый звук, с которым твердые как алмаз зубья врезаются в сталь.

— Твою!.. — произнес голос, в котором сквозило обиженное удивление, совсем рядом с моим ухом, и я ударил на звук, но, конечно же, невидимый противник обладал тем преимуществом, что мог прекрасно видеть гудящее оружие в моих руках, и потому легко уклонился.

— Юрген! Кастин! — проорал я. — Назад, ко мне!

Но в моем микронаушнике раздавалось лишь шипение статики, отсекая все остальные звуки. Кажется, псайкер, кем бы он ни был, обладал сверхъестественной способностью блокировать средства связи так же, как и мои органы чувств.[37]

— Ты остался один, герой, — решил поддразнить меня голос, в то время как я

чисто инстинктивно снова перешел в защитную позицию и опять смог отбить невидимую атаку. — О да, ты очень хорош или большой счастливчик.

В голосе его я угадал ноющие нотки, характерные для малодушных и слабых, получивших наконец возможность поиздеваться над кем-то, кого он полагает еще слабее себя. Внезапно нахлынувший гнев, который вызвало это понимание, оказался достаточно силен, чтобы смыть почти весь мой страх. После всех тех чудовищных врагов, которых я встретил лицом к лицу и победил, в мои планы никак не входило проиграть какому-то ничтожеству.

— Мне доводилось сражаться с демонами и настоящими ведьмами, — откликнулся я, стараясь, чтобы голос мой звучал легко и беспечно. — Псайкер, каких отдают по три штуки за монетку, для меня не слишком серьезное препятствие.

Вы могли бы подумать, что подстрекать этого типа к нападению было не самым разумным решением, но в тех обстоятельствах я полагал, что

терять мне все равно особенно нечего. Рано или поздно, но он пробьет мою оборону, и мой шанс заключался в том, чтобы вывести его из равновесия и надеяться, что он допустит ошибку, если мне только немного повезет, — ошибку, которая откроет его точное местоположение на достаточное время, чтобы цепной меч лишил его, предположим, ног.

— Я достаточно силен, чтобы выпустить тебе кишки!

Ну что ж, разозлить псайкера мне удалось. Голос его поднялся до капризного визга, и находящееся неподалеку кресло слегка качнулось, как будто что-то врезалось в него. Мне оставалось лишь мгновенно ударить, и, когда гудящее лезвие моего меча прорубило обивку из броксовой кожи, я был вознагражден целым облаком мягкого наполнителя и приглушенным ругательством. Возможно, мне даже удалось зацепить его.

Продвигаясь вперед, пока в обороне противника образовалась брешь, инстинктивно пользуясь достигнутым

преимуществом, я внезапно увидел мерцающие очертания человеческой фигуры, которая конденсировалась, подобно туману, передо мной, колеблясь между видимым и невидимым состоянием, словно изображение на плохо настроенном гололите. За моей спиной раздался грохот падения чего-то керамического и стоящего немалых денег, и знакомый долгожданный запах наполнил комнату.

— Держитесь, комиссар! Я здесь! — выкрикнул Юрген, но уже самого его присутствия было достаточно.

Внезапно озоновый привкус колдовства исчез и сменился запахом старых носков и кишечных газов, в то время как прямо передо мной предстал похожий на хорька мелкий тип, размахивающий страшно зазубренным боевым лезвием, которое он едва ли знал, за какой конец держать, и глаза его были полны потрясения.

— Что вы... — начал он было произносить с возмущенным выражением, прежде чем мой цепной меч отделил его голову от туловища.

Псайкер продолжал еще мгновение пялиться на меня, пытаясь осознать собственную смерть, прежде чем давление, нагнетаемое сердцебиением, не выдавило из его шеи фонтан крови, заставив голову скатиться с плеч.

— Где вы были, Юрген? — спросил я, стараясь, чтобы голос мой прозвучал спокойно, пока руки протирали и возвращали в ножны меч, который только что в очередной раз спас мне жизнь.

Мой помощник пожал плечами и указал на поднос, валяющийся на полу в окружении осколков, и разбросанные бутерброды.

— Я увидел, что охранники возле двери расступаются и дают всем выйти, так что решил принести вам и полковнику чего-нибудь перекусить. Подумал, что оно будет нелишне после всех этих разговоров.

Он задумчиво обозрел то, во что превратилась его ноша, и снова забросил за спину лазган, который изготовил для боя.

— Принесу что-нибудь еще.

— Благодарю, — отозвался я, хотя

нельзя сказать, что действительно желал сейчас выпить танны, и собрался последовать за ним. — Пойдемте вместе, чтобы не заставлять вас ходить понапрасну.

Маловероятно, что неподалеку скрываются еще какие-нибудь сверхъестественные убийцы, иначе они напали бы на меня все вместе, но у меня совершенно не было настроения рисковать.

— Комиссар?

Из аудитории вышли ни больше ни меньше лорд-генерал Живан и арбитр Киш с целым отрядом личной охраны, которая тут же взяла хеллганы на изготовку, едва увидев неожиданную картину погрома. Лорд-генерал кинул взгляд на мертвого псайкера и выгнул бровь:

— Вижу, наш разговор за ужином будет еще более интересным, чем я ожидал.

Глава одиннадцатая

— Кем бы ни был покушавшийся на вас, но только не гибридом, — произнес Живан, кладя на стол инфопланшет, который только что просматривал.

Мой помощник передал планшет мне, церемонно поклонился и снова исчез из поля зрения, оставив нас в компании рекафа. Предшествовавший этому ужин превзошел все мои ожидания, и, хотя мне предстояло в будущие годы гораздо ближе познакомиться с гением персонального повара Живана, на тот момент я редко прикасался к пище настолько же вкусной, как эта.

Лорд-генерал оказался радушным и обаятельным хозяином, чем только усугубил благоприятное впечатление, которое у меня сложилось о нем после

нашей первой встречи на Гравалаксе. В конце концов я осознал, что наслаждаюсь удивительно приятным вечером, и он стал еще лучше, когда к нам присоединилась Эмберли.

Ее появление где-то в середине второй перемены блюд с вежливыми извинениями за то, что ее задержали совершенно безотлагательные хлопоты, стало для меня более чем приятной неожиданностью; энтузиазм, с которым она принялась наверстывать упущенное, едва завладев вилкой, был отличным намеком на то, что отвлекшие ее дела, кажется, потребовали изрядного напряжения сил. Сама она не пожелала поделиться информацией о них, и я знал, что не стоит и пытаться спрашивать, — как, похоже, и Живан, если ему, конечно же, не было все известно и так.[38]

Оба выслушали мой отчет о происшедшем за день, проявляя неподдельный интерес и прерывая меня только затем, чтобы задать совершенно уместные вопросы либо попросить

передать что-нибудь из закусок. Я начал с происшествия на Дариене, удержавшись от искушения приукрасить события, поскольку знал из большого личного опыта, что чем более прозаичным выглядит рассказ о моем предполагаемом героизме, тем больше разрастается в дальнейшем снежный ком моей героической репутации.

— Подчиненные Киша выясняют все, что касается экипажа дирижабля, — проговорила Эмберли, набив полный рот нежнейшим сердцем грокса в подливе. — Некоторые из ключевых работников транспортной компании уже исчезли, но пока что ни один из тех, кого удалось перехватить, кажется, не был испорчен генокрадами.

— Значит, они не попытаются снова проделать то же самое, — произнес я, озвучивая скорее надежду, чем реальные ожидания, и, к моему облегчению, Эмберли кивнула.

— Киш повышает уровень безопасности в отношении всех экипажей коммерческих рейсов, так что никто отныне не поднимется в воздух без того,

чтобы пройти генетический контроль.

Она зачерпнула тертого редиса, украсив им благоухающие субпродукты, заполняющие ее тарелку.

— Я должна сказать, что Киш кажется мне весьма эффективным арбитром, и потому неясно, за что его направили в такое захолустье, как Периремунда.

— Возможно, он дразнил не тех людей, — произнес я.

Подобное случалось во всех родах имперской службы: способные и амбициозные личности оказывались сдвинутыми на вторые роли излишне озабоченными своей карьерой некомпетентными начальниками либо просто поддерживали не ту сторону, которую следовало, во внутренних дрязгах и, таким образом, сводили свою карьеру с прямой дорожки. Сам я, человек, которому ничего не хотелось бы сильнее, чем высидеть все годы своей службы на какой-нибудь бессмысленной должности, не требующей особенных трудов и настолько далеко от неприятностей, как только

возможно, все время огребал нечто совершенно противоположное. Это лишнее доказательство тому, что у Императора очень дурное чувство юмора.

— В любом случае для нас его назначение сюда оказалось большой удачей, — произнес Живан.

Он пригласил и Киша также присоединиться к нам за ужином, но арбитр отказался, предпочитая лично пойти по следу, оставленному нашим загадочным псайкером, и как можно быстрее, прежде, чем тот остынет. Я не был слишком удивлен, когда пришел предварительный отчет Киша, сообщавший, что неудачливый убийца оказался целиком и полностью человеком (в той мере, конечно же, в какой подобное определение вообще может применяться к тем, кого коснулся варп). Ни одно из порождений генокрадов, которых мне доводилось встречать раньше, не выказывало никаких способностей к колдовству, что я и отметил для своих собеседников.

— Никто никогда не описывал

подобных случаев, — согласилась Эмберли, и это был редкий случай, когда инквизитор признала что-то невозможным.

— Перед нами встает вопрос, откуда взялся этот тип, — указал Живан, дегустируя рекаф, — и почему он стремился убить именно комиссара.

Мне оставалось только кивнуть:

— Я и сам недоумеваю по этому поводу. Вы или Киш куда более очевидная цель.

— Нужно так понимать, что вы не смотрели последнее время пикт-передач, — сухо отозвалась Эмберли. Конечно же нет, потому как каждодневные сплетни местных гражданских интересовали меня не больше, чем на любой другой планете из тех, где мне случалось побывать, и потому наша соблазнительная инквизитор не замедлила восполнить этот пробел в моих знаниях, не скрывая веселья в глазах. — Все новостные ленты переполнены тобой, так же как и печатные листки. Спроси любого периремундца на улице — и он ответит, что ты являешься публичным

лицом Имперской Гвардии на этом мире.

— Ясно, — выдавил я, делая глоток горького напитка из своей чашки и ощущая, будто у меня между лопатками вдруг нарисовалась мишень. Насколько свидетельствовал мой личный опыт, гражданские не имели даже самого общего представления о том, как в действительности работает военная машина, и было жутко похоже на правду, что какой-то недоумок вообразил, будто, убрав меня, он в какой-то значительной мере подорвет нашу способность к обороне данной системы.[39] Это вернуло мои мысли к более фундаментальной проблеме. — Так кто же он такой и кто мог послать его?

— Ну, очевидно, что это был псайкер, — произнесла Эмберли, — надо сказать, сравнительно слабенький.

Я кивнул, стараясь показать, что тут мне все ясно, и, к счастью, Живан задал очевидно напрашивавшийся вопрос раньше, чем это пришлось сделать мне.

— Но как вы определили, что он был не очень силен? — Он снова взглянул на

планшет. — Из данных вскрытия следует, что он был примерно сорока лет от роду, возможно ближе к пятидесяти. Он должен был успешно скрывать свое проклятие десятилетиями, иначе его уже давным-давно забрал бы Черный Корабль.

Я кивнул. Испорченность варпом, как правило, проявлялась с началом пубертатного периода, и именно это я и высказал вслух.

— Обычно это верно, — признала Эмберли, — но бывают и исключения.

Она пожала плечами, и бледно-желтая ткань платья скользнула по ее коже так, что мысли мои самым приятным образом отвлеклись от темы беседы на секунду или две.

— Вам стоило бы, впрочем, спрашивать об этом кого-нибудь из Маллеус или Еретикус: неподконтрольные псайкеры в их юрисдикции. Но я знаю о них достаточно, чтобы отличить ведьмака, неспособного контролировать свои силы. — Она кивнула мне. — Ты говорил, что все время замечал проблески движения возле того места, где он находился.

— Да, и это тоже. — Все это было в моем отчете о происшедшем, и именно таким образом мне удалось отбрехаться и объяснить, каким образом удалось расположить этого выродка, без того, чтобы раскрыть тайну необычайного дарования Юргена. Насколько оставалось известно Кишу и Живану, мне просто повезло с одним из вслепую нанесенных ударов. — И я все время провоцировал его на болтовню, что давало мне знать о том, где он находится.

— Именно так. — Эмберли снова кивнула. — Если бы он был привычен к своим силам, он бы отмалчивался, максимально увеличивая свое преимущество, и знал, как не выдать своего местоположения. Его волнение позволяло тебе замечать его краем глаза, а он не мог достаточно сконцентрироваться и поддерживать целостной ту ауру, которой окутал себя.

— Похоже на правду, — сказал я. — Некоторым образом. Что оставляет нас с версией о безымянном ничтожестве, которое внезапно обнаруживает в себе

способности псайкера и устраивает покушение на человека, которого только что увидел в пикт-передаче. Какие шансы, что подобное могло произойти?

— Не очень высокие, я бы сказал. — Живан поставил пустую чашку на стол и передал по кругу графин с амасеком, который по своим качествам был уж по меньшей мере равен всему, что могло найтись в коллекции Киша. — Я спрошу арбитра, существовали ли на Периферии активные культы Хаоса. Где бы ни гнездились ведьмаки...

— Верно подмечено, — поддержал я, придя к такому же выводу.

Мы оба поглядели на Эмберли, которая снова пожала плечами — со столь же приятным глазу эффектом, как и в прошлый раз.

— Да, должен быть по меньшей мере один, — отозвалась она, и, что касается меня, светский тон, которым это было сказано, вызвал у меня беспокойство. — А может, и несколько.

Ну хорошо, конкретно ее Орден был призван справляться с угрозами со стороны

чужаков, подобными той, с которой мы столкнулись в настоящее время, но я все-таки ожидал, что она проявит немного больше озабоченности ввиду вероятности обнаружить кучу еретиков поблизости, проводящих свои богохульные ритуалы и призывающих всяческие ужасы из варпа. Какие-то из этих мыслей, вероятно, отразились на моем лице, потому что Эмберли только улыбнулась мне:

— В подавляющем большинстве так называемые культисты не имеют ни малейшего представления об истинной природе Хаоса. Они сбиваются вместе потому, что ощущают отчуждение от общества, а не потому, что действительно желают обрушить на Галактику Губительные Силы. — Глаза ее на мгновение стали жесткими. — Конечно же, есть и исключения.[40]

— И можно предполагать, что одно из таких исключений действует на Периметунде? — спросил я.

Эмберли покачала головой:

— Я в этом сомневаюсь. Иначе мы бы

уже давно обнаружили следы их деятельности. Но вполне возможно, что одна из менее опасных групп окопалась где-то на этой планете. Даже если все, что они делают, — воспроизводят какие-то бессмысленные ритуалы, увиденные в пикт-передачах, то все равно они должны являться естественным прибежищем для любого неучтенного псайкера на планете. Подобных нашему анонимному другу.

Она кинула взгляд на инфопланшет. Мой несостоявшийся убийца не имел при себе никаких документов и одет был в кричаще-яркий клоунский костюм, который в любом другом месте привлек бы внимания не меньше, чем орк в бальном платье, но перемундцы такой стиль в одежде сочли бы, наверное, консервативным. Вне сомнения, Киш выяснит, кто же это был, но к тому времени соратники псайкера, вероятно, давно уже скроются.

— Таким образом, вы придерживаетесь точки зрения, — медленно произнес Живан, стараясь переварить новую и неуютную

информацию, которую только что предоставила нам инквизитор, — что та группа, к которой принадлежал этот человек, не представляет для нашей военной операции угрозы?

Эмберли безнадежно закатила глаза и вздохнула:

— Конечно же, они представляют угрозу, это же сумасшедшие поклонники Хаоса. Просто в данный момент эта угроза гораздо меньше той, что исходит от флота-улья, нацеленного сожрать все живое на этой планете. — Она сделала глоток амасека. — Когда мы справимся с насущной проблемой, сможем побеспокоиться и о мелочах.

Я был не очень убежден в том, что культ Хаоса, даже такой, который инквизитор считала относительно слабым, можно назвать мелочью, но то, что она хотела этим сказать, понял.

— Что ж, посмотрим на это с положительной стороны, — сказал я. — Возможно, тираниды будут так любезны, что всех их слопают.

Эмберли сладкозвучно рассмеялась:

— Возможно, именно так и получится.

— И все же я не понимаю, — произнес Живан, снова кидая взгляд на планшет, — почему они проявили себя именно сейчас. Он должен был знать, что мы его вполне можем взять живым.

— Возможно, он не был наиболее рационально мыслящей личностью на планете, — отозвался я, припоминая Рахиль и других псайкеров, которых мне приходилось встречать, — и вспомните, он считал, что его невозможно увидеть. Полагал, что сможет просто так пройти в здание Арбитрес, выполнить свое задание... — Отчего-то мне не хотелось произносить словосочетание «убить меня», поскольку это напомнило мне, насколько близко в действительности прошла моя смерть. — А затем просто выйти обратно. Если бы ему удалось провернуть такое, всю вину списали бы на обычных мятежников и никто даже не заподозрил бы существование культа.

— Это именно то, что я хочу сказать, — произнес Живан. — Если бы они

не показали себя этим вечером, то мы бы даже не знали, что они вообще здесь есть. Зачем же им это понадобилось?

— Мы заглядывали под очень многие камни в поисках выводков генокрадов, — указал я. — Возможно, они просто испугались, что мы начнем хватать их людей тоже и, таким образом, выйдем на их организацию. Так что они впали в панику превентивно, раньше, чем мы случайно наткнемся на их культ.

— Звучит правдоподобно, — согласился Живан.

Ну, не более иррационально, чем все остальные версии. Мне пришлось на своем веку полюбоваться проделками последователей Хаоса, и придумывать им объяснения — самое гиблое дело на свете, так что мы оставили эту тему.

Остаток ужина прошел в приятной дымке светской беседы, за партией в регицид с Живаном (которую я достаточно легко выиграл, хотя Эмберли каждые пять минут, чуть оперевшись на мое плечо, предлагала альтернативные ходы) и распитием выдающегося амасека

из запасов лорда-генерала, и это укрепило нас всех в ощущении беззаботной радости, несмотря на ту ужасную угрозу, что нависла над нами. В целом я уже долгое время не чувствовал себя настолько расслабленным, даже в свете суровых событий дня, и Живан, похоже, ощущал то же самое. С того самого вечера я начал получать периодически приглашения отужинать с ним, каждый раз, когда только у нас обоих появлялось свободное от несения службы время.

Но в конце концов вечер исчерпал себя, и я предложил Эмберли проводить ее до отеля. Конечно же, ни в каком эскорте она не нуждалась, поскольку вполне была способна уложить даже орка, случись такая необходимость, но это было вежливо с моей стороны и к тому же позволило бы мне провести в ее обществе еще немного времени. Мгновение подумав, она кивнула и улыбнулась:

— Это было бы очень приятно.

Живан устроил свою штаб-квартиру в здании Арбитрес, как я подозревал,

исходя скорее из соображений безопасности, чем из каких-либо иных, и Эмберли сама провела меня по лабиринту служебных коридоров, пока мы вновь не очутились в том подземном помещении, где утром запарковался наш «Рино». Теперь здесь стояла сверкающая спортивная машина размером с лимузин, с затемненными окнами, висевшая в паре сантиметров над камнебетонным полом, негромко напевая гравитационными установками.

— Очень мило, — произнес я, оценив плавные обводы агрегата и в целом исходившее от него впечатление сдерживаемой мощи.

Я не был так уж хорошо знаком с гражданскими машинами, но сомневался, что нечто столь эффектно и дорого выглядящее могло быть произведено на Периферии.[41]

Когда мы приблизились, передняя дверца машины с шипящим звуком распахнулась и нам изнутри улыбнулся Пелтон: фуражка водителя на его копне пшеничного цвета волос угнездилась

совершенно неподобающим образом.

— Домой, миледи? — спросил он, играя роль с убедительностью деревянной марионетки, но Эмберли кивнула, проскальзывая на заднее сиденье, почти столь же широкое и мягкое, как то, которое мне пришлось занимать в безвременно почившем лимузине Киша.

— Домой, Пелтон. — Она взглянула на меня. — Вы все-таки меня сопроводите?

— Конечно же. — Я скрыл удивление с легкостью, выработанной долгой практикой, и неуклюже залез следом за нею. И пока дверца с шипением закрывалась за мной, уточнил: — Миледи?

Эмберли кивнула, в то время как Пелтон дал полную мощность на мотиваторы, и лоснящийся аппарат пришел в движение, развернулся вокруг собственной оси, одновременно поднимаясь на метр или около того над полом, и с легким гудением направился в сторону взрывозащитной двери.

— Я путешествую под именем высокородной леди Вейл, аристократки системы Критенвард. Это объясняет кучу

народу, ошивающегося возле моих апартаментов.

Последняя фраза была произнесена протяжно, как принято у благородных, с выражением утомления и скуки.

Пелтон снова ухмыльнулся, очевидно оценив шутку.

— Это она о нас, — пояснил он на тот случай, если я не догадался, и снова вернул свое внимание к управлению машиной. — Ой, а этого-то я и не заметил!

Он дал чуть больше энергии на репульсоры, заставив нас перелететь через «Рино», который как раз появлялся из входного туннеля, причем между громоздкой бронированной машиной, нами и потолком туннеля оставалось едва ли по сантиметру зазора.[42]

— Мельком, прекрати выпендриваться перед комиссаром, — пожурила его Этберли с милостивой укоризной в голосе.

— Прощения просим, тэм.

Мы вылетели из туннеля, будто ядро из ствола «Сотрясателя», и направились

вверх, к небу, со скоростью, которая, несомненно, подвергла бы серьезному испытанию желудок Юргена, если бы он все еще находился при мне (мой, сказать по правде, тоже, если бы воздушная машина не была оборудована инерционными амортизаторами). Пока что, впрочем, поездка казалась весьма гладкой, так что мне оставалось лишь откинуться на спинку сиденья, готовясь насладиться ею в полной мере.

— Говорил после совещания с Лазуром, — небрежно сообщил я. Эмберли поглядела на меня с выражением холодной отстраненности, на ее лице не отразилось никаких чувств, однако было понятно, что это имя ей известно, хотя и совершенно безразлично. — Он интересовался, как ты поживаешь.

— И ты ответил? — таким же небрежным тоном спросила Эмберли.

Я покачал головой:

— Сказал, что на Гравалаксе, где ты встречались, ты выглядела неплохо.

К моему удивлению, в ответ на это она рассмеялась — столь же благозвучно,

как и раньше.

— У тебя и правда талант к подобным вещам, не правда ли?

— Не уверен, — осторожно отозвался я. Эмберли знала меня лучше, чем кто-либо в Галактике, и заглядывала глубже, чем все остальные, под поверхность той маски, которой я обычно поворачивался к миру, но у меня все еще не было твердой уверенности в том, насколько же глубоко. — Зависит от того, о чем мы говорим.

— Дипломатия, направление других по ложному следу, увиливание. — Она вновь обернулась ко мне со счастливой улыбкой. — Ты знаешь все эти инквизиторские штучки.

— Ты больше знаешь об этом, — сказал я, и она снова рассмеялась:

— Вот видишь? Ровно то, о чем я и говорю.

— Кажется, тот техножрец полагал, что я разыскиваю кого-то по имени Метей, — сказал я, не позволяя ей перевести разговор в другое русло. — Отчего бы он мог так подумать?

— Потому что он знает, что его ищу

я, и знает, что ты являешься моим соратником. Мы с Лазуром работаем над одним делом в некотором роде.

— В некотором? — уточнил я, глядя на огни Принципиа Монс, что мерцали теперь внизу и вокруг нас; ночь гудела жизнью, и мысль об алчущем рое, готовом спикировать на головы всех этих счастливых, не ведающих об опасности людей, весьма угнетала.

Эмберли кивнула:

— Механикус и Ордо Ксенос ведут общий проект. Он существует уже многие десятки лет и как раз около десяти лет назад, на Перлии, столкнулся с некоторыми затруднениями.

Она пристально взглянула на меня, и спустя мгновение внезапное, полное ужаса понимание прошило меня, будто очередь автоматического оружия.

— Долина Демонов, — только и выдавил я, и воспоминание о тайном храме Механикус, на который я наткнулся, когда уводил свою с мира по нитке набранную армию от смертельной опасности, всплыло в памяти — в первый раз за многие

годы.

То место было выпотрошено, когда мы обнаружили его, все и вся были мертвы, кроме единственного выжившего боевого сервитора, который доставил мне несколько тревожных минут; но в тот момент я был слишком занят отражением атаки целой армии кровожадных орков, чтобы позволить себе должным образом поразмыслить над загадкой. Теперь же, впрочем, мне пришлось это сделать снова в свете новой и тревожной информации.

— Именно так, — ровно произнесла Эмберли, несомненно выжидая, до чего я смогу додуматься сам.

Я постарался припомнить как можно больше деталей и будто снова увидел, как рушится обширная дамба и вызванная таким образом нами приливная волна размывает долину внизу, одновременно увлекая осаждающую нас армию орков к столь желанному для нас финалу. Но то, что я видел своим глазами непосредственно перед атакой, было еще более ужасно.

— Там все были убиты, — медленно

проговорил я. — Мы подумали сначала, что это сделали орки, но в целом повреждений было мало. Кто-то нанес чистый и хирургически точный удар. — Я припомнил еще кое-что: — К тому же накопители данных у вычислителей были вычищены и что-то взято из укрепленного хранилища. Было такое ощущение, что там использовали телту.

— Это дело рук Метея, — объяснила Эмберли. Она наклонилась вперед и положила руку на плечо Пелтона. — Езжай видовым маршрутом, Мелькот.

Хорошо понимая, что именно она имеет в виду, Пелтон изменил курс и принялся вольно кружить над дворцовыми садами, где губернатор, кажется, давал бал. Огни мерцали сквозь листву под нами, и элегантно одетые пары прогуливались рука об руку по освещенным дорожкам либо кружились на танцевальной площадке, которая покачивалась на воде в центре озера. Никто даже не взглянул вверх, когда мы пролетали над ними, очевидно приняв нас просто за припоздниившихся гостей, если, конечно, вообще заметили наше

присутствие.

— Сам, один? — спросил я, находя, что в это сложно поверить.

Эмберли покачала головой:

— Конечно нет. Ему помогали как непосредственно, так и косвенно, но он сам долгое время был одним из старших магосов, работавших над проектом.

— Который заключался?.. — спросил я.

Эмберли помедлила, как будто размышляя, насколько она может мне довериться в этом деле.

— Во время постройки дамбы, — наконец произнесла она. — Механикус откопали артефакт. Он не был похож ни на что виденное или ранее, так что они передали его Ордо Ксенос, чтобы узнать, не сможем ли мы помочь им в установлении его происхождения.

Я почувствовал, как мурашки побежали у меня по коже. Было лишь одно объяснение подобного открытия.

— Позволь мне угадать, — сказал я. — Он оказался древнее, чем те времена, когда человек впервые пришел на Перлию.

Эмберли медленно покачала головой.

— Древнее, чем зарождение человека в Галактике, — тихо сказала она. — Человека и любой другой расы, которую мы знаем, возможно за исключением некронтир. — Она сделала секундную паузу. — И он все еще работал.

Мурашки побежали уже вниз по спине, и ощущение это было весьма неприятным.

— И что же он делает? — спросил я, не сумев сдержать нотки страха в голосе.

— Мы все еще не знаем, на исследования ушло время, за которое успело смениться несколько поколений людей, но те немногие данные, которые мы сумели восстановить, после того как орочья угроза была сведена на нет и появилась возможность вернуться на место исследований, кажется, указывают на то, что как раз Метею удалось совершить некий прорыв.

— Которым он, похоже, не желает поделиться, — заключил я.

Эмберли мрачно кивнула:

— Совершенно не желает. Он должен был иметь сообщников на месте исследований, для того чтобы нападение,

организованное им, увенчалось столь полным успехом. Восемь его собратьев-техножрецов пропали вместе с ним, и нетрудно догадаться, что в храме похозяйничали именно они.

— Те повреждения, которые я видел, согласуются с нападением извне, — сказал я. — Так что с этой стороны ему тоже должны были помогать. Отряд наемников или что-то подобное. — Ко мне невольно вернулось нежелательное воспоминание о мертвых техножрецах и их охранниках. — И наемников очень компетентных. Не было лишних разрушений. Даже отряд Астартес вряд ли мог быть более точен в своих действиях.

— Именно такой вывод мы и сделали, — отозвалась Эмберли, — и в неразберихе, сопровождающей вторжение орков, они сумели бесследно убраться с планеты, прежде чем кто-то вообще понял, что они сбежали.

— Ясно, — проговорил я, хотя на самом деле голова у меня шла кругом. — И вы полагаете, что они могли укрыться на Периметунде.

— Это один из вариантов, — сказала Эмберли. — Я прибыла сюда, чтобы проверить ее, и обнаружила, что Лазур идет по тому же следу. С тех самых пор мы обмениваемся данными, какие удается обнаружить. — Она прикусила нижнюю губу, выглядя несколько раздосадованной: — К сожалению, вся эта история с тиранидами несколько затрудняет дело. Я не могу просто оставаться в стороне и позволить генокрадам обрушить небо нам на голову, так что у Лазура появляются все шансы первым добраться до Метея, в то время как я буду давить этих жуков.

— Но мне показалось, вы на одной стороне, — запутавшись, промямлил я.

Эмберли поглядела на меня задумчиво:

— Ты же знаешь, как это бывает. Инквизиция и Механикус должны быть равноправными партнерами, но тот из нас, кто вернет артефакт, будет обладать несколько более равными правами, чем другой.

Мне пришлось вздохнуть и покачать головой.

— В Гвардии все гораздо проще, — сказал я. — Видишь врага, убиваешь врага. Нам не приходится заботиться обо всех этих политических делах.

Это, конечно же, не совсем так, но жизнь на тех постах, которые я обычно занимал, была и правда намного менее запутанной.

— Вне сомнения, — отозвалась Эмберли, впрочем ни на секунду не позволяя себя обмануть, и пожала плечами. — Так что вот как обстоят дела: непредставимо древний артефакт ксеносов, который находится где-то на планете в руках отступника, флот-улей, нависший над нашими головами и готовый нас сожрать, выводки генокрадов с их терактами, а теперь еще и этот проклятый культ Хаоса, который вылез откуда-то из-под плинтуса на тот случай, если мы тут вдруг заскучали. — Она заставила себя изобразить беззаботную улыбку, и усилие, которое ей для этого понадобилось, мало кто, кроме меня, смог бы заметить. — Добро пожаловать в мир, каков он есть для меня, Кайафас.

Примечание редактора

В то время как Каин обретался в планетарной столице, все больше впутываясь в мое расследование, остальная часть Имперской Гвардии в обычной для нее эффективной манере занималась тем, что реагировала на те новости, в которые Живан посвятил высший офицерский состав. Поскольку, что едва ли не неизбежно, Каин не дает себе труда коснуться каких-либо аспектов этого в своем отчете, я привлекла следующий отрывок из мемуаров Дженит Суллы, которая в то время служила в чине лейтенанта в 597-м полку, надеясь на то, что он может пролить свет на данный вопрос. Как и всегда, когда речь идет об этом конкретном авторе, читатели, обладающие утонченным языковым

чутьем, вправе полностью пропустить данный отрывок.

Из произведения «Как феникс, вставший на крыло: ранние кампании и славные победы Вальхалльского 597-го» за авторством генерала Дженит Суллы (в отставке), 101.M42:

Мои читатели, конечно же, сразу поймут тот ужас, с которым были восприняты новости, принесенные полковником Кастин по ее возвращении из столицы, и остроту, с которой мы ощущали отсутствие рядом с нами комиссара Каина, чья непоколебимая уверенность и железная решимость в любых, даже самых безнадежных ситуациях продолжали, ни разу не подведя нас, воодушевлять тех, кто удостоился чести служить с ним. Впрочем, я, к

примеру, внушала себе мужество мыслью, что он скоро снова будет среди нас, и была твердо намерена сделать так, чтобы по возвращении он обнаружил, что и я, и все женщины и мужчины под моим командованием готовы к противостоянию самым ужасающим из врагов не меньше, чем сам комиссар. В конце концов, мы стояли лицом к лицу и победили тиранидских дьяволов на Корании, хоть и заплатили за это самую ужасающую цену, и у меня не было сомнений в том, что мы снова выйдем победителями под твердым командованием нашего полковника и во вдохновляющем присутствии нашего комиссара.

К тому времени, когда он возвратился, хоть обычно живая манера его была несколько приглушена тяжелейшей

ответственностью,[43] наши приготовления к встрече с грозным врагом уже немало продвинулись вперед.

Предусмотрительность полковника Кастин заключалась в том, чтобы предугадать по присутствию генокрадов на этом раздробленном мире возможность прибытия флотароя. Ее предвидение оказалось на высоте, и мне думается, что 597-й был на тот момент наиболее подготовленным из всех подразделений на Периметунде к тому натиску, который вскоре последовал. Я, со своей стороны, муштровала свой взвод, повторяя болезненно полученные уроки, которые мы вынесли с Коранни, и делала это с тех самых пор, как полковник издала свой дальновидный приказ об их отработке, и потому ощущала лишь

уверенность в тех мужчинах и женщинах, что находились под моим командованием.

Если бы хитиновая мерзость роя посмела показать себя в открытую, она нашла бы нас не иначе как преисполненными боевого духа, в этом я не испытывала ни малейшей крупицы сомнения. Когда же враг наш в действительности явился перед нетерпеливо ждущими стволами, этому суждено было произойти вдалеке от милого сердцу холода Хоарфелла и таким образом, который никто из нас никогда не смог бы предугадать.

Глава двенадцатая

Целиком и полностью используя те преимущества, которые давало ей положение аристократки, Эмберли заняла апартаменты в пентхаусе самого роскошного отеля во всем Принципиа Монс, которые, наряду со множеством других приятных вещей, могли похвастаться собственной посадочной площадкой, надежно укрытой за небольшим, источающим приятные ароматы садиком. Пелтон, не сбрасывая скорости, повел машину по наклонной на посадку, пока наконец не остановился и не распахнул задние дверцы нашего шикарного транспорта со всем апломбом настоящего шофера, за которого себя выдавал. Запахи эганты и каллиума проникли в салон воздушной машины, и это были именно те

цветы, которые, как я помнил, особенно любила Эмберли. Я поймал себя на мысли о том, выбрала ли она данный пентхаус из-за наличия этих растений или заставила высадить их уже после заселения?[44]

— Очень приятное место, — прокомментировал я, выходя на холодный ночной воздух.

Можно было бы сказать, что город раскинулся, сколько хватало глаз, если бы он не обрывался внезапно на темном краю плато, где свет и движение заканчивались так резко, будто их обрубили клинком. Преимущественно он находился под нами, достаточно далеко, чтобы непрекращающийся гул его доносился лишь приглушенно, а наземные машины, словно юркие светящиеся жуки, почти бесшумно скользили по освещенным люминаторами широким проспектам.

Эмберли кивнула:

— Сойдет. Подходит к моей легенде, а летная площадка означает, что мы можем появляться и исчезать так часто, как захотим, не вызывая больше слухов,

чем необходимо.

Я покивал, представил, как она проходит в своей силовой броне через холл отеля, и постарался не расхохотаться. Не сомневаюсь, персонал подобного заведения умел хранить секреты, но некоторые вещи все-таки заставили бы даже их глаза полезть на лоб.

— Уверен, что тебе это легко удается, — сказал я.

Эмберли пожала плечами:

— Здесь привыкли к эксцентричному поведению. Они готовы терпеть практически все что угодно, если им достаточно заплатить, и не станут задавать лишних вопросов. Но, даже учитывая это, осмотрительность лишней не бывает.

— Не бывает, — снова подтвердил я.

Впоследствии мне предстояло привыкнуть к ее методам работы, потому как Эмберли раз за разом втягивала меня в свои секретные операции, но я никогда так и не смог отделаться от ощущения, что она склонна принимать различные обличья и разрабатывать сложные легенды

для прикрытия лишь потому, что это весело, а не оттого, что так уж нуждалась в том.[45]

Гостиная была огромной, с тонированными стеклами, сквозь которые открывался вид на расстилающуюся внизу панораму города. Обстановку составляла милая и удобная мебель, цветы в безупречно подобранных керамических вазах дополняли интерьер, сюда плохо вписывалось разве что большое количество оружия, валяющегося там и тут по всему помещению. Эмберли пожала плечами, увидев, что глаза мои остановились на этой огневой мощи.

— Боеготовность всегда окупается, — радостно заявила она.

— Именно так, — согласился Янбель, проделывая с помощью механодендритов что-то со стволом тяжелого болтера, который я в последний раз видел приделанным к предплечью принадлежащего Эмберли силового костюма.

Янбель поднял ствол к свету,

поглядел вдоль него, прищурившись, что вызвало слабое жужжание, пока его аугметические глаза фокусировались на чем-то слишком микроскопическом, чтобы я мог это разглядеть, — после чего издал довольное ворчание, прежде чем потянуться к небольшой баночке освященного машинного масла одной из настоящих своих рук и приняться благословлять эту штуковину.

Забившаяся в дальний угол Рахиль подняла на меня взгляд, оторвавшись от того, что, кажется, являлось тихим разговором с Симеоном (они, как мне показалось, проводили немало времени вместе, возможно, потому, что каждый лишь отчасти сохранял здравый рассудок), и окинула злобным взглядом.

— Это ты, — сообщила мне псайкер очевидное, и глаза ее заметались по пространству за моей спиной, прежде чем она снова заговорила: — Но я не чувствую пустоты.

— Юрген все еще в здании Арбитрес, — сказал я, сообразив, что значит эта конкретная околесица.

Помощник оставался там, чтобы первым узнать, если Киш раскроет что-то новое касательно нашего загадочного убийцы или к Живану поступят какие-то новые данные об угрозе со стороны тиранидов; Юрген, находясь поближе к этим двоим, служил наглядным и пахучим напоминанием о том, что они должны держать меня в курсе.

Псайкер немного расслабилась.

— Тень голодна, — с самым серьезным видом сказала она мне, затем снова обернулась к Симеону. — Его сознание все сияющее, как зеркало.

Я совершенно не представлял себе, как это понимать, так что просто вежливо улыбнулся.

— Комиссар! Легки на помине!

В комнату вошла Зетельда, которая выглядела как плохая актриса в костюмированном фарсе, поскольку до хруста накрахмаленная форма горничной совершенно несовместимо контрастировала с зеленой челкой, лохматящейся надо лбом, и топорщившимся под левой грудью плохо

спрятанным лазерным пистолетом. Впрочем, она, кажется, была искренне рада меня видеть, и, несмотря на то что толку в ней было не больше, чем в Рахиль, у меня не получилось не улыбнуться в ответ.

— Взаимно рад встрече, — отозвался я, с некоторым трудом разбирая периремундский уличный диалект, на котором она говорила, и лицо бывшей уличной продавщицы расплылось в такой ослепительной улыбке, будто я только что сообщил ей, что она выиграла тысячу кредитов. — Я так вижу, вы неплохо освоились.

— Уж не сомневайтесь. — Она оживленно закивала. — Лучшая работа, какая у меня только была в жизни. Чертовски лучше, чем барыжить пирожками со всякой хренью или расклеивать афиши подпольных слэшерских концертов.[46] Уж я-то знаю, будь спок.

— Рад слышать, — проговорил я, стараясь не показать некоторого своего

стятения.

Земельда всплеснула руками:

— Прямо как когда мы были подростками — играли во всякие игры, но только в этот раз все по-настоящему, понимаете?

Я кивнул, не вполне доверяя себе, чтобы заговорить. Это был именно тот энергичный энтузиазм, какой я привык видеть у фангов,[47] только что прибывших с призывных пунктов на Вальхалле, пылающих воинским рвением и страстным ожиданием предполагаемой воинской славы.

Наиболее умные из них быстро соображали, что к чему, старались держать голову пониже и начинали постигать трачную науку выживания. Остальные становились или героями, или мертвецами, а зачастую и тем и другим. Я осознал, что с неожиданной душевной болью размышляю о том, в какую же категорию попадет Земельда.

— Она оказалась очень полезной, — вмешалась Эмберли, покровительственно

улыбнувшись своей новой энергичной помощнице. — Имбецилка, рожденная в результате кровосмешения, которую я должна изображать, даже в гроб не ляжет без личной горничной, которая бегала бы от нее по всяким поручениям, и Земли отлично подходит, чтобы играть подобную роль. — Она кивнула на псайкера в уголке. — А Рахиль не очень-то смахивает на горничную даже в лучшие дни.

— А я в платье выгляжу как клиб, — добавил Пелтон, входя следом за нами в помещение.

Это вызвало в моем сознании такую картину, воздействию которой я предпочел бы не подвергать свои синапсы, поэтому лишь кивнул и произнес:

— Я поверю на слово.

Земельду потянуло к Пелтону, едва он возник в дверях, и мне не составило труда заметить легкие улыбки, которыми они обменялись, едва заметив друг друга.

Пелтон пожал плечами:

— Шутки в сторону, у нее действительно настоящий талант к

тайным операциям. — (Зетельда слегка покраснела от похвалы). — Вживается в легенду как профи и начинает показывать все лучшие результаты в стрельбе из пистолета. Уложила гибрида в последнем из тех выводков, на которые мы ходили в рейд, одним лазерным зарядом, как раз когда он уже нацелился было на Симеона. — На лице его появилась уже знакомая мне легкомысленная улыбка. — Хотя вряд ли он заметит, если его подстрелят.

— Это к делу не относится, — вмешалась Эмберли, и в голосе ее был некоторый упрек. — Предпочитаю, чтобы мои агенты не ходили продырявленными. В целом виде они более полезны.

Не в первый раз я осознал, что восхищаюсь тем, как у Эмберли получается вселить дух товарищества в тот разношерстный сброд, которым она склонна была окружать себя. Я видел многие лица, которые появлялись и исчезали в ее окружении за многие годы, но все они, казалось, разделяли это чувство, какими бы различными ни были их истории и жизнь до того, как они

оказались затянутыми на орбиту инквизитора.

— От меня возражений не ждите, — согласился Пелтон, и парочка удалилась куда-то, оставив меня и Эмберли вдвоем разглядывать укрытый ночью город.

— Кажется, они сошлись, — сказал я, и Эмберли кивнула.

— Ничего дурного в этом нет, — откликнулась она. — Если девушке предстоит продолжать водить с нами знакомство, ей нужно будет пройти хорошее базовое обучение боевым техникам, а Мельком — единственный в нашей группе, кто достаточно хорошо ими владеет. — На ее лице появилась улыбка, в которой сквозила самоирония. — Если не считать меня, конечно же, но у меня нет времени работать нянькой.

— Кажется, Пелтон немало знает о работе под прикрытием, — сказал я.

Эмберли снова кивнула:

— Он был под очень глубоким прикрытием, и долгое время — проник в структуру нелегального картеля в Торрендонской Бреши. Даже, вероятно,

слишком долгое. Ему приходилось совершать весьма сомнительные поступки, дабы поддержать свою легенду, и были даже подозрения, что он переметнулся.

Я понимающе покачал головой. Субсектор Торрендон был раздираем варп-штормами, оставлявшими лишь несколько безопасных путей, по которым могли перемещаться торговые суда, курсирующие по своим деловым маршрутам, так что пиратство оставалось там самой насущной проблемой.

— Значит, он был из числа офицеров флотской военной полиции, когда ты его рекрутировала? — уточнил я.

Эмберли покачала головой:

— Он был арбитром, пока надзирающий офицер, который его вел, не решил, что он сделался скорее частью проблемы, чем ценным кадром, и не попытался отозвать его. Мельком не согласился с подобной оценкой, и все кончилось дурно.

— Насколько дурно?

Эмберли вздохнула:

— Было много трупов. Мельком

решил, что если уж его выдергивают с полевой работы, то ему стоит прежде устроить генеральную уборку, и принялся выводить из игры всех тех, кого он успел определить как ключевые фигуры картеля. — В голосе ее появилась нотка восхищения. — Он поступил умно — это я могу точно сказать: подставил одного из старших директоров, сделав его претендентом на высший пост, затем убил нескольких из второго эшелона, и дальше ему оставалось только указать пальцем. Это была кровавая баня. К тому времени, как его вышестоящие, ставшие на то время укротителями, до него добрались, картель буквально разорвало на куски.

— Так что же в этом плохого? — спросил я в чистосердечном недоумении.

По мне, звучало это так, что он сделал Галактике большое одолжение.

Эмберли взглянула на меня с сожалением:

— Подумай хорошенько. Арбитр, который ступил за грань закона, какими бы достойными ни были причины, не

является чем-то, что Арбитрес могут игнорировать и не принимать всерьез. К счастью, я оказалась неподалеку, как раз когда они собирались не оставить от него даже воспоминаний, и решила, что подобный талант не должен отправиться на свалку.

— Понимаю. — Я кивнул, в очередной раз задумываясь о том, насколько же проще обстоят дела в Имперской Гвардии. На поле боя нужно лишь делать все необходимое для победы, и не более. — Ну что же, по крайней мере, Земельда, кажется, находится в хороших руках.

Эмберли поглядела на меня изучающим взглядом.

— Надеюсь, этой ночью не только ей выпадет такая возможность, — сказала она.

Следующим утром мы как раз наслаждались ленивым завтраком, когда неожиданно прибыл Лазур в лязгающем орнитоптере, несущем на себе изображение шестерни Адептус Механикус, который приземлился за эгантовыми кустами,

трепеща крыльями со всей грацией, какую только можно было ожидать от металлической курицы. Эмберли поглядела поверх лежащих перед нею вафель с дольчеягодами, как техножрец входит в двери открытого внутреннего дворика, и кивнула, приветствуя его с искренним радушием.

— Берите стул и присаживайтесь, — пригласила она несколько неразборчиво, в то время как Земельда, все еще наслаждавшаяся своей маскировкой, которую, конечно, никто-никто не смог бы разгадать, налила в чашку рекафа и поставила ее на стол перед новоприбывшим.

Один Император знает, с чего она решила, что Лазур сможет отведать напитка, учитывая, что у него не было рта, но это было именно то, что должна была делать служанка, так что, вероятно, Земельда думала, что таким образом только усилит непроницаемость своей легенды — или что-то в этом роде. Когда с этой простой задачей было покончено, она вернулась к тому, чтобы тыкать

сервировочной ложкой салат из рыбы, риса, яиц и еще чего-то, стоящий на буфете, и выглядеть так, будто совершенно не подслушивает разговор за столом.

Лазур учтиво склонил голову и занял предложенное место.

— Благодарю вас, но я уже поглощал питательные вещества на этой неделе, — отозвался он, пытаясь изобразить хорошие манеры. В мою сторону он бросил быстрый взгляд, но если и был удивлен, увидев меня здесь, то ничем не показал этого. — Комиссар, вы хорошо выглядите. Я так понимаю, что ваше взаимодействие с инквизитором в результате оказалось удовлетворительным?

— Да, и весьма, — ответила Эмберли, послав мне едва заметную усмешку, — но я боюсь, что вы зря проделали весь путь сюда. Кайафас не более нашего представляет себе, где обретается Метей.

— Это неутешительно, — произнес магос, умудрившись проговорить это так, что смысл изменился до обратного. — Я надеялся, что человек его находчивости

сможет отворить такие двери, которые прежде оставались для нас закрытыми.

— Я тоже, — пришлось мне заверить техножреца ничего не значащей фразой, создавая впечатление, что я с самого начала был посвящен в поиски шестереночника-отступника, и едва начал говорить следующую фразу, как обнаружил, что вижу сразу несколько открывающихся в этом плане возможностей. — Мое положение в Комиссариате предоставляет мне доступ к разведывательным данным, которые в данный момент анализируются Гвардией и Арбитрес, к примеру. — Я кинул взгляд на Эмберли. — Если, конечно, вы уже не посвятили в подробности Живана и Киша.

— Только не касательно этого, — заверила инквизитор. — У них и так хватает забот с генокрадами и роем. — Она пожала плечами, отодвинула тарелку и сделала глоток рекафа. — К тому же тенесвет...

— Что-что? — переспросил я, не донеся до рта полную ложку того самого салата.

Лазур любезно подхватил:

— Артефакт ксеносов, с которым скрылся Метей. После его отбытия мы нашли в Долине Демонов и другие предметы, включая набор металлических табличек из неизвестного нам состава, которые содержали фрагменты надписей, одна из которых, как нам кажется, упоминает об артефакте именно таким образом.

Знакомое сухое покашливание ознаменовало прибытие Мотта, который прислушивался к последним фразам нашего разговора и, кажется, был более не в силах удержаться, чтобы не претворить в слова тот поток связанной с темой обсуждения информации, которая была закодирована в его аугметическом мозжечке.

— Язык этот так и не был расшифрован, — встрял он, протягивая руку за кувшином-термосом с рекафом, который Земельда только что выставила на буфет, и налил себе полную чашку. Я уже было напрягся, ожидая увидеть, как он обваривает пальцы, а чашка падает на ковер, но он проделал все с идеальной точностью, продолжая в то же время

говорить и, похоже, не делая пауз, чтобы вдохнуть. — Но необходимо упомянуть, что ранее похожие надписи уже обнаруживались в самых разных частях Галактики и была предпринята не одна попытка вчерне расшифровать значения некоторых символов. Главной сложностью оказалось то, что эти надписи, хотя и являются древними настолько, что их возраст невозможно даже вообразить, все же относятся к разным временным периодам, между которыми проходили целые геологические эры, и нет никакой уверенности, что какая-либо система символов могла сохраниться в неизменности за такое время.

Вспоминая ломаный готик, на который соскальзывала Земельда, когда забывала, что остальные присутствующие здесь не с этого мира, я счел последний довод вполне убедительным, но все же не торопился соглашаться. Если уж Мотт начинал говорить, то последнее, что вам захочется делать, так это поощрять его словоизвержение.

— С другой же стороны,

повторяемость надписей и единство методов, которыми были изготовлены те немногие артефакты и другие фрагменты, собранные в столь разнообразных местах раскопок, кажется, должны свидетельствовать, что это было весьма устойчивое общество, просуществовавшее весьма продолжительное время, что могло сохранить относительную неизменность языка, — это никоим образом нельзя сбрасывать со счетов.

— Благодарю, Карактакус, — произнесла Эмберли, яростно глядя на меня с выражением «гляди, что ты наделал». — Само существование артефакта, как бы он ни назывался, является секретом, известным очень немногим, и как Инквизиция, так и Механикус предпочли бы не менять это положение.

Лазур согласно кивнул, но до моего сознания только сейчас дошли те слова, которые он сказал перед тем, как мы вызвали у Мотта логорею, и я уставился на техножреца с некоторым недоумением.

— Погодите-ка минутку, — произнес я. — Вы обнаружили там еще какие-то из этих артефактов? Когда это произошло?

— А ты сам как думаешь? — спросила Эмберли, протягивая руку за подрумяненным на огне тостом. — Конечно же, в ходе восстановления той дамбы, которую ты развалил.

Лазур снова кивнул:

— Последовавший за этим потоп значительно изменил топографию долины. — Предупреждающий взгляд Эмберли не позволил Мотту просветить нас по поводу того, насколько значительно и какой толщины слой почвы сошел в процессе и как много орков промочили тогда ноги. — В частности, было обнаружено совершенно новое место для раскопок, которое содержало в себе немало интересного для нас, включая и другие устройства, которые до настоящего момента не открыли нам свои тайны.

— Что, конечно, в целом очень интересно... — вставила Эмберли, перекусив свой тост пополам точным движением челюстей, так что на меня

только крошки полетели, и лишь затем закончила фразу: —...но мы отклоняемся от темы нашего разговора. — Она с любопытством поглядела на меня. — Каким образом твой доступ к военной разведывательной сети может помочь нам узнать местоположение Метея? Желательно раньше, чем он спровоцирует несварение желудка у какого-нибудь несчастного тиранида.

— У нас есть шанс, поскольку аналитики ищут только свидетельства заражения генокрадами, — сказал я, — и ничего более. Тот факт, что они проморгали культ Хаоса, последователь которого совершил на меня покушение прошлым вечером, лишь подтверждает это предположение.

Говоря это, я смотрел на Лазура, но он не выразил при моих словах никакого удивления. Не то чтобы я рассчитывал прочесть что-то на его лице — шестереночки его ранга становятся больше механизмами, чем людьми, — но, как я представлял себе, тот разговор, который состоится между ним и Эмберли,

после того как я покину их общество, всякo стоит того, чтобы его услышать.

— Я могу попросить Живана дать мне доступ к необработанным данным и, возможно, смогу обнаружить что-то, что они пропустили, потому как это выпадало за рамки тех параметров, в которых они искали.

— Стоит попробовать, — сказала Эмберли, задумчиво кивая. — Я получала уже процеженную информацию, а если бы потребовала дать мне возможность взглянуть на исходный материал, это вызвало бы неудобные вопросы. Насколько известно командованию Гвардии, я здесь всего лишь консультант по тиранидам.

— К сожалению, мое положение не выгоднее, — посетовал Лазур. — Мне, конечно, выпала честь быть советником лорда-генерала в том, что касается наиболее благоразумного использования щедрых даров Отниссии для поддержки нашего общего дела, но поскольку я являюсь лишь гражданским лицом, то вся разведывательная информация предоставляется мне лишь строго по мере

надобности.

— Я поговорю с Живаном, — сказал я. — С Кишем тоже. Сообщу им, что ищу наводку на нашего загадочного убийцу, и, полагаю, они окажут мне содействие. — Я бросил взгляд в сторону изысканного хронографа на стене, который спешил на десять минут и, кроме всего прочего, был облеплен толпой позолоченных ангелов. — В любом случае мне нужно сделать крюк к зданию Арбитрес, чтобы забрать Юргена.

Честно говоря, я думал, что все, к чему приведет моя помощь в их поисках, так это приятная возможность наносить Эмберли визит каждые несколько дней, с тем чтобы лично отчитаться в прискорбном отсутствии результата. Но, как это происходит слишком часто, совершенно незначительный жест оказался именно тем пинком, что отправил меня в круговерть опасностей и предательства, которая намного превосходила все, что когда-либо могло породить мое воображение.

Глава тринадцатая

Несколько последовавших за этим дней буквально лишали нас силы духа. Насколько — вы сами можете себе представить: к слабому свету системы Периметунды, расположенному всегда по центру поля изображения наших гололитов, неутолимо подкрадывался расплывчатый контур роя тиранидов, пока однажды утром не поглотил его целиком. Мне на тот момент случилось находиться на командном пункте вместе с Кастин и Броклау, и все мы тяжело вздохнули, когда край темной зоны наконец лизнул мерцающую булавочную головку света, а затем начал затягивать ее все глубже и глубже в себя, подобно амебе, поглощающей некий микроскопический кусочек съестного.

— Вот оно, — лаконично произнес Броклау, и я понял, что пялюсь на окна, расположенные в крыше бывшего склада, поскольку некая иррациональная часть моего сознания ожидала, что нас сейчас скроет самая настоящая тьма.

Ничего подобного, конечно же, не произошло. Даже по иронии судьбы почти нескончаемая пелена над Хоарфеллом в тот день разошлась, и ярчайший солнечный свет копьями опускался с голубого неба, лишь кое-где испятнанного кляксами облаков, на солдат, занимающихся своими обыденными делами. Конечно же, снаружи все еще было слишком холодно, чтобы мне это понравилось, и ветер пронизывал прямо до костей даже через плотную ткань шинели, но вальхалльцы распахнули огромные ворота настежь, чтобы как можно полнее насладиться хорошим деньком. Я, впрочем, тоже находил избавление от обычной промозглой полутьмы несколько духоподъемным, по крайней мере до того момента, когда мне зачем-то пришло в голову заглянуть и проведать, что

происходит у старшего командного состава.

— Есть какие-то подвижки? — поприветствовала меня Кастин, когда я прибыл, но мне лишь оставалось с сожалением покачать головой.

Как следовало ожидать, Живан и Киш вместе собрали впечатляющий объем разведданных и обеспечили постоянный приток новых, так что необходимость просматривать их я находил довольно тягостной, не говоря о том, что совершенно бессмысленной. К счастью, я сообразил передать большую часть файлов Мотту, который просто-таки наслаждался подобными задачками, и он сократил их до точных, снабженных перекрестными ссылками сводок, прежде чем подкинуть мне все это обратно для экспертной оценки, которая на данный момент, следует признать, не дала ровным счетом ничего.

И все же я был благодарен возможности отвлечься, потому что в противном случае мне не оставалось бы беспокойство о приближающихся к нам

тиранидах и о том, что же затевает до сих пор не обнаруженный авангард роя на планете. Полагаю, мне просто не повезло заглянуть к Кастин именно в тот момент, когда ударная волна, предшествующая в варпе рою тиранидов, накрыла нашу систему.

— Теперь мы можем рассчитывать только на себя, — согласилась полковник со своим подчиненным, наблюдая, как грязное пятно расплывается все дальше по колеблющемуся, неустойчивому изображению звездного поля, проецируемому гололитическим аппаратом.

И это была истинная правда. Теперь, когда мы находились внутри тени, не осталось надежды на астропатическое сообщение ни с Коронусом, ни с флотилией звездных кораблей, что спешили нам на помощь. Мы все еще могли примерно оценить местоположение нашего Флота, и я уставился на маленькую группку обозначавших его значков, желая, чтобы они прибыли раньше, чем приливная волна хитиновой смерти затопит нас с головой.

Конечно же, вероятность этого была теперь еще меньше, чем прежде, потому что масса роя могла оказать влияние и на сами течения варпа, но ускорит это или замедлит продвижение наших спасителей, мог сказать лишь Император.

— Лучше бы повысить уровень боевой готовности, — предложил я, и Кастин резко кивнула:

— Уже. Когда бы они ни появились, мы будем готовы. — Она кивнула на гололит. — Я знаю, что это иррационально, но мне казалось, что они посыплются на нас с потолка, как только прибудет эта тень.

Говорила она вроде бы шутя, но все же несколько натянуто, что в достаточной мере выдавало едва сдерживаемый страх. Зная историю нашего полка, я едва ли мог винить ее за это: оба подразделения, которые теперь составляли 597-й, были буквально переломоты на Корании. Сама Кастин была в то время лишь командиром роты, а закончила кампанию обремененная ответственностью за весь полк просто потому, что осталась практически единственной выжившей из всего

офицерского состава. И улыбкой фортуны было то, что она оказалась столь уравновешенным и одаренным командиром.

— Мне тоже, — признал я, и мы секунду наслаждались нашим несколько неуместным весельем.

Я уже не раз сталкивался с тиранидами, и необходимость снова встать лицом к лицу с этой машиной смерти была достаточно удручающей, если не сказать больше.

— Мы противостояли им раньше, выстоим и сейчас, — резко произнес Броклау, и мы все сделали вид, что верим в это.

— Полковник! — Оператор вокса подняла взгляд от панели управления и махнула рукой, чтобы привлечь наше внимание. — Сообщение от лорда-генерала.

— В мой офис. Передавайте сообщение туда, — кратко откликнулась Кастин женщине-оператору, как будто момента сомнений никогда и не было, и первой проследовала к металлической лестнице, ведущей на галерею. Когда мы уже торопливо поднимались по звенящим

ступеням, Кастин оглянулась на нас с Броклау. — Похоже, все случится скорее раньше, чем позже.

Ее предположение не оправдалось, впрочем ко всеобщему, кроме меня, облегчению. Голос Живана был четким и резким, когда он откликнулся на ее приветствие.

— Полковник, комиссар Каин с вами?

— Он здесь.

Кастин кинула на меня взгляд через комнату, и я присоединился к разговору.

— Чем могу быть вам полезен, генерал? — спросил я, стараясь не обращать внимания на дрожь дурного предчувствия, которая пробежала где-то в районе живота.

Как свидетельствовал мой личный опыт, когда кто-то весьма могущественный и обладающий самыми разнообразными связями спрашивает о тебе, это редко предвещает что-либо хорошее.

— У меня сообщение от инквизитора Вейл, — произнес Живан, почти успешно пряча свое раздражение от того, что ему

приходится передавать ее послания. Но в этом, конечно же, был свой смысл. Если Эмберли по-прежнему желала держать в секрете присутствие на Периремунде, было мало более защищенных линий связи, чем непосредственно из офиса лорда-генерала. — Она находится на пути к Хоарфеллу и хочет, чтобы вы встретили ее на аэродроме.

— Можете сообщить ей, что уже отправляюсь, — сказал я со всем энтузиазмом, какой только смог изобразить.

Приятная перспектива снова повидаться с Эмберли не перевешивала уверенности в том, что она собирается втянуть меня еще глубже в те дела, ради которых в действительности прибыла на эту планету. Отказаться, впрочем, было тоже совершенно немыслимо, и мне оставалось лишь искать спасения в своей публичной личине скромного героя. Я обернулся к Кастин и Броклау, которые выглядели несколько потрясенными таким неожиданным поворотом событий, не говоря о том, что были охвачены

определенным благоговением при новом напоминании о моих связях в высших кругах.

— Боюсь, вам придется некоторое время обходиться без меня, — только и оставалось, что сказать мне им.

— Мы справимся, — со всей серьезностью заверила меня Кастин, как будто мое присутствие способно было повлиять на ее план сражения. — Есть какие-нибудь предположения, к чему все это?

— Ни малейших, — заверил я, стараясь, чтобы прозвучало это так, словно встреча с Эмберли настолько же ужасающа, как и встреча с тиранидами. Я пожал плечами в преувеличенно беспечной манере. — Расскажу, когда вернусь, если все это не будет слишком сильно засекречено.

Произнес я это веселым тоном, при этом внутренне надеясь, что проживу достаточно, чтобы у меня появилась подобная возможность.

Путешествие на аэродром оказалось коротким и полным небольших

происшествий, обычных, когда Юрген оказывался за рулем. Наша «Саламандра» прорезала поток гражданского транспорта, как если бы тот представлял собой пеших солдат противника, — хотя, надо сказать, жертв было значительно меньше. Юрген был настолько же хорошо знаком с крепкой маленькой машиной, насколько со своим лазганом, и, хотя его манера вождения оставалась такой же жесткой, как раньше, мы так и не столкнулись ни с одной из машин, которым не посчастливилось делить с нами дорогу. Впрочем, несколько раз мы были к этому близки, но, поскольку нас окружала броня, ни Юрген, ни я не нашли эти близкие возможности столкновений слишком уж тревожащими. Гражданские, подозреваю, думали иначе.

Пока мы прокладывали себе путь по основной подъездной дороге аэропорта, оставляя за собой кильватерный след ругательств и надрывающихся клаксонов, я заметил, что мелта, которую мой помощник обычно прихватывал с собой, когда дела должны были пойти хуже, чем

обычно, была приткнута в водительском отделении за его спиной. Очевидно, он тоже ожидал проблем, что было весьма неглупо с его стороны.

Если наши опасения окажутся правдой, то именно Юргена, и никого другого в целой Галактике, я выберу, чтобы прикрывать мне спину, а мелта уже не один раз становилась именно тем, что позволяло реализоваться нашим шансам на выживание.

Я также принял меры предосторожности, загнав в мой цепной меч и лазерный пистолет свежие энергетические батареи и надев под шинель панцирную броню, которую заполучил еще на Гравалаксе.

— Вы полагаете, что это уже они? — спросил Юрген, резким поворотом огибая тяжелый грузовик, на плоскую платформу которого был погружен, кажется, двигатель шаттла со снятой оболочкой, опасно нависающий во все стороны над дорогой, и я рефлекторно пригнулся, когда переплетение труб толщиной с мое предплечье едва не смело фуражку у меня с

головы.

Помощник же мой вытянул руку, убрав ее на мгновение с рукоятки газа, чтобы указать на стройный шаттл класса «Аквила», опускавшийся на ту самую посадочную площадку, возле которой нам было сказано ожидать.

Совершенно не обращая внимания на выразительные жесты испуганного водителя грузовика, я кивнул:

— Должно быть.

Желая сохранять инкогнито как можно дольше, Эмберли избегала лепить на свой личный транспорт эмблемы Инквизиции, но темно-красная с серым раскраска была весьма хорошим указанием на то, кому именно принадлежит данное транспортное средство, для любого, кто был знаком с организацией, той самой, на которую и мне в данный момент предстояло поработать. На мгновение я задумался, означает ли присутствие способного к выходу в космос челнока, что на орбите терпеливо дожидается давно работающий с Эмберли Орелиус, но в этом я сомневался. Периметунда была

маленьким и совершенно провинциальным местечком, так что присутствие в системе капера не могло долго оставаться незамеченным.[48]

Я взглянул на свой хронограф:

— В любом случае она весьма пунктуальна.

Мне, конечно же, нужно было догадаться, что озвучивать данную мысль не стоит. Как я уже отмечал бессчетное количество раз на протяжении этих мемуаров, приверженность Юргена этикету имела свойство одержимости. Теперь, решив, что хорошие манеры требуют встречать челнок на посадочной площадке, он поддал газу, да так, что меня откинуло назад, впечатав в закрепленный на турели болтер, а группу бойцов СПО на блокпосте заставив рассыпаться по сторонам. Кинув взгляд назад, я увидел, как один из солдат орет что-то в вокс-передатчик, но, по крайней мере, ни один из них не додумался открыть по нам огонь,[49] что уже было нежданным благословением. Вознеся хвалу

Императору за эту небольшую услугу, я вцепился в какие только смог найти опоры, пока Юрген преодолевал полосу препятствий, состоящую из топливозаправщиков-подогревателей, технопровидцев, застывших с открытыми ртами, грузовых сервиторов и прочего. Машину бросало так, будто нам на голову сыпался огонь артиллерийской батареи, а Юрген пытался увернуться от каждого снаряда в отдельности. Мой вокс ожил:

— Комиссар Каин, говорит Дариен Нижний. — Голос диспетчера был напряженным, что неудивительно. Бедняга, вероятно, полагал, что нас опять собираются взорвать, да так, чтобы Перирегунда пролетела половину расстояния до Золотого Трона, а я мчусь предотвращать катастрофу. — Произошло ли что-то непредвиденное, о чем нам должно быть известно?

— Все в порядке, — заверил я со всей убедительностью, которую только мог выдавить из себя, когда дыхание было из меня выбито юргеновским вождением. — Я должен получить жизненно важные

депеши, только и всего.

— Ясно.

Очевидно было, впрочем, что ничего ему не ясно, но, насколько свидетельствует мой опыт, гражданские и не ожидают, что военные заботы будут им понятны. Ему лишь хотелось знать, что мое поведение не предвещает новых бед для космопорта.

Несмотря на героические усилия Юргена, шаттл приземлился за несколько секунд до того, как мы достигли посадочной площадки, прямо на ходу опуская пандус, так что край его коснулся камнебетона за мгновение до того, как это сделали шасси. Я выжидательно глянул в открывшийся проем, ожидая, что в верхней точке серой наклонной поверхности появится Эмберли, но проем оставался пуст, да и звук двигателей не уменьшался, потому как обороты были сброшены лишь для того, чтобы летательный аппарат снова не рванул ввысь. Распознав эти признаки, говорящие, что пилот готов как можно быстрее вновь

стахнуться,[50] как в горячей ЗВ, я инстинктивно пригнулся за окружающую меня броню и принялся оглядывать окрестности, выискивая угрозу.

— Поднимайтесь на борт как можно быстрее! — произнес голос Эмберли у меня в ухе, и, принимая ее слова так буквально, как воспринимал любое другое указание, Юрген снова дал по газам, рванув к узкому пандусу со скоростью, которую любой другой счел бы безумной.

Даже будучи достаточно привычным к бесцеремонному обращению с нашей маленькой машиной после полутора десятилетий, которые были у меня на то, чтобы сжиться с моим помощником, я понял, что вздрогнул, когда мы запрыгнули на металлический язык, превышавший ширину нашей машины на пару миллиметров, и влетели в миниатюрный грузовой трюм. Я не знаю, как мы не впилились в переборку, но Юрген рассчитал все с микронной точностью, совершенно недопустимым образом перекинув передачу и остановив нас так,

что до металла оставался буквально сантиметр свободного пространства. Как только он заглушил наш двигатель, пилот дал полную мощность своему, и я почувствовал знакомое давление в основании моего уже немало претерпевшего позвоночника. Выбираясь из «Саламандры», я кинул последний взгляд на Дариен, ухнувший далеко вниз, прежде чем поднимающийся пандус не вернулся на положенное место, полностью перекрыв обзор. Я глотнул воздуха, полного юргеновского благоухания.

— Хорошо водите, — сказала Эмберли, появляясь в узком пространстве трюма через дверь в переборке перед нами.

Юрген почесал голову и засиял от нежданного комплимента.

— Благодарю, мэм, — проговорил он, и краска залила его щеки под слоем въевшейся грязи.

Эмберли улыбнулась мне, и я как мог ответил тем же.

Одета она была в облегающий, как вторая кожа, закрытый костюм, которого в обычных обстоятельствах было бы

вполне достаточно, чтобы поднять мне настроение; он был полночно-черного цвета и увешан разъемами и кабелями питания. Это определенно был кожный интерфейс управления ее силовых доспехов, и этот факт заставил мои ладони зудеть самым серьезным образом. Куда бы мы ни направлялись, Эмберли полагала, что броня ей понадобится.

— Всегда считал, что невежливо заставлять леди ждать, — произнес я, стараясь, чтобы это прозвучало как можно более непринужденно, но Эмберли усмехнулась, ни на миг не обманувшись.

— Проходите, — сказала она, указывая на дверь в переборке. — Можете устраиваться поудобнее.

— Куда мы направляемся? — спросил я, проследовав в пассажирский отсек, обставленный так, что мог с успехом справляться с ролью гостиной небольших апартаментов какого-нибудь отеля (только набор страховочных ремней на каждом сиденье портил это впечатление).

Я опустился на ближайший диванчик рядом со столиком для напитков с

прозрачной столешницей, и Земельда поставила передо мной бокал с амасеком, от которого я точно не собирался сейчас отказываться. Девушка все еще с неугасающим энтузиазмом играла горничную.

— Подумала, что вам оно пригодится, — сказала она.

— И правильно подумали, — согласился я, ополовинивая бокал слишком быстро, чтобы в достаточной мере оценить шедевр искусных винокуров, и наконец удивившись факту присутствия Земельды на борту.

В отличие от Эмберли, бывшая уличная продавщица была уже полностью экипирована для тех неприятностей, которые нас ожидали. На ней была темная рабочая солдатская форма с камуфляжным рисунком «улей».[51] Голова ее была повязана банданой той же раскраски, удерживающей волосы. Лазерный пистолет находился в кобуре на поясе, уже нескрываемый, а к жилету-разгрузке были прицеплены несколько фраг-гранат, как

раз возле свирепого вида боевого ножа. Эмберли опустилась в кресло напротив меня и одобряюще улыбнулась своей протеже.

— Наша малышка взрослеет, — радостно заявила она.

— Вижу, вижу, — только и оставалось ответить мне.

Пустынные пространства периремундского ландшафта проносились под нами слишком быстро, чтобы можно было разглядеть какие-либо детали. Встречные плато появлялись и исчезали, подобно мелькающим теням. Большая часть команды инквизитора была здесь. Пелтон, одетый почти так же, как и его зеленовласая подружка, будто защищая, баюкал автоматическую винтовку. Симеон сердито разглядывал нас из угла, подергиваясь время от времени, когда его импланты впрыскивали необходимые химические вещества. Ружье свое он положил на колени и непрестанно ощупывал запасные магазины, висящие на ремне поперек груди. Он бормотал при этом что-то, слишком тихо, чтобы

можно было разобрать слова, но, судя по интонациям, это была молитва. Рахиль стояла рядом с ним, лицо ее было еще более напряженным, чем обычно, полным боли и ненависти взглядом она смотрела поверх моей головы. Обоняние сообщило мне о причине этого, и я обернулся к Юргену.

— Возможно, вам лучше проверить состояние «Саламандры», — предложил я ему. — Не исключено, что она нам понадобится сразу после приземления.

— Будет исполнено, сэр. — Рука Юргена сделала конвульсивное движение, которое имело слабое сходство с отдачей чести, и он исчез обратно через дверь в перегородке.

Когда мой помощник скрылся за толстой металлической плитой, Рахиль несколько расслабилась — до обычного уровня рассеянности — и кивнула, как будто прислушивалась к разговору, который могла слышать она одна.

— Ветер дует вновь, — произнесла псайкер, — и зубы его остры.

— Рад, что вы чувствуете себя

лучше, — дипломатично заметил я, дав себе зарок держать Юргена как можно дальше от нее.

Не то чтобы я хоть на фраг заботился о запуганном маленьком чудовище, конечно, но Рахиль снова была вооружена, а мне совершенно не хотелось, чтобы беспокойство из-за Юргена заставило бы ее уменьшить дискомфорт посредством лазерного пистолета. Удивительный дар моего помощника уже не раз спасал мне жизнь, и я хотел, чтобы так и продолжалось впредь как можно дольше; да и сама мысль, что Рахиль может начать стрелять в таком тесном помещении, мне совершенно не нравилась. Конечно же, пробить корпус она не смогла бы, поскольку он был достаточно крепким, чтобы выдержать ударные нагрузки при входе в атмосферу, так что какой-то жалкий лазерный заряд ему совершенно не повредил бы, но рикошет вполне мог поставить под угрозу мою собственную жизнь.

Мотт также сидел вместе с нами за столом, держа в руке чашку с рекафом, с

выражением смутного предвкушения на физиономии. Он явно был готов пуститься в объяснения по поводу того, что же мы все здесь забыли, едва только Эмберли позволит ему это. Янбель расположился в углу, возле небольшой двери, ведущей на летную палубу, и производил загадочные манипуляции с силовым костюмом Эмберли, который возвышался над всеми нами, подобно капитану Астартес, заглянувшему на пикник. Когда я наконец отметил для себя присутствие всех и каждого, мне пришел в голову очевидный вопрос (в компанию к «какого фрага и где мы забыли?», который не стоило задавать).

— Кто пилотирует эту птичку? — спросил я.

Эмберли пожала плечами.

— Я полагаю, Понтий, — отозвалась она, как будто это имя должно было мне что-то сказать.

Пелтон откинул с глаз непослушную прядь, выбившуюся из-под банданы:

— Пилот Флота, бывший, конечно, как и все, кто служит у нашего командира

в корабельной команде. Он хорош. Если понадобится, может изобразить из этой машины истребитель в воздушном бою.

— Ну что ж, тогда понадеемся, что у него не возникнет необходимости демонстрировать свои умения, — сказал я, принимая эту последнюю порцию новостей настолько спокойно, насколько мог.

Значит, у Эмберли был собственный звездный корабль. Что же, это неудивительно, учитывая, что инквизиторам необходимо было добираться до тех, где требовалось их присутствие, как можно быстрее. Мне просто не приходилось задумываться, каким образом они это проделывают, поскольку в первую нашу встречу Эмберли пользовалась услугами капера, и с тех пор я полагал, что она просто использует полномочия своего ведомства, чтобы реквизировать, когда требуется, любой корабль.[52]

— Это зависит от того, что мы обнаружим по прибытии, — произнесла Эмберли, наконец-то переходя к сути.

— Прибудем куда же, позвольте уточнить? — спросил я, потягивая остатки налитого мне амасека и стараясь выглядеть настолько расслабленным, насколько возможно.

Эмберли кивнула на Мотта:

— Горнодобывающая станция на одном из наиболее низко расположенных плато. Карактакус объяснит. — Она ободряюще улыбнулась своему ученому. — В конце концов, именно он обнаружил тот след, по которому мы идем.

— В немалой степени благодаря вам, комиссар, — начал Мотт своим обычным педантичным и сухим тоном. — Ваш запрос в Адептус Арбитрес был удовлетворен более чем в полной мере, и один из полученных файлов содержал служебные записки медика, осуществлявшего вскрытие того псайкера, который покушался на вас.

— Я думал, что вы и так уже видели отчет о вскрытии? — спросил я Эмберли.

Она кивнула:

— Конечно. Киш передал его мне сразу же, как тот был получен, но в нем не было

ничего, что могло бы нам помочь. По крайней мере, тогда нам так показалось. Но то, что увидел Каракатакус в изначальных данных, послуживших основанием для отчета... Медик упустил в окончательном заключении нечто важное.

— Сознательно? — уточнил я, и Эмберли помотала головой, заставив светлые волосы разметаться по плечам.

— Похоже, нет. Киш, конечно, проводит расследование и этого факта, но, кажется, это всего лишь недосмотр.

— Что также вполне можно понять, — вставил Мотт. — Там были лишь следовые количества, такие, что их едва можно было обнаружить. Медиков едва ли можно было бы винить, даже упусти они их совершенно. То, что этого не произошло, является для нас величайшей удачей.

— Следовые что? — переспросил я, подозревая, что пожалею об этой провокации.

К счастью, вопрос оказался достаточно точным, чтобы не вызвать лавину случайных ассоциаций.

— В легких трупа были обнаружены мельчайшие частицы, — ответил Мотт. — Все, конечно, совершенно обычные, и лишь некоторые из них проявили необычные свойства. Когда я перекрестно сравнил их с геофизическими данными Периремунды, для меня стало очевидно, что псайкер должен был посетить одно совершенно определенное плато — и сделать это относительно недавно.

— Горнодобывающая станция, — сказал я. — Изолированная, самоподдерживающаяся, вдалеке от цивилизации. Чем они могли там заниматься?

— Это мы и собираемся выяснить, — сказала Эмберли. — Киш попытался подойти более тонко, связавшись с ними по воксу и запросив списки персонала, но никто ему не ответил.

— Ясно. — Мне снова оставалось лишь покивать, и ладони мои начали зудеть в полную силу. На таком мире, как Периремунда, поддержание постоянной связи с другими населенными центрами было жизненно важно, и каким бы

изолированным ни был этот аванпост, на нем уж точно должны были находиться запасные установки, которые позволят справиться с простой поломкой вокса. — Имеет ли это любопытное горнодобывающее поселение какое-то название?

— Окраина Ада, — проговорила Эмберли, радостно ухмыляясь.

— Звучит просто очаровательно, — произнес я, оглядываясь и выискивая, где в помещении притаился графин с амасеком.

Глава четырнадцатая

Я должен признать, что, если уж на то пошло, Окраина Ада вполне соответствовала своему наименованию. Конечно же, мне приходилось видеть и менее подходящие для жизни места за век или более того, что пришлось помотаться по Галактике, но очень немного. Для начала — плато это, как и сказала Эмберли, было одним из самых невысоких на планете, то есть находилось очень близко к границам, за которыми выживание было уже невозможно. Едва мы высадились, как горячий, плотный воздух обжег мои легкие и я поспешно прикрыл концом кушака лицо, соорудив импровизированную дыхательную маску и ощущая слабый укол зависти при мысли о прохладном рециркулированном воздухе

внутри силового костюма Эмберли.[53]

В дополнение к висящей в воздухе мелкой пыли атмосфера здесь провоняла серой, что согласовывалось с названием места.

Когда Понтий только заходил по низкой траектории на тонкий стержень плато, я невольно подобрался, слишком ярко вспомнив многочисленные боевые десанты и наше излишне скоростное прибытие на Симиа Орихалку, за которое следовало благодарить удачный выстрел орка из переносной ракетной установки. В этот раз, впрочем, никакие вспышки огня не замелькали, приветствуя нас, и, пока мы увалились на борт, чтобы еще один раз пройти над местом высадки, я в первый раз как следует разглядел то место, куда мы прибыли.

— Могу понять, как это местечко получило свое название, — сухо заметил я.

Массивный выход скальных пород, на котором стояло поселение, выпирал из экваториального лавового каньона, отмываемый густым, тускло светящимся

супом из жидкого камня. Трубы и другие созданные человеком наросты спускались по сторонам плато, исчезая в лаве. Я указал на них, и Мотт покивал, пока его улучшенные синапсы затапливала волна информации, связанной с тем, что мы видели.

— Поток в этом месте богат металлами, которые с легкостью могут быть выделены, поскольку уже находятся в расплаве, — начал он. — В обычном случае сложность заключалась бы в том, чтобы отсеивать нужные материалы из магмы, в которой они взвешены, но своеобразные местные условия существенно облегчают эту задачу. Особенный интерес представляет способ, которым...

Игнорируя дальнейший его монолог, я оглядел поверхность плато. Оно было совсем маленьким, если сравнивать с прежде виденными мною на этой планете. Хотя мне приходилось ступать до сего момента лишь на поверхность Хоарфелла и Принципиа Монс, я мельком видел немало других с воздуха, и ни одно из тех, что имели столь же небольшой размер,

кажется, не давало убежища сколько-нибудь значительному числу людей. Окраина Ада простиралась чуть более чем на километр в диаметре, и самым большим открытым участком, который я заметил, было посадочное поле. Размером примерно с площадку для скрамбола, оно имело возможность принять грузовой шаттл, буде возникнет такая необходимость, хотя причальная мачта для дирижаблей на дальнем его конце указывала на то, что здешняя продукция покидала это место в рабочем порядке.

Как и на Дариене, посадочное поле расстилалось, примыкая к самому краю плато, но в данном случае не было и намека на какую-либо стену или ограду, способную предупредить от неосторожного шага за край. Представляя себе отчаянное падение на два или три километра, в озеро лавы, я содрогнулся и для себя постановил держаться как можно дальше от обрыва. Оставшаяся поверхность плато была застроена зданиями, в основном различными мануфактуриями, которые, надо полагать, являлись

перерабатывающими заводами, а также складами для готового металла. К промышленным зданиям лепилась россыпь жилых построек.

— Вокс-переговоры? — было моим первым вопросом, когда мы, звеня железом, спустились по пандусу.

Рахиль старалась держаться как можно дальше от Юргена.

Оружие мы держали на изготовку; Юрген нес свою обожаемую мелту, в то время как его штатный лазган был закинут за спину. Всепроникающий запах серы лишал меня привычной осведомленности о местонахождении моего помощника. Я оглядел пустынную местность перед нами, выискивая любые признаки засады. Эмберли покачала головой, состроила гримасу, когда затхлый воздух коснулся ее ноздрей, и наглухо задраила шлем.

— Ничего, — ответила она. — Понтий сканирует частоты, но никакого обмена сигналами не происходит до самой Ацеральбатерры.[54]

К моему облегчению, пилот не только занимался этим, но и держал двигатели шаттла на холостом ходу, просто на тот случай, если нам потребуется немедленно и поспешно отступить. Толку в том, чтобы десантировать нашу «Саламандру», не было; как бы ни была утешительна ее броня, не говоря уже о тяжелом вооружении, здесь просто некуда на ней поехать.

— В целом все это отметает версию о поломке вокса, — произнес я, в то время как миниатюрные вспышки паранойи водили хоровод в моих синапсах, вспыхивая каждый раз, когда мне случалось краем глаза заметить малейшую игру теней.

Пелтон согласно кивнул.

— Группа встречающих уже должна была бы показаться на глаза, — подтвердил он и, следуя моему примеру, наскоро превратил свою бандану в импровизированную маску.

Мгновением позже то же сделала и Земельда, и едва она сняла сдерживающий лоскут ткани, как вокруг ее головы в

беспорядке рассыпался водопад зеленых волос, таких же непослушных, как и блондинистая шевелюра Пелтона. Юрген же попросту не обращал внимания на отвратительный запах, как поступал и в отношении всех других источников дискомфорта, хотя, будучи выходцем с ледяного мира, он, вне сомнения, находил это место еще менее привлекательным, чем все мы, вместе взятые.

— Должна была, — согласился я, взвешивая лазерный пистолет в потеющих пальцах и уже сожалея о том, что не оказался настолько дальновиден, чтобы избавиться от шинели еще в шаттле. Несмотря на удушающую жару, тонкие ручейки ледяной воды, казалось, так и бегут у меня по позвоночнику. Вокруг не было ни следа жизни, а это означало, что здесь произошло нечто весьма дурное. — Сколько здесь должно быть людей?

— Двести тридцать семь человек, — произнес Мотт, чья гортань не была подвержена действию жары и пыли. Как и Янбель, он был избавлен от худших влияний окружающей среды своими

многочисленными аугметическими имплантами, в то время как Рахиль и Симеон просто были настолько не в себе, каждый в своей манере, что им было все равно. — Сто девяносто шесть работников, сорок один человек обслуживающего персонала и восемнадцать членов семей, из которых семь еще детского возраста.

— Так где же, фраг побери, все они? — Симеон вцепился в свое оружие так, что суставы пальцев побелели, поскольку паранойя его возрастала параллельно химически усиленной бдительности.

Рахиль резко помотала головой:

— Никого нет дома, все ушли.

Произнесла она это нараспев, подобно детскому стишку, и я едва сдержался, чтобы не ответить не самым подобающим образом. В конце концов, не по своей вине она была придурковатой, да и сейчас не самое лучшее время раздражать Эмберли. Вместо этого, придав своему голосу как можно больше спокойствия, я заговорил с псайкером, понадеявшись, что этим смогу вытащить из нее чуть больше информации.

— Что вы подразумеваете под «ушли»? — задал я вопрос, и она уставилась на меня с таким оскорбленным видом, будто я спутал ее с девушкой по вызову и предложил пару кредитов.

— То, что их здесь нет, идиот! Ты что, не знаешь готика?

Ну, толку устраивать перебранку с душевнобольной не было никакого, так что я просто пожал плечами и решил не связываться, стараясь не замечать ухмылки Симеона и не представлять себе, какое выражение сейчас написано на лице Эмберли.

— Мы разделимся, — сказала инквизитор, чей голос, звучавший в моем воксе, был очень спокоен, хотя не задумываться о возможной засаде гораздо легче, если разгуливать окруженным парой сантиметров керамита (хотя и в этом случае нельзя быть слишком самоуверенным: я видел, как генокрады разрывают на куски терминаторскую броню так же легко, как Юрген расправляется с тарелкой моллюсков, и, надо сказать, оба этих зрелища не

заслуживают того, чтобы становиться им свидетелем). Черно-золотая рука доспеха со слабым гулом сервомоторов поднялась, указывая направление. — Мельком, бери Рахиль, Симеона и Земли, проверьте те жилые постройки. Если что-то покажется необычным, свяжитесь со мной по воксу и ждите нас, сами ничего не предпринимайте без необходимости.

— Понял, — отрывисто кивнул бывший арбитр. — Не волнуйтесь, мэм, я не собираюсь вставать на мины-сюрпризы и не буду тыкать палкой в отродье Хаоса.

— Вот и хорошо. — В голосе Эмберли прорезались нотки веселья. — Рахиль должна распознать любые остатки активности псайкеров, так что вы вряд ли наткнетесь на что-либо подобное, во всяком случае без предупреждения. — Она обернулась к остальным. — Все остальные за мной. Начнем с перерабатывающего завода.

— Мы могли бы обнаружить больше, если бы разделились на пары, — робко предложила Земельда, кидая взгляд на Пелтона, который явно показывал, какого

напарника она подразумевала для себя.

Эмберли покачала головой, и золоченый шлем мягко повернулся туда-сюда на подшипниках.

— Нет, — сказала она. — Мне нужно, чтобы все оставались в отрядах достаточно больших, чтобы справиться с чем-то неожиданным, на что мы можем наткнуться. Зовите на помощь при первых признаках неприятностей и бегите. Мертвые герои мне не в помощь.

— Так точно, мэм, — кивнула Земельда и заняла свое место у плеча Пелтона.

Спустя мгновение за ними последовали Симеон и Рахиль, и четверка двинулась в сторону жилых построек, используя все укрытия, которые встречались на их пути. Пелтон, кажется, был достаточно уверен в том, что сможет командовать своим отрядом, и они с Симеоном прикрывали продвижение друг друга с эффективностью, которую я вполне мог оценить, имея за плечами опыт службы в Имперской Гвардии. Земельда, насколько умела, пыталась

подражать их действиям и, к моему удивлению, выказывала все признаки того, что сможет хорошо себя показать, если станет горячо. Рахиль же, конечно, просто плелась следом за ними, столь же несобранная, как и всегда, либо достаточно уверенная в том, что живых в округе нет и бояться некого, а может быть, просто слишком безумная, чтобы беспокоиться о своей возможной ошибке.

— Вперед! — обернулась Эмберли к ближайшему промышленному зданию. — Пойдемте-ка попробуем определить, куда подевались все эти люди.

— Если они действительно пропали, — сказал я, смещаясь так, чтобы между мною и переплетением труб находилась внушительная масса силовых доспехов, потому как любой, даже плохо обученный, снайпер не преминул бы залечь именно там.

— Предсказания Рахиль достаточно надежны, — заверила меня Эмберли, прежде чем несколько поубавить мой оптимизм, добавив: — Обычно.

Уловив внезапный приток знакомых

запахов моего помощника даже сквозь пронизывающую все здесь вонь и ткань на лице, я кивнул: из слов Эмберли мне было совершенно ясно, почему инквизитор все-таки не теряла осторожности.

— Но выразилась она весьма ясно.

— В кои-то веки, — сухо заметил Янбель.

Ближайший перерабатывающий завод находился в нескольких десятках метров слева от нас, и мы устремились прямо к нему, хоронясь за сложенными на палеты брусками тусклого металла, приготовленными к отправке на краю посадочной площадки. На первый взгляд штабели выглядели вполне пристойным прикрытием. Лишь подобравшись поближе, я ощутил, как ноющее ощущение неправильности начало шевелиться в моем подсознании.

— А эта штука что здесь делает? — спросил я вслух. — Не должна ли эта машинерия находиться на складе?

— Определенно подобная техника не должна оставаться под открытым небом, — подтвердил техножрец. — Пыль и пепел,

содержащиеся в воздухе, приведут в негодность ее движущие элементы. Ей потребуется полная переборка и новое освящение, это уж точно. — Он покачал головой. — Технопровидцы не должны были допустить подобного небрежения.

— Возможно, они полагали, что тут же уведут ее обратно под крышу, — высказался Юрген, сохраняя на лице свое обычное выражение туповатого недоумения, которое на данный момент было зеркальным отражением того, что испытывал я.

— Это разумное предположение. Если они как раз вывезли слитки для погрузки в челнок...

— Челнок мы бы уже заметили, — резонно возразила Эмберли.

Ее отполированный шлем, чье убранство уже начало тускнеть под пленкой бледно-серого пепла, развернулся в сторону нашей «Аквилы», грузно присевшей в самом центре посадочной площадки. Наш челнок был единственным.

Я пожал плечами.

— Возможно, на нем и улетели

люди? — предложил я как вариант, ни на мгновение не веря своим собственным словам.

— В высшей степени интересно. — Мотт провел пальцем по слою вулканического пепла на краю палеты и поднес палец к глазам. Я почти не сомневался, что он его лизнет, но ученый просто прищурился, разглядывая, прежде чем вытереть палец о край своего одеяния. — Судя по глубине скопившегося осадочного слоя и предполагая, что выпадал он равномерным образом, данное транспортное средство было оставлено здесь около пяти дней назад.

— Не просто оставлено, — сказал я. Как раз в этот момент мне предстало сиденье водителя, представлявшее собой маленький выступ возле рукоятки управления, с помощью которой, кажется, регулировались как направление, так и скорость движения. Пепел скапливался в рваных дырах, оставленных в ткани, которой было обито сиденье, и, хотя это трудно было определить наверняка, под тонким серым покровом проглядывали

темно-коричневые пятна, и, словно веером, брызгами такого же цвета были усыпаны слитки металла. — Похоже на кровь.

— Это она и есть, — через секунду подтвердила Эмберли, за это время успевшая получить информацию от сенсоров, встроенных в ее силовую броню.

Юрген потыкал в разрывы обивки стволом мелты.

— Великоваты для гаунта, — произнес он. — Ликтор, вы думаете?

— Возможно, что так, — сказал я, глядя на характерный рисунок, оставленный когтями. Несмотря на адскую жару, царившую здесь, кровь моя заледенела в венах. Ни один из нас больше не испытывал ни малейшего сомнения в том, что мы обнаружили причину, по которой перестал отзываться персонал Окраины Ада, но еще более тревожная мысль продолжала настойчиво лезть мне в голову. Я обернулся к Эмберли. — Может ли Рахиль предсказывать присутствие любых тиранидов так же, как генокрадов?

— Я так полагаю, — откликнулась инквизитор, но прозвучало это без той

железной уверенности, на которую я надеялся. — Она говорит, что может ощущать тень флота-улья, но ни она, ни я никогда еще не встречались с настоящим роем на поверхности планеты. — Голос ее несколько изменился, приобретая командные нотки. — Мельком, будь начеку. Мы обнаружили следы тиранидов.

— Подтверждаю, — передал Пелтон по воксу в ответ. — Мы внутри жилых зданий. Ни следа людей, но зато масса личных вещей. Как будто они просто встали и ушли.

— Ищите следы боя, повреждения, — вежливо вставил я. — Если на это место напали тираниды, должны были остаться какие-то следы, возможно, есть выжившие.

Я попытался представить себе пару сотен гражданских, которые стараются оказать сколько-нибудь эффективное сопротивление наваливающемуся на них хитиновому кошмару, и сразу же отмел подобную возможность. Они все были зарезаны в считаные секунды, а их тела сожраны на месте или оттащены туда, где их разложат на биомассу для флота-

ульи.

— Фу-у! — внезапно вклинился голос Земельды, и ее отвращение легко можно было услышать даже в этом нечленораздельном восклицании. — Весь пол усыпан жуками. Мертвыми.

— Телоточцы, — произнес я, подтверждая свою догадку. Осознав, что она не имеет ни малейшего представления о том, что я только что сказал, я продолжил объяснением: — Патроны их оружия. Они выстреливают этими маленькими, похожими на насекомых штуками, которые проедают в тебе дыры. К счастью, они почти сразу же и умирают.

— Слизьнево, — отозвалась Земельда, что я посчитал неким выражением отвращения, которое, впрочем, было вполне понятной реакцией в подобных обстоятельствах.

— Именно так, — сухо подтвердила Эмберли. — Продолжайте поиски, оставайтесь начеку.

— Принято, — подтвердил Пелтон.

Поскольку погрузчик с палетами

больше ничего не мог нам сообщить, мы снова двинулись к мануфактории. Эмберли по-прежнему шла впереди, что, по мне, было более чем приемлемо. Я же быстро шагал следом за нею, ощущая, что должен показать свою заинтересованность в происходящем, да и к тому же сознавая, что таким образом между мною и бедой, которая могла поджидать нас впереди, по крайней мере, остается ее тяжелый болтер. Юрген, как обычно, держался поблизости от меня, обводя окрестности дулом мелты, выискивая признаки угрозы моему благополучию. Ученый и шестереночка держались у нас в кильватере, при этом Мотт, не останавливаясь, болтал что-то про анатомию и физиологию тиранидов, горюя о том факте, что покрывающий все и вся налет пепла уничтожил любые следы, которые могли бы помочь ему приблизительно указать их число и подвиды, в то время как Янбель просто осматривал угрюмый ландшафт, будто удивляясь про себя, что он, почитающий Омниссию верный слуга Бога-Машины,

забыл в столь неопрятном месте, как это.

Не побоюсь признать, что все то время, пока мы шли через посадочное поле, меня преследовало неуютное ощущение незащищенности, и наоборот, едва мы приблизились к главным воротам мануфактории, я испытал что-то похожее на облегчение. Сознанию моему, конечно, было ясно, что тиранидам легче скрываться в засаде внутри здания, чем здесь, на открытом месте, но примитивные задние отделы моего мозга проводили знак равенства между закрытым помещением и безопасностью. Я поспешил пройти вслед за Эмберли в настежь распахнутые металлические ворота так быстро, как только было возможно.

Воздух внутри был на удивление чист, и я размотал кушак с явным облегчением, хоть и вдохнул при этом в полную силу дурной запах, источаемый Юргеном. Обширное помещение, в котором мы оказались, окутывала ошеломляющая тишина, сложные агрегаты, которые его заполняли, были тихи и неподвижны, хотя

кто мог их выключить и как нашлось время для того, чтобы прекратить работу оборудования при атаке тиранидов, я не мог понять совершенно.[55]

— Это что такое? — спросил Юрген, тыча стволом мелты в кучку металлолома.

Янбель быстро подошел к нему, — очевидно, здесь его колеса передвигались намного лучше, чем по толстому слою пыли снаружи, и к тому же он был, по-видимому, нечувствителен к миазмам моего помощника, которые постепенно становились все заметнее теперь, когда мы были избавлены в значительной степени от серной вони. Техножрец подобрал ближайший кусок покореженного металла золотистого цвета и пристально его изучил.

— Биометрическое реле. — Он подобрал еще один кусок. — Звено лимфатического управления. — Он уверенно кивнул, убедившись в своем заключении. — Это сервитор, точнее, был — до того, как кто-то выдрал из него все

освященные детали.

— Или выплюнул их, — произнес я, ощущая определенную неловкость.

Что-то полностью сожрало биологические компоненты этой конструкции из живой плоти и металла, по ходу отделив неорганические детали.

— Вероятно, так оно и было. — Голос Эмберли оставался ровным, хотя, как мне показалось, я сумел уловить в нем оттенок неуверенности, который не прибавил бодрости. — Но тираниды для нас сейчас имеют второстепенное значение. Мы здесь, чтобы искать доказательства существования культа Хаоса, не забыли?

Я мрачно кивнул. Хитиновые ужасы, каким бы тревожащим ни было их присутствие, являлись уже известной величиной, в отличие от тех, кто послал на охоту за мной неподконтрольного псайкера, и мы не могли позволить, чтобы нам и дальше преподносились сюрпризы, способные подорвать нашу боеготовность. Если только здесь обнаружится хоть какая-то ниточка, ведущая к псайкеру-убийце, нащупать ее — наша первейшая

необходимость.

Я включил вокс:

— Пелтон, что-нибудь обнаружили?

— Целую кучу ничего, — радостно сообщил мне бывший арбитр. — Если здесь действительно действовал культ Хаоса, то это были самые преданные Императору культисты, каких я только видел.

— Что ты хочешь сказать? — спросила Эмберли, и тон Пелтона мгновенно стал гораздо более деловым.

— Мы обыскали не менее тридцати жилых ячеек, и во всех были изображения Императора. Религиозные брошюры и жития святых более чем в половине. Если среди них и были поклонники Хаоса, должно быть, им очень нравилось жить в постоянной опасности разоблачения.

— А шахтеры обычно настолько набожны? — спросил я.

Конечно же, мне с людьми такого сорта приходилось встречаться не слишком часто, но почему-то я в их особенном благочестии сомневался. С другой стороны, обитание в таком месте, как Окраина Ада, кого хочешь заставит

надеяться на милосердие Императора.

Эмберли покачала головой:

— Не знаю. Придется изучить этот вопрос.

Мы продолжили наше движение, проходя через лабиринт механизмов размерами больше «Химеры», назначение которых оставалось для меня тайной, и наши голоса, а также гулкая поступь Эмберли эхом разносились вокруг.

— Какого фрага?! — рявкнул я, застигнутый врасплох, когда мы завернули за угол очередного такого загадочного устройства, и порыв насыщенного запахом серы ветра буквально прокатился по мне.

Сначала я подумал, что кто-то просто оставил открытой дверь, но затем, когда глаза мои, наполнившиеся слезами от ужасающей вони, ударившей мне в нос, снова сфокусировались, осознал, как в действительности обстоят дела. В толстой камнебетонной стене была пробита дыра настолько большая, что в нее могла бы проехать «Саламандра», и пол под нею усеивали обломки. Я посмотрел на Эмберли.

— Полагаю, мы нашли те самые следы сражения, — оставалось лишь заметить мне.

— Да, сэр, — подтвердил Юрген со своим врожденным иммунитетом ко всякому сарказму. Он оценивающе поглядел на проем. — Кто-то приложил здесь пару тяжелых болтеров. И мелту тоже, судя по оплавленным краям.

— Не то оружие, которое обычно встретишь в гражданском поселении, — согласилась Эмберли, с лязганьем проходя вперед, чтобы поближе разглядеть пролом.

Янбель кивнул, оценивая картину улучшенными органами чувств, которые скрывались под его скромным одеянием.

— Кто-то отчаянно хотел попасть внутрь, — заметил он.

Пока он говорил, в сознании моем всплыло воспоминание об осквернённом храме Механикус в Долине Демонов на Перлии, и во рту у меня внезапно пересохло. Затем эта мысль ушла, так же внезапно, как и родилась, потому как что-то в расположении обломков помогло другой мысли выбраться из подсознания в

передние отделы мозга.

— Скорее уж, отчаянно пытался выбраться, — сказал я. — Повреждения наносились с этой стороны стены.

— Вы правы, — в свою очередь кивнула Эмберли, также анализируя в уме все, что мы видели, и пытаясь уложить это в цельную картину.

Мы совершили еще целую серию зигзагов, оставаясь, насколько возможно, под прикрытием оборудования, оставляя его между собой и открытым пространством, где рой тиранидов мог бы сбиться в общую массу. В этом случае целесообразно заставить их двигаться по узким простреливаемым проходам, где они могли бы нападать на нас лишь по нескольку штук одновременно, вместо того чтобы позволить им в полной мере воспользоваться численным преимуществом и мгновенно подавить наше сопротивление. Я следовал за Эмберли без малейших возражений, хотя, надо признать, и высматривал сидящих в засаде генокрадов или что-то похожее все то время, пока мы плутали по этой

скобяной лавке. Вдруг инквизитор отступила на пару шагов от еще одной зияющей дыры и указала на что-то:

— Да, точно. Глядите!

Я встал рядом с Эмберли, остальные также сгрудились возле, и все мы уставились туда, куда она указывала. Широкий открытый проход между рядами техники, оборудования, панелей управления, переплетенных труб и Император знает чего еще тянулся от того места, где мы стояли, до самых входных дверей, через которые я с облегчением заметил наш маленький челнок, терпеливо дожидающийся нас на посадочной площадке. Гораздо менее утешительным было состояние тех механизмов, что окружали открытое пространство. Обгоревшие участки были повсюду, а в некоторых местах прямо в тяжелых металлических кожухах были пробиты настоящие дыры.

— Болтеры, — сказал я, опознавая следы, оставляемые бронебойными снарядами, и Эмберли мрачно кивнула.

— А также, судя по всему, огнеметы, —

— сказала она, указывая на обширный опаленный участок на полу примерно в двадцати метрах от нас.

Едва я сделал шаг к ближайшему агрегату, намереваясь поближе осмотреть его, рассчитывая найти какую-нибудь подсказку относительно происшедшего здесь, как что-то захрустело под подошвами моих сапог. Я глянул вниз с дрожью недоброго предчувствия, уже уверенный в том, что увижу. Пол был усыпан бесчисленными трупиками жуков (хотя Мотт способен был выдать мне вполне достоверную справку на этот счет).

— Телоточцы, — сообщил я очевидное.

Эмберли кивнула.

— Теперь ясно, что здесь произошло, — сказала она, и мне оставалось лишь согласиться с ней.

Кто-то пытался покинуть это здание, когда обнаружил, что выход перекрыт роем наступающих гаунтов, которых было слишком много, чтобы прорваться через них с боем, даже учитывая впечатляющую огневую мощь,

которая, очевидно, была в распоряжении беглецов. Таким образом, они поставили между собой и врагом временный барьер из полыхающего прометия, выиграв достаточно времени, чтобы прогрызться сквозь стену и спастись через пролом.

Снова мурашки забегали по моей спине.

— Это говорит о том, что тиранидам противостоял отряд, сравнимый с отрядом Астартес в полной экипировке! — произнес я в неподдельном изумлении. Чудовищная вероятность оформилась в вопрос. — Мог ли псайкера направлять какой-то из Предательских Легионов?

— Я в этом сомневаюсь, — успокоила меня Эмберли. — Обычно их присутствие гораздо более заметно.

— Возможно, скитарии? — предложил свою версию Янбель.

Это звучало вполне вероятно. Я кивнул, вновь вспоминая тела пехотинцев Механикус в темно-красных одеждах, устлавших секретную лабораторию на Перлии, и вновь взглянул на Эмберли.

— У Лазура при себе имелась личная охрана? — спросил я.

Невозможно было представить себе еще какую-либо легальную причину, по которой отряд скитариев находился на планете, столь далеко отстоящей от основных транспортных путей, как Перирегунда.

— Мне, во всяком случае, ни о чем подобном не известно, — ответила инквизитор.

Юрген громко откашлялся и сплюнул мокроту в угол.

— И потом, — произнес он, как будто следующая мысль была очевидной, — шестереночные солдаты вооружены хеллганами, нет?

— Обычно да, — согласился я. Мне редко приходилось видеть кого-либо из них с болтером, это правда. — И для начала что им вообще делать в такой помойке?

— Это нам и предстоит выяснить, — отозвалась Эмберли. Спустя мгновение она повернулась и зашагала вглубь индустриального комплекса. — Беглецы должны были прийти с этого направления.

Конечно же, это было понятно, потому как к тому месту, где состоялась битва с тиранидами, вел лишь один широкий проход. Всякие дальнейшие предположения были бы совершенно бесплодны. Единственным способом выяснить, кем же были загадочные воины и что они делали на Окраине Ада, было найти место их дислокации. Полный самых дурных предчувствий, я покрепче сжал лазерный пистолет и отправился вслед за инквизитором, надеясь, что те ответы, которых мы жаждали, не потребуют оплаты нашей кровью.

Глава пятнадцатая

Предмет наших поисков мы обнаружили спустя полчаса или около того. Это время мы провели, заглядывая во все углы, подпрыгивая от каждой неверной тени в ожидании, что на нас бросится из какого-нибудь укрытия истекающий слюной ликтор, но нас никто не сожрал к тому моменту, как Эмберли остановилась возле стены, которая для меня выглядела не хуже любой другой.

— Хорошо сработано, — произнесла она, а затем без всякого предупреждения размахнулась и силовым кулаком пробила дыру в камнебетоне, открыв, что изнутри она была выстлана слоем тонкого металла.

Пара секунд ушло на то, чтобы расширить пролом, плечом вперед

протиснуться внутрь и, спровоцировав небольшой камнепад, оказаться в секретном помещении. Убедившись, что оно безлюдно, Эмберли щелкнула креплениями шлема, намереваясь все осмотреть своими глазами.

Янбель и Мотт последовали за нею, легко перепрыгнув через препятствие с помощью своих аугметических ног, и после секундного колебания я неуклюже полез следом за ними. В конце концов, есть ведь такая вещь, как безопасность в толпе, даже если в данном случае это означало лишь, что между мною и голодными тиранидами окажутся ученый и шестереночка. Юрген, конечно же, шел за мной, затаскивая свой арсенал в пролом с некоторым количеством приглушенных ругательств, но отвлекаться на трудности помощника я уже не мог. Слишком занят был тем, что стоял в онемелом изумлении, подобно какому-то деревенщине из трущоб, который в первый раз увидел торговую факторию верхних уровней улья.

Помещение, в котором мы оказались,

было намного меньше цехов, через которые мы так медленно продвигались до сего момента, но при этом наполнено щедрыми дарами Омниссии под завязку: когитаторы и накопительные устройства, вычислители, занимающие все пространство вдоль стен, загадочные механизмы, о назначении которых я не мог даже догадываться. В очередной раз это напомнило мне лабораторию, на которую я наткнулся на Перлии, и ту скверную тайну, которую она хранила, — но здесь, по крайней мере, не было тел с выпущенными кишками, способных подпортить царивший здесь дух чистой функциональности.

Осторожно выбирая путь среди переплетения кабелей, соединявших между собой все это оборудование, я догнал Эмберли и Янбеля, которые приглушенными голосами обсуждали наше открытие. Оба они выглядели удивленными не меньше моего, но мне не совсем понятно было, какой из всего этого следует вывод. С одной стороны, это разрушало с самого начала раздражавшее меня убеждение в том, что все участники

нашей маленькой прогулки (кроме, конечно, Юргена) знают о происходящем намного больше меня, но, с другой стороны, несколько утешало то, что Эмберли, как я полагал, отлично знает, что делает. Мысль о том, что для нее все происходящее представляет собой точно такой же темный лес, заставила меня поумерить оптимизм. Так что, как обычно в такого рода ситуациях, я принял уверенный вид и постарался разобраться в том, что мои спутники говорили друг другу.

— Определенно все выглядит так, будто он был здесь, — согласно кивал Янбель, но в его голосе ощущалось сомнение. Он указал на аналитические аппараты, окружающие нас. — Это именно то оборудование, которое ему потребовалось бы для продолжения исследований, в этом нет сомнения. Но зачем горнодобывающему поселению укрывать его?

— Один Император знает, — откликнулась Эмберли довольно резко. — Но ему нужно было залечь где-то вне

основных населенных центров, и это все подтверждает его присутствие. — Слабое гудение сервомоторов сопроводило указующий жест, которым она обвела помещение, едва не снеся при этом техножрецу голову. — Да здесь на всем буквально написано его присутствие!

— Ты имеешь в виду Метея? — уточнил я, сумев сложить дважды два столь же быстро, как и любой другой на моем месте, и Эмберли повернулась со странным удивлением на лице, как будто забыла, что я вообще здесь нахожусь.

— Наверняка именно его, — отозвалась она.

— Погляжу, что можно вытянуть из вычислителей, — вызвался Янбель, — но на вашем месте я бы не надеялся на большой улов.

Он отошел в сторону и начал проводить ритуал извлечения данных, используя ближайшую панель управления.

Мотт откашлялся.

— Похоже, данное помещение пустует с тех же самых пор, что и все поселение в целом, — сказал он, — и покидали его тоже

в некоторой спешке.

Он указал на дверь в потайную комнату, изнутри видимую как на ладони, расположенную в метре или около того от альтернативного входа, который так любезно предоставила нам Эмберли.

— К дверному проему подключены сканер генного кода, сигнализация, должная предупреждать о проникновении посторонних, но ни то ни другое устройство покидающие это место и не подумали активизировать.

— Положим, голова у них была занята другими заботами, — сухо заметил я. — Тираниды и все такое...

Конечно же, мне не стоило встревать.

— Это весьма вероятно, — заключил ученый. — Учитывая то, как человеческий мозг реагирует на стресс, в особенности если ситуация создает угрозу жизни, я бы предположил очень вероятным, что личности, о которых идет речь, не помышляли о других задачах, кроме простого выживания. С другой стороны, те следы столкновения, что мы обнаружили,

должны указывать на факт, что они были в крайней степени находчивы и высокомотивированы...

— Уж это точно, — произнесла Эмберли, прерывая его монолог прежде, чем мы впадем в комматозное состояние, — но это по-прежнему не отвечает на вопрос, кто же, черт побери, здесь был.

— Все записи начисто стерты, — доложил Янбель, и в тоне его явственно слышалось «я же говорил».

Мне оставалось лишь пожать плечами.

— Точно так же, как на Перлии, — произнес я.

Кто бы ни работал здесь, он явно не собирался возвращаться, но, учитывая условия, при которых им пришлось покинуть укрытие, это не было удивительно.

Эмберли мрачно кивнула.

— Тщательно обыщите это место, — сказала она и состроила мне гримасу. — Не могу поверить, что только что произнесла нечто подобное. Вряд ли где-то здесь завалялся тенесвет, но лучше все-

таки убедиться в этом, прежде чем уходить. Я не хочу давать Лазуру возможности заявить, что мы плохо сработали.

Она задействовала вокс-передатчик, встроенный в доспех.

— Мельком, мы нашли убежище. Похоже на то, что тут укрывался Метей.

— Вы уверены? — Даже по вокс-связи скептицизм в его голосе можно было пощупать руками. — Но зачем техножрецу связываться с псайкерами?

— Ни малейшего понятия. — Прорывавшееся раздражение в голосе Эмберли стало сильнее. — Когда мы поймаем этот мешок с шурупами и призовем его к ответу, спросишь у него лично, хорошо?

— Ладно, мэм. — Голос Пелтона звучал примирительно, что было разумно в данных обстоятельствах. Злить инквизитора не стоит, даже если давно работаешь на нее. — Мы видим вас на ауспике, будем у вас через пять минут.

Связь прервалась, и Эмберли вздохнула, посмотрев на присутствующего

техножреца с некоторым раскаянием.

— Прошу прощения за ремарку про мешок с шурупами, — произнесла она, — сегодняшний день меня уже напрягает.

День еще не закончился и, как выяснилось, собирался стать намного более напряженным, но в тот момент мы все еще находились в счастливом неведении относительно его намерений.

Янбель кинул взгляд на вычислитель, все еще бормоча молитвы и нажимая на клавиши в надежде, что сможет убедить какой-то клочок данных вернуться из небытия, но Метей хорошо знал свое оборудование и, очевидно, заметал следы так же умело, как он сделал это в Долине Демонов многие годы назад.

— Без обид, — заверил Янбель Эмберли, вне сомнения для себя решив, что служителю Омниссии положено стоять выше таких мелочных реакций, как раздражение, хотя голос его выдавал совершенно иное.

— Пелтон, впрочем, в чем-то прав, — осторожно попробовал почву я. — Даже будучи отступником, стал бы Метей в

действительности сотрудничать с культом Хаоса? Эти душевнобольные настолько же далеки от идеала Машины, насколько вообще возможно.

Эмберли глубоко вздохнула и, кажется, про себя сосчитала до десяти.

— Насколько свидетельствует мой опыт, враги Императора пользуются всем, до чего только смогут дотянуться. Возможно, он вытенял у них место, где можно укрыться, на оружие.

Я примирительно кивнул.

— Это кажется разумным, — пришлось признать мне.

И все-таки что-то тревожило меня. Не думаю, что связка болтеров была достаточной платой за то, чтобы предоставить техножрецу-отступнику столь шикарно оборудованную лабораторию, но, конечно, не я, а инквизитор в этом деле являлась экспертом, и, поскольку бикфордов шнур ее терпения был очень короток, мне совершенно не хотелось быть тем, кто его подожжет.

— Вижу движение на аустике, —

включился в вокс-связь новый голос, и секунду спустя я понял, что это Понтий. Кажется, наш пилот занимался чем-то кроме созерцания своих ног, задранных на штурвал, пока мы прогуливались, наслаждаясь пейзажами, по Окраине Ада. В его голосе слышалась нотка замешательства. — Северо-восточный сектор. Это там, где лава.

— Назад к челноку! Сейчас же! — В голосе Эмберли прозвенел металл, вне сомнения, потому, что она пришла к тем же выводам, какие сформировались к этому моменту и у меня. К моему невыразимому облегчению, она решила действовать таким же образом, каким действовал бы я сам (хотя, разумеется, из гораздо более благородных побуждений, чем чувство самосохранения).[56] — Мельком, уводи своих на челнок, немедленно! Понтий, будь готов стартовать!

— Двигатели под полной тягой, готов стахнуться, — заверил ее пилот, в то время как Пелтон также подтвердил неожиданное изменение в наших планах —

сжато, не расходуя лишних слов.

Задержавшись лишь для того, чтобы сорвать с петель настоящую дверь, Эмберли повела нас обратно через лабиринт коридоров и застывшего в неподвижности оборудования такой рысью, которая заставила меня полным ртом хватать жаркий и зловонный воздух. Я не собирался, впрочем, отставать, весьма отчетливо представляя себе то, что может ждать нас на поверхности этого пустынного каменного прыщика посреди лавы, и слишком хорошо зная: быть застигнутым внутри здания означает неминуемую гибель.

Мы довольно быстро добрались до пролома в стене, оставленного нашими загадочными предшественниками. Пока мы приближались к нему, запах серы становился все сильнее. Не задержавшись и без всякого колебания Эмберли повернула налево, устремляясь прямо к широко открытому основному входу, за которым терпеливо ждал нас такой милый сердцу силуэт нашей «Аквилы».

Когда мы вышли из здания, горячий

пыльный воздух будто ударил меня в солнечное сплетение, пробивая путь в мои легкие. Этберли сразу же закрыла шлем, но я не стал терять время на обматывание лица тканью.

Кинув взгляд вокруг и оценив ситуацию, я почувствовал, как рефлексы, отточенные на полях сражений по всему сегментуму, заработали в полную силу, сразу же попытавшись нащупать непосредственную угрозу. Группа Пелтона была уже почти у самого шаттла, на бегу поднимая небольшие облачка серой пыли, держа оружие наготове и поспешая так, будто за ними гнался сам Хорус. Симеон, очевидно, был полностью в боевом режиме, движения его стали неестественно быстрыми, а головой он крутил во всех направлениях так энергично, что я бы не удивился, если бы она оторвалась или начала вращаться на триста шестьдесят, подобно сенсорным антеннам ауспика на командной «Химере».

Сквозь вой двигателей нашей «Аквилы», а также постоянный низкий гул геотермальных процессов сложно было

быть до конца уверенным, но мне показалось, будто далеко справа слышен зловещий шелест множества хитиновых тел, и потому я повернул голову к основному скоплению индустриальных зданий. Как раз в этот момент по самому краю моего зрения скользнуло нечто, почти скрытое облаками ядовитых испарений, поднимающихся из фумарол, усеивающих основание той узкой колонны камня, на которой мы в данный момент находились.

— Симеон, на пять часов, сейчас! — прокричал я, едва не опоздав, но его реакция была совершенно сверхъестественной благодаря той отвратительной алхимии, которая оскверняла в данный момент его кровь, и он развернулся быстрее, чем вообще возможно, наводя оружие.

Глухой звук его выстрела разнесся по открытому посадочному полю, и в воздухе разорвался шар чего-то состоявшего из хрящей, со щупальцами, похожий на какое-то медлительное водное беспозвоночное. Брызгами разлетелась отвратительная

сукровица, заливая камнебетон. Там, где ихор коснулся тонкого слоя пепла, земля зашипела, испуская зловонный дым. В то же мгновение два новых взрыва эхом отразились от оставшихся за нашими спинами зданий, когда еще пара монстров взорвались, не найдя свою цель.

— Это что еще за чертовщина? — спросила Земельда голосом гораздо более высоким, чем обычно.

— Споровые мины, — жестко отозвалась Эмберли, очевидно совершенно не желая терять времени на пустые разговоры.

— Содержащие своеобразную биологическую кислоту, насколько я могу судить, — любезно пояснил Мотт.

К счастью, все мины в одной группе склонны были взрываться в одно и то же время, а значит, от них относительно несложно защититься, если сохранять бдительность...

— Пригнись! — рявкнул я на нашего эрудита, навскидку стреляя из лазерного пистолета и сбивая еще один смертоносный воздушный шар, который

уже нацелился на его голову.

Еще несколько разорвалось вместе с ним, и шрапнель из осколков со стуком отлетела от брони Эмберли, заставив нас, остальных, неуютно передернуться.

— А эти, кажется, являются аналогом гранат... — В голосе Мотта звучала обычная заинтересованность, несмотря на то что смерть только что прошла очень близко от него. — Понадобится, конечно, нетронутый экземпляр, чтобы сказать с уверенностью, но моя догадка заключается в том, что внешний панцирь состоит из небольших сегментов хитина, связанных хрящевой тканью или, возможно, мышечными волокнами...

— Заткнись и беги, — посоветовал я, подавая самый наглядный пример.

То зрелище, которое я больше всего страшился увидеть, — колышущаяся масса хитиновой брони и бритвенно острых когтей, — надвигалось на нас со стороны мануфакторий, и была эта волна настолько плотной и так хорошо скрытой пылью, которую поднимали бесчисленные

когтистые конечности, что становилось совершенно невозможно рассмотреть, где в ней заканчивается одна форма жизни и начинается соседняя.

— Выстатривайте больших тварей! — посоветовал я, устремляясь к челноку. — Если сможете завалить их, то весь рой в целом потеряет связность действий.

— В теории это отличная идея, — сказал Пелтон, в то время как его команда залегла за посадочным пандусом и принялась с энтузиазмом стрелять в живую стену из когтей и жвал. — Только вот разглядеть их сложновато.

И конечно же, он был прав, но от этой правоты было не легче. Масса верещащих хищников надвигалась на нас, подобно цунами, и прикрывающие нашу группу выстрелы были не более эффективны, чем попытки забросать врага мелкими камешками. Орда кошмарных тварей неумолимо настигала нас со скоростью, которая казалась бы невозможной, если бы мне не приходилось видеть это ранее (а еще — бежать от нее, подобно вспугнутой крысе из водосточной канавы, когда у меня

имелась подобная возможность. Но это к делу не относится).

С другой стороны, рой держался настолько плотно, что промахнуться было тоже трудно, даже на расстоянии, на котором вести прицельную стрельбу обычно невозможно. Следуя примеру наших товарищей, мы тоже начали стрелять, поливая хитин лазерными зарядами, а Этберли — разрывными снарядами из тяжелого болтера. Если говорить честно, никакого реального действия это не возымело, но особых усилий с нашей стороны тоже не требовало, а почувствовали мы себя гораздо лучше (насколько это было вообще возможно в столь опасных для жизни обстоятельствах). Мелта Юргена, конечно, могла бы сказать более веское слово, но если бы он остановился на время, требующееся для стрельбы из тяжелого орудия, то уже через несколько секунд стал бы кормом для гаунтов. Отчего ему не пришло в голову просто выкинуть эту тяжесть и взять лазган, я не имел ни малейшего понятия, но ведь речь идет, как

вы понимаете, о Юргене, а если какое-то решение приходило ему в голову, там оно и застревало (и к счастью для нас, как выяснилось).

— Они не успеют! — раздался в воксе голос Земельды с прорывающимися нотками паники; это не было особенно полезным для нас замечанием, хотя и не согласиться с нею я не мог.

Орда истекающих слюной тварей была теперь до ужаса близко, и передовая линия хормагаунтов вырвалась вперед, нетерпеливо растопырив когти. Термагаунты позади них двигались в чуть более спокойном темпе, и у меня внутри все перевернулось, когда я заметил, как их наросты, полные телоточцев, раздвинулись, готовясь выплюнуть их в нас прямой наводкой. За ними вырисовывался еще более крупный силуэт, в котором самым опасным была не способность плеваться жуками, не когти и жвала, а разум, способный направлять коллективную волю роя, координируя действия этой разномастной орды и, по сути, сплавляя ее в единый организм,

нацеленный на наше уничтожение.

— Понтий, — произнесла Эмберли, и в голосе ее, как мне показалось, было лишь некое раздражение, что показалось мне странным, учитывая смертельную угрозу, которой мы подвергались. — Ты полностью готов?

— Просто жду, когда вы подберетесь поближе, — спокойно отозвался пилот, и во мне вспыхнул внезапный огонек надежды.

«Аквила», конечно же, в первую очередь была и остается рабочей лошадкой, но этот челнок также является наиболее распространенным вспомогательным транспортом Флота. Разумеется, тот, что принадлежал Эмберли, мог выглядеть как стандартная гражданская модель, но это вовсе не значило, что он не был вооружен, как можно было бы подумать. Едва у меня созрела эта мысль, я увидел, как по обеим сторонам короткого носа нашего маленького челнока отодвигаются заслонки потайных орудийных люков, открывая взгляду столь милые сердцу силуэты спаренных лазерных пушек.

— Цели входят в оптимальную зону поражения... есть!

Лазерные пушки выплюнули свои тяжелые заряды, ударив в преследующую нас лавину хитиновой смерти и заставив полдюжины злобных созданий рухнуть после первого же залпа, — но, впрочем, остальные даже не притормозили.

— Мельком! На борт, сейчас же! — отрывисто скомандовала Эмберли.

Выпустив заключительный залп, уложивший еще пару гаунтов, которые тут же были втоптаны в пыль сородичами, отряд Пелтона поспешил вверх по пандусу, в безопасное чрево челнока. Мои легкие горели, а ноги вязли в слое пепла, но я продолжал бежать к благословенному убежищу, которое мог предоставить только трюм «Аквилы», ни о чем больше не помышляя, кроме как только добраться до него живым. Лазерные пушки снова выпустили залп, пожиная щедрый урожай, но непреклонные чудовища продолжали преследование, не обращая внимания ни на что, совершенно нечувствительные к потерям в своих

рядах.

— Быстрее!

Земельда маячила в проеме, посылая заряды из лазерного пистолета, которые гудели у самых наших ушей, так что ее похвальное стремление помочь несколько отрачалось тем, что этак она сделает за тиранидов всю работу. Янбель и Мотт прогрохотали каблуками по пандусу, чтобы присоединиться к ней, мне же пришлось вздрогнуть, когда стайка телоточцев пролетела мимо меня буквально в каких-то сантиметрах, разбившись о посадочный полоз правого борта, где, в отсутствие чего-либо съедобного слабо подергавшись, жуки испустили дух.

— Я здесь, следую за вами, комиссар, — заверил меня Юрген, задержавшись у основания пандуса, чтобы навести свою телту.

Мои же ботинки в конце концов загрохотали по металлу, и я обернулся, чтобы поглядеть, что там с Эмберли.

А с ней было не слишком хорошо. Карнифекс, направлявший рой, очевидно,

определил ее как наибольшую угрозу и сосредоточил дальнобойную мощь роя на силовом костюме. Замысловатый орнамент его уже был покрыт тириадами мельчайших сколов, там, где в броню били не поддающиеся счету телоточцы. Они не находили пока что слабого места, где могли бы пробраться внутрь, но очевидно было, что их усилия направлены на сочленения силового доспеха. Эмберли двигалась теперь с трудом, словно потеряв гибкость, и медленнее, чем раньше, а болтер на предплечье исчерпал все свои заряды. Толпа хормагаунтов тяжело наседала на инквизитора, длинные, словно лезвие косы, когти оставляли на керамите с изысканным рисунком заметные глазу зарубки, и в очередной раз на поверхность моего сознания всплыла картина, как когти тиранида рвут на куски терминатора Отвоевателей. Это только вопрос времени, когда они нащупают слабое место и доберутся-таки до женщины внутри.

Мгновение спустя, к собственному изумлению, я понял, что бросаюсь в атаку,

лазерным пистолетом снимая одного из ближайших к Эмберли хормагаунтов, и сапоги мои снова скрипят по ковру вулканического пепла, в то время как верный цепной меч уже покинул ножны, завывая не хуже того тиранида, в хитин которого глубоко врезались его зубья. Мне хотелось бы верить, что хотя бы в тот раз соображения собственной выгоды были отодвинуты чувством, которое я испытывал к Эмберли, но должен признать, не последнюю роль сыграло и понимание, что Понтий не поднимет «Аквилу» до тех пор, пока командир не окажется в безопасности на борту, а каждая секунда, отодвигавшая отлет, увеличивала шансы тиранидов зарезать и меня тоже.

— Юрген, большую тварь! — прокричал я, благословляя тот факт, что самый смышленый тиранид, кажется, стремился держаться в стороне, в то время как пушечное мясо истощало силы Эмберли.

Мой помощник кивнул, и, восприняв это как предупреждение, я закрыл глаза

буквально на секунду как раз в тот момент, когда вспышка мелты полыхнула, подобно второму солнцу, всего в паре метров слева от меня. Когда я снова поднял веки, карнифекса больше не было, как и его ближайшего окружения, а на их месте остались лишь куски исходящего паром мяса и запах жженой плоти, настолько сильный, что сумел перебить даже всепоглощающую серную вонь, царившую на Окраине Ада.

— Отлично сработано, — произнесла Эмберли, откручивая кому-то из гаунтов голову силовым кулаком.

Я выпустил кишки еще одному цепным мечом, и окружающий инквизитора рой отступил, постепенно лишаясь всякого намека на общую цель. Мне оставалось лишить жизни еще одного врага быстрым лазерным зарядом в грудной сегмент, и они начали разбегаться, копошась в той манере, которая характерна для тиранидов, лишившихся контролирующего влияния объединяющего их разума. Эмберли последовала за мною вверх по пандусу, в

гостеприимное брюхо челнока.

— Понтий, можешь взлетать по готовности.

— Есть, мэм!

Нота, на которой пели наши двигатели, стала более глубокой, и земля начала уходить от нас вниз. Я успел сквозь зазор закрывающегося пандуса увидеть узкий каменный перешеек, протянувшийся над лавовым потоком, а затем тяжелая металлическая плита гладко встала на свое место. Вне сомнения, именно по этому мосту рой сумел пересечь озеро лавы и захватить нас врасплох.

Эмберли с шипением раскрывающихся герметических замков сняла и отложила в сторону шлем.

— Спасибо, Кайафас, — сказала она, встряхивая головой, так чтобы волосы свободно разметались. — Я даже на мгновение подумала, будто серьезно влипла.

Я лишь пожал плечами, не будучи уверенным в благородстве собственных мотивов и ощущая неловкость от ее благодарности, которой по-настоящему не

заслуживал.

— Рад был помочь, — пробормотал я, укрываясь за маской скромности, которая так верно служила мне столько лет.

Эмберли же сердечно улыбнулась мне. К счастью, от продолжения этого неловкого разговора меня избавил Янбель, который торопливо подошел поближе, чтобы осмотреть броню, и при этом шумно втянул воздух.

— Этого вам в ближайшее время больше не носить, — сказал он, качая головой. — Мне потребуется полностью разобрать ее, благословить все составные части, и только Омниссия знает, где я сумею найти новую гидравлическую подачу по эту сторону Залива.

— Уверена, что ты сделаешь все от тебя зависящее, — проговорила Эмберли, выпутываясь из экзоскелета и довольно потягиваясь так, что облегающий, как вторая кожа, сенсорный костюм эффектно продемонстрировал все ее достоинства.

Она снова улыбнулась мне и первой прошла через переборку в салон.

— Не знаю, как тебе, — сказала она,

протягивая руку к графину, — а мне после всех этих треволнений не мешает пропустить рюмочку.

— Я уже было подумал, что ты не предложишь, — благодарно отозвался я.

— Одного не понимаю: как они узнали, что мы будем именно здесь, — сказала Земельда, падая в соседнее кресло и не отводя взгляда от иллюминатора.

Выжившие части роя уже поспешно спустились по склону плато, выказывая свою обычную скорость передвижения, и были почти на середине той узкой дамбы, которую пересекли, чтобы добраться до нас. Понтий на несколько градусов развернул челнок и заставил его зависнуть неподвижно.

— Должно быть, заметили нашу посадку, — объяснил я. — Они достаточно умны, чтобы прибытие шаттла означало для них возможность сожрать еще кого-нибудь, так что они выслали небольшой разведывательный рой, чтобы прикончить нас. После легкой расправы с шахтерами они не ожидали, что мы окажемся хорошо вооружены.

Эмберли кивнула и пригубила атасек, всем своим видом выражая удовлетворение. Палуба «Аквилы» под нашими ногами слегка вздрогнула, когда узкий каменный перешеек исчез под градом выстрелов из лазерных пушек, и оставшиеся тиранидыпосыпались в поток лавы, кратко вспыхивая и оставляя за собой облачка жирного дыма.

— Они наращивают резервы биомассы, — произнесла Эмберли. — Теперь, когда флот-улей находится так близко, они будут создавать армию, чтобы солиднее закрепиться и вымостить дорожку для основных сил вторжения.

Поразмыслив над ее словами, я ощутил едва заметный холодок страха.

— Это значит, что они нанесут еще удары, — удалось проговорить мне. — Будут налеты на другие поселения.

Эмберли мрачно кивнула.

— Боюсь, что ты прав. — Она залпом осушила свой бокал и наполнила его снова. — Окраина Ада была только началом.

Примечание редактора

Каин, конечно же, не озаботился тем, чтобы шире описать те последствия, которые несло за собой это происшествие для планеты в целом или для кампании по ее обороне. Ниже я привожу выдержки из других источников в надежде, что они в определенной степени смогут заполнить пробелы в данном повествовании.

Из издания «Периремунда сегодня: важные новости для нашей планеты», 264.933.M41:

Террористы — это лазутчики ксеносов!

Не забывайте смотреть в небо!

В сообщении Адептус

Арбитрес, подтвержденном лордом-генералом Живаном — командующим героическими силами Имперской Гвардии, которым вменено было искоренить заразу неприемлемого отступничества на нашем славном мире, — арбитр Киш открыл нам шокирующую правду о том, что террористическая кампания, сотрясавшая Периремунду столь долгое время, имеет более зловещую цель, чем противостояние благому владычеству помазанных самим Императором правителей нашего мира. Будучи не просто предателями и еретиками, хотя и подобное преступление заслуживает полного уничтожения и вечного проклятия, эти погрязшие в преступлениях личности оказались даже более нечистыми — перевертышами,

отпрысками злобного вида ксеносов, известного как генокрады, которые оскверняют самое чистое — телесность подданных нашего Императора, тем самым обращая их к делу тиранидов, что пожирают целые миры.

Хотя один из их ужасающих флотов-ульев, как было указано, находится на пути к Перирегунде, все жители нашего мира, которые являются настоящими людьми, должны воспрянуть духом при известии, что к нам также стремится экспедиционный корпус, включающий в себя все лучшее, что может дать Имперский Флот, и отважных воинов Имперской Гвардии, которые вместе являются более чем достаточной силой, чтобы полностью уничтожить раковую опухоль, поразившую наш благословенный уголок

Галактики. Более того, с нами пребывает неустанная бдительность комиссара Каина и его отважных собратьев по оружию, защитников всех истинных поборников веры.

Что же до запятнанных ксеносами вредителей, что до сих пор еще продолжают скрываться среди нас, пусть они дрожат от страха, осознавая, что их неизбежное искоренение является не более чем вопросом времени.

ВАШ СОСЕД — ГЕНОКРАД?

2 °СПОСОБОВ УЗНАТЬ ТОЧНО!

(На странице 7)

Расшифровка обращения губернатора планеты, Меркина В. Питайра-младшего, 266.933.М41:

Мои собратья-периремундцы, с тяжелым

сердцем обращаюсь я к вам нынешним вечером. Гм... конечно, если вы не в другой временной зоне, тогда, разумеется, полагаю, у вас как раз завтрак, или вы спите, или что там еще. Эмм...

Теперь все вы узнали о том, что же в действительности происходило в последние несколько месяцев, и, вне сомнения, были так же удивлены, как и я, увидев первые пикт-сообщения этим утром. Гм... я хочу сказать, мои дочки увидели и, не теряя времени, все мне рассказали. Гм...

Все вы можете быть уверены, что я связался по воксу с арбитром Кишем сразу же, как только узнал о сложившейся ситуации, и потребовал полного отчета, который, я уверен, всех нас в высшей мере успокоит, едва будет доставлен или когда тот молодой человек, с

которым я говорил, передаст мое сообщение.

В любом случае я могу с достаточной уверенностью сказать, что все находится под полным контролем. Мы все слышали эти глупые слухи о том, что расположенные на небольшой высоте поселения внезапно прекращают выходить на связь, но я совершенно уверен, что правды в них никакой нет. Вероятно, это просто те самые генокрадские плуты распространяют страшилки, чтобы подорвать наш дух.

Я хочу сказать, если бы враг уже был здесь и во всеоружии, уверен, все знали бы об этом. Мои сотрудники очень хорошо информируют меня обо всем важном.

Так что доброй ночи и благослови вас всех Император. Вы можете быть уверены: все, что можно сделать, будет

сделано.

Эмм... Ну как оно было? Достаточно по-губернаторски? Или нам нужно будет еще раз повторять?

Ох... Это что, значит, мы были в прямом эфире?

Глава шестнадцатая

Конечно же, Эмберли оказалась права. В течение следующих двух дней была потеряна связь с семью отдаленными поселениями, и все они были расположены на самых низких плато, наименее приспособленных для жизни. Это означало, что в когтях тиранидов пропало и было использовано в качестве сырья для рождения следующего поколения отвратительных тварей относительно немного людей.[57]

— У вас должны уже появиться какие-то идеи по поводу того, где находятся их пищеварительные резервы, — сказал я.

Мы находились в кабинете Кастин вместе с полковником, майором Броклау, а также переносным гололитом, в изображении которого неверно мерцали

лишенные тел головы офицеров нашего уровня из других полков, выстроившиеся вокруг Живана, подобно херувимам, витающим вокруг экклезиарха. Флотаулья до сих пор не было и следа, как, впрочем, и обещанного нам подкрепления, так что в текущих обстоятельствах созывать высший командный состав на Принципиа Монс для личного присутствия на совещании было бы в высшей степени недальновидно.

Живан покачал головой:

— Поверьте мне, их искали, но песчаные бури блокируют слишком большие площади, делая их недоступными для наших орбитальных визуализаторов, и разведывательные полеты тоже ничего не дали. Когда мы узнаём о проблемах связи с очередным поселением и высылаем отряд возмездия, уже поздно.

— Комиссар, впрочем, говорит дело, — вставила Кастин, поддерживая меня со всей возможной лояльностью, даже когда это можно было расценить как сомнение в выбранной Живаном стратегии. — На Корании они собирались вокруг таких

резервов, доставляя тех мертвецов, которых им удавалось добыть, и порождая новых существ. Бомбардировки с воздуха тогда доказали свою высокую эффективность и лишали их подкрепления. По крайней мере, на некоторое время.

— Трудно не согласиться, — произнес Живан, — и, как только они будут найдены, наши корабли начнут полномасштабную бомбардировку с орбиты. Это единственный способ искоренить их. — Он позволил себе холодную улыбку. — Если и можно сказать что-то хорошее об этом местечке, так только то, что нам не придется особенно беспокоиться о побочном ущербе.

Некоторые из голов вокруг него кивнули, соглашаясь, и я понял, что это те, кто участвовал в Гравалакской кампании много лет назад, но чьи имена я так и не удосужился запомнить. Кастин и Броклау, кажется, тоже до определенной степени приободрились от этого последнего замечания, и, надо сказать, я тоже оценил сказанное. Несмотря на все

приложенные усилия, на Гравалаксе мы нанесли немалый урон местной планетарной столице, да и потери среди гражданских шли как-то вразрез с принципом, согласно которому мы, вообще-то, должны были их защищать. (Хотя, говоря начистоту, добрая половина тех, кто не оказался тогда гибридами генокрадов, были фанатичными культистами, которые, не моргнув глазом, продали бы нас тау, так что, полагаю, от наших рук пострадало не так уж много верных подданных Императора, как могло бы показаться.)

— Это уже до определенной степени утешительно, — произнес я, беззастенчиво используя направление разговора, для того чтобы закрепить доброе мнение, которое у Живана, очевидно, сложилось в моем отношении.

После того как мы покинули Окраину Ада, Эмберли приказала своему пилоту направляться прямиком в Принципиа Монс, где мы, не теряя времени, посвятили лорда-генерала в то, что нам удалось обнаружить в злосчастном

поселении (по крайней мере, что касается присутствия тиранидов; о секретной лаборатории инквизитор не проронила ни слова, и я очень хорошо понимал, что мне поднимать этот вопрос также не стоит).

Живан показал себя столь же радушным хозяином, как и в прошлый раз, вежливо не заметив, что все мы распространяли ароматы покрепче юргеновских (но все же предложил нам воспользоваться его ванной, которая была скорее похожа на плавательный бассейн, только с мылом, и отослал мою форму в чистку, пока мы обедали). Он задал несколько весьма уместных вопросов о численности и типах организмов, которые атаковали нас, на что я постарался дать сколь возможно подробный ответ. Похоже, мой отчет вполне удовлетворил лорда-генерала, потому как он лично пожал мне руку, когда мы с Юргеном отбывали, чтобы успеть на курьерский челнок, ожидающий нас на аэродроме.

— Не можем ли мы хотя бы сократить круг поисков? — спросила Кастин, снова подходя к однажды

поднятому вопросу, будто крут — к косточке. — Мы знаем, где они уже наносили удары и в какое время это приблизительно произошло. Уверена, мы может вычислить с большой степенью достоверности, откуда пришли эти рои.

— Наши аналитики именно это и пытались определить, — одобрительно кивнул Живан, явно радуясь тому, что у него под рукой есть хоть один полковник, который представляет себе, с чем мы столкнулись.[58] — К сожалению, они выяснили лишь то, что поселения разбросаны по всей планете и нападения происходили в самое разное время.

— Их, похоже, больше чем один. — Броклау пробормотал еще что-то себе под нос, чего лорд-генерал предпочел не услышать. — Можете ли вы, по крайней мере, предоставить нам хотя бы приблизительный подсчет, со скольких роями мы столкнулись?

Живан покачал головой.

— Наиболее вероятное предположение состоит в том, что мы имеем дело по

крайней мере с тремя отдельными роями, — тяжело проговорил он, вызвав волнение на лицах парящих вокруг него голов, — но это если опираться лишь на число рейдов противника, которые мы уже обнаружили. Мы также предполагаем, что рои эти состоят из достаточного числа особей, чтобы высылать единовременно больше чем одну группу организмов, и что каждая такая стая основала собственный пищеварительный резерв, чтобы перерабатывать биомассу, которую им удается собрать.

Я заметил использованный им эвфемизм с некоторой долей удивления. Живан всегда казался мне достаточно прямолинейным в выражении своих мыслей и даже был знаменит этой отличительной чертой характера, так что я никак не ожидал, что он спасует признать: биомассой, о которой он говорил, были тела убитых гражданских.[59]

— Если же они не начали перерабатывать тот материал, который собрали, и просто поглощают его ради

пополнения энергии, значит, нам предстоит столкнуться с гораздо большим числом свободно перемещающихся роев без определенной общей цели, кроме обычной для них задачи — найти следующий закуток с жизнью на этой планете и сделать все, чтобы он перестал быть таковым.

Лорд-генерал пожал плечами, очевидно полагая, что, раз уж карта легла, он может выдать нам все дурные новости в один присест.

— Если наши самые худшие предположения все-таки окажутся верны, мы должны будем обнаружить не менее пяти этих чертовых роев, бесконтрольно перемещающихся по округе. — (Слова его вызвали на лицах гололитически передаваемых голов еще большее оцепенение) — Это, конечно же, если думать, что нет таких рейдов, о которых нам пока что ничего не известно. Иначе, возможно, придется увеличить это число.

— Император, сущий на Земле! — проговорила Кастин, и лицо ее при этом было бледнее, чем обычно у вальхалльцев.

Мне пришлось задумчиво покивать, прежде чем заговорить.

— В этом есть тактический смысл, — сказал я. — Флоты-ульи часто засылают передовые отряды, чтобы связать силы защитников прежде, чем начнется основной штурм, а эта планета как специально сделана для этого. Они могут оказаться вообще где угодно, в то время как мы развернуты лишь в немногих крупных центрах и должны ждать, пока они нападут сами. Мы также не осмелимся распылить наши силы больше чем есть, и это оставляет большую часть поселений совершенно беззащитными.

— Если не считать местных гарнизонов СПО, — заметил энергичный молодой комиссар, которого я не узнавал. Он был приписан к одному из Харраконских полков, его форменную фуражку украшало синее перо, обозначающее ветерана боевых высадок с гравишютом, так что, очевидно, он не был комиссаром того сорта, что уклоняются от выполнения своего долга или считают себя выше того, чтобы соблюдать традиции солдат, вместе с

которыми служат. Несмотря на излучаемый им почти щенячий энтузиазм, который раздражал тем, что напоминал слишком живо лейтенанта Суллу,[60] самого энергичного из командиров наших взводов, я склонен был все же прислушаться к этому юному дарованию. — Есть ли среди них достаточно благонадежные, чтобы их можно было отрядить на эти плато?

— Арбитр поставил меня в известность о том, что приблизительно две трети подразделений СПО на данный момент считаются свободными от проникновения генокрадов, — сухо отозвался Живан. — Насколько это мнение обоснованно, нам еще предстоит выяснить. И напомню, за лояльность Гаварронских СПО лично поручилась каноniса Эглантина.

Едва заметная пауза, которую он сделал, прежде чем продолжить, выразила его отношение к этому поручительству.

— Таким образом, мы можем рассчитывать, что значительная их

часть способна обеспечить до определенной степени эффективную оборону, когда дойдет до дела.

— Судя по всему, Киш времени зря не терял, — произнес я, удивленный и ободренный словами о том, что столь большая часть СПО эффективно зачищена за такое короткое время.

Живан кивнул:

— Очевидно, его учреждению было передано немало информации из первых рук, собранной во время рейдов против гнезд генокрадов, — сказал он.

Поняв, кто именно осуществлял эти рейды, я ответил в соответствии.

— Ну что же, будем надеяться, что источники его точны, — произнес я, хотя целиком и полностью был уверен, что это именно так.

— Конечно, — согласился Живан, переводя разговор на менее зыбкую почву с ловкостью настоящего дипломата. — Если все обстоит именно так, у нас будет возможность продержаться до той поры, когда прибудет наш Флот.

— Это если предположить, что флот-

улей не появится здесь раньше, — вставил полковник из Харраконского полка.

Я был приятно удивлен, заметив, что его молодой комиссар согласно кивает. Реалист, да к тому же еще и популист, — возможно, из него выйдет один из тех редких примеров людей нашего призвания, которые не заканчивают жизнь героями на поле боя в первых рядах атакующих или с лазерным зарядом в спине — приветом от озлобленного солдата, уставшего от частых угроз расстрела или физической расправы.

— Наша возможность продержаться подольше зависит от того, сколько подразделений СПО, в которых не были проведены чистки, останутся лояльными, — разумно отметил он.

— Ну что же, тогда нам стоит надеяться, что таковыми окажется большая их часть, — произнес Живан. — Я в любом случае собираюсь развернуть их на внешних оборонных рубежах.

То есть там, куда наша артиллерия может обрушить свою мощь при первых признаках предательства, да и тираниды

раньше всего доберутся именно до них. Скормить эту стратегию командующим СПО будет сложнее, чем СПО — тиранидам, и я не завидовал тому, кому достанется эта миссия. Но впрочем, недостатка в молодых и перспективных наследниках имперской аристократии, которым семьи купили назначения в генеральную ставку Живана и которые настолько заполняли все пространство вокруг него, что он не мог не раздражаться в отношении хоть кого-нибудь из них ежедневно и ежечасно, не было. Наверняка ему уже подвернулся кандидат на эту роль (более очевидное решение — назначить всю их когорту куда-нибудь на передовую, где бы до них добрались если не враги, то уж собственные подчиненные точно, — кажется, ни разу не приходило ему в голову все те годы, которые нам суждено было служить вместе).[61]

— Если это тот флот-ошметок, с которым мне пришлось встретиться в системе Дезолатии, — произнес я скорее для того, чтобы напомнить окружающим,

кто здесь Герой Империума, нежели действительно соотносясь с предметом разговора, — то он будет относительно слабым. Наши боевые корабли уничтожили около семидесяти процентов их кораблей, прежде чем те сумели скрыться в варпе, и потом, нам также удавалось справиться с генокрадами на Кеффии и Гравалаксе[62] достаточно эффективно, чтобы флот туда вообще не был призван. Конечно, признаю, с того времени прошло около десятка лет, но я сомневаюсь, что они за это время сожрали достаточно, чтобы восстановить свои силы.

— Да, это так. — Живан согласно кивнул. — Конечно, там, где дело касается тиранидов, ничего нельзя сказать с уверенностью, но вполне вероятно, что это один и тот же флот. — Он снова улыбнулся — совершенно нерадостно. — Разумеется, предпочтительнее верить, что у них в этой части Галактики вообще лишь один флот-улей.

— Тогда мы должны продержаться, — заключил я, рассудительно кивая и

стараясь, чтобы голос мой излучал уверенность, которой я не испытывал. — По меньшей мере в течение нескольких дней. Он уже достаточно слаб и подранен, так что наше подкрепление легко сможет завершить дело.

Само собой, учитывая, что мы имели дело с тиранидами, это было лихо сказано, потому как они склонны объявляться снова и снова как раз в тот момент, когда вам кажется, что с ними покончено, с настырностью, которой позавидовали бы даже некроны, но именно такие слова каждый хотел сейчас услышать, и потому выражения лиц и голоса всех, кто был на связи, после этого стали гораздо более уверенными и решительными.

— Все, что сейчас нужно, — это стратегия, которая позволит нам продержаться, — заметил Броклау так, будто в этом-то не было уже ничего особенно сложного, и Кастин поддержала его:

— Мы должны быть готовы к мгновенному развертыванию, чтобы иметь возможность схватиться с

тиранидами в любом месте, где бы они ни появились. — Знакомая уверенная улыбка теперь, когда застарелый страх перед тиранидами сменился чистосердечной убежденностью в том, что нам вновь удастся победить, осветила ее лицо. — По крайней мере, реквизировать пару челноков на такой планетке не проблема.

— Комитет по коммерции поднимет по этому поводу славную бучу, — заметил Живан, но при этом за его бородой скрывалась достаточно широкая усмешка, чтобы навести меня на подозрения, что еще одному из его подчиненных — какому-нибудь молодому человеку с наглаженными до бритвенной остроты стрелками на форменных брюках и неудачной привычкой раздражать лорда-генерала — придется вскоре проявить свои дипломатические возможности. — Но они могут катиться фрагом в варп — таково мое мнение. У нас война, и мы должны ее выиграть, так что если они не желают нам в этом помочь, то могут сесть перед линией обороны и пожаловаться на нас тиранидам.

— Мы не сможем наладить оборону

везде, — указал Броклау. — Даже если все полки получат воздушную мобильность, для каждой контратаки потребуется время.

— Точно так, — подтвердил Живан, — и именно поэтому мы будем применять стратегию поэтапного подкрепления. — Он улыбнулся и выглядел при этом более спокойным, чем за все время с тех пор, как я оставил его посреди напряженной дискуссии с Эмберли, — очень похожей на отражение атаки Гвардией.

— Я не уверен, что понимаю вас, — вмешался молодой комиссар.

— Все довольно просто, — заверил его Живан. — Когда тираниды нападут на населенное плато, против них выдвинутся местные силы СПО и доложат о состоянии дел. Подкрепление с ближайших плато, располагающих гарнизонами СПО, начнет прибывать сразу же, выигрывая, таким образом, время для ближайшего гвардейского полка на то, чтобы поднять в воздух силы быстрого реагирования.

— Это должно сработать, — согласился я.

Таким образом, сотрудникам Киша оставалось немного больше времени на эвакуацию гражданских, а то пушечное мясо для гаунтов, которое представляли собой СПО, должно было хотя бы замедлить продвижение тиранидов — на достаточное время, чтобы в бой вступили настоящие солдаты. Как мне показалось, я не мог бы выдумать лучшего плана действий, хотя, если бы знал, что Живан, сам о том не догадываясь, предоставил мне еще одну возможность расстаться с жизнью, я, вне сомнения, отнесся бы к подобному раскладу с гораздо меньшим энтузиазмом.

Глава семнадцатая

В продолжение нескольких следующих дней казалось, что предложенная Живаном стратегия работает. Насколько можно было судить, тираниды, как и предсказывали аналитики, все еще ограничивали свои разорительные набеги низкими и малонаселенными плато, — должен признаться, я был весьма рад тому, что Хоарфелл не подпадал ни под одно из этих определений. Конечно же, не хочу сказать, что мы расслабились и перестали ожидать нападения на наши позиции: все мы знали по опыту одну важнейшую вещь касательно хитинового ужаса, которому противостояли, — непредсказуемость. Поэтому Кастин держала полк в состоянии боевой готовности на тот случай, если ликтор

или выводок чистокровных генокрадов каким-то образом сумеет пробраться на плато, несмотря на все предосторожности.

Кроме этой, конечно, оставалась еще одна забота — угроза появления флота-улья никуда еще не делась. Хотя его прибытие все еще откладывалось, что неплохо, но в тот момент, когда он вынырнет из варпа, следовало ожидать, что всю планету покроют споры тиранидов и нам придется вступить в яростное сражение независимо от готовности и местоположения.

Единственной хорошей новостью было то, что нам, 597-му, больше не нужно было беспокоиться о террористических нападениях со стороны гибридов генокрадов, потому как те меры безопасности, которые мы установили после инцидента с топливной баржей, очевидно, оказались достаточными, чтобы не дать им снова обосноваться в Дариене, — хотя по всей остальной планете, даже там, где о наличии гнезд до того не подозревали, поднимали голову другие выводки, случались теракты, нацеленные

на подрыв обороны против прибывающих роев. Я не часто получал сообщения от Эмберли во время этой напряженной интерлюдии, перемежавшейся время от времени огневыми контактами, поскольку внимание инквизитора, очевидно, полностью сосредоточилось на том, чтобы искоренить раковую опухоль предательства среди СПО, одновременно не теряя обнаруженного ею на Окраине Ада следа, который мог привести ее к техножрецу-отступнику прежде, чем до него доберутся тираниды (либо Лазур со своей командой, что, на ее взгляд, было одинаково плохо).

Киш тоже времени зря не терял. Он и его юстикары предпринимали попытки эвакуировать поселения, находившиеся, как предполагалось, в наибольшей опасности. Переместить население низко расположенных плато на более высокие и потому безопасные (по крайней мере, до того времени, пока не появится флот-улей, потому что тогда понятие «безопасно» будет подразумевать лишь крепкий металлический бункер с противовзрывной

дверью), и эта стратегия, кроме того чтобы спасти бессчетное количество жизней, должна была также не позволить захватчикам пополнить ресурсы, необходимые им для увеличения собственных сил. Конечно, предприятие это было чрезвычайного размаха, и слишком часто флот дирижаблей прибывал в какое-нибудь несчастное поселение лишь для того, чтобы обнаружить, что от него не осталось ничего, кроме таких же опустевших построек, какие мы обнаружили на Окраине Ада.

Пока развертывались все эти события, полк наш в первый раз получил возможность выступить против тиранидов. Несколько наших батальонов были по воздуху доставлены для укрепления прогибающейся обороны СПО там, где тираниды выступали против городов или индустриальных зон, достаточно крупных, чтобы был смысл их защищать, — и должен с удовольствием сказать, что солдаты наши показали себя с самой лучшей стороны, несмотря на ту

психологическую травму, которую несла с собой новая встреча с ужасным врагом.[63]

Конечно, чем успешнее мы эвакуировали небольшие поселения, тем вернее подталкивали тиранидов к тому, чтобы осуществлять массированные наступления на более крупные и потому жизненно важные цели, так что, оглядываясь назад, я могу предположить, что победы, которые мы одерживали, были некоторым образом пирровыми и попросту вынуждали нас вступать через несколько часов в еще более отчаянные схватки, но трачная статистика жертв была, кажется, до некоторой степени в нашу пользу. Я не сомневался, что мы заставляем тиранидов платить за каждый сантиметр захваченной земли пролитым ихором. Любой другой неприятель приостановился бы под теми ударами, которые мы им наносили, но тираниды обращали на потери в своих рядах не больше внимания, чем мы — на отработанную энергетическую батарею. И все же как мы оказались бы в затруднении,

истратив весь боезапас, так и каждая брешь, пробитая в их рядах, представляла собой пусть небольшое, но снижение их способности сражаться дальше, а установка сжигать все тела тиранидов, которые оказывались в наших руках (не говоря уже о телах собственных солдат), лишала их возможности легко и быстро восстановить численность. Если бы флот-улей, породивший их, по какой-либо причине задержался, полагаю, мы могли бы даже довести свое превосходство до переломной точки и успешно зачистить от врага поверхность Периремунды.

Конечно же, этого не произошло. Флот-улей прибыл в свое время, как и наше подкрепление, после чего главный фронт кампании сместился в космос и сражения на орбите стали настолько же важны, как и битвы на поверхности планеты (по крайней мере, так говорится в официальных отчетах; те события, в которые я оказался вовлеченным, вполне могли бы изменить судьбу Галактики, хотя относительно того, насколько далеко идущие последствия они имели, мне

предстояло оставаться в неведении еще десятилетия, до тех времен, когда начался безумный поход Аббадона, направленный в самое сердце Империума).[64]

Но я забегаю вперед. О чем мне хотелось бы рассказать, так это о дне, когда все двери ада разверзлись и мои тайные враги предприняли еще одну попытку убить меня, а мне, в свою очередь, пришлось узнать гораздо больше, чем я когда-либо желал, об истинной природе Инквизиции.

Впрочем, начиналось все достаточно безобидно, как и бывает как раз тогда, когда мне вот-вот придется столкнуться еще с одной смертельной угрозой и выжигающим все внутренности ужасом. Я болтался на командном посту, пытаясь, как и все остальные, не показать, что пялюсь на гололит, выискивая первые признаки флота-улья, выходящего из варпа, и потому обсуждал с Кастин степень нашей готовности к этому. На данный

момент четыре наших взвода были развернуты для поддержки СПО, и все они вернулись в хорошем расположении духа, несмотря на неизбежные потери.[65]

Я не преминул высказать похвалу полковнику за ее решение начать отработку тактических приемов боя с тиранидами, столь дорогой ценой приобретенных ветеранами нашего полка, и она благодарно приняла ее.

— Кажется, эти действия окупают себя, — признала Кастин.

Я кинул взгляд на планшет, показывающий текущую обстановку. Вторая рота ожидала в резерве, и ее можно было почти мгновенно мобилизовать, пара взводов даже находилась непосредственно на аэродроме, ожидая лишь вокс-сообщения, чтобы набиться в транспортные челноки, реквизированные нами вместе с парой гражданских пилотов, которые, похоже, не считали ежедневные вылеты в зоны боевых действий большим удовольствием, но и не решались спорить с такой кучей

вооруженных людей. Десантные катера с военных кораблей, конечно, были бы предпочтительнее, но, как уж заведено, их всегда меньше, чем требуется, и наша позиция на Хоарфелле ставила нас в наименее выгодное положение. Живан постановил, что транспортные средства, способные вместить роту, гораздо эффективнее использовать для перемещения тех подразделений, что находятся ближе всех к врагу (это означало также, что этих самых солдат можно будет увести в безопасное место, если дела пойдут из рук вон плохо, но, конечно же, никто не был настолько бестактен, чтобы сообщить об этом гражданским властям).

Мне оставалось лишь одобрительно кивнуть.

— У нас на данный момент наилучшие показатели выживаемости личного состава, чем у какого-либо другого полка, — сказал я, и это, как ни странно, было правдой.

Харракони получили серьезную трепку этим утром, и я подумал об их

молодом комиссаре. А о чем я не хотел думать, так это о потерях СПО. Сомнений в том, что стратегия Живана будет эффективной, у меня не было, но она выставляла эти недостаточно тренированные и плохо оснащенные отряды ополчения на первую линию обороны от тиранидских ужасов до прибытия настоящих солдат — и, вне сомнения, цена, которую они за это платили, была очень велика. Если бы не удивительная география их родного мира, не сомневаюсь, эти бойцы ломали бы ряды и бросались бежать.

Но поскольку бежать им все равно было некуда, а сражались они за свои дома и своих близких, то и случаев немыслимого героизма среди них было предостаточно. Смертельная угроза способна из самого кроткого человека сделать терминатора. СПО стояли в передних рядах обороны и гибли тысячами. Но и опыт наших ветеранов, их умение противостоять хитиновому кошмару и выходить из битв с минимальными потерями никак не гарантировали

сохранения моего драгоценного здоровья; потому я дал себе зарок стоять над схваткой столь долго, насколько возможно, по крайней мере до того, как начнут падать споры тиранидов: тогда я уже не смогу избежать встречи с ними, где бы ни находился.

К счастью, никто не спорил с тем, что мое место — в штабе полка (где я располагал целой ротой солдат, за которыми, если что, можно будет спрятаться). Если споры посыплются, когда я буду прогуливаться по горячим точкам, то могу завязнуть в какой-нибудь рядовой стычке. Годы практики помогли мне донести эту информацию до окружающих таким образом, чтобы у них сложилось впечатление, будто я ничего не хотел бы столь сильно, как встретиться лицом к лицу с тиранидом покрупнее, но, обладая обостренным чувством долга, должен подавить столь эгоистический порыв и дальше слоняться по надежно защищенному гарнизону, попивая танну и путаясь под ногами, пока солдаты занимались защитой мирных жителей

этой планеты.

— Пока что да, наши показатели выше, — сказала Кастин, оглядываясь вокруг, и выражение ее лица было суровым. Какие бы сомнения она ни испытывала, здесь было не место их обсуждать. Командный пункт был битком набит народом, занимавшимся обычными своими обязанностями, и мы оба знали, что боевой их дух ничем не поднимешь, если допустить лишь намек на то, что старший командный состав чуть менее уверен в полной победе, чем показывает. Повинуясь взаимному, хоть и не высказанному, согласию, мы двинулись к лестнице, ведущей на галерею, к кабинету полковника. — Но нам еще предстоит столкнуться с флотом-ульем. Это будет уже совершенно другая игра.

— Верно, — сказал я, немного сторонясь, чтобы дать ей первой подняться на ступени, — но подкрепление должно прибыть сразу за ним.

Внимание было отвлечено на мгновение прекрасным зрелищем нижней части спины полковника Кастин,

проплывающей как раз на уровне моих глаз, и я, уже поставив одну ногу на нижнюю ступень лестницы, не смог удержаться от того, чтобы ненадолго замереть, дабы продлить момент любования, слегка задрав голову.

Каким бы незначительным ни было это торможение, именно оно спасло мне жизнь, потому как иначе я никогда бы не заметил едва заметное шевеление среди поддерживающих крышу балок. Первой моей мыслью было, что какая-то птица залетела в обширное пространство закрытого склада через высокие двери в дальнем его конце, которые были открыты, чтобы внутрь беспрепятственно проникали наши солдаты, сквозняк и снег. Холод был важной составляющей вальхалльского понимания комфорта. Впрочем, версия птицы сразу же показалась мне не слишком вероятной, потому как постоянный шум, стоявший в помещении, должен был отвадить любое уважающее себя пернатое от намерения найти здесь комфортное убежище. Да и если бы действительно произошло

подобного рода вторжение, мы уже обнаружили бы характерные следы внизу. Ладони мои снова начали зудеть, и, памятуя о своем недавнем опыте встречи с убийцей-псайкером, я изогнул шею, чтобы разглядеть эту загадку получше, недоумевая, куда Юрген снова подевался как раз в тот момент, когда он мне по-настоящему нужен.

— Что-то в стропилах, — произнес я, вынимая лазерный пистолет и сосредоточивая взгляд на стропилах.

Кастин посмотрела вверх и тоже потянулась за оружием. Вокруг нас, как я заметил, будто волной распространялась тревога и напряжение, и солдаты, занятые до сих пор своими воксами и аусписами, потянулись за своими лазганами. Что бы ни пряталось под потолком, оно было очень небольшим, и в памяти моей отчетливо всплыли споровые мины, которые атаковали нас на Окраине Ада.

— Я тоже вижу, — мрачно сказала Кастин, наводя болт-пистолет. Взгляд ее скользнул в сторону. — И еще.

— К оружию! — выкрикнул я, хотя на

тот момент этот совет уже оказался несколько излишним, потому что все солдаты в поле зрения, у кого были под рукой лазганы, уже держали их на изготовку.

Затем, будто среагировав на наше внимание к ним, загадочные нарушители спикировали вниз.

— Что за черт? — произнесла Кастин, разглядев атакующих. Это было звено сервочерепов, числом пять, и они падали прямиком на нас, но полковник колебалась. Она окликнула технопровидца, лицо которого ничего не выражало. — Кто пустил сюда эти штуки?

— Это не наши, — заверил ее адепт монотонным голосом вокс-кодировщика. Что-то прожужжало в его аугметических глазах, когда он, похоже, сфокусировал их на чем-то, что прочие видеть не могли. — Идентификационные метки не принадлежат ни одному из местных храмов Механикус...

Если он собирался сообщить нам что-то, нам не суждено было этого узнать. Прогремел выстрел, похожий на выстрел

из болт-пистолета, и грудь адепта разорвалась фонтаном крови и осколков, которые, несомненно, были частью его аугметических систем, прежде чем их перемешало разрывным патроном. Я открыл огонь в ответ, и не я один. Каждый, кто дотянулся до оружия, палил по вторгшимся черепам. Больше всего мы были похожи на компанию перепивших на охоте аристократов, заприметивших стаю диких уток. Впрочем, черепа были чертовски быстрыми и ловкими, уворачиваясь от лазерных зарядов, подобно тем летающим тарелкам, которые используют тау, когда соображают, что самим высовывать голову из укрытия не стоит. Лишь один из черепов рухнул, грянувшись о камнебетонный пол, разбив и кость, и оружие.

— Не прекращать огонь! — отдал я совершенно излишний приказ, но солдаты все равно послушались со всем возможным рвением.

Мне оставалось лишь поспешно укрыться под лестницей, и как раз вовремя, потому как еще пара болтерных

снарядов разворотила металлические ступени там, где я стоял всего мгновение назад, в то время как для Кастин оказался отрезан путь к отступлению. Она кинулась вверх, на галерею, стреляя на бегу. Ни во что она, конечно, не попала, если не считать крышу, в которой образовалось созвездие миниатюрных дырочек, но ведущему черепу пришлось вильнуть, уворачиваясь от ее снарядов.

Я ожидал, что по крайней мере один из стаи теперь последует за полковником, когда она была настолько открыта для нападения на площадке перед своим кабинетом — даже притом, что пригнулась за ограждением, — но ни один не обратил на нее никакого внимания, опустившись ниже уровня бельэтажа, и я с ужасом сообразил, что все они направляются прямиком ко мне. Собственно говоря, если бы не плотный огонь, который заставлял их лавировать, они бы уже оказались нос к носу со мной (ну, строго говоря, носов ни у одного из них уже не было, но вы понимаете, что я имею в виду).

У меня не было времени задумываться, чего им от меня надо, хотя позже образовался даже излишек. В тот же конкретный момент первейшей моей задачей было выживание, так что я внимательно присмотрелся к летающим убийцам, выискивая какую-нибудь слабость. Двое из них, кажется, несли по встроенному болт-пистолету, чьи дула гротескно торчали у них между зубов, будто у самоубийц наоборот, и, если бы они не были вынуждены танцевать в воздухе, чтобы не дать себя выцелить, я, вне сомнения, уже разделил бы судьбу несчастного технопровидца. У третьего черепа имелся цепной клинок, приделанный снизу, видимо, в расчете, что его огнестрельные собратья смогут отвлечь меня на достаточно долгое время, чтобы он подобрался и подправил мне пробор. Между тем четвертый, кажется, вообще не был вооружен.

Значит, это именно он. Если у него нет никакого оружия, значит, именно этот аппарат координирует остальных. Тщательно прицелившись и оперев

предплечье на ступень лестницы, в который раз благодарный своим аугметическим пальцам, которые позволяли мне держать лазерный пистолет тверже, чем это мог бы сделать самый опытный дуэлянт, я нажал на спусковой крючок.

К моему невероятному облегчению, выстрел достиг цели, и костяной корпус треснул, разбрасывая детали аспика и сенсорных антенн, которые были в него встроены. Благодаря какому-то странному, извращенному стечению обстоятельств, миниатюрная антигравитационная установка, которая поддерживала череп в воздухе, продолжала работать и, потеряв весь тот вес, который должна была нести, устремилась вверх, чтобы пробить еще одно отверстие в крыше над нашей головой и исчезнуть в слабом сером сумраке, привычном для Хоарфелла. Дождик из разбитого стекла застучал по металлу галереи, за ним последовал целый сугроб. Я попытался снова прицелиться, но как раз в этот момент увидел, что череп, оборудованный

цепным лезвием, пикирует мне на голову.

Я отреагировал мгновенно, рефлекторно выхватывая собственный цепной меч, и отбил атакующую штуковину в сторону. Она отскочила, ударившись о балки, поддерживающие галерею, демонстрируя отвратительную зарубку поперек челюсти там, где лезвие моего оружия глубоко вонзилось в кость. Кажется, мне повезло и я перерубил кабель питания гравитационного двигателя, так что череп беспомощно рухнул на пол, злобно жужжа и пытаясь пробурить себе путь сквозь пол, пока солдаты не избавили его от мучений, обрушив град хорошо нацеленных лазерных зарядов.

Два черепа, снабженные огнестрельным оружием, зависли, когда аппарат-наводчик перестал функционировать, а вокруг так много разного народа желали стереть их в порошок. Через несколько секунд, которые они провели, болтаясь в воздухе и каким-то чудесным образом избегая обращения в пар, оба резко, будто подброшенные, устремившись вверх, исчезли в дыре

поврежденной крыши.

— Кто-то, кажется, серьезно настроен против вас, — заметила Кастин, спускаясь по лестнице обратно и с некоторой робостью проверяя на прочность ступени, принявшие на себя болтерные заряды. — Сначала невидимый псайкер, а теперь вот это.

Она бросила на меня ироничный взгляд, и то любопытство, которое полковник по своему хорошему воспитанию не могла проявить открыто, было слишком уж выразительно написано на лицах окружавших нас солдат. Обнаружив, что они все столь заинтересованно разглядывают нас обоих, Кастин внезапно повернулась к ближайшему военнослужащему среднего звена:

— Сержант, ну-ка приберите тут все.

— Есть, мэм! — Он четко отдал честь и принялся собирать на эту работу всех, кто не понял намека или недостаточно проворно нашел для себя срочное дело. — Ты и ты, найдите пластиковый мешок для тела. Шестереночки, вероятно, захотят

провести для Живчика какую-нибудь прощальную церемонию, так что лучше сохранить его свеженьким.

Кажется, покойный технопровидец был достаточно популярен среди солдат, чтобы даже заслужить личное прозвище, что меня несколько удивило. Сержанту пришла в голову дельная мысль, и он окликнул одного из солдат, которые направились было за тешком:

— Захватите швабру, он немного подтекает.

— Да уж, что-то они зачастили, — сказал я, отвечая на реплику Кастин, затем обозрел дыру в потолке, через которую сбежали сервочерепа, и весьма тревожная мысль пробилась на поверхность моего сознания. — Им ведь необходимо было миновать наши посты охраны.

— Мы выясним, как им это удалось, — решительно заверила меня полковник.

Я старался выглядеть спокойным и рассудительным.

— Вне сомнения, выясним, — сказал я, — но эти штуковины, похоже, могут

проникнуть практически куда угодно.

Если уж на то пошло, те, что отступили сейчас, могли вернуться, чтобы продолжить начатое, в любой момент, как только им это будет угодно. Хорошим решением для меня стало бы убраться чертовски далеко отсюда, прежде чем они опомнятся и попытаются завершить запрограммированное. Пока я оглядывал командный пункт, идеальный путь отступления представился сам собой.

— Кто бы ни стоял за этим, определенно ему известно, где я нахожусь, так что они могут предпринять еще одну попытку.

— Пускай, — произнесла Кастин, как будто перспектива встретиться еще с каким-нибудь возможным убийцей была ей даже по нраву. — Никто из нас совершенно не против помочь предателям совершить самоубийство.

Я улыбнулся так, будто не чувствовал себя достойным:

— Мне льстит ваше мнение, Регина, но у вас хватает куда более важных поводов для волнения, чтобы беспокоиться

еще и об обеспечении моей безопасности. Нашей первейшей задачей является защита этой планеты, а еще одно нападение на штаб гарнизона способно подорвать нашу обороноспособность, возможно, самым фатальным образом. — Я сделал паузу, достаточно длинную, чтобы подчеркнуть всю серьезность возложенной на нас ответственности. — Меньше всего мне хотелось бы подорвать оперативность полка лишь для того, чтобы самому оставаться в безопасности.

— Что вы хотите предпринять? — спросила Кастин, восхищенная моей преданностью долгу и старающаяся скрыть озабоченность моей судьбой за маской солдатской суровости.

Я указал на оперативный планшет, который попался мне на глаза ранее:

— У нас два взвода торчат на аэродроме. Я присоединюсь на некоторое время к ним.

Тот, кто послал черепа-сервиторы, мог после этого перевернуть наш штаб хоть вверх ногами, мне это было бы уже не важно. Все шансы на то, что они никогда

не додумаются искать меня в небольшом отдельном отряде, да даже если бы это и пришло им в голову, то у меня все равно будет около сотни солдат, за которыми можно спрятаться.

Кастин кивнула.

— Это разумно, — признала она. Затем помедлила. — Мы что-нибудь можем для вас сделать, перед тем как вы отправитесь?

— Сделайте полный пикт-обзор этих двух сервочерепов, — сказал я, указывая на обломки, — и перекачайте его на инфопланшет. Возьму его с собой, отправляясь.

— Ясно, — задумчиво произнесла Кастин. — Вы действительно полагаете, что можете получить представление о том, откуда они появились, из этих пикт-изображений?

Мне пришлось отрицательно покачать головой.

— Нет, — медленно проговорил я, — но я знаю одну женщину, которая может.

В конце концов, именно по вине Эмберли мне пришлось оказаться тогда

перед пикт-репортерами, тем самым создав у каждого мятежного недоумка на планете впечатление, что я пришел лично за ним. Так что будет только справедливо, если теперь инквизитору придется прикрывать мне спину. И я оказался прав: все мои неприятности напрямую проистекали из ее деятельности на Периремунде, но узнал я об этом таким образом, о котором на тот момент не мог даже и догадываться.

Примечание редактора

Следующий милосердно короткий текст восполняет собой небольшой пробел в повествовании Каина. Не без некоторого сомнения я все же решила включить его из соображений полноты повествования. Читатели, как я уже говорила, вольны пропустить его, и я такое решение вполне поддерживаю.

Из произведения «Как феникс, вставший на крыло: ранние кампании и славные победы Вальхалльского 597-го» за авторством генерала Дженит Суллы (в отставке), 101.M42:

Для тех, кто до сих пор внимательно читал мой отчет

о героических деяниях нашего полка, не будет неожиданностью услышать, что как женщины, так и мужчины под моим командованием с не меньшей страстью, чем обычно, желали сойтись в битве с тем чудовищным врагом, против которого мы стояли, и это желание лишь усиливалось оттого, что наши отважные товарищи из первой роты уже оказались достаточно везучими, чтобы не менее чем три раза отбивать нападения нечеловеческих орд. Наконец и вторая рота заступила на боевое дежурство, готовая и только ожидающая того, чтобы откликнуться на призыв к оружию, и, к едва скрытому нашему удовольствию, третий взвод был именно тем, кому выпало ожидать в звездном порту Дариена, предвкушая отправку без промедления туда,

где в нас нуждались, дабы принести кару Императора на хитиновые орды, которые позволили себе загрязнять собою Его благословеннейшие владения.

Впрочем, я оказалась бы небрежным летописцем этих событий, если бы не признала некоторую степень трепета, который лежал под готовностью схватиться с ордами тиранидов. Потому как для слишком многих из нас последний раз, когда мы встречались лицом к лицу с этими монстрами, помнился как ночной кошмар, кровавая резня, в которой мы теряли друзей и товарищей по оружию в неисчислимых количествах, и, несмотря на непоколебимую решимость, дарованную нам нашей верой в Императора, воспоминания о Корании оставались еще свежи в наших

сердцах. И потому новость, что к нам присоединится не кто иной, как комиссар Каин, была настолько же приятной, насколько и неожиданной, и каждая женщина и каждый мужчина были намерены целиком и полностью доказать, что достойны служить под командованием этого человека, являющего собой непреклонный пример всех возможных воинских доблестей.

Глава восемнадцатая

— Очаровательно, — произнес Лазур, точнее, изображение его металлического лица, которое трепетало над переносным гололитом на борту командной «Химеры», принадлежавшей третьему взводу.

Я полчаса как прибыл на аэродром, и за это время покушений на мою жизнь не было, если не считать юргеновскую манеру вождения. После того как мы успешно преодолели посадочное поле, которое его стараниями превратилось в полосу препятствий, пройденную на головокружительной скорости, мой помощник загнал нашу «Саламандру» по посадочному пандусу ближайшего шаттла — с поспешностью почти такой же, с какой влетели на борт принадлежащей Эмберли «Аквилы». Изрядно перепугав солдат,

Юрген остановил нашу машину возле уже расположившихся в трюме «Химер», повернутых носами к выходу, с тем чтобы обеспечить быстрое развертывание, и, лишь когда я осознал, что на них эмблема третьего взвода, сердце мое ушло в пятки. Лейтенант Сулла уже быстро шагала через грузовой трюм в нашу сторону, переполненная тем самым раздражающим энтузиазмом, который она обычно выказывала перед перспективой попасть в горячую точку. Я горько пожалел, что Юрген не направил нашу машину к другим челнокам, спеша найти нам укрытие со всей возможной скоростью. Лейтенант Фарил, офицер, командовавший пятым взводом, был куда менее порывист, и в окружении солдат под его командованием у меня было гораздо больше шансов остаться целым и невредимым. От Суллы же вполне можно было ожидать чего угодно. Например, вместо того, чтобы, удобно расположившись за укрытием, поливать врага огнем с безопасного расстояния, ей взбредет в голову осуществить самоубийственное

наступление на тирана улья. Почему-то солдаты под ее командованием следовали за ней в гущу сражения и орали во всю силу легких, подобно обезумевшим оркам, и были вполне способны порвать тирана на кровавые лоскутки, прежде чем тот переборет изумление перед их наглостью.[66]

— Комиссар, — четко отдала честь лейтенант, и ее узкое лицо, собранные в хвост на затылке волосы и улыбка, демонстрирующая отличные зубы, делали ее еще больше похожей на лошадь, при этом еще и весьма энергичную. — Должна ли я расценивать ваше прибытие сюда как сигнал к отправке?

— Если на то будет воля Императора, — отозвался я, размышляя про себя о том, что вот-де никогда нет под рукой споровой мины, когда она так нужна. — У меня в данный момент нет дел в штабе, если не считать текущей бумажной работы, так что я подумал, что неплохо бы прокатиться на боевое задание, если, конечно, вы или Фарил не

возражаете взять на борт лишний груз.

Как обычно, я говорил в расчете на уши простых солдат, которые выбрались из люков своих бронемашин, подобно снежным хорькам, вынюхивающим, нет ли поблизости хищников, и желающих, конечно же, знать, к чему шум. Не было причины не сыграть снова роль скромного героя, особенно если я рассчитываю именно этих людей поставить между собой и тиранидами.

— Счастливы приветствовать вас, — заверила меня Сулла, пытаясь незаметно отодвинуться подальше от Юргена, чей аромат заметно сгустился в узком пространстве между припаркованными машинами. — Можем ли мы быть вам полезны на время ожидания?

— Благодарю. Могу ли я воспользоваться вашей командной «Химерой»? — спросил я после секундного размышления. — У меня на руках не подлежащие огласке данные, которые нужно передать на Принципиа Монс для анализа, и, возможно, мне придется обсудить их с лордом-генералом. Конечно

же, я вполне доверяю каждому из вас, но протоколы безопасности...

— Конечно же. — Сулла, совершенно выведенная из равновесия возможностью поучаствовать, хоть и на второстепенных ролях, в делах ставки, стала похожа на лошадь, которой предложили кусочек сахару.

Мне всегда было любопытно узнать, была ли она разочарована много лет спустя, когда ей представилась возможность лично оценить, насколько нудной является большая часть задач ставки.

В любом случае в результате я оказался в командной машине взвода, отрезанный от любопытствующих глаз и ушей, а Юрген возился с вокс-передатчиком и регулярно приносил мне чашки, полные танны. У меня было достаточно времени для того, чтобы не спеша выпить их, потому как Живану потребовалось не менее двадцати минут, чтобы отследить Эмберли по тем загадочным каналам связи, которые существовали между его кабинетом и разгуливающей по округе

инквизитором, но, после того, что показалось мне долгим ожиданием, в изображении гололита появилось ее лицо и вместе с нею — Лазура, который, очевидно, остановился в ее апартаментах, с тем чтобы в очередной раз провести ритуал обмена полным отсутствием информации.

— Эти материалы и правда весьма нам помогут, — в который раз произнес техножрец, бросая взгляд в сторону от визуализатора гололита, где, вероятно, появились пикт-изображения сервочерепов, которые я только что передал на его инфопланшет.

Лазур и Янбель внимательнейшим образом принялись изучать данные, обмениваясь замечаниями на своеобразном щебечущем языке своей касты.[67]

— Вы можете определить, откуда они взялись? — прямиком спросил я.

Лазур кивнул:

— Я могу предоставить вам всего лишь приблизительный ответ, конечно же, но, судя по конфигурации поточных

накопителей, об аппарате-наводчике можно сказать, что он был произведен на одном из миров-кузниц Гефеста примерно шесть или семь сотен лет назад. Мне удалось бы узнать много больше, если бы вам удалось захватить его неповрежденным.

— Постараюсь это учесть, если они снова на меня нападут, — отозвался я, и Лазур просто кивнул, похоже столь же нечувствительный к сарказму, сколь и мой помощник.

— Это было бы весьма полезно, — произнес он, — хотя я бы не стал расценивать подобное как весьма вероятное. Потерпев неудачу с сервочерепами, он, вероятно, в следующий раз попробует что-то еще.

— Кто попробует? — спросил я, изумленный тем, что получил нечто весьма похожее на прямой ответ.

Я сам себе напоминал крупа, который заприметил лакомый свежий труп.

Лазур поглядел настолько удивленно, насколько это вообще возможно, учитывая,

что в его распоряжении была лишь половина лица.

— Метей, конечно же, — сказал он, как будто это была самая очевидная вещь во всей Галактике. — Кто же еще, вы полагаете?

— О, даже и не знаю, — протянул я несколько раздраженно. — Культ Хаоса с невидимыми псайкерами? Гибриды генокрадов? Такое ощущение, что я болтаюсь по округе с нарисованной на спине мишенью с того самого момента, как прибыл на этот забытый Императором кусок скалы. Действительно, отчего бы и вашему шестереночнику-отступнику не встать в очередь?

— Возможно, он опасается, что мы слишком близко подошли к нему, — предположила Эмберли, — и, подобно всем остальным на этой планете, Метей мог поверить, что именно ты координируешь охоту за всяческими еретиками и предателями. — Она пожала плечами, и озорная улыбка чуть приподняла уголки ее губ. — Ну что же, это лишь демонстрирует тот факт, что не всему,

что читаешь в печатных листках, нужно верить.

Я воздержался от указания, по чьей конкретно вине каждый идиот, ведущий подрывную деятельность на Периметунде, оказался во власти этого заблуждения (что потребовало от меня усилия, мне самому показавшегося героическим), и просто кивнул.

— Он, должно быть, находится в настоящей панике, иначе не попытался бы подослать ко мне эти штуковины прямо в центр расположения полка, — сказал я. — Шансы незамеченными пробраться мимо нескольких сотен солдат изначально должны быть очень небольшими.

— Он, вероятно, не рассчитывал найти тебя именно там, — радостно заметила Эмберли. — Большинство пикт-сообщений показывают тебя в столице, посреди открытой местности, кроме того, гражданские ожидают, что комиссары будут находиться вместе с солдатами на передовой, где ты стал бы легкой мишенью для внезапного нападения. Метею просто не повезло, что тебе случилось оказаться в

столь надежно защищенном помещении, когда его маленькие посланники тебя нашли.

— Именно так, — согласился Лазур. — Они могли выискивать вас в течение многих дней. — Он указал на кусок чего-то металлического, сплавленного зарядом моего лазерного пистолета, в углу одного из пикт-изображений. — Если это не сканер генного кода, то я орк и готов поставить комплект аугметики с самого Марса на то, что он был настроен на вашу ДНК.

Я поежился, и не только оттого, что кондиционирование воздуха в передвижном командном пункте Суллы было настроено на вальхалльский манер. Мысль о том, что эти молчаливые убийцы дрейфовали в небесах Периметунды с единственным намерением уничтожить меня, изрядно подрывала присутствие духа.

— Полагаю, что возможности определить, откуда они были отправлены, нет? — спросил я, уже заранее зная ответ.

Янбель покачал головой:

— Совершенно никакой. Эти энергетические элементы могут

работать десятилетиями. Они могли быть запущены откуда угодно на планете.

— Великолепно, — сказал я, размышляя о том, что же еще может выползти из-под плинтуса, чтобы в меня пальнуть, прежде чем вся эта история закончится. С тиранидами, по крайней мере, все было просто: убивай или будь убитым. Я даже ощутил укол зависти к ничем не замутненному взгляду на мир лейтенанта Суллы. — Полагаю, вы все еще не имеете понятия о том, где Метей может скрываться?

— Мы сузили круг поисков, — заверила меня Эмберли.

Почему-то меня ее слова не обнадежили.

После этого беседа как-то быстро увяла, мы завершили сеанс, и я вылез наружу, намереваясь слегка проветрить голову, прогулявшись по посадочной площадке. Это выглядело достаточно безопасно, потому как мы находились слишком далеко от какого-либо достойного укрытия, из которого мог бы стрелять снайпер, а широко распахнутые небеса над

нашими отдыхающими транспортами, несомненно, не дали бы каким-либо летающим убийцам подобраться ко мне незамеченными.

Впрочем, едва я направился к погрузочному пандусу, как на моем пути возникла Сулла, и глаза ее сияли, будто у девчонки, которую позвал на жаркое свидание капитан скрамбольной команды Схолы. Дурное предчувствие поселилось у меня в животе, будто послевкусие от несвежей питательной плитки. Насколько свидетельствовал мой опыт, в такое возбуждение ее могла привести одна-единственная вещь — перспектива скорого сражения.

— Комиссар, поступило сообщение от полковника. — Она замялась. — Я бы доложила раньше, но, учитывая секретность ваших переговоров...

— Благодарю вас, лейтенант. — Мне пришлось важно кивнуть, в то время как последние солдаты охранения, которые стояли у подножия пандуса, побежали внутрь шаттла, стуча подошвами сапог по ячеистому металлу, и каждый из них

шарахнулся, пробегая мимо Юргена. — Ваша предупредительность делает вам честь.

Я снова вернул в ухо бусину вокса и услышал, как своим характерным холодным тоном Фарил подтверждает, что все его подчиненные на борту и они стартуют. Мгновения спустя палуба под ногами чуть накренилась и знакомое ощущение внизу живота подтвердило, что мы также поднялись в воздух. Челюсти Юргена страдальчески стиснулись, когда он увидел, как посадочное поле уходит вниз, но затем поднимающийся пандус закрыл головокружительный вид.

— Куда мы направляемся?

— Ацеральбатерра, — проинформировала меня Сулла.

Я уже где-то слышал это название и через мгновение сумел выудить из болота своей памяти контекст. Пилот челнока Эмберли упоминал его во время нашей небольшой, но полной событий прогулки на Окраину Ада. Я кивнул, как будто сразу же узнал его.

— Я так понимаю, что это близко к

экватору.

— Так точно, сэр. — Сулла с энтузиазмом кивнула. — Удивительное место по всем соображениям. Один из самых больших аграрных районов на планете, хотя находится слишком низко и в слишком жарких условиях, чтобы разводить обычные сельскохозяйственные растения. Похоже, там сплошные джунгли, которые растут с такой же скоростью, как катачанская трава, так что там бессмысленно пытаться расчищать поля.

— Так как они производят еду в таком случае? — спросил я, уже страшась возможного ответа.

Сулла пожала плечами:

— Разведением животных. Местные завезли туда тысячи зауроподов с Арихоузена, и они там у них на свободном выпасе, выедают растительность под корень, а ей хоть бы что. Некоторые зауроподы, говорят, размером с титан.

Ну, это было некоторым преувеличением. Я видел этих существ и ранее, и большинство из них едва дотягивали титану до колена, но, даже

учитывая эту поправку, само по себе это известие заставило мою кровь застыть в жилах.

Тиранидам нужна биомасса для увеличения армии, и они только что обнаружили очень ценный ее источник. Если Ацеральбатерра падет, то Перирегунда падет вместе с нею. Как оказалось, вместо того чтобы найти себе тихое убежище, я снова поставил себя перед фактом личного участия в решающей битве всей этой войны.

Глава девятнадцатая

Ацеральбатерра оказалась местом неприветливым, как и следовало из описания Суллы, и я покривил бы душой, если бы не признал, что внутренне содрогнулся, когда мы подлетели к ней, проходя быстро и довольно низко, чтобы избежать плотных облаков, состоящих сплошь из горгулий, стаями парящих возле окраин Конандойля — основного поселения на плато. В отличие от тех деревень, которые ранее подвергались нападениям тиранидов, Конандойль был достаточно крупным поселением, и, когда мы пронеслись над ним, я мог видеть по всему городу следы сражения, там, где хитиновые волны когтей и челюстей были отброшены упорным сопротивлением защитников. Или где все обороняющиеся,

несмотря ни на что, были сожраны подчистую.

— Там, — указал я широкую открытую площадь, на которую выходил фасад, украшенный аквилой, оставшийся от того, что когда-то, очевидно, было зданием Администратума этого злосчастного города.

Три другие стороны площади были окружены променадом с колоннадами, которые в более счастливые времена укрывали собой россыпь ярких ярмарочных палаток от почти непрекращающегося мелкого дождя.[68]

Наш пилот не испытывал радости от перспективы подобной посадки, но был довольно разумен и осознавал, что выбранный мною клочок земли находится достаточно далеко от основной части роя, чтобы челнок имел хоть какие-то шансы убраться отсюда прежде, чем коллективный разум улья осознает его присутствие как новую угрозу или источник питания и бросит свои силы на площадь.

Я, как нетрудно догадаться, использовал авторитет Комиссариата, чтобы устроиться в кабине на время полета, что давало мне двойное преимущество — возможность избежать общества Суллы и того эффекта, который путешествие по воздуху должно было оказать на физиологическое состояние Юргена. А еще мне представилась возможность оценить почти всю панораму плато, которое мы прибыли спасать, и составить о нем возможно более полное впечатление.

Как я уже успел отметить ранее, наш пилот, хоть и являлся всего лишь гражданским, которого призвали на службу в армии заодно с челноком, очевидно, все-таки обладал здравым смыслом, чтобы уже обучиться некоторым умениям, позволяющим ему и его пассажирам выжить. Конечно, ветеран Флота был бы намного искуснее, но и этот делал все, что от него зависело: подвел нас к плато ниже уровня вершины, а затем резко поднял вверх перед самым склоном в последнюю оставшуюся секунду. Я должен признать,

что даже привстал, наблюдая, как огромная каменная колонна вырисовывается все ближе и ближе, занимая передний обзорный иллюминатор, но затем, когда пилот задрал нос нашего судна и перевалил через самый край плато по элегантной параболе, ускорение внезапного подъема вдавило меня обратно в сиденье. Размышляя о том, какой эффект произвел этот маневр на слабый желудок моего помощника, и шепотом благодаря Императора за то, что не присутствую при подобных проявлениях, я кинул взгляд вниз, увидев, что мы теперь летим над самыми верхушками джунглей, не менее пышных, чем на самом Катачане.[69]

Мое первое впечатление, что буйная растительность простирается во всех направлениях, насколько хватает глаз, продержалось недолго. Несколько разбросанных там и тут селений разрывали гладкий ковер зелени под нами, и, вне сомнения, это были жилища тех закаленных душ, что перерабатывали

зауроподов, пасущихся на здешнем неисчерпаемом зеленом изобилии. Иногда показывалась дорога, будто ножом прочерченная среди зелени, но по большей части богатая растительность, казалось, все-таки властвовала над всем безраздельно.

К тому же, к моему изумлению, Сулла, оказывается, не слишком преувеличивала энергичность местной флоры. В некоторых местах шоссе, проложенные через джунгли, уже заросли подлеском, и я начал осознавать, что в нормальных обстоятельствах их расчистка должна была стать постоянной заботой для местных жителей. Одна из подобных уже перекрывающих дорогу рощиц, как оказалось, даже была окружена сервиторами, которые с усердием рубили и жгли вторгшуюся растительность, не имея понятия о том, что мир вокруг них изменился необратимо и усилия их по восстановлению привычного порядка совершенно напрасны.

Затем в одно мгновение ландшафт под нами поменялся совершенно. Огромные,

с зазубренными краями раны были пробиты в сплошном ковре растительности, и голая земля была видна там, где рои тиранидов вычистили ее, пробивая себе путь через когда-то зеленевшие джунгли, оставив за собой прямые как стрела следы, простиравшиеся от того места, где они забрались по отвесному склону, и направленные в сердце города. Гигантские кости показывали, что стадо зауроподов оказалось недостаточно быстрым, чтобы убраться с пути наступающих ксеносов, и уже на подлете к нашей цели мне довелось увидеть, как еще одно несчастное чудище пало под натиском копошащейся орды. Несмотря на свои огромные размеры, зауропод погиб в считаные секунды, поглощенный бесстрастной массой клыкастого хитина. Десятки тиранидов гибли под его массивными ногами и были размолоты в кашу его челюстями, которые могли бы перекусить пополам танк «Леман Русс», но гаунты взяли количеством, набросившись на него, и очень скоро гигантское существо полностью исчезло, оставив взгляду лишь

спазматически подергивающийся холм хитина, который, в свою очередь, также начал быстро уменьшаться.

— Кости Императора! — Лицо пилота было пепельно-серым. — Вы когда-нибудь видели подобное?

— Даже слишком часто, — отозвался я, не переставая выглядывать подходящую посадочную площадку. Вспомнив о своем призвании поддерживать боевой дух, а в основном просто для того, чтобы самому забыть об отвратительном зрелище, свидетелями которому мы только что стали, я улыбнулся пилоту самой ободряющей улыбкой. — Но у нас чуть больше стволов, чем у этих ящериц.

— Надеюсь.

Пилот, кажется, был уверен в значимости этого различия не больше, чем я сам, но снова вернул свое внимание к летным приборам, что уменьшило количество поводов для волнения на один.

Я принялся рассматривать приближающийся город чуть более внимательно, мысленно отмечая для себя все горячие точки и стараясь составить

общее представление о той битве, что вели его защитники.

Тираниды, очевидно, ударили по Конандойлю с одного направления, сломив сопротивление в пригородных кварталах, подобно необоримому цунами холодной злобы. Гарнизон СПО ответил тем, что выставил линию обороны на самом краю внешней жилой зоны, предоставляя гражданским время для того, чтобы укрыться в центре города, где те обрели бы разве что возможность быть съеденными в более престижном интерьере.

Казалось, надежды на эвакуацию этих выживших в обозримом будущем беспочвенны, — насколько я мог судить, все доступные воздушные транспортные средства были задействованы для доставки новых солдат на поле боя. Впрочем, импровизированная линия обороны все-таки продержалась некоторое время, прежде чем солдаты СПО снова отступили, чтобы присоединиться ко второй линии укреплений, которые были наскоро построены теми подкреплениями,

что продолжали прибывать, то есть дополнительным контингентом СПО с ближайших плато.

Ко времени нашего прибытия трачный хоровод успел сделать еще один круг, и выжившие местные воинские единицы, набранные с полудюжины разбросанных в округе плато, сплотились на третьем и четвертом периметрах обороны, которые теперь прикрывали не более двух третей осажденного поселения.[70]

Уловив из обрывочного обмена вокс-сообщениями, что большая часть выживших гражданских согнана в храм — видимо, в надежде, что Император за ними присмотрит, пока все остальные слишком заняты, — я сосредоточил основное внимание на области, находящейся на равном удалении и от этого здания, и от линии обороны, продолжая поиски подходящего места для посадки (ведь если бы тираниды прорвались, они направились бы прямиком к храму с бесхитростной решимостью

Юргена, который углядел фуршетный стол, что, как я надеялся, предоставило бы нам шанс ударить им во фланг).

Обнаружив площадь, принадлежавшую когда-то местной администрации, я направил пилота к ней, после чего покинул кабину, намереваясь забрать Юргена и вскарабкаться на борт нашей «Саламандры». Меня несколько поздновато посетила мысль, что, будучи последней из машин, загрузившихся на борт челнока, наш маленький, но крепкий разведывательный агрегат оказался прямо перед люком, тем самым отрезав кому-либо еще возможность покинуть погрузочный пандус прежде, чем это сделаем мы. Как вы можете понять, с моей точки зрения, такое положение было очень далеко от идеального расклада. Но поделать с этим уже ничего было нельзя (я, по крайней мере, сделал все от меня зависящее, чтобы высадиться как можно дальше от тиранидов), так что теперь мне оставалось лишь обратить ситуацию максимально себе на пользу.

Именно так мы и поступили. Юрген

вывел машину по металлическому склону, мне же оставалось лишь как можно крепче держаться за смонтированный на турели тяжелый болтер, который я всегда предпочитаю видеть установленным на моем персональном транспорте, дабы иметь возможность делать вид, что веду всех в бой в первых рядах. В то же время эта небольшая страховка делала меня готовым к любым неприятностям.[71] Командная «Химера» Суллы последовала за нами, а остальные несущие транспортные машины выстроились за ней, заполняя собой открытое пространство площади, выложенное затейливым рисунком из разноцветных плиток, до того как посадочные двигатели шаттла и гусеницы наших броневиков превратили изразцы в пыль.

— Четвертый отряд, за мной!

Голос Суллы в воксе был четким, а приказы такими же лаконичными, как и всегда, когда ей доводилось командовать развертыванием войск, и на секунду я задумался о том, не стоило ли мне все-

таки найти местечко в ее «Химере». Тогда бы у меня была возможность воспользоваться системами вокса и ауспиками на ее борту, чтобы следить за всеми перипетиями сражения и сделать мои шансы выжить максимальными. К тому же меня окружала бы со всех сторон броневая плита; «Саламандра» же не имела верха, что делало ее по сравнению с «Химерой» неуютно открытой. С другой стороны, наша маленькая, но крепкая машинка была быстрее и поворотливее любой другой, находившейся в распоряжении полка, и мне уже удавалось убегать от роя тиранидов на такой технике (хотя в тот раз, в отличие от нынешнего, мне было куда бежать), да и прилепиться к экрану ауспика лично означало бы, что придется всю битву провести в одной маленькой металлической коробочке с Суллой. Короче, испытывать судьбу в открытой разведывательной «Саламандре» показалось мне в целом более разумным. Пока я размышлял так, лейтенант продолжала отдавать приказы:

— Первый и второй, занять левый фланг! Третий и пятый — правый!

Хор голосов подтвердил получение приказа и эхом отозвался в моем воксе. Я перегнулся через переборку водительского отделения, повышая голос, чтобы меня было слышно сквозь рев нашего мотора и вой синтез-реактивных двигателей челнока, который как раз в этот момент поднимался над нашими головами и круто забирал в том направлении, с которого мы прибыли.

— Держись ближе к лейтенанту, — сказал я Юргену, и он только один раз кивнул, мягко ускоряясь, чтобы пристроиться на свободное место рядом с командной «Химерой».

Коли уж приходится рассчитывать на Суллу, а главное — предстоит как-то убедить ее держать меня и всех нас подальше от челюстей тиранидов, мне нужна была возможность приглядывать за лейтенантом, чтобы не позволить ей выкинуть какой-нибудь необдуманный фортель. Быстрый обмен сообщениями по воксу указал мне, что Фарил также

высадился и уже встретил небольшое сопротивление врага в попытке соединиться с частями СПО, на подкрепление которым мы и были присланы.

— Впрочем, ничего такого, с чем мы не могли бы справиться, — живо проинформировал он нас, — просто парочка гаунтов. Наши тяжелые болтеры хорошо их перемалывают.

— Рад слышать, — откликнулся я.

Инфопланшет, который мне пришло в голову захватить с Хоарфелла, легонько стукнулся о мои колени, когда Юрген повел машину через разделительный центральный островок перекрестка с кольцевым движением, и у меня родилась запоздалая идея: все-таки я не останусь без доступа к тактической информации лишь потому, что не нахожусь внутри командной машины. Я выудил из кармана переносной вычислитель, открыл стандартный гвардейский защитный чехол и пробормотал молитву об активации, нажимая нужные кнопки. Давненько мне не приходилось

самостоятельно присоединять планшет к местной сети обмена данными: я уж слишком привык скидывать подобное дело на кого-нибудь из полковых технопровидцев. К счастью, память меня не подвела, и через мгновение именно то, что я надеялся увидеть, обозначилось на миниатюрном пикт-экране.

— Сулла, может ваш вокс-оп[72] загрузить на мой планшет изображение тактической ситуации?

— Конечно, комиссар, — прозвенел ее энергичный голос, и через мгновение детальный план города с наложенными поверх него движущимися значками, показывающими расположение наших сил, а также неясной, не имеющей четких границ массой тиранидов появился на экране.

Я с удовлетворением отметил, что Фарил, кажется, уже соединился с тем, что оставалось от левого фланга сил СПО, и, как результат, наступление тиранидов там, судя по всему, замерло, в то время как центр и так держался

молодцом. Надо сказать, что наши силы, кажется, даже наступали, что было сюрпризом не только приятным, но и удивительным, учитывая, что там сражалось всего лишь местное ополчение. Опознав значок командного подразделения, я указал Сулле на необходимость соединиться с ними.

— Отличная идея, — произнесла она, видимо находясь под влиянием некой иллюзии, что я озабочен ее мнением по этому вопросу. — Если мы зайдем с их правого фланга, то сможем расширить клин наступления. Иначе они окажутся отрезанными, если продолжат наступать в таком же темпе, не закрепляясь на позициях.

— Вы правы, — произнес я, взяв изображение интересующего меня участка линии фронта крупным планом, чтобы разглядеть происходящее подробнее.

И правда, располагая изначально более крупным, детализованным изображением переносного гололита в командной машине, Сулла сумела заметить то, что в уменьшенном

варианте на переносном дисплее было для меня гораздо менее очевидным.

То подразделение, что наступало впереди нас (кем бы они ни были), продвигалось вперед, безрассудно не обращая внимания на собственную безопасность, вбивая клин все глубже и глубже в плотную массу тиранидов. Если за наступающими не последуют отряды на флангах и не начнут также продвигаться вперед, тираниды будут вполне способны окружить их. Еще более важным было то, что часть роя получала возможность ринуться в обратную сторону, прорываясь через ту дыру наших оборонительных порядков, которую оставили эти горячие головы. Это причинило бы Императору знает сколько ущерба, пока следующая группа прибывающих гвардейцев не зачистит этот беспорядок (это если предположить, что кто-то вообще сможет исправить положение, после того как наша линия обороны окажется прорвана).

— Следуйте за ними и укрепляйте оборону, а я попробую взять этих фрагоголовых под уздцы, пока они не

пригласили к нам тиранидов на танну и пирожки из флорна.

— Можете на нас рассчитывать, комиссар, — заверила меня Сулла, радуясь возможности во что-нибудь пострелять, и принялась раздавать приказы подчиненным: — Тренировки все проходили. Продвигайтесь вперед под прикрытием «Химер», используйте все возможные укрытия и прикрывайте друг другу спину. Сосредоточьте огонь на самых больших тварях, как только появится возможность, но и не позволяйте маленьким подобраться слишком близко, особенно если это генокрады. Тяжелое вооружение сосредоточить на крупняке, стараться разбить строй врага.

— Также не выдвигайтесь слишком далеко, — добавил я. — Если эти безответственные идиоты излишне вырвутся вперед, просто бросайте их полоскаться на ветру, а сами отступайте и держите оборону. Наша первейшая задача — защитить гражданских.

Не говоря уже о моей нежной шкуре, но об этом нетактично было заявить по

сети, да и, как я убедился на собственном опыте, единственное, что вообще могло удержать Суллу на коротком поводке, — это воззвать к ее гипертрофированному чувству долга.

— Ясно, — четко отозвалась она и принялась давать более детальные указания командующим отдельными отрядами.

К этому времени мы уже приблизились к фронту, и окружающий ландшафт демонстрировал жуткие следы разрушений, а плотный от влажности воздух доносил отголоски смертельной битвы, запахи дыма и сожженной плоти. Для вальхалльцев условия являлись в высшей степени некомфортными, но я знал их достаточно хорошо, чтобы быть уверенным, что они будут сражаться с одинаковой эффективностью как здесь, так и в любом другом месте. Исключение составляли ледяные поля, где никто и ничто в принципе не могло сравниться с ними.

Юрген притормозил, объезжая

круглую лужу чего-то вязкого и зеленоватого, отвратительно вонявшего и, кажется, растворившего часть дорожного покрытия. Я заметил в середине несколько металлических предметов, которые подозрительно напоминали остатки лазерных ружей, со слабым шипением погружавшихся в вязкую субстанцию. Другие пятна биокислоты разъедали фасады нескольких окружающих зданий, и я выдохнул краткие слова благодарности Императору за то, что какая бы тварь их не изрыгнула, она, кажется, давно исчезла отсюда.

Предоставив Сулле продолжать движение вперед, я заметил горстку солдат СПО в форме более тусклых цветов, чем та, которой отдавало предпочтение большинство местных подразделений.[73] Я решил переговорить с их командиром и получить современную оценку текущей ситуации.

Тактические дисплеи — это, конечно, хорошо, но, если по-настоящему хочешь знать, что же происходит на острие

битвы, лучше спросить у самих солдат. Те солдаты, возле которых Юрген резко затормозил в обычной для себя энергичной манере, подняв облако перемолотого гусеницами дорожного покрытия, повернули ко мне изможденные лица, когда я спрыгнул с «Саламандры», приветствуя их.

— Комиссар Каин, — представился я, повышая голос, как сделал бы это на плацу, однако ровно настолько, чтобы привлечь внимание ближайшего солдата, но без нужды не настраивать его против себя. У него к воротничку темно-синей формы были пришпилены капральские нашивки, что было единственным знаком различия, который я сумел обнаружить. Темно-серая легкая броня на его груди носила зарубки от когтей генокрадов, которые спутать с чем-либо иным было невозможно. — Приписан к Пятьсот девяносто седьмому Вальхалльскому.

Спустя секунду что-то похожее на узнавание мелькнуло в его глазах.

— Я видел вас на пиктах, — медленно произнес он.

Поза его приобрела чуть больше выправки, и он кинул взгляд на потрепанную горстку бойцов, окружавших его. Невредимых среди них не было, каждого украшали незначительные, но разнообразные ранения, в основном укусы, порезы от когтей или шипов, а также в паре случаев тепловые ожоги, которые наводили на мысль о близких разрывах биоплазменных зарядов. Затем капрал обратился к ним:

— Подтянитесь и держите себя как солдаты, а то вами только галюны чистить.

Вместо того чтобы отдать, как я ожидал, честь, он осенил себя знамением аквилы, и почти все остальные последовали его примеру, попытавшись изобразить то, что очень отдаленно приближалось к стойке смирно.

— Мы рады видеть вас, сэр!

— Вольно! — произнес я, включая то обаяние, которое обычно мне столь хорошо помогало. — Если кто-то и заслужил право немного расслабиться, так это, определенно, те герои, что перенесли

столь многое, дабы защитить этот город.

— Мы сможем позволить себе отдых, лишь когда эти исчадия исчезнут, — ответил капрал, как мне показалось несколько косо на меня поглядывая. Но с другой стороны, учитывая, через что им, очевидно, пришлось пройти за последние несколько часов, было бы не слишком удивительно, что шарики у него слегка заходили за ролики. — Мы просто перегруппировываемся перед тем, как последовать за основным наступлением.

— Ваше рвение делает вам честь, — сказал я, одобрительно кивая и проводя мысленно очень быстрый анализ ситуации. Если потери, понесенные его подразделением, были такими, как следовало ожидать, у него осталось не более нескольких десятков боеспособных человек, и это в лучшем случае. К тому же при их истощении им было бы трудно и надоедливых бабочек прогнать, не говоря уже о тиранидах, которые сейчас разрывали на кусочки все живое, что только есть на этом плато. — Но Гвардия прибыла на поле боя. Позвольте нам

пополнить оборону, пока вы восстанавливаете силы.

Таким образом, хотя бы некоторые из них, возможно, будут в достаточно приличной форме, чтобы снова вступить в бой, — если мои худшие страхи осуществятся и те, кто ведет сейчас самоубийственное наступление в самое сердце вражеских рядов, не сумеет прыгнуть выше головы и позволит тиранидам проникнуть вглубь нашей обороны.

К моему удивлению, капрал покачал головой и лицо его приобрело выражение тихой решимости.

— Мы не можем так поступить, сэр. Нашей священной обязанностью является следовать за Сестрами туда, куда они поведут.

— О...

Наконец-то я заметил, что у каждого из этих солдат были или четки, или геральдические лилии, или изображения Императора. Не то чтобы это было совершенно необычно, конечно же, но теперь я сознательно отметил этот

факт и то, что предметы эти были куда более многочисленны и выставлены напоказ гораздо сильнее. — Вы с Гаваррона.

— Вы правы. — Капрал кивнул.

Отметив для себя, что спорить с кучей религиозных фанатиков бесполезно и что, если им приспичило выбросить свои жизни в помойку, то, по крайней мере, они могут отвлечь на себя тиранидов, пока вальхалльцы будут наносить орде реальный урон, я просто отошел с их дороги.

— Тогда, конечно же, поступайте так, как диктует вам ваше чувство долга, — сказал я, осеняя себя знамением аквилы, пока произносил эти слова (и, должен добавить, сохраняя на удивление честное лицо). — Император защищает.

— И да хранит Он вас! — хором отозвались бойцы, так, во имя Галактики, будто подхватывали песнопение в какой-нибудь тихой пригородной церквушке.

Затем они отвернулись от меня и, спотыкаясь, побрели вслед нашим «Химерам».

Я забрался на борт «Саламандры»,

ощущая, что безотлагательность ситуации приобрела совершенно новый оттенок. Причина, которая привела к безумному наступлению прямо в глотку врага, стала теперь мне абсолютно ясна. Эглантина и ведомые ею затворницы не остановятся, пока не будут разорваны на куски, вне сомнения полагая при этом, что каждый отвоеванный шаг является личной милостью от Него, сущего на Земле. Они абсолютно не имели понятия о далеко идущих последствиях своих действий. Удивившись, отчего Живан сразу не отмел идею послать их в бой, я сразу же осознал свою ошибку. Разумеется, лорд-генерал и не думал поступать подобным образом, просто каноница сама решила отправить отряд-другой Сестер Битвы для сопровождения Гаварронских СПО, которые запросил лорд-генерал. В любом случае причина, по которой они здесь находились, совершенно не имела значения. Единственное, что оставалось важным, — отозвать их назад, и быстро, прежде чем их направленный совершенно не в то русло фанатизм станет приговором для всех

нас.

Глава двадцатая

Одно хорошо: Сестер было легко найти. Требовалось лишь держать курс в сторону самого плотного скопления тиранидов на всем плато, и, конечно же, когда Юрген круто завернул за очередной угол, оставшийся от того, что, наверное, когда-то было модным торговым пассажем, они там как раз с энтузиазмом врезались в плотное скопление наваливающихся на них хормагаунтов, и похожие на косы когти производили мало впечатления на женщин в сверкающих силовых доспехах. Сестры, конечно, тоже понесли некоторые потери, и две уже навзничь лежали в грязи — и им не помог бы уже и сам Император, не говоря уже о смертных медиках, — но чокнутое Сестринство, кажется, оставалось

настолько же равнодушным к своим потерям, как тиранидам — к своим, и, надо сказать, весьма внушительное число хитиновых тушек было разбросано по округе. Среди них большое количество гаунтов, что не особенно удивительно, но также несколько варриоров и карнифекс, что, вероятно, и было причиной достигнутых поразительных успехов. Благодаря удаче либо расчету (почти наверняка первому, хотя я не сомневаюсь, что Сестры объявили бы это направляющей их дланью Императора) они, кажется, вырезали все формы, которые могли быть координаторами коллективного сознания роя, что оставило, по сути, лишь безмозглых трутней, которые медленно отступали перед лицом фанатичного натиска Сестер, — но это лишь до тех пор, пока что-нибудь башковитое не появится в зоне досягаемости и не возьмет ситуацию под контроль. Что должно произойти очень скоро. Как кровь сворачивается в ране, не осознавая этого, так рой скоро закроет ту брешь, что возникла в управлении.

Когда это случится, дела обернутся самым неприятным образом, и за считаные минуты, потому как вся орда целиком подчинится новому стремлению и начнет действовать как единое целое. Несмотря на это, кажется, дела обстояли не настолько отчаянно, как я опасался. У меня еще было немного времени для того, чтобы вмешаться, прежде чем Сестры внезапно окажутся перед лицом вражеской атаки на фланг. Быстрый взгляд на планшет заверил меня в том, что Сулла как раз укрепляла наши фланги, так что, если бы произошло самое худшее, мы, по крайней мере, удерживали бы копошащуюся орду до прибытия подкреплений, хотя это слабое утешение на случай, если к тому времени сам я стану не более чем причиной тиранидного несварения, — так что я, для пущего спокойствия, постарался крепко запомнить самые быстрые пути отступления к нашим оборонительным линиям.

— Мы занимаем позиции по краям от выступа, — доложила лейтенант через мгновение, и звук ее голоса в моем воксе

был необычно приятен. — Нужно ли нам выступить вперед и поддержать вас?

Конечно же, я не желал бы ничего иного, особенно учитывая, что, прежде чем дать ответ, мне пришлось расстрелять стаю горгулий, которые заметили нас и сочли легкой добычей. Но если бы гвардейцы поступили именно так, дела могли с легкостью обернуться весьма дурно, и это несмотря даже на тот уют, который обеспечили бы мне отряд-другой тяжеловооруженных солдат. Но если придется в спешке спасаться отсюда, мне хотелось бы, чтобы оставалось место, куда бежать, а еще лучше, чтобы там находился хорошо окопавшийся взвод, способный предоставить мне соответствующее огневое прикрытие, а не добавить свои окровавленные куски к моим.

— Лучше окапывайтесь и крепите оборону, — отозвался я. Не берусь оценить, кто при этих словах ощутил больший упадок духа — я или лейтенант. — У вас будет еще возможность поохотиться на жуков, и довольно скоро.

Я сделал паузу, затем меня вдруг осенила идея:

— Где-то у нас в тылу бродят выжившие из СПО и собираются последовать за этими святыми психопатками в прорыв. Если сумеете, сделайте так, чтобы они не пошли дальше вас, и постарайтесь заставить их окопаться как нормальных солдат. Судя по тому, что я видел, они не будут серьезной поддержкой, но и позволять им разбрасываться своими жизнями толку нет, — по крайней мере, они могут в кого-нибудь пострелять из укрытия.

Позже выяснилось, что с моей стороны посоветовать такое было огромной ошибкой.

— Есть, сэр, — заверила меня Сулла, и я снова обратил свое внимание на насущную проблему.

Юрген выехал на площадь, где все еще работал фонтан, демонстрируя совершенно дикую картину: обширная чаша запружена телами генокрадов и останками одной из Сестер Битвы, которая, если судить по тому, как далеко

ее разбросало, взорвала весь свой запас фраг-гранат в тот момент, когда враги все-таки смяли ее сопротивление. После гибели бедной девушки битва прокатилась дальше и теперь, похоже, сосредоточилась на дальнем краю площади, там, где три узкие улицы вливались в широкое открытое пространство, по одной на каждом углу и одна ровно между ними. Я кинул взгляд окрест и содрогнулся от дурного предчувствия. Как было понятно с первого взгляда, подобный расклад повторялся с каждой стороны площади, таким образом складываясь в восемь потенциальных направлений, с которых следовало ожидать нападения, — и, совершенно предсказуемым образом, Сестры всем гуртом навалились на те три, где углядели врага, совершенно не обращая внимания на вероятность его захода им в тыл.

— Где командир? — спросил Юрген, и я осмотрел одну за другой разгоряченные группки воительниц в силовой броне, выискивая ту, что руководила всем этим погромом. Всю жизнь я старался,

насколько это было возможно, держать дистанцию с воинствующей ветвью Экклезиархии, и те встречи, которых я не смог избежать, касались Ордена Мажорис, так что знаки воинского отличия Ордена Белой Розы для меня оставались совершенно неизвестными.

Все Сестры были в такой же сверкающей серебром броне, которая была на Эглантине, — с черными или темно-синими стихарями, отмеченными символом их Ордена; все палили из болтеров или испепеляли гаунтов шипящими огнеметами — по оружию я тоже ничего не смог определить. Впрочем, отряд в самом центре, кажется, был немного меньше по численности, чем остальные, и действия воительниц, казалось, были чуть лучше скоординированы и более дисциплинированны, что выдавало в них ветеранов, так что, решив для себя, что наиболее опытный воин на поле боя и должен командовать, я приказал Юргену поторапливаться в этом направлении.

— Прибыли два отряда СПО, —

сообщила мне Сулла, как раз когда Юрген повел нашу «Саламандру» напролом через груды строительного мусора. Гусеницы «Саламандры» крушили тела мертвых тиранидов, и я осознал, что невольно восхищаюсь безусловной воинской доблестью Сестер Битвы, но это не отменяло того факта, что их прямолинейное рвение вот-вот поставит нас всех на волосок от смертного приговора. — Но они не слишком внемлют нашим приказам.

— Тогда действуйте по ситуации, — сказал я, потому как больше не мог терять времени.

Битва теперь стала гораздо ближе, и мы начали привлекать собой внимание все большего числа тиранидов. Сулла произнесла «конец связи», и, к своему невероятному облегчению, я тут же поймал другой источник сигнала.[74]

— Говорит комиссар Кайафас Каин, — незамедлительно передал я, быстро разворачивая болтер, дабы уничтожить стаю хормагаунтов, которые

перепрыгнули через головы Сестер на их левом фланге и теперь направлялись ко мне с самыми недобрыми намерениями. Я с содроганием отметил, как внезапно вернулась к ним слаженность действий. Очевидно, по меньшей мере одна тварь с синапсами уже вошла в зону досягаемости, и направление, в котором двигались тираниды, должно было вот-вот смениться, возможно в течение каких-то секунд. — Выходите из боя и отступайте!

Командир отряда, которая теперь, когда мы подобрались достаточно близко, чтобы можно было отличить одну психованную, распевающую псалмы воительницу от другой, явно выделялась тем, что была вооружена цепным мечом и болт-пистолетом, обернулась и кинула взгляд в мою сторону. Подобно почти всем Сестрам, она пренебрегала шлемом, несмотря на очевидную глупость подобного поведения,[75] и потому ее узкое лицо было мне хорошо видно, в обрамлении той безвкусной прически, характерной для большинства женщин ее призвания.

Темные глаза воззрились на меня из-под прямо обрезанной вороной челки, которая не скрывала геральдические лилии, вытатуированные на челе. Помимо лилий, чело было украшено изрядным количеством прыщей.

Тонкие губы ее неодобрительно сжались.

— Мы служим Его Благословенному Величеству! — огрызнулась она. — Ваша власть на нас не распространяется. Пойдите и пристрелите пару-другую отлынивающих гвардейцев, как вам и положено, и дайте нам спокойно выполнять нашу священную обязанность.

— Вас вот-вот раздавят, — отозвался я. — Позволить себя разорвать вряд ли будет хорошей помощью Императору, не так ли?

— Наши судьбы лишь в Его руках, и ничьих более, — отозвалась она, отворачиваясь, чтобы выпустить кишки гаунту, который лишь мгновение назад выпустил заряд телоточцев в упор по одной из Сестер.

Несчастная женщина завизжала,

когда живые патроны за доли секунды сжевали без следа большую часть ее лица и начали закапываться куда-то под броню, дабы отыскать какой-нибудь жизненно важный орган, что случилось милосердно быстро, — то, что осталось от воительницы, спазматически дернувшись, рухнуло на землю. Я ожидал было, что Сестры каким-то образом отреагируют на происшедшее, но жуткая кончина их соратницы, кажется, лишь заставила их еще больше утвердиться в своем намерении сражаться до смерти.

Ну что же, фраг с ними, подумал я, наводя болтер на цель, которую на этот раз представляла группа чистокровных генокрадов, появившихся в одной из замеченных мною ранее аллей, выходящих на площадь. Пора было сматывать удочки. Но я решил попробовать еще разок.

— Если вы не отступите сейчас, вы не только погибнете зря, но также пропустите рой в ту дыру, которую оставили позади в нашей обороне, — произнес я, хотя, сказать по правде, был уверен, что даже у тиранидов мои слова

встретят больше понимания. — Затем внезапно меня осенило. — И как только это произойдет, — продолжил я свою мысль, — они направятся прямиком к храму, где убьют всех до единого гражданских, которые нашли там убежище и в данный момент молятся Императору о спасении. Если действительно хотите предстать перед Золотым Троном, позволив произойти подобному осквернению, когда прекрасно могли бы предотвратить его... Ладно, это ваши отношения с Ним, сущим на Земле. — Я повернулся к своему помощнику: — Уводи нас отсюда, Юрген. Мы сделали что могли.

— Ваша правда, комиссар, — согласился он столь же флегматично, как обычно, и крутанул нашу быструю маленькую машинку, устремляясь обратно по собственным следам.

Оглянувшись на происходящее теперь у нас за спиной, я почувствовал, как внутренности мои свело судорогой. Худшие опасения становились реальностью. Настоящая лавина хитина выливалась на площадь из боковых улиц, и

ты оказались почти отрезаны от пути к безопасности.

Оставив Сестер заботиться о спасении, если они того пожелают, я пригнулся так низко, как только мог, продолжая поливать огнем закрепленного на пилоне орудия все, что, как мне казалось, подбиралось излишне близко, отчаянно выискивая более крупных созданий, которые должны были сообщать этой массе копошащегося непотребства направление и цель. Я срезал одного из варриоров, который уже наставил на нас свою пушку, плюющуюся смертью, но, уже падая, он все-таки выстрелил, забрызгав корпус нашей «Саламандры» каплями дурно пахнущей биокислоты, в то время как заряд телоточцев размазался по нашей броне. Несколько случайных капель принялись проедать мою шинель, но, к счастью, мне удалось скинуть ее быстрее, чем они сумели проникнуть через плотную ткань, и я остро пожалел о том, что не додумался надеть под нее свою драгоценную панцирную броню с Гравалакса.

— Юрген, огнемет! — приказал я, и мой помощник расчистил нам путь струей полыхающего прометия; на наше счастье, обратным током воздуха, устремившегося в сторону пламени, в него затянуло еще одного варриора вместе с теми гаунтами, которых он направлял. Тварь упала, визжа и полыхая, и мгновение спустя наша «Саламандра» качнулась, поскольку отвратительная тварь наконец нашла покой под ее гусеницами. Я пригнулся, когда еще одна стая горгулий пронеслась низко над нашими головами, и весь сжался в ожидании смертоносного дождя из жуков-телоточцев, но, кажется, у них была на примете другая цель, вне сомнения, потому, что сознание тиранидов посчитало, что между нами и укрытием все равно достаточно хитина, чтобы мы стали не особенно сложной добычей. С этим трудно было не согласиться. Горгульи принялись кружить над одним из отрядов Сестер Битвы, проносясь над ними на бреющем полете, а затем почти лениво ударяя крыльями, чтобы набрать высоту для еще одного захода. Две

женщины упали, в то время как остальные открыли ответный огонь из своих болтеров, сбив несколько чудовищ. Те целестинки, с которыми я пообщался, по крайней мере, пытались пробиться назад, но меня не оставляло ужасающее подозрение, что они слишком поздно попытались выйти из боя. Это было со всей определенностью верно для их соратниц на правом фланге, которые угодили в клубок шипастых лоз-душителей. Одной из Сестер удалось воспользоваться огнеметом, чтобы прожечь себе путь на свободу, но для ее спутниц все уже было кончено, потому как странные, покрытые колючками побеги проросли прямо сквозь не прикрытую броней плоть. Отчего Сестры не дали себе труда надеть шлемы в дополнение к своим силовым доспехам, было моему пониманию совершенно недоступно.[76]

— Сулла, — передал я по воксу, стараясь, чтобы паника не пробивалась в моем голосе, — мы на подходе, идем по горячему. Тираниды прорвались.

— Подтверждаю. — Голос ее звучал

настолько спокойно, что провоцировал подлинное бешенство, хотя, если уж на то пошло, я отлично знал, что она прилагает усилий не меньше моего, для того чтобы создавать подобное впечатление. — Прикроем вас, как только вы окажетесь на огневой дистанции.

— Счастлив слышать! — отозвался я, чуть повышая голос, чтобы перекричать треск установленного на корпусе нашей машины тяжелого болтера, который Юрген использовал в паре с огнеметом, дабы расчистить дорогу впереди. Я снова развернул болтер на турели, в полной мере используя его возможность бить по площадям, для того чтобы не дать тварям вцепиться нам в спину. Штатное вооружение «Саламандры» позволяло вести огонь только по ходу движения (и надо добавить, что я не в первый раз благословил свою предусмотрительность, которая заставила меня установить именно такое дополнительное орудие). — Есть какие-то соображения, когда этот счастливый момент настанет?

— Теперь уже вот-вот, — заверила

теня Сулла, что теня несколько приободрило. — Четвертый отряд поддержит ваш отход. — Она сделала паузу. — Также с ними хочет выйти местный сброд. Сколько уж ни есть от них толку — весь ваш.

Не много, а если они в таком же состоянии, как те, которых мы встретили ранее... Но любая малость могла нам помочь, и даже если гаварронцы просто послужат приманкой для тиранидов — это хотя бы отвлечет тварей на секунду-другую, чтобы мы могли прорваться.

— Комиссар, — доложил Юрген, — на два часа, очень большой.

Я повернул болтер, куда он указывал, с колотящимся, будто молот, сердцем. И правда, как раз в зоне досягаемости нашего главного калибра вырисовывался силуэт тирана улья, чью массивную фигуру нельзя было спутать ни с какой другой, и его ядовитая пушка как раз нацелилась в нашу сторону. Мне удалось рефлекторно нырнуть за бронированный борт, что окружал меня, за мгновение до того, как смертоносный дождь ядовитых зарядов

заколотил по нему, и после этого почти сразу же я снова распрямился, хватаясь за болтер прежде, чем тварь успеет еще раз выстрелить. Мне удалось пробить ряд отверстий поперек груди тирана, и тварь покачнулась, но устояла на ногах, визжа подобно навечно проклятому еретику.

— Держитесь, комиссар! — вклинился в переговоры новый голос. — Мы на подходе!

С острой вспышкой облегчения я узнал сержанта Грифен, чья храбрость и опытность заслужили мое полное доверие, потому как именно вместе с нею мы прошли насквозь гробницу некронов на Симиа Орихалке. Конечно же, она по ходу дела потеряла большую часть своего отряда, но мне не хотелось вменять ей это в вину, и к тому же меня она вывела целым и невредимым, а что может быть лучше?

— Рад, что вы пробрались к нам, — сказал я, осознавая, что должен поддерживать у них определенное представление о себе, и постарался снова выцелить тирана.

Если бы только удалось свалить его,

подумалось мне, этого могло оказаться достаточно, чтобы расстроить деятельность роя на достаточно долгое время, чтобы я успел убраться в безопасное место. Надежда на это была довольно слабой, потому как в настоящий момент в зоне досягаемости уже должны были появиться и другие тираниды-синапсы, но когда ничего больше не остается, то я нахожу даже слабую надежду весьма заманчивой.

Верещание возвышающейся теперь над нами чудовищной туши усилилось, и, предупрежденный подобным образом, я снова нырнул за броню как раз в тот момент, когда тварь выплюнула шар биоплазмы в мою сторону, одновременно кидаясь в атаку и нанося удары когтями. Толстая металлическая плита, защищавшая меня до сего момента, разъехалась, подобно бумажной салфетке, и даже наша стремительная «Саламандра» замедлила движение, я же отчаянно откатился, стараясь избежать тянущихся ко мне лезвий. Добираться до тяжелого вооружения было уже некогда, и

даже если бы я успел навести дуло на вздыбившееся чудовище, меня бы это не спасло. Так что я вытащил цепной меч, ударив совершенно рефлекторно, и был вознагражден потоком вонючей сукровицы, когда лезвие глубоко зарылось во врага. Существо зарычало от ярости и снова нанесло удар, который я отразил инстинктивно, еще раз рубанув поперек грудного сегмента, расширяя те раны, что были ранее нанесены моим болтером.

— Я им займусь, — произнес Юрген, невозмутимый, как всегда, поворачиваясь на своем сиденье.

Пока он произносил эти слова, мне как-то удалось краем глаза отметить мелту в его руках, когда ослепительная белая вспышка ее выстрела и запах горелого мяса полностью отрубили чувства. Тварь отшатнулась назад, а наша побитая, но непреклонная «Саламандра» отпрыгнула от раненого колосса.

— Хорошо сработано, — похвалил я своего помощника, хотя дышать мог при этом разве что урывками и на ноги вставал несколько неуверенно.

Даже если не принимать во внимание манеру вождения моего помощника, которая по понятным причинам была еще более дерганой, чем обычно, я определенно испытывал переизбыток неприятных ощущений. Юрген улыбнулся, демонстрируя состояние зубов, от которых отшатнулся бы и орк, и вернулся к управлению «Саламандрой». К моему глубочайшему огорчению, мне пришлось признать, что болтер пришел в совершенную негодность. Он был расплавлен и переклинен плазменным зарядом и уже ни на что не годился, так что я просто вынул лазерный пистолет и принялся стрелять по всякой мелочи, которая ошивалась поблизости, не ожидая, впрочем, никакого положительного результата этой деятельности.

— Держитесь, комиссар, — передала по воксу Грифен, и я наконец увидел «Химеру» четвертого отряда в проеме между рестораном и магазином одежды, витринные манекены которого продолжали наблюдать за сражением с элегантной небрежностью. Хотя одному

какой-то шальной снаряд все же оторвал голову. Впрочем, его, одетого в пару квадратных сантиметров прозрачной ткани и несколько веревочек, видеть без головы было даже утешительно.

Юрген снова включил огнемет, прожигая путь в плотной массе гаунтов, и мы оба пригнулись так низко, как только могли, когда телоточцы затрещали по броне, подобно смертоносному граду.

Раздавив каблуками сапог парочку этих чудовищных тварей, которые упали рядом со мной, я рискнул выглянуть за броню как раз вовремя, чтобы увидеть, как заговорило вооружение «Химеры», разорвав на куски подраненного тирана, — тот продолжал все это время упрямо преследовать нас, несмотря на то что мы далеко от него оторвались.

— Хорошо стреляете, — поддержал я невидимых мне бойцов как раз в тот момент, когда треск и вспышки лазганов начали вырываться из нескольких зданий на этой стороне площади. Я углядел за окном второго этажа, там, где когда-то были апартаменты владельца ресторана,

пару солдат, выцеливающих тиранидов-синапсов из удобной позиции над площадью. Варриор всего в нескольких десятках метров от нас отшатнулся, когда их лазерные заряды угодили в него практически одновременно. — Благодарю, Ворхеез.

— Всегда пожалуйста, комиссар, — заверил меня мужчина в этой паре, в то время как дуло его лазгана уже следило за очередной целью. — Ленни, на одиннадцать.

— Вижу, — заверила нас солдат Дрере, умудрившись на этот раз выстрелить за мгновение до своего напарника, и в воксе мне слышно было слабое шипение ее аугметических легких. — Фраг, а оно быстрое!

Я повернулся, увидев, что к нам резво приближается еще один варриор и у ног его бежит свита гаунтов. Благодарение Императору, тиранов больше в округе не наблюдалось, так что я начал верить, что мы действительно прорвемся. Выжившие Сестры Битвы сумели тесно сбиться вместе, и моя давешняя знакомая с плохой

прической все еще поддерживала среди них должный порядок, хотя, кажется, число их сократилось едва ли не вдвое против изначального; но, несмотря на это, они в огне ковали свой путь к отступлению, ведомые все той же силой своей веры. Надо признать, что выжившие тиранидысинапсы все еще по праву считали воительниц основной угрозой и потому поддерживали нападение основной части роя на них, что, на мой взгляд, было и неплохо. Если уж я и считал что-то справедливым, так это что задолбавшие самого Императора имбецилки получат по заслугам за то, что втянули меня в эту заваруху.

Еще несколько лазганов присоединилось к общему хору, менее дисциплинированно и прицельно, чем вальхалльцы, но все равно я приветствовал и их, наблюдая краем глаза, как гаварронцы в своей сине-серой форме занимают те укрытия, которые могут отыскать, или распластываются вдоль стен на подходящих к площади улицах. Каким бы бестолковым ни казался их

огонь, его оказалось достаточно, чтобы свалить по крайней мере нескольких гаунтов и даже случайного генокрада. Другие выстрелы дали знать о местонахождении пешей группы нашего отряда за прикрытием, которое предоставляла им «Химера». Я мог видеть их руки, обнаженные и покрытые пленкой пота,[77] когда они прицеливались в тиранидов.

— Продолжайте движение, — подтолкнул я Юргена, и он снова включил огнемет, испепелив очередной выводок чистокровных, которые подбирались к нам с очевидным намерением убить нас, прочно засевшем в том, что заменяло им мозги.

Даже учитывая, что нам снова удалось раздробить коллективное сознание роя, генокрады все равно оставались весомой угрозой. Если они выживут, то способны будут продолжать функционировать, проявляя единство намерений, даже независимо от основного общего разума. Я уложил еще одного удачным выстрелом в голову, и выжившие

рассыпались в разные стороны, решив, что мы не стоим тех усилий, которые приходится на нас тратить. Или, что более вероятно, давая своим более тупым собратьям истощить нас, а затем уже нанести смертельный удар.

Мы почти добрались!

Некоторые из солдат СПО, как я теперь видел, несли тяжелое вооружение, и одна такая команда, состоящая из двух человек, как раз с трудом ворочала свою ракетную установку, готовя ее к стрельбе. Я рефлекторно прижал голову, когда ракета покинула трубу установки, проносясь в неуютной близости от нас, чтобы разорваться, доставив свою фраг-боеголовку в самый центр плотного скопления гаунтов, которые как раз заходили в атаку на Сестер.

— Это было с их стороны немного безответственно, — ровно прокомментировал Юрген, теперь полностью полагавшийся на огнемет, дабы провести нас через ряды наваливающихся хитиновых чудовищ, поскольку болтерные заряды, если бы мы принялись стрелять,

рвались в опасной близости от наших соратников.

Я кивнул.

— Передайте этому идиоту, чтобы глядел, куда направляет свою водосточную трубу! — передал я по воксу, но, прежде чем Грифен успела отозваться, ракетчики выстрелили снова.

На этот раз боеголовка ударилась о землю посреди гаунтов, продолжающих без всякого эффекта засыпать нашу броню телоточцами, — и большая часть тварей разлетелась на куски. Что было куда менее приятно, так это металлический звон, с которым некоторые из кусков боеголовки срикошетили от нашей и так жестоко побитой брони, и раздавшийся почти сразу за этим тревожный звук рвущегося металла. Наша «Саламандра» резко завалилась на левый борт, больно ударив меня перегородкой по голове, а затем, к моему ужасу, Юрген заглушил мотор.

— Трак заклинило, — спокойно доложил он, словно неприятность была не больше, как если бы мои кальсоны сели при

стирке на пару размеров. Он взвесил в руках мелту. — Придется бегом.

— Прекрасно, — проговорил я, стреляя в морду хортагаунту, который приковылял к нам с явным намерением откусить мне голову.

Шансов выбраться отсюда на своих двоих у нас просто не было. Даже священное Сестринство испытывало серьезные проблемы, пытаясь это проделать, а они были, на минуточку, в силовых доспехах. Но мне все же пришлось встать на ноги, чтобы отразить еще один подобный косе коготь своим нежно напевающим цепным мечом, благословляя по ходу дела свои рефлексы фехтовальщика. Похоже, удар по голове оказался гораздо серьезнее, чем я решил вначале. Я чувствовал слабость и головокружение, и, если бы не обстановка, в которой подобная роскошь была бы непозволительной тратой времени, я уже оставил бы на земле свой завтрак. Стараясь сморгнуть коричневую дымку, которая вращалась где-то в уголках глаз, я рубил и отражал удары, словно

человекоподобный автомат, вне сомнения являя собой образец полного отсутствия утонченности, который определенно прогневал бы старину Миямото де Бержерака.[78] Но по крайней мере, я удудрялся сохранять голову на плечах.

Когда толпа гаунтов наконец раздалась, больше устрашенная уделым обращением Юргена с телтой, чем моими слабыми усилиями, я внезапно обнаружил себя лицом к лицу с куда более грозным противником. Это был еще один тиран улья, очевидно выведенный специально для ближнего боя, и он поднялся над своими подчиненными, обрушивая вниз двойной набор похожих на косы когтей. Я попытался отразить град его ударов, но запнулся, и ноги мои без предупреждения подкосились, в то время как темная пелена с границы зрения устремилась вперед, затягивая взор, — и я осознал только, что переваливаюсь через борт «Саламандры», падая на щебень у ее гусениц.

Это неожиданное движение спасло

мне жизнь, потому как следующие удары тирана лишь проделали еще одну внушительную дыру в нашей крепкой маленькой машинке, но я, растянувшись на земле, был по-настоящему уверен, что пришел мой последний час. Юрген не мог стрелять из мелты, пока я находился настолько близко к врагу, потому как превратил бы меня в пар заодно с ним, и даже последний еретик в аду не понадеялся бы, что мой помощник успеет вовремя дотянуться до лазгана. И даже если бы ему это удалось, его выстрелы лишь разозлили бы тирана. Я рубанул цепным мечом по ноге твари, надеясь вывести ее из строя на достаточное время, чтобы откатиться в сторону, хотя, если б мне это удалось, меня просто разорвал бы на куски какой-нибудь другой тиранид. Несуществующее облако заслонило мне зрение, будто одеяло, и приглушенный визг наполнил уши. Я знал, что в любой момент могу потерять сознание, и это означало бы конец. Можно было утешаться тем, что я его уже не почувствую.

Да на фраг такое, подумал я, и

яростный инстинкт выживания, который служил мне верой и правдой в столь многих отчаянных ситуациях, врубился со всей своей мстительной силой. Если уж мне суждено умереть, то, по крайней мере, я заберу с собой эту мерзость. Поднявшись на ноги, я, шатаясь, двинулся к твари, которая отпрыгнула от моего слепого замаха, и постарался держаться ближе к корпусу противника, отчаянно надеясь попасть хоть в какое-нибудь уязвимое место. Император помоги мне, если таковые у него и были, я их не видел.

— Комиссар, вниз! — рявкнул голос Грифен у меня в ухе, и я подчинился без размышлений, потому как колени мои просто подломились.

Визг был теперь громче, но лишь тогда, когда к нему присоединился дробный стук тяжелого болтера, я сообразил, что слышу не просто шум крови в ушах. «Химера» четвертого отряда спешила нам на помощь, и оба ее тяжелых орудия яростно плевались огнем, так что возвышающаяся надо мною чудовищная тварь, которая столь близко подошла к

тому, чтобы отнять у меня жизнь, буквально развалилась, подобно слишком потрепанной мишени для штыковых тренировок. Куски хитина застучали вокруг меня, подобно отвратительным градинам, в то время как ужасающее существо медленно, тяжело рухнуло на землю.

— Поднимайтесь, сэр. — Низенькая рыжеволосая женщина явилась через тот туман, что заслонял мне зрение, одной рукой держа лазган, без каких-либо эмоций стреляя на ходу в ближайшего хормагаунта. Другую руку она протягивала мне, и я благодарно принял ее, позволив поднять меня на ноги, и так и остановился, пристально глядя по сторонам, испытывая чувство смутного непонимания. — Ну вот и хорошо, комиссар, вот вы и на ногах.

— Благодарю вас, Маго, — удалось произнести мне, и туман сгустился плотнее, чем когда-либо ранее.

Я снова пошатнулся, но меня удержало от падения облако знакомого и удивительно милого сейчас аромата,

исходящего от Юргена. Мой помощник проступил через коричневые ядовитые испарения в моих глазах, сжимая мой пистолет и цепной меч, равно как и свое собственное вооружение, и покрытые грязью черты его лица несли непривычное выражение обеспокоенности.

— Я забрал ваши вещи, сэр. Боюсь только, от шинели уже ничего не осталось.

— Пошевеливайтесь! Потом поболтаете.

Грифен подхватила меня под одну руку, Маго под другую, и вместе они поспешно повели меня вверх, по посадочному пандусу «Химеры», в то время как башня машины повернулась, скосив залпом тиранидов, которым случилось оказаться поблизости.

— Премного благодарен, — произнес я, и люк с металлическим стуком захлопнулся за нами, водитель дал газу двигателю, бросая машину назад, к относительной безопасности наших позиций.

Было что-то, что я должен был

сказать, подумалось мне, что-то важное,
но мне никак не удавалось сообразить что.
Затем туман наконец закружился вихрем,
и больше меня не интересовало уже ничего.

Примечание редактора

По весьма понятным в данных обстоятельствах причинам Каин продолжает свой рассказ о событиях после почти трехдневного перерыва. Подобные промежутки в его мемуарах, конечно, не являются редкостью, и я обычно стремлюсь восполнить их, когда попадаются источники, которые предоставляют соответствующий материал. Хотя следовало бы отметить, что в очень редких случаях подобные вставки являются действительно важными. И в очередной раз я ощущаю необходимость принести свои извинения за то, что включаю в текст еще одну попытку Дженит Суллы насилием призвать готический язык к повиновению, но ее положение на периферии

деятельности Каина позволило ей оставить для нас текст, позволяющий очертить более широкую картину событий, таких, на которые сам Каин редко обращает внимание.

Из произведения «Как феникс, вставший на крыло: ранние кампании и славные победы Вальхалльского 597-го» за авторством генерала Дженит Суллы (в отставке), 101.M42:

Весть о том, что наш отважный комиссар пал в бою, была встречена нами со смесью неверия и ужаса. Всем нам пришлось уже терять дорогих друзей и соратников, конечно же, потому как такова судьба простого солдата и каждый из нас был в равной мере готов положить свою жизнь на службу Императору, но сердца наши заледенели внутри нас при первом же намеке на столь

болезненные вести.

Голос оператора вокса заметно дрожал, когда он сообщил мне о той передаче, которую он только что получил, и я должна признать, что сама едва сумела удержать крик горя. Комиссар Каин выковал и закалил 597-й, и его вдохновляющие лидерские качества вели нас от одной победы к другой, даже против самых безнадежных обстоятельств. Но не только по этой причине он воплощал в себе все то доброе, что было в нашем полку. В подобные моменты величайшего напряжения я всегда понимала, что вспоминаю неисчислимые примеры его никогда не подводящей стелости, постоянной заботы даже о самом ничтожном солдате и те многие разговоры с ним, в которых его врожденное доброе

расположение и его очевидное уважение к моим качествам лидера сделали столь многое, дабы укрепить мою веру в те смутные времена, когда доля неуверенности в себе угрожала ослабить мою эффективность как командира.

Оттого с немалым облегчением мы восприняли радостные вести от медика четвертого отряда, который осмотрел комиссара и объявил, что жизнь его вне опасности. Конечно же, должно потребоваться много большее, чем кучка тиранидов, чтобы отдать последнюю дань столь прославленному воину! Благородный комиссар, как оказалось, претерпел небольшую травму головы, последствия которой были отягощены ядовитыми парами тиранидской желчи.

«Химера», несущая его

находящееся без сознания тело к безопасности, прибыла к нам спустя краткое время, и я, не теряя времени, обеспечила его возвращение на Хоарфелл первым же транспортным челноком, что доставил подкрепление, и произошло это менее часа спустя. К тому времени в наших рядах было уже довольно много и других раненых, которые составили комиссару компанию, но те из нас, кто не пострадал или был ранен легко и мог продолжать исполнять свой долг перед Его Священным Величеством, продолжили настойчиво защищать Ацеральбатерру и в итоге, милостью Императора, одержали победу над врагом.

Не нужно и говорить, что комиссару Каину должна принадлежать большая часть славы за эту замечательную победу, потому как именно он,

единолично, уничтожил двух из пяти тиранов, что направляли массу копошащейся мерзости, осаждающей нас со всех сторон. Лишенный направляющей воли этих существ, рой стал терять связность действий, а оставшиеся низшие существа были слишком малочисленны, чтобы эффективно координировать его, и то, что до тех пор казалось несокрушимым наступлением, начало спотыкаться.

Что же касается лишенных всякого разума солдат СПО, вмешательство которых столь дорого обошлось комиссару, их судьба покрыта тайной. Преданные прежде всего праведным воительницам Адепта Сороритас, на помощь которым они и пришли со столь пагубными последствиями, они оставались позади, дабы прикрыть отступление святых

Сестер столько, сколько могли. Если кто-то из них и выжил, я об этом не могу сказать с уверенностью, потому как сама была занята тем, чтобы обеспечить наиболее эффективное развертывание наших сил, и своей очевидной заботой о благополучии комиссара Каина.

Как бы ни обстояли дела, я об этом не знаю, но предполагаю, что все спасшиеся должны были благодарить его за избавление от смерти. Потому как сколь бы лишенным набожности ни показалось мое заявление, но я полагаю, что нашему благородному комиссару они должны были быть благодарны за него не меньше, чем самому Императору.

Из издания: «Периметунда сегодня: новости, важные для нашей

планеты», 287.933.M41:

Периремунда спасена!

Тираниды бегут, Флот спасения прибывает!

Стоическая оборона наших осажденных сограждан была вознаграждена сегодняшней ночью долгожданными новостями о том, что экспедиционный корпус, высланный с Коронус Прайм, только что вышел из варпа на окраинах нашей системы, и эта могущественная флотилия военных судов в настоящий момент уже защищает наш возлюбленный родной мир от нависшего над ним ужаса. И более того, война на поверхности также приняла положительный оборот с прибытием двух свежих батальонов, ветеранов Имперской Гвардии, жаждущих подчистить тех оставшихся нарушителей наших границ —

тиранидов, что продолжают марать собой священную землю нашей благословенной Императором планеты. Располагая столь могущественными силами, мы можем быть уверены в том, что тот день, когда Перимунда будет навек очищена от заражения ксеносами, является лишь вопросом времени.

В своем полном и честном интервью губернатор Писмайр прокомментировал это так: «Ну надо же, это хорошие новости. А вы уверены? Вам кто сказал?»

Коммюнике 47783/320/34598543, датировано 292.933.М41:

От кого: Адмирал Бове, командующий экспедиционным корпусом флота «Божественное вмешательство».

Кому: лорд-генерал Живан,

командующий имперскими наземными силами, система Периремунды.

Я рад доложить, что развертывание сил Флота прошло согласно плану и восемь независимых флотилий, состоящих из крупных: боевых кораблей и кораблей конвоя, находятся в готовности к перехвату приближающегося флота-улья непосредственно после его выхода из варпа. Транспортные суда на подходе и начнут десантировать войска в течение часа. Я уверен, что вы найдете им применение.

Наши астропаты не могут сказать с уверенностью, потому как тень в варпе по-прежнему скрывает собою все, но предположительно основная часть флота-улья тиранидов прибудет не ранее чем через день или два, так что вам лучше закончить

развертывание в самые краткие сроки.

Надеюсь, когда пыль уляжется, мы сумеем встретиться, чтобы пропустить по стаканчику и сыграть партию в регицид.

С наилучшими пожеланиями,

Бенжамин.

Из произведения «Как феникс, вставший на крыло: ранние кампании и славные победы Вальхалльского 597-го» за авторством генерала Дженит Суллы (в отставке) 101.M42:

Первые залпы решающей битвы за Периметунду должны были вот-вот прозвучать, и, когда буря эта разразилась вокруг нас, я поняла, что размышляю о том, насколько комиссар Каин должен был

находить раздражающим то, что доблестный воин оказался заперт в медицинской палате, в то время как остальная часть полка отправилась на битву с ксеносами.

Сражение началось, конечно же, в глубоком космосе, где органические корабли флота-улья были извергнуты из варпа, будто даже это омерзительное пространство не способно переварить ту мерзость, каковой являются тираниды, и были встречены сливками Имперского Флота. Битва, которая прогремела в вечной ночи между звезд, должна была, конечно же, быть титанической. С наших позиций на поверхности мы могли очень четко видеть неисчислимые вспышки в небесах, когда живые гиганты из противоестественно вылепленной плоти сошлись с

металлическими корпусами, благословленными Адептус Механикус во имя Императора, очищающим огнем их могущественных орудий и несгибаемой храбростью их экипажей.[79]

Хотя боевой дух экипажей этих кораблей оставался неизменно высоким, само по себе количество организмов тиранидов, которые стояли против них, в конце концов начало сказываться точно так же, как это происходит, когда наземные формы этих чудовищ встречаются с неослабевающей обороной Имперской Гвардии. Адмирал Бове весьма разумно сосредоточил преимущественную часть огня своих линейных кораблей против наиболее гигантских особей, намереваясь таким образом уменьшить эффективность

флота в целом, что оставило более мелких тиранидов крейсерам и кораблям эскорта его Флота. Как бы успешны они ни были в выполнении своей задачи, весьма большое число этих коварных организмов сумели пробраться через кордон и, как мы и опасались, начать высеивать споры на поверхность планеты.

По нашей огромной удаче, преимущественная часть этих смертоносных семян упала в пустынные земли между плато, и лишь относительно немногие приземлились в обитаемых местностях, многие из которых уже получили защиту в лице гарнизонов Имперской Гвардии, ничуть не менее способных в битве, чем тот, с которым мне выпала честь служить. Достаточно сказать, что какие бы надежды на легкую победу зловредный, нечеловеческий

разум флота-улья ни питал, его ждало жестокое разочарование. Одно плато за другим оказывалось способно отразить вторжение, в то время как те населенные центры, что имели несчастье рассчитывать на Силы Планетарной Обороны, были эвакуированы со всей возможной поспешностью.

На Хоарфелле, я должна с удовлетворением заявить, дальновидные приготовления полковника Кастин оказались более чем достаточны для обороны, и лишь один раз вторжение преуспело в том, чтобы поставить наши позиции на Дариене под серьезную угрозу.

Глава двадцать первая

— Это мог быть просто несчастный случай, — произнесла Кастин, хотя в голосе ее вплеталась слабая нотка сомнения. — Вы сами говорили, что они совершенно истощены, и СПО никогда не были самыми лучшими солдатами в Галактике, если уж на то пошло.

Броклау кивнул и передал мне чашку с танной, которую я принял, благодаря свои аугметические пальцы, которые позволили мне держать ее достаточно крепко, чтобы пить не проливая. Этим утром мне наконец стало муторно от всех уколов и дурного обращения наших медиков — несмотря на очевидно привлекательные моменты моего недомогания, такие как возможность валяться на койке в то время, когда полк сражается с последними

из вторгшихся тиранидов без моего участия, — и мне все-таки удалось подняться на ноги, стараясь не обращать внимания на волны тошноты, которые продолжали одолевать меня каждый раз, когда я слишком резко поворачивал голову. Мою врожденную паранойю терзала мысль, что тираниды могут наступать на наш гарнизон, пока я валяюсь в лазарете, ни о чем не подозревая и страдая лишь от того, что было не хуже обычного жестокого похмелья. Подозрение это разрослось до такой степени, что ничто уже не могло успокоить моего предчувствия надвигающейся беды, кроме короткого путешествия на командный пункт, где я мог лично проверить тактическую обстановку.

— Я бы не советовал, — сказал мне тогда хирург, держа перед моим лицом пальцы, которых было слишком много, и расплывчатых. — Сотрясение — непростая штука. — Он кивнул на пару аугметических пальцев на моей руке. — Мозг вы не замените так же легко, как вот их.

— Постараюсь не забывать о такой возможности, — коротко отозвался я и улыбнулся, чтобы сгладить невольную резкость ответа. — По крайней мере, пока мозги мои остаются в сохранности.

— Ну что же, если вы так решительно настроены... — сказал хирург, пожимая плечами.

Я, честно говоря, ожидал, что споров будет больше; лишь позже на меня снизошло озарение: благодаря моей незаслуженной репутации он должен был принимать как должное, что мне до зуда хочется попасть на передовую так быстро, как только возможно, и что я должен быть не в настроении принимать «нет» в качестве ответа. Либо это, либо он не мог упустить представившуюся наконец-то возможность избавиться от угрозы уже своему здоровью, каковую представлял собой Юрген, самочинно разбивший бивуак в коридоре возле моей палаты. Через секунду или две после того, как мой нос отметил присутствие моего помощника, явившегося с чистой одеждой и моим верным оружием, я уже скинул ноги с койки

и начал ощущать все большее удовлетворение от собственного решения.

Но после того как мы покинули госпиталь, я начал сомневаться в мудрости оного, когда первый заряд холодного ветра, весьма умеренного по стандартам Хоарфелла, заставил меня покачнуться, едва только внешние двери закрылись за нашими спинами. Юрген протянул мне руку для опоры, которую, с простительным колебанием, я принял — поразмыслив, что по меньшей мере нахожусь от него выше по ветру, да и для боевого духа полка, не говоря уже о моем статусе Героя Империума, будет совсем не полезно, если я хлопнусь на задницу прямо перед окнами госпитального здания, развлекая скучающую там солдатню.

— Теперь уже не очень далеко, — заверил меня Юрген и отвел к уютно обустроенной представительской машине, которую он где-то раздобыл, заранее предположив — и очень верно, — что я не в состоянии (и настроении, если уж на то пошло) болтаться в кузове очередной «Саламандры».

Я устроился на мягком сиденье и невольно вспомнил о памятном путешествии в лимузине Киша, хотя, конечно же, данная машина ни в какое сравнение не шла с почившим персональным транспортом арбитра.

Когда Юрген выруливал от края тротуара, я понял, что в мельчайших деталях вспоминаю ту поездку как первую попытку покушения на меня. По крайней мере в тот раз мотивы моих неудавшихся убийц были вполне прозрачны. В действительности именно Киш был той целью, которую они преследовали, а я оказался просто жертвой неудачного стечения обстоятельств и путаницы.

Другие попытки отнять мою жизнь, конечно же, были совершенно иными, с очевидным намерением убить именно меня, в чем не оставалось и тени сомнения, но, как ни старался, я все еще не мог представить себе причины, почему техножрец-отступник мог бы сговориться с культистами Хаоса.

Или, если уж на то пошло, почему кто-то из них дает себе труд устранить

меня, не представляющего для них никакой существенной угрозы. Ну что ж, по крайней мере, никто из них не предпринял второй попытки.

И тут ладони мои начали зудеть. Солдаты СПО с ракетной установкой, конечно же, могли просто переволноваться в боевой обстановке или просто слажать, но они все равно были на волосок от того, чтобы убить меня, и таким способом, в котором никто не заподозрил бы преднамеренности, если, конечно, не обладал разумом столь же параноидальным, как мой.

Я озвучил свои подозрения, едва оказался наедине с Кастин и Броклау, теми двумя людьми в полку, которые были настолько по-дружески близки мне, насколько это было вообще возможно, учитывая занимаемые нами должности; только им двоим я был склонен доверять.

Офицеры молча выслушали мои предположения и, как только мой монолог закончился и я откинулся на стуле, всем видом показывая, что я ожидаю их

реакции, реакция последовала.

— Если вы правы, — сказал майор, возвращаясь на свое место и наполняя чашку танной, — то вам придется потратить Хорус знает сколько времени, чтобы доказать это. Если они действительно хотели убить вас там, на поле боя, то почему бы просто не прихлопнуть вас крак-гранатой — и дело с концом?

Кастин согласно кивнула.

— Они могли легко уничтожить вашу «Саламандру», — указала она. — Фраг-боеголовки практически бесполезны против бронированной техники. Это была просто редкостная неудача, что ваши гусеницы вот так заклинило.

— В обычном случае мне пришлось бы согласиться, — сказал я, с благодарностью отпивая благоуханного напитка, — но нужно учесть открытое пассажирское отделение, в котором я находился около болтера на турели. Если бы они ударили чуть ближе, меня бы убило шрапнелью так же легко, как и тиранидов.

— И не забывайте к тому же, что

большая часть четвертого отряда могла наблюдать происходящее, — добавил в мою пользу Броклау, видимо осененный свежей мыслью. — Если это действительно было еще одно покушение, то, возьмись они стрелять крак-ракетой по тиранидам, нашим солдатам это должно было показаться совершенно неестественным.

— В то время как фраг-ракета была именно тем, что все участники боя могли ожидать в тех обстоятельствах. Если бы меня разорвало на кусочки, никто ничего не заподозрил бы. — Я с сожалением пожал плечами. — Будем смотреть правде в глаза: вряд ли мне суждено стать первым комиссаром, погибшим от руки своих же союзников.

— Это так, — признала полковник, кинув многозначительный взгляд на Броклау. Было бы не совсем справедливо сказать, что от рук их соратников и сослуживцев погибло столько же моих коллег, сколько и от действий врага, но гораздо больше, чем это всеми признается, что, учитывая специфику моей работы, вряд ли удивительно. Между прочим,

именно по этой причине я пытаюсь заставить молодых птенцов-кадетов, за которых ныне в ответе, осознать, что для них же самих будет гораздо лучше опираться на тактичность и здравый смысл более, чем на букву Устава (по крайней мере, так они дольше протянут). -- Но зачем бы им желать вашей смерти? Вы же не расстреливали никого из их друзей, не правда ли?

-- Понятия не имею, -- признал я. Затем вздохнул, уже сожалея о том порыве, что выдернул меня из постели. Голова моя снова начинала легонько пульсировать, как будто я выпил амасека на три бокала больше, чем было надо, и без утешения в виде весело проведенного времени, которое обычно поддерживало меня в похмелье. -- Но зачем бы и культу Хаоса заодно с техножрецом-отступником, о которых я до сих пор и слыхом не слыхивал, пытаться меня застрелить?

-- Понятия не имею, -- осторожно произнесла Кастин. -- Но я могу предположить, что на этот вопрос скорее

могли бы ответить другие ваши знакомые.

— Полагаю, вы правы, — отозвался я, заранее понимая, что рассчитывать на какую-либо информацию от Эмберли, которой она сама не намерена поделиться, наивно. — Не знаю. Возможно, я слишком сильно на это реагирую.

— Сложно не реагировать, когда какой-то гретчелюб почти отстреливает тебе голову, а затем пытается скормить тиранидам, — тактично заметил Броклау. Я только пожал плечами. — Вот если бы это был кто-то из наших, вы могли бы их взять в оборот и порасспросить обо всем.

— Мог бы, — сказал я, и при этих словах у меня начала зарождаться определенная идея. Возможно, виной тому была головная боль, но в тот момент мысль показалась мне весьма неплохой. — Да и сейчас могу. Комиссариат предоставляет мне широкие полномочия при расследовании, когда есть подозрение на то, что подорвана безопасность Имперских вооруженных сил. Может ли

ты быть совершенно уверены в том, что Гаварронские СПО не подверглись инвазии генокрадов?

— Канониса, кажется, была вполне уверена, — напомнила мне Кастин.

— Именно так, — кивнул я и сразу же пожалел о подобном неосторожном жесте. — Это значит, что Киш не проводил с ними обычных проверок. Но если эти тролли были гибридами, они не могли напасть на Сестер, не разрушив своего прикрытия, а вот шанс убрать имперского комиссара был слишком хорош, чтобы его упустить.

— Особенно если учесть, что пикты рисуют вас так, будто вы являетесь единоличным спасителем всей планеты, — произнес Броклау. Затем добавил: — В каком-то извращенном смысле их логику даже можно понять.

— Почту это за комплимент, — откликнулся я и, пошатываясь, встал на ноги, опираясь на стол Кастин и делая вид, что не заметил взгляда, которым обменялись мои собеседники. Я улыбнулся Кастин. — Если вы не возражаете, я бы

хотел получить связь с лордом-генералом, как только это будет удобно.

Несколько наших взводов были в данный момент задействованы в текущих схватках с тиранидами, которые нападали с неба за то время, пока я наслаждался своим вынужденным отдыхом, так что наша сеть была довольно сильно перегружена. Как бы мне ни хотелось как можно скорее последовать за своим утозаключением, с этим приходилось подождать до того момента, пока нападения не будут отражены.

— Это не сложно. — Полковник поглядела на меня в некотором замешательстве. — Но могу я спросить зачем?

Я мрачно улыбнулся:

— Если я прав, то гавароницы должны быть моментально отозваны со всех фронтов, пока не будет закончено полноценное расследование.

— Ясно. — Броклау поглядел на меня сардонически. — Которое, конечно же, будете проводить вы сами.

— Кому же еще можно его доверить? —

– Вопрос был риторический.

Еще несколько минут мирно поболтав и попив танны в кабинете Кастин, я почувствовал себя почти вернувшимся к своему обычному состоянию и потому решил поинтересоваться на пункте связи, как продвигается наша война. На тот момент, конечно, я совершенно не намеревался по-настоящему принимать участие в каких-либо еще сражениях, потому как, если повидать их столько, сколько довелось мне, роль зрителя приобретает изрядную привлекательность. По давней привычке я сунул бусину вокса в ухо, еще когда одевался, подобно тому как на автопилоте застегнул оружейную портупею, и потому теперь продолжал вполуха прислушиваться к потоку сообщений, даже когда беседовал с Кастин и Броклау, так что у меня уже сложилось некое общее представление о ситуации. Но возможность взглянуть на нее в гололитическом изображении сделала все гораздо более ясным, как я, впрочем, и ожидал. Все то время, что я вынужденно

провалялся на койке, тираниды, похоже, накидали спор по всему Хоарфеллу (в других местах, конечно, тоже, но это уже были не мои трудности) и, естественно повинуясь генетически закодированным императивам, свойственным их племени, роем двинулись к Дариену, привлеченные биомассой города. Кастин, конечно же, предугадала это и расположила своих солдат так, чтобы они имели возможность наносить врагу урон по ходу его наступления, разбивая меньшие рои, пока они не успели набрать численность, и в целом доставляя хитиновым уродам столько неприятностей, сколько только могли придумать наши солдаты. И если верить изображению на гололите, то выдумкой Император их не обидел. Большую часть мелких выводков полностью истребили прежде, чем они получили возможность соединиться со своими собратьями, и лишь относительно немногие смогли прийти на подмогу тем, что упали непосредственно в городе.

— Мы по большей части сумели удержать их вне улиц, — сказала Кастин,

указывая на наши оборонительные порядки в пригороде Дариена. — Те, что сумели проникнуть в районы городской застройки, направляются прямиком к космопорту, стараясь соединиться с тамошней группировкой. — Ухмылка промелькнула на ее лице. — А это означает, что мы можем устроить им засаду и уничтожить без особого труда.

— Таким образом, единственной нашей проблемой являются вот эти, в космопорте, — сказал я, отмечая с некоторым облегчением, что те страхи, что подняли меня с больничной койки, оказались в целом необоснованны. Пока что, по крайней мере, ни один из выводков, которые мы обнаружили, не собирался атаковать наш гарнизон.

Броклау кивнул.

— Вы не знаете даже половины проблемы. У нас там около тысячи беженцев, запертых в здании терминала, — сказал он. — Эвакуированы с нижележащих плато.

— Большинство из них находятся там уже несколько дней безвылазно, —

добавила Кастин, — в ожидании генетического контроля, который выявит среди них возможных гибридов, но юстикары были в последнее время слишком заняты, чтобы заняться этим.

— Могу себе представить, — сухо произнес я.

Широкие, открытые пространства посадочного поля были будто на заказ сделаны для сил вторжения, конечно же, а наши средства противовоздушной обороны смогли сбить лишь малую часть падающих спор. Если бы Флот не связывал собой основную массу флота-улья, мы бы имели куда больше проблем. В очередной раз, впрочем, Кастин предугадала именно такое развитие событий, вспоминая уроки, столь болезненно выученные на полях Корании, и потому развернула наши силы так, чтобы эффективно сдерживать неприятеля.

— Если быть честной, — сказал Кастин, — то беженцы становятся почти такой же проблемой, как тираниды. Мы слышны звуки сражений, и все они на грани паники. СПО стараются не дать им

сорваться, но достаточно будет, чтобы один идиот заистерил, и нам вдобавок к жукам придется разбираться с восстанием.

— Не больно это хорошо, — произнес я, мгновенно осознавая проблему. Последнее, чего хотелось бы осажденным защитникам города, так это толпа пораженных ужасом гражданских, бегающих по округе, перекрывающих линии огня и пробуждающих у тиранидов неистовый аппетит. Стоит тварям сообразить, что они находятся на расстоянии плевка от хорошей, плотной закуски, как они бросятся напролом, таким образом увеличивая нагрузку на наши позиции. — Вы собираетесь усилить оборону в этом районе просто на всякий случай?

Броклау подтвердил:

— Мы выдвигаем туда дополнительный взвод, как только их «Химеры» будут дозаправлены и восстановят боезапас. — Кажется, ему в голову внезапно пришла какая-то мысль, и, содрогнувшись от дурного предчувствия, я осознал, что именно Броклау собирается

предложить. — Вы могли бы отправиться с ними, если пожелаете.

— Этого должно быть достаточно, чтобы успокоить гражданских, — согласилась Кастин. — Половина из них, кажется, полагает вас величайшим воином после Махариуса.

Я поглядел на них обоих, проклиная тот порыв, что вытащил меня из милой уютной больничной койки без всякой на то причины и который, кажется, вот-вот готов был снова кинуть меня прямо под ноги беде. Конечно же, всегда оставалась возможность пожаловаться на усталость после боя и слабость, но насколько пострадало бы мое реноме несгибаемого героя и пошатнулась та верность, которую оно обеспечивало в полку?

В этом вся и сложность с репутацией: однажды заработав, ее необходимо поддерживать. Кастин и Броклау, несомненно, были в плену того же самого заблуждения, что давешний хирург, и заключалось оно в том, что я покинул лечебный блок оттого, что пылал желанием вернуться в бой, несмотря на

раны, и если бы я разрушил эту иллюзию, то тем самым подорвал бы доверие, которое они ко мне питали. А если бы это произошло, мой авторитет командира, до того момента не подвергавшийся никакому сомнению, тоже начал бы разрушаться. Так что мне оставалось лишь изобразить на лице легкую улыбку, как будто высказанная идея мне понравилась.

— Ну что же, — произнес я, изображая именно такую степень сомнения, как было нужно, чтобы заставить их думать, будто мне действительно не терпится поскорее оказаться на передовой, — убаюкивать нервных гражданских — это не совсем то, что я планировал на сегодняшнее утро.

Это было весьма правдиво. Пришлось даже чуть пошатнуться, как раз достаточно, чтобы напомнить о том, что я в гораздо худшем состоянии, чем хочу выглядеть, — за что вознаграждением мне был еще один быстрый обмен обеспокоенными взглядами.

— Но мне не помешал бы глоток свежего воздуха, да и, полагаю, на линии

фронта я бы только путался под ногами. — На мгновение я испугался, что переиграл и сейчас меня любезно пригласят на передовую, но Кастин и Броклау согласно закивали.

— Со всем должным уважением, Кайафас, — произнесла Кастин, давая понять, что говорит со мной скорее как с другом, чем просто с соратником, — вы выглядите так, будто вас только что пожевал и выплюнул орк. И правда не советовала бы вам сегодня наведываться в места боевых действий.

— Ну что же, — произнес я, позволив своему нежеланию ввязываться даже в относительно безопасную миссию отразиться на лице, чтобы собеседники пребывали в уверенности, будто только что отговорили меня от очередного раунда стрельбы по тиранидам, — я полагаю, что вы правы и мне стоит принести хоть немного пользы этим гражданским.

В целом, как я тогда полагал, все могло обернуться гораздо хуже. Конечно, мне предстоит оказаться ближе к

сражению, чем хотелось, но если верить тактическому экрану, то перспективы столкнуться с тиранидами в ближнем бою не было, и я не считал беженцев серьезной проблемой. На тот момент я оставался в блаженном неведении о том, насколько необоснованны были эти рассуждения.

Глава двадцать вторая

Попасть в терминал космопорта, куда запихнули беженцев, оказалось достаточно простой задачей, потому как взвод Фарила как раз выходил из своих казарм, чтобы сменить взвод Суллы, которая наслаждалась дракой с хитиновым ужасом все последние дни, если не дольше.

Мы с Юргеном отыскали себе местечко в командной «Химере», и, хотя салон этой машины не был призван улучшать состояние моего организма, не говоря уже о том, что к тряске и грохоту добавлялось присутствие моего помощника в столь замкнутом пространстве, я все же был рад здесь находиться. Вне сомнения, Юрген мог бы найти нам еще одну «Саламандру» без

особых проблем, потребуй я именно ее, но после Ацеральбатерры я ощущал себя гораздо комфортнее в окружении сплошной брони и к тому же имел возможность воспользоваться вокс- и аускип-аппаратурой, чтобы получить гораздо более четкую картину идущих сражений.

К моему облегчению, оказалось, что ситуация не изменилась с того времени, как я глядел на гололит командного пункта. Наши войска держали периметр вокруг аэродрома и медленно продвигались вперед, постепенно затягивая рой тиранидов в сжимающуюся петлю, заставляя их отступать постепенно все ближе и ближе к отвесному склону, за который я едва не выбросился всего несколько недель назад. Не то, конечно же, чтобы я рассчитывал, будто тираниды в действительности упадут с него и разобьются, потому как видел неоднократно, что они способны карабкаться вверх по отвесным краям с потрясающей ловкостью, так отчего бы им с той же уверенностью не спускаться по ним, если это понадобится. Но как бы то

ни было, разрыв между передовой и зданием терминала даже увеличился, и я начал думать, что поездка на это пустое, по сути своей, задание позволит мне оставаться далеко от настоящей сватки, в то же самое время позволяя имитировать бурную деятельность в передних рядах.

Благодаря этим мыслям и к моему собственному смутному удивлению, я выпрыгнул из «Химеры» с ощущением, похожим на душевную легкость, и направился к ступеням, ведущим в здание терминала, а Юрген, который повсюду таскал за собой свою излюбленную телту, шел за мною по пятам. Фарил отдал нам жизнерадостный салют из верхнего люка, затем боевая машина, взревев двигателем, отправилась восвояси на поиски того, какого бы врага уничтожить.

— Стой, кто идет?

Пара солдат СПО, разодетых в сиреневую с красно-коричневым форму, которую даже слаанешит посчитал бы кричащей и безвкусной, трясущимися руками направили на меня лазганы. Я

слегка склонил голову, позволяя им как можно лучше разглядеть мое лицо в профиль, как его предпочитали показывать те печатные листки, которые мне довелось видеть.

— Комиссар Кайафас Каин, — величественно отозвался я. — Желал бы переговорить с вашим офицером.

Солдаты опустили оружие и затеяли переговоры с несколькими своими сотоварищами, вышедшими из широких бронзовых дверей, украшенных аквилой и чем-то, что я сначала принял за представителей местной летающей фауны, но на самом деле являлось изображением летающих машин. Через приоткрытые створки можно было видеть широкий, с мраморным полом главный вестибюль здания. По крайней мере, то, что он мраморный, я понял, когда прошел внутрь. Снаружи нельзя было разглядеть даже самой малой малости свободной поверхности, потому как практически каждый квадратный сантиметр его занимали импровизированные спальные места-скатки и лежащие на них

гражданские.

— Это он. Действительно он, — услышал я бормотание одного из солдат. — Да не стойте там, идите за лейтенантом!

— Премного благодарен, — сказал я, стараясь, чтобы мое тяжелое дыхание не было слышно окружающим. Солдат, к которому обратился постовой, поспешил исполнить поручение. Сам же постовой, как оказалось, имел уголок-нашивку младшего капрала и при моем приближении совершил какой-то жест, наивно полагая, что это и есть отдача чести. Я отсалютовал ему как на параде и улыбнулся дружелюбно. — Можете ли вы просветить меня касательно текущей ситуации?

— Ну, мы просто сидим тут тихо, выжидаем, — ответил этот человек, очевидно затрудняясь дать ответ, — на тот случай, если нападут тираниды. — Он попытался глянуть на меня чуть более браво: — Мы не боимся ввязаться в драку, вы же знаете, сэр, просто те, кто командует, решили оставить это

Гвардии, а нам велели приглядывать за беженцами.

— И это самая благородная задача, какую только можно представить, — заверил я его, серьезно кивнув, обрадованный и удивленный тем, что голова моя при этом не начала пульсировать от боли так, как я ожидал. — Эти люди являются будущим Периметунды. Они должны получить защиту, и любой ценой.

— Я так об этом никогда не думал, — заявил младший капрал, на глазах приобретая некое подобие воинской выправки, — видимо, остаток солдатской гордости заявил свои права.

К сожалению, через мгновение этот эффект был слегка подорван, когда он наконец заметил Юргена, и челюсть у него буквально отвалилась, как у напуганного сквига. Но впрочем, мы беспрепятственно прошли мимо охранения и вошли в само здание терминала, так что какие бы мысли ни пришли в голову постового, высказать он их уже не успел.

Внутри я увидел одно из самых

гнетущих зрелищ в Галактике, несмотря на яркую одежду, в которую были одеты люди. Конечно, это не так плохо, как некоторые вещи из тех, что мне довелось повидать, но впечатление все же было тяжелое: мужчины и женщины с пустыми глазами, согнувшиеся под грузом утрат, апатичные дети, слишком усталые и голодные, могли только сидеть и поскуливать, вместо того чтобы наслаждаться своими самыми беззаботными годами, как им и положено, а также наполняющий собой все помещение нескончаемый шум сотен голосов, к которым давно уже никто не прислушивался. Запах был едва ли не столь же мучителен, как шум, и даже все те годы, что я провел в компании Юргена, не смогли подготовить меня к столь концентрированной и пронзительной дозе человеческого.

Когда я прошел на небольшой участок свободного пространства возле дверей, через которые веял пронизывающий все и вся ветер и заметала поземка, то был поражен внезапным зарядом тепла,

поскольку такое количество тел оказалось способно перебороть даже холодный климат Хоарфелла. Большая часть тех солдат, которых я видел снаружи, теперь расселись около импровизированного барьера, который отгораживал пятачок свободного пространства от главного вестибюля терминала: сооружена эта преграда была из мебели, сдвинутой сюда для того, чтобы освободить больше места для вездесущих скаток, которые устилали холодный каменный пол. В баррикаде были и конторки, все еще несущие на себе символику той или иной компании воздушных перевозок, что ранее совершали регулярные рейсы на другие планеты; скамейки, а также рекаф-машина с давно истощившимся запасом того напитка, которым она когда-то щедро одаривала желающих. Двое солдат СПО располагались по сторонам своеобразных ворот, сделанных из грузовой палеты, и на руках у них лежали лазганы. По тому как солдаты не сводили глаз с толпы, вместо того чтобы присматриваться к тому, что происходит снаружи, я начал

подозревать, что они опасались неприятностей именно с этого направления, и куда больших, чем мог бы причинить любой ксенос.

И, как подумалось мне, у них были к этому все предпосылки. Вонь отчаяния была едва ли не столь же мощной, как и немытых тел, и я начал понимать, что у Кастин был повод для тревоги. Очень немного потребовалось бы, чтобы превратить эту угрюмую человеческую массу в неистовую толпу, которая немногим лучше орочьей орды, и, если подобное произойдет, какая-то пара лазганов не станет нам защитой. У меня, впрочем, не было времени предаваться подобным деморализующим размышлениям, поскольку через толпу ко мне пробирался слегка полноватый молодой человек в столь же экстравагантной форме, что и у солдат СПО.

Он непрерывно бормотал извинения, избегая прикасаться к разношерстным гражданским, ему и в голову не пришло использовать локти и статус, как должен

был бы сделать настоящий офицер, и я понял, почему его нагрузили столь неблагодарной работенкой. Вне сомнения, вышестоящие командиры решили, что это тот самый человек, которого им меньше всего будет не хватать на передовой.

— Комиссар, какая честь! — Он повысил голос достаточно, чтобы поприветствовать меня, не доходя некоторого расстояния, и несколько ближайших гражданских повернулись, чтобы посмотреть в мою сторону.

Как только это произошло, в их лицах вспыхнуло узнавание, сопряженное с чем-то, что заставило кровь мою застыть едва ли не до той температуры, что царила снаружи. Это была возродившаяся надежда. К моему ужасу, шепот волнами раскатился вокруг и все больше и больше лиц поворачивалось ко мне, и все они, очевидно, верили в то, что неожиданное мое прибытие знаменовало для них быстрый исход из этого преддверия ада. Как только они поймут, что я не могу им предоставить ничего подобного, дело обернется весьма скверной стороной.

— Лейтенант, — повернулся я к подошедшему, стараясь изображать непринужденную уверенность в себе. Когда все идет наперекосяк, никогда не вредно потянуть время. В худшем случае это дает возможность заметить ближайший выход, вытащить оружие первым, а если уж оказываешься совсем везунчиком, то может случиться нечто идущее на пользу. — Надеюсь, вы не против, что я вот так свалился вам на голову, но, как я слышал, эти люди оказались взаперти чуть ближе к боевым действиям, чем это может быть безопасно, так что я подумал: возможно, мне удастся что-нибудь для них сделать.

— Я очень на это надеюсь, сэр, — произнес пузатенький офицер, глядя почти с надеждой на толпу за барьером, которая постепенно стекалась ближе к нам по ходу разговора.

Солдаты, охраняющие ворота, задвинули их за прошедшим лейтенантом и без всякого эффекта попытались отодвинуть толпу. Лейтенант сказал что-то еще, но мое внимание было на

мгновение отвлечено голосом Суллы в воксе.

— Пятый отряд, отвечайте! — В голосе ее проскальзывало необычное напряжение, и спустя мгновение, заполненное шипением статики, отозвался неуверенный голос:

— Пятый-второй, отвечаю. Мы потеряли связь с первой командой, [80] лейтенант. Возможно, неполадки с воксом, но...

— Четвертый отряд в пятый сектор! — Как бы ни раздражало меня ее общество, я должен был признать, что Сулла отреагировала на ситуацию молниеносно. — Возможно, это ликтор, так что продвигайтесь с осторожностью. Марскил, удерживайте позицию и оставайтесь начеку!

— Прием подтверждаю, — отозвался капрал, чей голос звучал с некоторым облегчением, и через секунду знакомый четкий голос Грифен также подтвердил получение приказа.

— Выдвигаемся, лейтенант.

Ладони мои снова принялись зудеть. Если тиранидам удалось проскользнуть через наши порядки или выводок генокрадов незамеченным проник в город, то плотная толпа вокруг меня привлечет их так же, как канонада привлекает орков. Возможно, давно пора было обратиться по поводу состояния дел у беженцев к местным юстикарам в их штабе, где бы он ни находился, — главное, чтобы подальше отсюда.

— Мы, конечно же, предпримем все от нас зависящее, — заверил я лейтенанта, как будто слышал все то, что он мне только что говорил, и придавал этому хоть какое-то, на фраг, значение.

Я попытался припомнить тактические карты, которые просматривал на борту командной «Химеры» Фарила. Где, ради варпа, находится пятый сектор? Приведет ли попытка ускользнуть отсюда к тому, что я окажусь посреди еще одного роя тиранидов или стаи генокрадов?

— Ваша помощь была бы очень ценной, — сказал мне молодой офицер. —

Вы сами можете видеть, что условия здесь далеки от идеальных.

Эта фраза спровоцировала волну визгливого смеха и пару ругательств, брошенных из толпы гражданских, но, к моему облегчению, ни одно из этих замечаний не было слишком враждебным. Впрочем, мне было хорошо известно, насколько легко и быстро это может измениться. Настало время применить немного старого доброго каиновского шарма, подумал я про себя и обратился непосредственно к гражданским.

— Граждане Периремунды! — произнес я, повышая голос без всякого очевидного усилия, так что он прорезал бормотание толпы так же легко, как пробивался сквозь шум на поле боя. — Могу заверить вас, что вы не забыты, как и та огромная жертва, которую вы принесли, покинув свои дома, позволив Гвардии более эффективно организовать усилия в борьбе против тиранидов. Мое присутствие здесь должно заверить вас в этом. Но я должен попросить вас о терпении еще лишь на краткое время. Даже сейчас битва за

очищение вашего мира от пятнающих его ксеносов все еще продолжается.

Более подходящего момента для этих слов я не смог бы выбрать, даже если бы очень постарался. Снаружи кто-то закричал коротким, придушенным воплем боли и ужаса, который через мгновение эхом повторил другой голос, и между ними был лишь один-единственный выстрел лазгана.

Я развернулся на каблуках, будто пораженный током, и страх с застарелыми рефлексами совместными усилиями подавили краткий приступ тошноты, сопровождавший это движение. Глазам моим предстал ходячий ужас более чем в два человеческих роста, рубящий и рвущий своими когтями и шипами, и снежная каша стала красной от останков разорванного в клочья капрала, что первым приветствовал меня, и его напарника.

— Огонь! — заорал я, выхватывая собственное оружие и выпуская заряд из лазерного пистолета, в то время как солдаты СПО вокруг меня все еще стояли, парализованные ужасом. Возвышающийся

как башня монстр, казалось, мерцал при каждом движении, и мой выстрел совершенно не причинил ему вреда, выбив кусок камня из колонны, поддерживающей портик над входом. — Защищайте гражданских!

Я бы не дал за этих вояк ломаного фрага, но если что-то и могло заставить СПО поднять свои задницы и открыть огонь по жуткой твари, то именно такие слова. Толстенький лейтенант наконец-то вытащил свое личное оружие, да и солдаты наконец вышли из ступора и принялись палить по врагу, хотя никакого стоящего результата это не принесло.

— Да стой же на месте, фрагом тебя! — пробормотал рядом со мною Юрген, пытаясь навести мелту, но ликтор двигался слишком быстро, и к тому же на линии огня мельтешили солдаты СПО.

За нашими спинами гражданские бросились к дальнему концу терминала, завывая в ужасе, и это, на мой взгляд, с их стороны было весьма разумно. Еще пара солдат ополчения в огненно-алой форме

упали, разбрызгивая кровь, голова толстенького лейтенанта прокатилась по траторному полу совсем рядом с моим ботинком, добавив к прожилкам в камне длинную красную полосу.

— Когда будете готовы, будьте любезны выстрелить, — сказал я своему помощнику, не удержавшись от некой доли укоризны в голосе, но он, как обычно, оставался совершенно нечувствителен к сарказму в любой его форме.

— Уже почти, — заверил он меня и наконец-то выстрелил, испарив мусороприемник, питьевой фонтанчик, а также разукрашенный горшок, в котором, кажется, некогда произрастали декоративные растения.

К счастью, Юргену удалось также задеть и ликтора, опалив один из его длинных шипов, а также превратив рвущие когти на левой верхней конечности твари в бесполезные куски зажаренного мяса, — и это несмотря на невероятную скорость врага. Конечно, чтобы убить ликтора, одного ожога недостаточно, но более чем достаточно, чтобы его

хорошенько разозлить. Завизжав от ярости, враг кинулся прямиком ко мне, ворвавшись в здание и прижав меня к импровизированной баррикаде прежде, чем я смог снова выстрелить из своего пистолета.

Борточа проклятия, я уклонился от первого выпада противника, насколько возможно смещаясь на сторону его поврежденной конечности, и рубанул по дымящемуся хитину цепным мечом. Юрген неплохо его пропек, кажется, потому как сукровица и ядовитые ручейки превратившейся в жидкость плоти стекали из трещин в покрывавшем тиранида панцире, так что мой меч, визжа, вонзился глубоко в тело врага, проводя на его боку широкий открытый разрез. Я, впрочем, знал, что не стоит ожидать, будто эта рана станет смертельной, и потому пригнулся, как раз когда противник развернулся, пытаясь снести мне голову оставшимся когтем-косой.

— Назад, комиссар! — настойчиво проговорил Юрген, который не мог

стрелять из опасения задеть меня, и я отчаянно рванулся, врезавшись в одну из перевернутых конторок, чувствуя, как кровь пульсирует у меня в ушах.

Если бы проклятая баррикада не стояла на пути, у меня была бы половина шанса спастись, потому как, возможно, тварь бросилась бы мимо меня, дабы начать поедать гражданских, я мог нанести ей неплохую рубленую рану в спину — но теперь этого уже не случится. Окруженный со всех сторон горой ломаной мебели, я мог ожидать столь же некрасивой смерти, какая постигла солдат СПО.

Внезапно, к моему изумлению, сильно смешанному с облегчением, ликтор отшатнулся, и кайма усиков, что свисали с его жвал, беспокойно задрожала. На мгновение я предположил, что это особенный дар Юргена каким-то образом снова пришел мне на помощь, но, кажется, не было никакой особенной причины, почему этот дар именно сейчас повлиял на тварь; определенно они находились сейчас не

ближе друг к другу, чем до этого.[81]

Но затем, пытаясь сосредоточиться на ближайшем окружении через тошнотворную дымку, которая, казалось, смыкается над моим сознанием, я заметил, что за моей спиной происходит нечто необычное.

Гражданские, как я уже говорил, попытались бежать, когда беспощадное чудовище ворвалось в здание терминала, но сейчас крики паники, казалось, еще больше усилились. Рискнув кинуть краткий взгляд через плечо, заставивший кровь в висках болезненно запульсировать, но одновременно каким-то непостижимым образом прояснивший сознание, я заметил, что толпа расступается и сбивается плотно у стен здания, вместо того чтобы убраться как можно дальше от ликтора, что было бы самым первым, и совершенно понятным, побуждением. Что-то еще напугало гражданских не меньше, чем чудовище, которому я сейчас смотрел в пасть, так что я предположил, что он не единственный тиранид, прорвавшийся

внутрь. Если дело обстояло именно так, то я совершенно не удивился бы, потому как ликторы склонны призывать прочих хищников, как только обнаружат достаточное скопление еды, чтобы оправдать целенаправленное нападение. Но вместо прилива гаунтов, или чистокровных генокрадов, мое зрение оскорбило нечто еще более ужасающее.

Три человека двигались сквозь расступающуюся толпу, не обращая ни на кого внимания: пожилой человек, девушка и мальчик-подросток. Девушка и мальчик сами по себе являли собой достаточно жуткую картину, потому как глаза их были пусты, а волосы развевались вокруг голов, как будто подхваченные яростным ветром, который не дано было ощутить никому из окружающих, но старик был в тысячу раз хуже, потому как попросту левитировал над полом на разрядах молний, блещущих и гремящих вокруг него. Похохатывая, словно безумец, он вскинул руку, и колдовской огонь окутал ликтора. Существо отшатнулось прочь, визжа, и через мгновение девушка из троицы

пробормотала что-то, призывая из чистого воздуха заряд кипящей плазмы. С жестокой усмешкой на лице она одним движением ладони запустила его через весь вестибюль, заставив разбиться о кучу мебели, за которой, съежившись, укрылся я.

— Изыди, ведьма, именем Императора!

Лысеющий, средних лет мужчина в одеждах экклезиарха низкого ранга выступил из толпы, размахивая аквилой, и голос его эхом отозвался по всему вестибюлю, когда он принялся зачитывать молитву экзорциста. Мальчик повернулся к нему с презрительным выражением на лице, будто человек этот был чем-то, что прилипло к подошве ботинка.

— Что Император вообще когда-либо для нас сделал? — спросил он, и экклезиарх рухнул на пол, будто его ударили по лицу, корчась и завывая, как одержимый. — Лишь Истинные Силы могут спасти нас теперь.

Пригвожденный к месту паникой, я переводил взгляд с одной угрозы на другую; ликтор, все еще окутанный колдовской энергией, вслепую наносил удары, а трио

псайкеров неуклонно приближалось ко мне. По крайней мере, тиранид из боя выбыл, хоть и временно, так что я выстрелил по ближайшему ведьмаку. Лазерный заряд сгорел в молниях, что окружали старика, и он снова расхохотался, очевидно будучи не более в своем уме, чем это заведено среди культистов Хаоса.

— Передает Каин! — отчаянно крикнул я в вокс, смещая прицел на девушку, которая как раз метнула в меня еще один заряд плазмы. Я пригнулся, и заряд попал в завывающего ликтора, заставив его пошатнуться. Он мог бы и вообще уничтожить эту тварь, если бы призрачное поле, которое все еще трещало вокруг тиранида; не поглотило часть энергии, — но что тут поделаешь, это же Хаос. Даже пытаясь работать вместе, его служители постоянно наступают друг другу на ноги. — Тираниды в терминале! И еще псайкеры!

Я выстрелил наугад в ведьму, и она пошатнулась, когда в груди ее открылась кровавая рана. Ожидал, что она упадет, но те таинственные энергии, которыми она

распоряжалась, кажется, поддержали ее, и девица лишь мрачно улыбнулась, призывая из чистого воздуха еще один адский заряд. Перед тем как я нырнул обратно в свое убежище, мальчик, что был третьим из них, встретился со мною взглядом и приливная волна отчаяния захлестнула меня. Не было смысла сражаться далее, уж это было очевидно. Победа их была предопределена, как и победа Хаоса, и лишь вопрос времени, когда сила его вырвется из Глаза Ужаса, чтобы изгнать Империум со звезд, как будто его никогда и не существовало. Даже сам Император падет, и Его душа будет разорвана, чтобы насытить отвратительных демонов...

На кошмарное, бесконечное мгновение я почувствовал, что балансирую на самом краю здравого рассудка, но затем мой настырный инстинкт выживания вновь заработал на полную силу, и я начал сражаться за свою душу так же отчаянно, как бился за нее на Слокенберге. Гибельные Силы не сумели забрать меня к себе тогда, несмотря на все свои усилия, и сейчас, варп их побери, у них ничего не выйдет.

Я глубоко втянул воздух, насыщенный благоуханием Юргена, и будто рывком снова стал самим собой, внезапно осознав, что мой помощник пробился ко мне через баррикады из мебели и уже снял с ремня лазган, очевидно не желая использовать гелту, когда в зоне обстрела было столь много невинных граждан. Невообразимый кошмар, тот, что юный псайкер каким-то образом внедрил мне в сознание, отступил, быстро превращаясь во что-то столь же лишенное значения, как и любой другой сон по пробуждении.

— Лжец! — проревел я, и глаза юнца расширились от потрясения за секунду до того, как заряд из моего лазерного пистолета расплескал его мозги вместе с той скверной, что проникла в них.

Экклезиарх тоже затих, очевидно более не находясь под зловещим влиянием псайкера, хотя в сознании ли он, я не имел ни малейшего понятия.

Два оставшихся псайкера замедлили свое продвижение, куда менее уверенные в легкой победе, и девушка даже немного пошатнулась, как будто ощутила наконец

последствия своего ранения. Старик, кажется, тоже опустился поближе к полу, и колдовские энергии, что трещали вокруг него, уже не были столь могущественны, как ранее, так что я ощутил вспышку пробудившейся надежды. Юрген, кажется, разрушал их возможности даже на таком расстоянии. У меня родилась отчаянная идея.

— Нам нужно сойтись с ними вплотную, — сказал я, и Юрген кивнул, принимая этот самоубийственный приказ так же, как если бы я попросил чашку танны.

— Готов, когда вы прикажете, сэр, — заверил он меня, вытаскивая из подсумка совершенно невероятных размеров штык-нож и пристегивая его к стволу своего лазгана точными и экономными движениями.

— Всегда в вас уверен, — заверил я Юргена, и мы выстрелили одновременно, дабы отвлечь псайкеров. Позади нас ликтор, шатаясь, вывалился обратно в дверной проем, наугад нанося вокруг себя удары когтями и выдирая из бронзы дверей

целые куски с зазубренными краями, в то время как выжившие солдаты СПО продолжали палить по нему столь же неприцельно, как и раньше. — Пошли!

Мы перевалились через остатки баррикады, причем я по ходу дела умудрился порвать обо что-то полу шинели, и ринулись к ошеломленным еретикам, стреляя на бегу. Они отступили на пару шагов, но та странная нечувствительность к нашему огню, кажется, все еще действовала, пока мы не приблизились на расстояние всего в несколько ярдов. Девушка, лицо которой вдруг исказил страх, попыталась призвать еще один комок кипящей плазмы, но он лишь зашипел и исчез в небытии, не долетев до нас, в то время как старик неожиданно рухнул на пол, когда исчезли его молнии. С криком страха и отвращения я одним взмахом цепного меча снес ему голову с плеч, прежде чем он успел среагировать, и увидел, как та пару раз подскочила, прежде чем остановиться, негодующе воззрившись на меня.

— Но как... — Она не смогла задать

вопрос.

Очевидно, до нее наконец дошел факт отсутствия большей части грудной клетки. Колени ее подогнулись, и выражение ошеломленного непонимания промелькнуло на краткий миг в ее глазах, а затем свет жизни в них померк. Когда она соскользнула на пол и застыла, большинство гражданских вокруг нас сотворили знак аквилы и сплюнули на три мертвых тела.

— Хорошо сработано, Юрген, — произнес я, все еще тяжело дыша.

Но конечно же, дело не было закончено. Смерть псайкеров освободила ликтора от их влияния, и он снова перешел в нападение, отбросив в сторону кучу мебели, преграждавшую ему путь. Ему явно не терпелось добраться до нас.

И я, и Юрген подобрались, готовясь отражать натиск чудовища, в то время как гражданские рассыпались вокруг нас, подобно паникующим гретчинам, а солдаты СПО застыли в нерешительности, очевидно опасаясь далее стрелять в тварь из опасения задеть нас.

Однако, раньше чем мы смогли разрядить в тиранида свое оружие, рев мощного двигателя эхом разнесло по обширному помещению, и, будто из ниоткуда, появилась «Химера», вспрыгнув по ступеням и ударившись о много претерпевшие двери со звуком, с которым, должно быть, падают колокольни. Голова и плечи Грифен были видны в открытом верхнем люке, и она нам помахала рукой.

— Прошу прощения, что задержались, — услышал я в воксе. — Водитель сломал руку, когда нас попытался перевернуть карнифекс, и мы потратили секундочку на то, чтобы посадить кого-то еще за руль.

— Вы прибыли очень вовремя, — заверил я ее, думая в то же время, как она намерена расправиться с ликтором, что все еще ковылял к нам, слишком быстро для тяжело раненной твари. Болтеры «Химеры», попытайся она ими воспользоваться, представляли смертельную опасность для гражданских, а закрепленные на броне лазганы защищали фланги машины. Впрочем, через мгновение я получил ответ. Вместо

того чтобы остановиться и десантировать солдат, как я того ожидал, тяжелая машина просто с ревом рванула внутрь терминала, раскатав по дороге остатки баррикады и превратив очень обиженного таким поворотом дел ликтора в большое дурно пахнущее пятно под гусеницами, и все это прежде, чем я сумел как-то отреагировать на происходящее. — Хорошо водите, Маго.

— Не стоит благодарности, комиссар, — заверили меня знакомые жизнерадостные нотки в голосе той, что вечно подкидывала мне проблемы с дисциплиной. Затем в интонации появилось удивление. — Но как вы узнали, что я за рулем?

— Просто угадал, — ответил я, в то время как меня постепенно окутывало всепоглощающее желание прилечь.

Гражданские не переставали орать, но уже не от ужаса. Моя отчаянная атака против псайкеров стала подтверждением всему, что они слышали о моей легендарной храбрости под огнем противника. В голове у меня снова начало

гулко постукивать, и казалось, ничего из происходящего вокруг меня не имеет ни малейшего смысла.

Ну или почти ничего. Юрген почтительно откашлялся, затем вынул фляжу-термос откуда-то из своего собрания подсумков.

— Танны, сэр? — предложил он.

Я кивнул и поморщился от неприятных последствий этого действия.

— Благодарю вас, Юрген, — произнес я, когда зрение мое снова прояснилось. — Полагаю, я заслужил.

Глава двадцать третья

— Вы в этом уверены? — спросил я, с большим трудом маскируя немалое удивление.

Киш кивнул:

— Абсолютно. Пришлось немного повозиться, но, как только мы идентифицировали наших неподконтрольных псайкеров, мы сумели проследить все их передвижения за последние несколько лет с большой точностью.

Он вывел данные на гололит в центре стола для переговоров, и Эмберли кивнула, как будто увиденное лишь подтверждало то, что она уже давно предполагала.

— У них есть, конечно же, как вы можете предположить, общие знакомые, но никаких связей вне их родного плато. За

одним исключением.

— Но возможно, это просто совпадение, — проговорил я, пытаясь не обращать внимания на покалывание в ладонях. — Все-таки есть лакуны в записях.

— Что неудивительно в текущих обстоятельствах, — мягко напомнила Эмберли.

Хотя на тот момент уже можно было сказать, что мы наконец обратили тиранидов в бегство, удержав все важнейшие центры Периметунды и снова заняв те немногие, которые им удалось поглотить, война все еще была далека от завершения. Наш флот наконец-то переломил хребет флота-улья, заставив то, что от него осталось, отступить в поисках более простых целей, так что споровый дождь прекратился еще неделю назад. Несмотря на это, еще очень много тварей оставалось на поверхности, чтобы представлять собой серьезную проблему для Гвардии и того, что оставалось от СПО, и такое положение дел продлится еще немалое время. Даже когда все плато

были зачищены, там еще оставалась уйма бродячих тиранидов, с которыми тоже нужно было что-то делать.

Но все же проблема с каждым днем теряла остроту. Теперь, когда не осталось больше биокораблей, которые можно было убивать в космосе, Флот перешел к тому, чтобы в меру сил отстреливать самые крупные скопления врага с орбиты, при этом уделяя особое внимание пищеварительным резервам, которые способны были породить для тиранидов подкрепление. Орбитальные бомбардировки, впрочем, не сильно помогали против значительно разбросанных на местности войск противника, и последние упорствующие из тиранидов заставляли выслеживать и отстреливать себя традиционным способом. Это, впрочем, было уже не нашей проблемой, благодарение Императору. Обычные люди не могли даже надеяться выжить в адских условиях вне плато, не говоря уже о том, чтобы сражаться там, так что честь наконец-то объявить Периметунду полностью свободной от

заражения ксеносами выпала Орденам Астартес.

Я кивнул и вновь приятно удивился тому, что за этим движением не последовало прилива тошноты. Не то чтобы я отдыхал те две недели, которые прошли со дня очень нервной стычки в терминале космопорта, но и настоящего боя с тех пор я не видел, распределяя свое время между рутиной службы и пробиванием заявки на проведение инспекции в Гаварронских СПО (теперь, когда дела шли достаточно мирно для того, чтобы уделить этому некоторое внимание). Еще я бегал от местных пикт-репортеров, которые писали что-то очень похожее на жития святых. Вообще окружающие вознамерились поверить в героическое единоличное спасение тысячи гражданских от орды изголодавшихся ликторов и отряда культистов Хаоса.

Запрос Киша о личной встрече для обсуждения глубоко секретных вопросов оказался для меня в определенной степени неожиданным (как, впрочем, и присутствие в конференц-зале Эмберли,

что было сюрпризом еще большим и много более приятным), но я ухватился за него с благодарностью в надежде на то, что, если сбегу на Принципиа Монс без предупреждения, то, по крайней мере, смогу пережить пару следующих дней без того, чтобы какой-нибудь идиот принялся совать мне в лицо визуализатор и просить прокомментировать какое-нибудь событие, о котором я никогда и слыхом не слыхивал.

— Ваша правда, — сказал я.

Основная часть архивов, которые я просмотрел, была вывезена со Скайвеста[82] элитным отрядом юстикаров под личным руководством Найта всего через несколько часов после того, как оттуда выбили тиранидов, и получила такой гриф секретности, что я сомневался в том, что даже Живану позволялось на них взглянуть.[83]

Я указал на имена, тонкими красными стрелками связанные с теми тремя, которые представляли для нас особый интерес.

— Кого-то из этих людей ты может

допросить?

— Только если вы желаете засунуть голову в пасть тираниду и покричать: «Эй, есть кто живой?» — сухо отозвалась Эмберли.

Киш поглядел на нас с некоторым неодобрением, ему не нравилась наша легкомысленность.

— Как свидетельствуют проверенные источники, никто из них не пережил нападения тиранидов на Скайвест, — деловым тоном проговорил он, — но мы все равно можем сделать интересные выводы относительно их взаимодействия.

— Культ Хаоса, — сказал я, распознав характерные признаки. — Или, по крайней мере, местная ячейка оного.

Эмберли кивнула, и вид у нее был несколько удивленный скоростью моего дедуктивного мышления, но мне ведь уже приходилось встречать подобные вещи, и достаточно часто, чтобы с первого взгляда узнавать почерк.

— Я тоже так это интерпретировал, — сказал Киш. — Хотя мне кажется достаточно необычным, что

небольшая группа обладала третьи умелыми колдунами.

Арбитр адресовал инквизитору вопрошающий взгляд.

— Так и есть, — подтвердила Эмберли. — И именно поэтому нужно как можно скорее последовать и по другому следу тоже. — Затем поглядела на меня, радостно улыбаясь, и я постарался подавить дрожь дурного предчувствия. — К счастью, Кайафас предоставил нам идеальную возможность именно для этого.

— Правда? — спросил я. Затем показал на гололит. — Конечно, можно допустить, что каждый из этих псайкеров действительно наведывался на Гаваррон по крайней мере один раз за последние пять лет, но мои полномочия распространяются исключительно на СПО.

После обмена многочисленными дипломатическими записками и совершенно бесстыдной игры на своей репутации я сдвинул дело с мертвой точки и в конце концов добился разрешения расследовать инцидент на Ацеральбатерре, раз уж поблизости нет

местного комиссара, который мог бы принять это дело.[84]

Поскольку никаких других событий, способных вызвать дополнительные вопросы о лояльности местного ополчения, за прошедшее время не произошло, были все шансы на то, что моя затея в итоге окажется пустой тратой времени, но она давала мне возможность еще день или два оставаться на комфортном расстоянии от операций по зачистке планеты от тиранидов.

— Так что не вижу, как бы я мог расследовать еще и этот случай.

— Вам и не придется, — заверила меня Эмберли. — Но ваше расследование о случае «дружественного огня» будет отличным прикрытием для того, чтобы, не привлекая внимания, мы могли поинтересоваться и другими вопросами.

— Например, такими как?.. — спросил я, ощущая все меньше энтузиазма.

Эмберли взглянула на меня так, как обычно глядели старые добрые наставники в Схоле, когда собирались мне указать на

какое-то очевидное упущение с моей стороны.

— Ну, когда вы предполагали, что в СПО Гаваррона мог проникнуть враг, подразумевались гибриды генокрадов. Это, конечно же, само по себе вполне вероятно, но у Империума имеются и другие скрытые враги, о чем не стоит забывать.

— Вы действительно полагаете, что имеется культ Хаоса, нашедший укрытие в ленных владениях Экклезиархии? — Я не сумел удержаться от скепсиса в голосе.

Эмберли пожала плечами:

— Почему бы и нет?

Я почувствовал, как челюсть моя пару раз спазматически открылась и закрылась, прежде чем смог говорить членораздельно.

— Ну, для начала потому, что Эглантина и ее гарпии выжгли бы всех еретиков скопом уже много лет назад, — резонно заметил я.

Эмберли вновь пожала плечами.

— Это если бы они вообще их заметили, — сказала она, совершенно не тронутая моим уже совершенно

неприкрытым недоверием. — Насколько свидетельствует мой опыт, такие люди, как она, склонны очень многое принимать от окружающих как само собой разумеющееся.

— Ну что же, сообщу, если обнаружу что-нибудь, — сказал я, надеясь перевести разговор на более безопасную почву.

Улыбка Эмберли стала еще шире, и мне стало ясно, что дрожь дурного предчувствия становится только сильнее.

— А вот этого не потребуется, — радостно заверила она меня. — Я отправлюсь вместе с вами. — И она кокетливо улыбнулась. — Думаю, что буду очень неплохо смотреться в гвардейской форме.

Ну что же, насчет последнего она оказалась права, и это служило мне некоторым утешением. Эмберли радостно ухмылялась мне из-под вальхалльской шапки, темный мех которой отлично оттенял ее чуть бледные черты и светлые волосы. Прилагавшаяся к форме шинель не была застегнута, открывая

облегающую все ее округлости форму, а вот отсутствие нательной брони меня сначала удивило. Но с другой стороны, наш визит не должен был превратиться в боевое задание. Хотя я не сомневался, что Эмберли столь же хорошо экипирована, как была на Гравалаксе, несмотря на отсутствие каких-либо видимых защитных элементов.

— Ну что, как я выгляжу? — спросила она, отпивая глоток амасека из хрустального бокала.

Мы занимали места в пассажирском отделении ее «Аквилы», которая оказалась перекрашена специально для этого случая в тусклые цвета Муниториума и теперь выглядела снаружи как второразрядная грузовая машина, не видевшая ремонтного дока со времен Готических Войн. То есть выглядела как транспорт, который я мог бы реквизировать для дел не самой большой важности.

— Очаровательно, — заверил я Эмберли, не покривив душой. — Можешь сойти за солдата, если никто не будет слишком присматриваться.

Последнее было более или менее верно и для всех остальных из ее команды. В конце концов, в сравнении с Юргеном даже Симеон выглядел настоящим штурмовиком. Поскольку его импланты были спрятаны под форменной вальхалльской шинелью и шапкой, бывший комиссар выглядел более по-человечески, чем я его когда-либо видел, а мощная доза какого-то из транквилизаторов свела к минимуму его обычный набор припадков и тиков. Пелтон тоже хорошо играл свою роль, потому как годы, проведенные в Адептус Арбитрес, несомненно, добавляли ему внешней дисциплинированности не меньше, чем военная форма.

Слабым звеном, конечно же, являлась Земельда, которая, как бы ни старалась, могла сойти только за гражданскую, позаимствовавшую военную форму. Во всяком случае, для любого, кто знал, что такое Имперская Гвардия. Она, впрочем, старалась как могла, даже вернула себе натуральный цвет волос (каштановый весьма приятного оттенка). Столкнувшись с непреклонным намерением

Эмберли взять Земельду с собой, я склонился перед неизбежностью и лишь посоветовал добавить к ее образу несколько повязок, якобы ее недавно контузило в бою. Таким образом, если кого насторожит ее выправка или поведение, это можно будет списать на дезориентацию, с которой я излишне хорошо познакомился за последние пару недель. Конечно, надо признать, надежда на этот трюк была довольно слабой, но, поскольку мы собирались вести дела с СПО, которые и сами недалеко ушли от гражданских, это могло сойти нам с рук.

Не надо и говорить, что Земельда была просто в восторге от возможности снова закрутить водевиль с переодеваниями и репетировала роль контуженой с не меньшим энтузиазмом, чем роль горничной благородной леди. Нам с Эмберли пришлось воспользоваться всем нашим влиянием, дабы самым строгим образом запретить ей кривляться как в вертепе.[85]

К моему немалому облегчению,

Рахиль и Янбель оставались на борту, поскольку даже Инквизиции не под силу выдать эту парочку за солдат Гвардии.

Я пригубил амасека из своего бокала, стараясь унять трепет сомнения. Конечно же, инквизитор знала, что делала, это надо принимать как само собой разумеющееся; проблема была в том, что у меня не было ни малейшего представления, чего же конкретно она хотела добиться. В теории, конечно, все выглядело достаточно разумно: позволить ее подчиненным проникнуть на Гаваррон под видом моего эскорта, который не должен был вызвать отторжение у встречающих. В конце концов, если бы среди гаварронцев и правда оказались гибриды, было бы наивно рассчитывать на серьезную поддержку со стороны их бывших товарищей при возможном огневом контакте.

Учитывая именно последнюю вероятность, я собирался взять с собой отряды Ластига или Грифен, до тех пор пока Эмберли не предложила себя в качестве ложной замены, и, надо сказать, я все равно предпочел бы взять с собой

гвардейцев. У меня не было сомнений в умении ее людей сражаться, но я не стоял с ними бок о бок в сражениях и не мог рассчитывать на то, что они будут действовать как гвардейцы и прикрывать мою спину. В первую очередь они были преданы Эмберли, Инквизиции и той миссии, которую она на них возложила. Не было и сомнения в том, что если бы возник конфликт интересов, то они оставили бы меня на мели, не задумавшись даже ни секунду. А самое паршивое, я все еще не представлял себе, кроме как в самых общих чертах, что же они собираются предпринимать, когда мы прибудем к месту нашего назначения. Хотя, может, это было и к лучшему. Если бы я знал, что они рассчитывают отыскать на Гаварроне, будьте уверены, недобрые предчувствия терзали бы меня, на зависть тиранидам.

По крайней мере, я знал, что могу всецело доверять Юргену, и потому дал себе зарок оставаться как можно ближе к нему, несмотря на все отрицательные стороны этого нелегкого решения. Юргену

же, в свою очередь, пришлось мириться с необходимостью оставить свою любимую игрушку, потому как мелта была совсем не тем оружием, которое помощник комиссара постоянно носит с собой на рутинные проверки в собственном тылу. Юрген явно не был рад такому раскладу, потому как тоже не считал беды наши оконченными (что, учитывая, как у нас шли дела с самого момента прибытия на Периметунду, вряд ли можно было поставить ему в вину). Лишенный такого успокоительного, как мелта, Юрген сидел в одном из кресел, баюкая на коленях лазган, навязчиво проверяя исправность каждого из компонентов оружия. Ну, по крайней мере, это отвлекало его от обычных горестей воздушного полета, так что я просто благословил Императора за подобные маленькие милости, а сам попытался полностью охватить взором картину ленного владения Гаваррон, пока Понтий облетал его по кругу, заходя на посадку к одной из площадок местного расположения СПО.

Первое, что меня поразило, — чистота, резко контрастирующая с другими плато, которые мне выдалось повидать с момента моего прибытия на Периремунду. Беспорядочные скопления жилищ и буйная, вольная природа, боровшиеся друг с другом за каждый дюйм пространства, здесь сменились широкими, прямыми проспектами через ухоженные поля, где любые сорные травы или полевые цветы, что решались поднять голову над поверхностью земли, искоренялись так же беспощадно, как и еретики. Квадраты этих полей были ограничены аккуратно подстриженными живыми изгородями, которые, как мне показалось, образовывали между собою идеальные прямые углы. Город, над которым мы пролетали, был спланирован с такой же геометрической строгостью, и улицы его образовывали идеальную координатную сетку, приводя, как и положено, к обширной площади в центре, где храм Императора величаво возносил к небу множество шпилей, зубцов и статуй.

— Город словно игрушечный, —

произнесла Земельда, и в голосе ее была нотка неодобрения: она сравнивала его с уютным, живым столпотворением Принципиа Монс — сравнение было не в пользу Гаваррона. И я был согласен с ней. Идеальность здешнего ландшафта, долженствовавшая отражать преданность Ему, сущему на Земле, в каждой, самой незначительной детали повседневной жизни, мне показалась стерильной и чужеродной в той же мере, как, к примеру, четкая функциональность клановых жилищ тау.[86] Затем Земельда вытянула шею, чтобы лучше видеть что-то в отдалении. — Мы туда направляемся?

— Нет. — Эмберли покачала головой. — Это монастырь. Мы садимся на летном поле СПО.

Орден Белой Розы, судя по всему, не был скован обетом бедности. Монастырь их выглядел так, будто это было загородное имение какого-нибудь провинциального аристократа одного из аграрных миров, и вытянутые белые здания Сестринства поднимались над

земней не более чем на три этажа, составляя сложные композиции переплетающихся между собой квадратных двориков, в центре которых били фонтаны и цветы склонялись под нежным ветерком. Другие, более обширные дворы, очевидно, имели более утилитарное назначение: там Сестры, облаченные в силовые доспехи, практиковались в боевых искусствах и выполняли упражнения с четкостью, которую сержант Лерми[87] хоть и скрепя сердце, но нашел бы похвальной. В других дворах, заполняя пространство четкими линиями, стояли блестящие черные «Рино», украшенные эмблемами Сестринства и облепленные свитками обетов, из-за чего выглядели скорее как самодвижущиеся часовни, чем практичные БМП. Удивляло лишь то, как далеко от монастыря располагался пункт нашего назначения. В нескольких километрах. От осознания этого ладони мои начали зудеть под перчатками.

— Не подходим ли мы слишком близко к их воздушному пространству? — спросил

я, и Этберли кивнула.

— Определенно, — согласилась она, связываясь по воксу с рубкой управления, причем голос ее при этом звучал скорее заинтригованно, чем обеспокоенно. — Понтий, что происходит?

— Инквизитор? — Нашего пилота, судя по всему, вопрос откровенно поставил в тупик. — Я следую тем координатам, что предоставил мне диспетчер. Желаете ли вы, чтобы мы прекратили снижение?

— Нет, не сейчас. — Этберли откинулась в кресле с таким выражением, как будто подтвердилось то, о чем она и раньше сильно подозревала. — Давайте разыграем сценку до конца и поглядим, как пойдут дела. — Инквизитор кинула на меня взгляд и усмехнулась. — Полагаю, он только что сделал свою первую ошибку, — сказала она, и удовольствие в голосе можно было потрогать руками. — Ты, похоже, здорово его раздразнил.

— Кого? — спросил я. — Метея?

— Вероятно, и его тоже, — подтвердила Этберли.

Застарелое и очень неприятное чувство, что мне сообщили далеко не все о происходящем, снова начало подниматься во мне, но смысла проявлять сейчас свою тревогу открыто не было никакого, так что я только кинул взгляд в сторону Юргена. Тот, кажется, был наконец удовлетворен состоянием своего лазгана и потому загнал энергетические батареи на место с решительностью, которая очень успокоительно на меня подействовала.

— Захожу на посадку, мэм, — раздался голос Понтия по воксу, и я выглянул наружу, стараясь сориентироваться.

Широкие, низко подстриженные газоны, окружающие монастырь, внезапно исчезли из виду, как и все остальное, кроме панорамы пустынной местности на невозможной глубине под нами, и я внезапно осознал, что лужайки эти граничили с отвесным обрывом. В отличие от космопорта на Хоарфелле, здесь не было никакой ограды, способной предотвратить очень долгий полет какого-нибудь несчастного, вздумавшего здесь прогуливаться. И не в первый раз я

задумался о том, а все ли бусины в сестринских четках были на месте?[88]

И прежде чем взору предстала — на этот раз гораздо ближе — ровная зеленая трава, я успел заметить краткую актиническую вспышку в низко нависающих облаках к юго-западу от нас — словно самую большую молнию, которую только можно себе представить. Но мы уже летели низко над рощицей фруктовых деревьев, чьи ветви лениво закачались от ветра, поднятого нашим движением, а затем оказались над красными черепичными крышами, причем черепицей разных оттенков были выложены повторяющиеся рисунки аквилы и геральдических лилий.

— Приготовьтесь к посадке, — сообщил нам Понтий, прежде чем включить маневровые двигатели, и знакомое ощущение пустоты внизу живота вместе с характерными звуками юргеновского дискомфорта сообщили мне, что мы вертикально опускаемся на посадочную площадку.

Белые стены поднялись в смотровых иллюминаторах, обступая нас со всех сторон, и через мгновение слабый толчок эхом отозвался в корпусе, когда наши посадочные полозья пришли в соприкосновение с поверхностью. Понтий снизил обороты двигателей.

— Вот и хорошо, — произнесла Эмберли, решительно вставая, — давайте пойдем и посмотрим, в чем же тут дело.

Мне ничего не оставалось, как последовать за ней.

— Юрген, — обронил я и подождал, пока мой помощник не займет свое обычное место возле моего плеча, чтобы позволить себе насладиться этим недолгим моментом полной самоуверенности. А заключался он в том, что я рукой чуть придержал Эмберли, не позволяя ей первой выйти из челнока.

— Капрал, вы знаете свою задачу, — сказал я.

— Комиссар. — Она четко отдала честь, входя в роль, которую выбрала для себя, демонстрируя лишь тень веселья, и принялась строить остальных в подобие

огневой команды,[89] с тем чтобы все они могли последовать за мною вниз по пандусу, держа лазганы «на плечо». Юрген, впрочем, свой закинул за спину, как привык делать в подобных обстоятельствах, что оставляло его руки свободными, дабы иметь возможность быстрее выполнить какие-то мои приказания, буде таковые возникнут.

Мы вышли на посадочную площадку, окруженную белыми зданиями монастыря, и плотный отряд закованных в силовую броню Сестер выдвинулся быстрым шагом навстречу, дабы приветствовать нас, причем болтеры они держали на изготовку. Стараясь заглушить все возрастающее недоброе чувство, что узлом заворачивало мой желудок, я вежливо приветствовал их отдачей чести, ожидая, когда они подойдут на расстояние, где можно будет начать разговор.

Как только наши ноги коснулись камнебетона, Понтий вновь подал мощность на двигатели и «Аквила» легко поднялась в воздух позади нас. Немедленное

отбытие нашего транспортного челнока подразумевалось как совершенно нормальное явление, будь мы именно теми, кого изображали, — а самое последнее, чего нам хотелось бы, так это давать нашим невидимым врагам (если они вообще существовали здесь) хоть малейший намек на то, что в моем визите есть нечто необычное. Но вместо того чтобы вернуться на Принципиа Монс, Понтий должен был держаться в воздухе поблизости от Гаваррона, надежно укрываясь ниже края плато, в мертвой зоне любых местных аусник-систем, которые могли бы выдать его местонахождение.

Когда рев двигателей затих в небе, я осознал, что слышу звук, подобный очень отдаленным артиллерийским залпам, и вспомнил ту вспышку света, что заметил еще в воздухе.

— Гром? — спросил Юрген, с подозрением поглядывая на небо.

Эмберли покачала головой.

— Флот, — сказала она. — Должно быть, где-то неподалеку обнаружили большое скопление тиранидов.

— Очень мило, — пробормотал я про себя, вызвав у инквизитора под прикрытием краткую, совершенно неуставную усмешку.

Придав лицу выражение спокойной уверенности, я шагнул вперед, обращая взгляд к старшей Сестре среди тех, что приближались к нам, и поднял руку в официальном приветствии.

— Комиссар. — Женщина лаконично ответила тем же жестом, и ее короткие пепельно-серые волосы слегка откинулись, позволяя мне заметить, что татуировку в виде геральдических лилий на ее щеке пересекает тонкая белая полоса зажившего шрама. Ее манеры лишь подтверждали, что она является опытным воином, и, таким образом, принимать ее нужно было со всей серьезностью. Ну что же, вполне справедливо, но на меня это утверждение тоже распространялось. — Добро пожаловать в монастырь Белой Розы.

Взгляд ее быстро метнулся мне за спину, пробежав по Эмберли и ее окружению, оценивая, какую возможную угрозу они могли собой представлять, и,

очевидно, приходя к заключению, что никакой особенной.

— Мне не доложили, что с вами будет кто-то еще.

— Мой помощник, стрелок Юрген, — представил я, отмечая его присутствие коротким жестом. — Он сопровождает меня по любому официальному делу.

Я кинул взгляд на Эмберли, будто едва замечая ее присутствие.

— Это капрал Вейл, командует выделенной мне личной охраной.

— Мэм, — отреагировала Эмберли, отдавая честь и, к моему некоторому изумлению, застывая по идеальной стойке смирно, как на параде, будто ожидая дальнейших приказов.

Остальные остались стоять вольно, не опуская оружия, но и не перекладывая его в боевую готовность, что было с их стороны весьма неглупо, поскольку Сестер было вдвое больше и к тому же они были облачены в силовую броню и вооружены болтерами.

— Для меня встреча с вами также является приятной неожиданностью, —

произнес я, стремясь сохранить за собой инициативу в разговоре. — Планировалось, что мы приземлимся в расположении приписанных вам СПО.

— Решение перенаправить вас сюда было принято на самом высоком уровне, — заверила меня Сестра Битвы с таким благоговейным придыханием в голосе, от которого у меня волосы зашевелились на загривке.

Живан и Киш определенно полагали, что мы будем придерживаться изначально разработанного плана, и, принимая во внимание Эмберли, я не мог назвать больше ни одной крупной шишки на этой планете. Но впрочем, Экклезиархия склонна была играть по совершенно особым правилам, так что я начал подозревать, что вламываться в их карманное королевство без приглашения было не такой уж хорошей идеей. Закованная в броню женщина повернулась, жестом предлагая нам следовать за собой. И, находясь в окружении тяжеловооруженных фанатичек, я, как вы можете понять, не намерен был с нею спорить.

— Пройдемте со мной, инквизитор вам все объяснит.

Глава двадцать четвертая

— Инквизитор? — эхом повторил я, бросая, помимо собственной воли, быстрый взгляд в сторону Эмберли, но та продолжала, не пропуская ни единого вдоха, играть роль невозмутимого вальхалльского капрала, а кроме нее, кажется, никто больше не заметил моей секундной слабости.

Старшая Сестра только кивнула, когда я пошел в ногу рядом с нею, остальной же отряд построился вокруг нашей маленькой группки так, чтобы, изображая почетный эскорт, они в то же время не оставляли ни малейших сомнений в том, что разнесут нас градом болтерного огня, случись нам только сделать что-нибудь непозволительное. Все

вместе мы прошли через посадочное поле к широкому дверному проему в одном из окружавших нас зданий.

Как мне вспоминается, воздух был замечательно свеж, вне сомнения благодаря близкому соседству с краем плато, и напоен ароматами свежескошенной травы и цветущих фруктовых деревьев, ощутить которые не составляло никакого труда, даже несмотря на гораздо более приземленное и близкое благоухание Юргена. На этой высоте солнце светило чисто и светло, все еще оставаясь теплым, хотя задувающий ветерок нес прохладу, которая делала вполне оправданными наши шинели. Настоящие вальхалльцы, конечно, уже отказались бы от теплой одежды, предпочитая оставаться в рубашках до той поры, пока все не покрылось добрым слоем изморози, но Сестры находились в неведении относительно этого факта.

— Присутствие его здесь является тайной, — объяснила Сестра, как будто это должно было быть для меня совершенно очевидным. — Я уверена, что

вы понимаете, насколько важна секретность в подобных обстоятельствах.

— Конечно же, — отозвался я, важно кивая, несмотря на то смятение, в которое она только что ввергла мой разум.

Эмберли, впрочем, не казалась особенно удивленной таким развитием событий, что заставило меня заподозрить, и совершенно, как выяснилось, справедливо, что она все это время знала о присутствии на планете второго инквизитора. Из тех замечаний, что случалось отпускать Эмберли за время нашей совместной работы, я вынес мнение, что не каждый в Инквизиции — если говорить образно — проповедовал одни и те же истины, но до сих пор мне не приходило в голову, что настоящей целью ее визита на Периремунду был один из коллег. Если, конечно, именно так и обстоят дела. Справившись с замешательством как сумел, я постарался, чтобы голос мой звучал столь же спокойно и деловито, как и у нашей проводницы:

— Победа или поражение в битвах,

бывало, зависели от одного неосторожного слова.

— Отлично сказано, — вмешался в наш разговор новый голос.

Беседуя с Сестрой, мы вышли к широкому мраморному портику, увешанному изображениями Императора и испещренному неизбежными геральдическими лилиями, от вида которых меня уже тошнило. Говоривший же был мужчиной средних лет, с хорошо очерченными мускулами, карими глазами и каштановыми волосами. Но мне случалось видеть столетних людей, которые выглядели на двадцать — по причине излишнего увлечения ювенальной терапией, — так что принимать его физический облик за надежное указание на истинный возраст я бы не стал. Наша скромная процессия как раз готова была войти под колоннаду, когда человек этот поднялся со скамьи, что стояла поблизости от декоративной решетки, увитой сладко пахнущими розами цвета свежевыпавшего снега; он подошел, чтобы приветствовать нас, дружелюбно улыбаясь

и протягивая мне руку для пожатия:

— Вижу, что репутация ваша вряд ли хоть в чем-то преувеличена.

— Больше, чем вы можете себе представить, — отозвался я, твердо отвечая на его пожатие, поскольку моих аугметических пальцев было вполне достаточно для того, чтобы пресечь любую скрытую попытку сбить с меня уверенность излишней приложенной силой.

Прикосновение его было четким и решительным, но не более того. Очевидно, необычный человек, гостями которого мы оказались, полагал, что не имеет причины опускаться до таких ребяческих состязаний, чтобы продемонстрировать свой статус. К моему удивлению, он легонько хмыкнул, отпуская мою руку, как будто нашел мой ответ чрезвычайно остроумным.

— Именно подобных слов я и ждал от такого человека, как вы. — Он оправил лацканы своего опрятного черного камзола и кивнул нашей проводнице. — Сестра Каритас, не могли бы вы позаботиться о том, чтобы товарищам комиссара

предоставили все необходимые удобства? Склонен полагать, что в трапезной найдется что-нибудь приемлемое на солдатский вкус.

— Это очень любезно с вашей стороны, — отозвался я, не выказывая ни малейшего смущения, что бы ни происходило, даже если опасаюсь разлучаться в подобных обстоятельствах с Эмберли, — в конце концов, она гораздо больше знала о том, что тут происходит. — Но не уводите их слишком далеко. Нас еще ждут дела в расположении СПО, и они мне потребуются, когда я туда направлюсь.

— Они будут ждать вас, как только вы будете готовы покинуть нас, — заверил меня этот странный инквизитор.

Мне оставалось лишь кивнуть.

— Вольно! — бросил я Эмберли.

Та снова отдала честь, повернулась к остальным и, ловко копируя интонации младшего сержантского состава, когда те выговаривают своим подчиненным, как будто служила в этом звании с Первого Основания, сказала:

— Так, мы все тут гости в доме Императора, так что я жду, чтобы вы вели себя соответственно. Выказывайте почтение Сестрам, следите за манерами и не распускайте фрагов язык.

— Есть, капрал! — со всей серьезностью отозвался Пелтон, и остальные закивали, не выходя из своей роли.

Когда они построились, чтобы покинуть помещение, я жестом велел Юргену остаться.

— Пройдите за мной, — сказала Сестра Каритас остальным, неодобрительно поджимая губы, и повела псевдовальхальцев прочь; весь ее отряд, к моему несказанному облегчению, отправился следом.

Инквизитор посмотрел на оставшегося Юргена и чуть приподнял бровь.

— Юрген является моим личным помощником, — просто объяснил я. — Его допуск к секретной информации является равным моему.

Мужчина кивнул, и в глазах его

зародился огонек веселья.

— Конечно же, оставьте его при себе. На вашем месте я бы тоже желал, чтобы у меня был кто-нибудь под рукой. — Он указал в направлении арочного прохода, ведущего в глубину монастырского комплекса. — Возможно, вы будете не против легкого обеда, пока мы разговариваем.

— Определенно, но прежде хотелось бы получить некоторые объяснения. — Я не собирался раскрывать карты и не испытывал ни малейших сомнений в том, что, несмотря на дружелюбные манеры, этот тип чрезвычайно опасен. Лишившись присутствия Эмберли, я счел наилучшей тактикой поощрять этого нового инквизитора раскрываться передо мной, а дальше оставалось лишь надеяться на Золотой Трон, что удастся выделить из сложившейся ситуации какое-то подобие смысла и без того, чтобы выдать ему, насколько же я по-настоящему мало знаю о происходящем. — Например, неплохо для начала было бы узнать, кто вы такой и почему прервали мою инспекцию.

— Дорогой друг, как невнимательно с моей стороны. Я инквизитор Киллиан, Ордо Еретикус. — Мы продолжали идти вперед, продвигаясь по лабиринту коридоров столь широких, что по ним с легкостью можно было водить «Саламандру». Затем прошли через анфиладу комнат, видимо служивших гостевыми апартаментами, удивительно хорошо обставленными для монашеской общины. Широкие скользящие двери в стене одной из гостиных выходили на лужайку, окруженную ухоженными кустами роз, и мой проводник чуть поспешнее, чем требовали приличия, указал на них. — Возможно, вы будете не против того, чтобы отобедать на свежем воздухе, al fresco?

— Как пожелаете, — любезно отозвался я, следуя за ним в сад.

Как раз когда мы выходили, над моей головой пронеслось нечто, при ближайшем рассмотрении оказавшееся сервочерепом, несущим большую серебряную супницу. Я подозрительно проследил за ним, пока он, выгружая свою ношу, завис над витым

кованым столиком, расположенным в самом центре сладко благоухающей беседки. Там уже кто-то сидел — техножрец с лицом, представляющим собой ничего не выражающую маску. Он медленно поднялся, когда мы приблизились. Киллиан с кривой улыбкой отметил мою реакцию на сервитора.

— Эти совершенно безопасны, — заверил он меня, затем повел рукой в сторону техножреца. — Поскольку вы настояли на том, что вас будет сопровождать ваш помощник, надеюсь, вы не будете возражать, если такая же любезность будет распространяться и на меня.

— Разумеется, нет, — заверил я инквизитора и протянул руку, которую, к моему несказанному облегчению, техножрец пожал также рукой, а не одним из тех механодендритов, что медленно развевались над его плечами. — Неуловимый магистр Метей, я полагаю.

Догадка была, очевидно, совершенно верной, потому что техножрец, услышав мои слова, отшатнулся и кинул на

Киллиана быстрый взгляд из-под клобука. На его лице не оставалось достаточно плоти для того, чтобы передать ошеломленное выражение, но после подобной реакции это уже не имело значения.

— Вы, я так понимаю, пообщались с Лазуром, — произнес Киллиан, устраиваясь в одном из свободных кресел, расположенных вокруг стола, и жестом приглашая меня садиться. Все еще продолжая изображать хорошую мину при плохой игре, я так и сделал, воспользовавшись этой возможностью для того, чтобы проверить, как ходит цепной меч в ножнах, пока устраивал его поудобнее. Киллиан отметил это мельчайшее движение, но предпочел не заострять на нем внимания, вместо этого указав на богатый выбор кушаний, что были выставлены на столе между нами. — Могу я предложить вам кусочек пирога?

— Мы обменялись с Лазуром парой слов, — вежливо признал я, при этом отказываясь принять то блюдо, что он мне протягивал. — После того совещания,

на которое заглянул подосланный вами убийца. Ведь, полагаю, он был вашим?

Это было весьма разумное предположение, потому как Ордо Еретикус постоянно имел дело с ведьмами и неподконтрольными псайкерами и с гораздо большей вероятностью, чем любая другая имперская служба, мог получить доступ к санкционированным представителям этой породы.

— Нашим, — признал Киллиан, нимало не смутившись. Он снял крышку с супницы и налил себе полную тарелку супа из гроксовых хвостов, не замедлив с видом знатока снять пробу. — Вы уверены, что не хотите? Очень неплохо приготовлено. В него добавляют какую-то местную дикорастущую травку, которая растет на некоторых из нижних плато. Пока есть такая возможность, нужно наслаждаться, не думаю, что ее много осталось после того, как там побывали тираниды.

— Рискну показаться невежливым, — осторожно произнес я, — но мне не внушает оптимизма мысль отведать чего-то, что мне предлагает человек, уже

предпринявший несколько попыток отнять мою жизнь.

— Никаких обид, — заверил меня Киллиан. — Но если бы я все еще желал вашей смерти, достаточно было бы приказать Сестрам позаботиться обо всем, едва вы сошли с челнока. Я сомневаюсь, что даже человек ваших внушительных воинских качеств смог бы победить целый монастырь.

Ну что же, этот довод прозвучал достаточно убедительно, да и я к тому времени почувствовал, что с каждой минутой становлюсь все голоднее, так что пришлось оставить сомнения и налечь на еду. Надо сказать, угощение оказалось на славу. К моему удивлению, Юрген отказался почти от всего, кроме хлеба с холодным мясом, держась все время достаточно близко за моим плечом, чтобы усеивать его непрерывным дождем из крошек; но при этом лазерное ружье моего помощника продолжало свободно висеть на плече, так что он мог в любое мгновение дотянуться до него, и, чуть довернув, стрелять от бедра — а этот

салонный фокус, надо сказать, уже не раз в прошлом становился неприятным сюрпризом для моих врагов. Метей, конечно же, к еде не притрагивался.

— Я рад слышать, что ваши планы изменились, — произнес я, кладя себе кусочек пирога. К тому времени инквизитор уже попробовал его и сам, что, конечно же, не было несомненным указанием на то, что угроза моему здоровью отсутствует, но определенно казалось более безопасным, чем любое из тех блюд, которое он еще не попробовал на моих глазах. — Хотя мне все еще не слишком понятно, зачем вам вообще потребовалась моя жизнь.

Киллиан широко повел рукой и проглотил еще ложку супа.

— Мой дорогой Каин, мы оба — люди галактического масштаба. Не стоит притворяться несведущим, хотя я уверен, что Лазур был бы рад узнать, как тщательно вы придерживаетесь своего прикрытия. Он ведь обратился к вам за помощью сразу же, едва узнал, что вы находитесь на Периметре, не так ли?

— Он переговорил со мной при первой представившейся возможности, — пришлось осторожно произнести мне в ответ, стараясь не слишком отступать от правды. Я был уверен, насколько вообще позволительно было быть в чем-либо уверенным, что этот добродушный псих, сидевший со мной за одним столом, сам не был псайкером, потому что в ином случае он, вне сомнения, должен был бы столь же резко отреагировать на присутствие Юргена, как это обычно делала Рахиль. Таким образом, мне не нужно было беспокоиться о том, что он вытащит информацию непосредственно у меня из сознания. Но этот инквизитор, разумеется, не хуже меня или Эмберли умел читать язык тела, и нельзя было сказать, какие системы биометрического наблюдения входили в аугметику Метея, так что смысла лгать не было. Киллиан задумчиво кивнул. — Он, кажется, очень беспокоился о том, чтобы в кратчайшие сроки установить, где находится вот этот ваш товарищ.

— Так я и полагал, — сказал Киллиан,

похоже поверив (что и входило в мои намерения), что работа в связке с Лазуром началась для меня за некоторое время до нашей первой встречи с техножрецом в здании Арбитрес, и это само по себе представлялось мне достаточно важным. Настолько же очевидно было и то, что он не имеет ни малейшего представления о присутствии на Периремунде Эмберли. — Он знает, что вы были на Перлии, так что, должно быть, решил, что может поделиться с вами данным секретом.

— Теперь я знаю немного больше, чем ранее, о том, что именно было мною обнаружено в Долине Демонов, — признал я, переводя тяжелый взгляд на Метея. — И кто очевидным образом ответствен за это. — Я снова поглядел на Киллиана. — Хотя, надо сказать, странно видеть, что инквизитор предоставляет убежище предателю. У меня сложилось впечатление, что Инквизиция и Адептус Механикус были в этом проекте партнерами.

— Часть Инквизиции, — объяснил Киллиан, намазывая варенье из дольчеягод

на свежую подогретую булочку из флорна. Затем он откусил, с грустью разглядывая меня, и начал медленно жевать, видимо стараясь привести мысли в порядок. Только проглотив, инквизитор сказал: — Это достаточно сложно объяснить человеку со стороны, но, несмотря на все то, чему вас учили верить, Инквизиция не является единой в своей битве против злонамеренных сил, угрожающих Империуму.

Это я уже знал, конечно же, от Эмберли, но сумел изобразить легкое удивление, что ожидаемым образом побудило его продолжить:

— Тот артефакт, что был найден на Перлии, попал в распоряжение Ордо Ксенос, что было на тот момент правильным, но, после того как Метей обнаружил его потрясающие свойства, стало очевидно, что дело относится к Ордо Еретикус.

— Могу представить себе, что этот аспект проблемы мог стать почвой для разногласий, — произнес я, предлагая ему продолжать, а про себя удивляясь, какие такие свойства, во имя Императора, он

имеет в виду.

Метей наконец заговорил:

— Конечно. Некоторые из техножрецов согласились со мной, что Ордо Еретикус должен быть поставлен в известность немедленно, но большая часть склонялась к тому, чтобы поддержать Ордо Ксенос, не желая конфронтации, которая была бы вызвана всем этим делом. — Голос его приобрел нотку возбуждения, которая была совершенно не похожа на ту выдержанную манеру речи, которая отличает людей его призвания. — Я не мог поверить их глупости! Ключ к тому, чтобы стереть такое бедствие, как Хаос, с лица Галактики, наконец оказался в наших руках, и все равно они откладывали окончательное решение! Я осознал, что обязан лично проинформировать инквизитора Киллиана о том, что нам удалось обнаружить, будучи уверен — и осведомлен о личных качествах этого человека, — что он, несомненно, воспользуется этим разрушительным оружием против Великого Врага при первой же

возможности.

— Правильно ли я понимаю, что вы и ранее с ним встречались? — спросил я, недоумевая, какого же варпа он тут болтает.

Если техножрец действительно сумел открыть свойства тенесвета и это было настолько опасно, насколько можно было понять из его слов, то использовать его любым образом было бы по всем раскладам не самой лучшей идеей.

— Да, встречались, — подтвердил Киллиан. — Метей помогал мне уничтожить еретический культ среди техножрецов небольшой астропатической станции за несколько лет до того и потому знал о моей готовности использовать любое оружие, которое только окажется под рукой, в нашей общей битве за выживание.

— Понимаю, — произнес я, и кусочки мозаики наконец начали складываться в общую картину. — Таким образом, вы попытались утыкнуть артефакт, а Орден Ксенос предложил вам отправляться вон и возлюбить себя самого.

Может показаться, что это была не самая осторожная фраза, которую можно было произнести в тот момент, но я раз за разом убеждаюсь, что наносить уколы чужой гордости подобными неожиданно прямолинейными заявлениями часто помогает человеку раскрыться так, как он не собирался.

— Что-то вроде того, — признал Киллиан, затем пожал плечами. — К сожалению, мое вмешательство лишь заставило их обратить внимание на тот факт, что в Долине Демонов происходит нечто такое, что техножрецы слишком боятся придать огласке. Вне сомнения, они направили бы инспекцию, чтобы прояснить этот вопрос, если бы орки не вторглись туда первыми.

— Я хорошо помню, — только и оставалось произнести мне.

Даже несмотря на прошедшие годы и все те разнообразные ужасы, которые я повидал с тех пор, все равно отчаянная битва за выживание, которую пришлось выдержать на этом несчастном мире, все еще продолжала являться мне время от

времени в кошмарах.

— Это был будто знак от Императора, — сказал Киллиан, и отсвет чего-то не вполне нормального промелькнул в его взгляде. — Я не мог позволить артефакту попасть в лапы орков, зная, что с его помощью могу очистить Галактику так, как бестолковый и малодушный Ордо Ксенос никогда не позволил бы себе даже помыслить.

— Так что вы просто пошли и взяли его, — закончил я.

Киллиан кивнул, разбрасывая при этом вокруг себя крошки флорна с не меньшим рвением, чем мой помощник.

— На то была воля Императора, — просто произнес он. — У меня были возможности и была уверенность в этом. Мы взяли этих трусов и предателей штурмом прежде, чем они успели сообразить, что к чему, и сокрушили их во славу Святого Имени.

— Вы использовали Сестер, — произнес я, вспоминая раны от болтеров, которые видел на телах убиенных, и

хирургическую точность, с которой был нанесен удар.

Несмотря на то внешнее спокойствие, которое демонстрировали в ту минуту мои черты, кровь моя стала холоднее, чем вальхалльский душ, когда ко мне пришло это внезапное осознание. В монастыре должны были находиться сотни воительниц, и все они беспрекословно подчинялись этому маньяку. Если ты не сумеем пройти сейчас по очень тонкой грани, то определенно шансов выбраться отсюда живыми не больше, чем способов научить орка чечетке.

Киллиан кивнул.

— Орден Белой Розы был верным союзником во всех проводимых нами зачистках и войнах веры в течение многих тысяч лет, — сказал он. — Они сделали все, что требовалось от них, ради Славного Имени Его.

— Нет никакой особенной славы в том, чтобы расстреливать безоружных шестереночек, если хотите знать мое мнение, — произнес я, в ответ на что Метей тяжело вздохнул:

— Это было необходимо. Все следы нашей работы там должны были быть ликвидированы, если только мы хотели успешно продолжить ее.

— На Окраине Ада, — сказал я, и Киллиан кивнул, самым абсурдным образом демонстрируя удовлетворение, будто мне только что довелось вытащить на его глазах какой-то предмет из пустой шляпы.

— Так, значит, вы нашли наше старое убежище. Весьма предприимчиво с вашей стороны.

— К сожалению, — произнес я, — к тому времени, когда нам удалось попасть туда, его уже обнаружили и тираниды тоже.

— Да, это так, — признал Киллиан. — Сестрам едва удалось вытащить нас оттуда вовремя.

— А шахтеров? — спросил я, уже заранее зная ответ.

Киллиан с сожалением покачал головой:

— Место было лишь для Метея и его команды. К огромному сожалению. Нам

пришлось пристрелить нескольких гражданских, которые пытались подсадить на борт своих детей, и остальные отреагировали не слишком благоразумно.

— Как же это должно было вас огорчить, — сухо произнес я.

Император знает, что самые лучшие люди, бывало, гибли на поле боя, в то время как я занимался спасением своей жалкой шкуры, и чаще, чем мне хотелось бы помнить, но бессердечие этого человека заставило волосы у меня на загривке встать дыбом, не побоюсь этого признать. К счастью, Киллиан принял мое замечание за чистую монету, кажется будучи настолько же нечувствительным к иронии, как и мой помощник.

— Путь долга часто каменист, — небрежно процитировал он, как будто эта фраза все извиняла, и, видимо, забыв, как заканчивается цитата.[90]

Я кивнул, наливая свежайшего рекафа в чашечку тонкого фарфора, такую маленькую, что она вмещала не более

одного глотка, благодаря судьбу за то, что есть чем занять руки. Каким бы искушением ни было выхватить цепной меч и снести сволочную голову Киллиана с плеч, поддаться этому порыву было бы довольно глупо. В конце концов, передо мной сидел инквизитор, и я вряд ли был бы первым из желающих проделать с ним подобное. Да даже если бы мне это удалось, раздражение Сестер вылилось бы на меня, вероятнее всего, вместе с обильным огнем в упор.

— Как вы вообще убедили шахтеров позволить вам обосноваться у них? — спросил я вместо этого.

Мне становилось все яснее и яснее, что Киллиан был одним из тех мегаломаньяков, что испытывают самые жестокие страдания без внимательной аудитории, — они настолько поглощены ложным мнением о своей непогрешимости, что им требуется кто-то, кто может оценить их по достоинству. Мне лишь оставалось услаждать эту его черту как можно дольше. Чем дальше я позволял ему разливаться в речах, тем больше в моих

руках оказывалось информации для Эмберли, если мы снова встретимся. По меньшей мере, пока мы тут мило болтаем, он вряд ли предпримет очередную попытку убить меня.

— Мне и не требовалось убеждать, — просто сказал он. — Окраина Ада была колонией Гаваррона, и поселенцы с радостью приняли друзей монастыря, что прибыли работать вместе с ними.

— Ясно. — Я задумчиво кивнул, отпивая рекафа и сожалея лишь о том, что он налит не в нормальных размеров кружку. То, что сообщил инквизитор, объясняло удивительное количество религиозной литературы в домах шахтеров. Мне лишь подумалось о том, сколько злосчастных поселенцев пожалели о своем выборе друзей, когда святые Сестры бросили их на съедение тиранидам. Я отставил фарфоровую чашечку, опасаясь, что она треснет в моих пальцах, и поспешил забросить еще одну наживку. — Правильно ли я понимаю, что вы нашли другое место для того, чтобы продолжать ваши исследования?

— Конечно. — В голосе Метея прорезались знакомые мне нотки фанатичного трудоголизма и всегдашней готовности обсудить свои деяния. Я уже начал понимать, почему он так хорошо сошелся с Киллианом. — Сестры оказали мне все возможное гостеприимство.

— О, уверен, что так оно и было.

Теперь мне нужно было лишь демонстрировать полное внешнее спокойствие. Если слова его были правдой и значили именно то, что значили, то ключ ко всему делу находился прямо здесь, в монастыре Белой Розы. Вопрос заключался в том, как мне его найти. Здание было огромным, и тенесвет мог находиться где угодно. Но тут Метей энергично предложил:

— Хотите посмотреть своими глазами?

Глава двадцать пятая

— Конечно же, — ответил я настолько спокойно, насколько мог, не решаясь поверить в подобную удачу. Затем, памятуя о том фасаде цивилизованности, который все мы пытались сохранять, взглянул на Киллиана, который все еще занимался тем, что набивал рот. — Конечно же, если у вас нет возражений.

Инквизитор покачал головой, улыбаясь, хотя последнее, как вы догадываетесь, не слишком меня приободрило.

— Никаких, — объявил инквизитор, наконец-то отодвигаясь от стола. — Как раз наоборот.

Он теперь буквально источал горделивое самодовольство, подобно тому как Юрген — телесный запах.

Я поднялся со своего места. Как раз в этот момент грохот орбитальной бомбардировки снова прокатился над нами, подобно первому предвестнику летней грозы, и я кинул взгляд на Юргена, разделяя с ним моментальное и не слишком спокойное понимание. Мы оба начинали нашу продолжительную и бесславную карьеру в артиллерийском подразделении, и если только можно было полагаться на наш многолетний опыт, то артиллерийская канонада на этот раз раздавалась несколько ближе, чем раньше. Это, в свою очередь, подсказывало, что в нашем направлении движется рой достаточно крупный, чтобы привлечь внимание находящегося на орбите Флота, даже несмотря на песчаные бури, блокирующие сенсоры кораблей. Впрочем, считать, что именно мы являемся целью тиранидов, причин не было. Гаваррон находился гораздо выше, чем любые из тех плато, на которые взбирались блуждающие рои до того, как прибыл флот-улей, так что я просто загнал тревогу на задворки сознания и вернул

внимание к более насущным проблемам.

— Лазур — сущий глупец, — высказался Киллиан, первым пересекая идеальный газон под сенью шелестящих деревьев, — и не представляет ни для кого угрозы, но человек вашей широко известной проницательности является для нас препятствием совершенно другого уровня. Как только стало известно, что вы возглавляете поиски скрытых врагов, я осознал: это только вопрос времени, когда вы выйдете на нас. После того как Лазур заручился вашей поддержкой и вы доподлинно узнали, что ищете, не осталось надежды, что вы не обратите внимания на Завет Благословенных лишь потому, что подобная антиправительственная организация является слишком мелкой и незначительной.

— Культ Хаоса, — вслух предположил я, делая вид, что знаю это наверняка, и Киллиан кивнул, проводя нас сквозь ризницу, уставленную изображениями святых, в центре которой возвышались несколько очень потрепанных силовых доспехов.

Судя по числу молельных свечей, что окружали их, нетрудно было догадаться, что здесь собраны самые почитаемые святыни Ордена, что, в свою очередь, говорило о том, что мы забрались уже очень глубоко в святая святых монастыря, дальше, чем любым посетителям со стороны когда-либо позволялось заходить.

— Разумеется, — согласился Киллиан. — Даже в самом лучшем случае это очень грубый инструмент, но их легко обвести вокруг пальца, и для нашей работы они являлись идеальными объектами.

У меня по-прежнему не было ни малейшего представления, о чем он толкует, но все равно я кивнул так, будто все понимаю, ибо остро осознавал, что лишь то знание, которое, как инквизитор полагает, находится в моем распоряжении, все еще позволяет мне оставаться в живых.

— Впрочем, это ведь должно было идти вразрез с вашими убеждениями, — осторожно заявил я.

Киллиан поглядел на меня, оторвав

взгляд от очередной порции геральдических лилий, что украшали одну из стен зала с цилиндрическим сводом и отличались от всех прочих тем, что с ними инквизитор производил какие-то манипуляции, которых я не мог видеть из-за его спины. Участок каменной стены, перед которым он остановился, повернулся, отделяясь от основного массива и открывая ярко освещенное пространство за собой, и инквизитор отступил в сторону, приглашая нас войти.

— Я полагал, что вашим долгом является искоренение ереси везде, где вы только обнаружите ее.

— Прямо и по делу, — произнес Киллиан и одобрительно усмехнулся. — Замечательные качества, я уверен, когда речь заходит о делах военных, но в тех теневых сражениях, что ведет Инквизиция, не все так просто.

Он пристально вгляделся в меня, и оживление мгновенно сменилось напряженной серьезностью.

— Вы боитесь Хаоса, не правда ли? Конечно же, настолько, насколько вы

вообще способны чего-либо бояться, — ваше бесстрашие слишком широко известно, чтобы в нем можно было сомневаться.

Последнее он высказал удивительно умиротворяющим тоном, как будто опасался, что заденет своими словами мои чувства.

Ладони мои снова начали зудеть, как только я по-настоящему задумался над его вопросом. Определенно он подразумевал гораздо большее, чем просто смелость перед лицом врага или ее отсутствие. Отчего-то я знал, что тот ответ, который я дам на его вопрос, либо убедит Киллиана в его правоте относительно решения не убивать меня, либо же представит меня как возможную угрозу, которую лучше всего устранить при первой же возможности. Мысленно проклиная пикт-передачи, которые заставили его думать, будто я представляю опасность для его маньяческих планов, я ощутил, что во мне вновь растет подозрение, согласно которому Эмберли и привлекла ко мне их

внимание.[91] Лишь подавив это чувство, я взялся формулировать безопасный ответ.

— Вопрос не так прост, чтобы говорить лишь о смелости или трусости, — постарался я потянуть время, призывая на помощь все дипломатические способности, которые только сумел обрести за прошедшие годы. — Я слишком часто сталкивался в бою с силами Хаоса, и скрывались они под столь разными обличьями, что я не могу позволить себе их недооценивать. Если вы пожелаете приравнять осторожность к страху, то вправе назвать меня трусом, но на полях сражений я был свидетелем гибели столь многих самоуверенных идиотов, что сам не хотел бы повторить их судьбу. — После этого мне оставалось лишь пожать плечами, изображая спокойную уверенность в себе, которой на деле я совершенно не ощущал. — Император свидетель, очень многих из их числа мне пришлось убить собственными руками.

Я сделал паузу, готовый выхватить оружие, если это понадобится, но Киллиан

лишь задумчиво кивал, и на лице его лежала спокойная улыбка, как будто мой ответ был именно таким, который он надеялся услышать.

— Вижу, что не ошибся в вас, — произнес инквизитор, в то время как каменная стена за нашими спинами скользнула на свое место и Метей рванул вперед, едва ли не вприпрыжку, по ярко освещенному коридору, нетерпеливо ожидая возможности похвастаться своими игрушками. Каменная кладка стен была гладкой, без каких-либо ликов, статуй или вездесущих трехлистных сорняков, и Юрген озирался со своим обычным выражением некоторого умственного затруднения (если бы я не контролировал себя с опытом бывалого обманщика, вне сомнения, такое же выражение отразилось бы и на моем лице тоже).

— Где это мы? — спросил мой помощник, и вопрос этот был не лишен резона.

Киллиан в ответ повел рукой вокруг, указывая на некоторое количество закрытых дверей и электросвечи между

ними, которые вполне ярко освещали наш путь.

— В сердце Ордена Белой Розы, — объяснил он, вне сомнения довольный тем, что нашел еще одну причину поважничать. — Все здесь сделано для того, чтобы обеспечить сохранность священных реликвий, дабы уберечь их от поругания, буде какой-либо враг подойдет близко к тому, чтобы взять монастырь. Лишь канониса и ее стража знают о существовании этого места и обладают необходимыми кодами. — Он скромно откашлялся. — И конечно же, Инквизиция. В последние несколько тысячелетий эти помещения оказались очень полезны для некоторых представителей Ордо Еретикус.

— Могу себе представить, — отозвался я. — Так зачем вообще было заморачиваться с Окраиной Ада?

Киллиан рассмеялся:

— Я вижу, военный ум снова в действии. Но не мог же я приводить сюда членов Завета Благословенных для проведения исследований, не правда ли?

Он посторонился и пригласил нас пройти в дверь, на мой взгляд ничем не отличавшуюся от всех остальных, но за которой только что скрылся Метей. Я шагнул за порог, и меня вдруг охватил секундный приступ головокружения, заставив оступиться и опереться на протянутую мне для поддержки руку Юргена. Затем ощущение это отступило, что не помешало мне пробормотать себе под нос проклятие. Из всех моментов, когда мое сотрясение мозга могло неожиданно вновь проявить себя, этот был наиболее неудачным. Киллиан взглянул на меня с неожиданной заботой.

— Многих людей оно вот так захватывает, когда те впервые приближаются к нему, — с сочувствием произнес он. — Это скоро пройдет. — Он засмеялся. — Или, если не пройдет, то вы, возможно, благословенны более, чем кто-либо из нас мог предположить.

Правду говоря, я едва ли расслышал его последнее замечание, не говоря уже о том, чтобы его разгадать, потому что как раз в этот момент я в первый раз

хорошенько рассмотрел помещение, куда мы попали. Вне сомнения, это была вотчина Метея, которая демонстрировала все обычные признаки принадлежности рабочего пространства техножрецу: жужжащие и щелкающие вычислители, множество оборудования (которое не обладало никакой функцией из числа тех, какие я мог бы понять, но которое определенно получало откуда-то и для чего-то питание), а также разбросанные тут и там инфопланшеты; некоторые присоединялись к пикт-экранам или гололитам. Связки кабелей, похожие на клубки змей, соединяли все это воедино, причем с обычным для техножрецов небрежением к тому, что кто-то может тут запутаться и переломать себе ноги; большинство этих кабелей, кажется, отходили от металлического постамента, на который был помещен некий предмет размером с инфопланшет, на котором, как я понял, было удивительно сложно сосредоточить взгляд и внимание.

Изображение Омниссии размещалось на небольшом алтаре из полированной

стали, несколько в стороне, что заставило меня задуматься о том, как бы отреагировала Эглантина, если бы до ее сведения дошел тот факт, что один из уголков в святая святых ее монастыря был отдан часовой модели Императора. Думаю, реакция ее была бы бурной и непродолжительной для техножреца.

Хотя я никогда не был прежде именно в этом помещении, но расположение предметов в нем порождало ощущение странного узнавания, которое так и не сделалось более четким, пока не заговорил Юрген.

— Совсем как алтарь, который мы нашли на Перлии, — произнес он, и я кивнул.

Конечно же, были и различия, но большая часть оборудования выглядела точно так же, если не считать отсутствия дыр от болтерных снарядов. Еще одним важным отличием был примечательный предмет на постаменте, и я сделал к нему пару шагов, осторожно ступая среди переплетенных кабелей, в надежде получше разглядеть, что же это

такое. Вблизи он не казался таким уж внушительным, просто гладкая каменная плита примерно в три раза больше в высоту, чем в ширину, настолько черная, что свет электросвечей на стенах, который падал на него, казалось, без следа всасывается внутрь.

— Осторожно, — произнес Метей, и я осознал, что уже подошел к этой штуковине гораздо ближе, чем собирался. — Вокруг него поле энергии варпа.

Техножрец бросил взгляд на приборы, и голос его прозвучал озадаченно:

— Странно, кажется, оно пропадает. Нет... возвращается к изначальному уровню. — Он стукнул по планшету, затем пожал плечами, в то время как я заметил краем глаза, что Юрген делает шаг назад, пока я тоже осторожно отступал прочь. — Где-то, наверное, контакт отошел. Вечная морока с временными установками.

— Временными? — переспросил я, и Киллиан кивнул:

— Перемунда больше не подходит для наших целей. Нам требуется население определенных размеров,

имеющее в своей среде организованный культ Хаоса, в который мы можем проникнуть и контролировать его, чтобы обеспечить себе постоянный приток субъектов для эксперимента. Как же нам еще находить псайкеров со спящими способностями в достаточных количествах?

Я ощутил, как холодок пробегает по моему позвоночнику от этих рассуждений, поскольку я наконец-то стал соображать, что все это значит. Пришлось постараться, чтобы выражение ошеломленного ужаса не отпечаталось на лице. Если моя догадка верна и этот маньяк узнает о моих настоящих чувствах касательно его чудовищных планов, я буду мертв в ту же секунду — если не чего похуже. Поэтому я лишь рассудительно заметил:

— Ваша правда. Здесь тираниды их несколько подъели.

Затем я обратился к Метею, надеясь, что, поступая так, тем самым не позволю Киллиану слишком легко прочесть мои чувства:

— Вам, кажется, не очень-то везет с чужаками в целом. Сначала орки на Перлии, а теперь вот тираниды.

— О, как раз напротив, — счастливо отозвался Метей. — Именно нашествие орков позволило нам наконец-то выйти на прорыв в исследованиях. Артефакт оставался совершенно инертным, до того как выплеск энергии варпа, который сопровождал прибытие их космического остова, активировал его.

Я кивнул, вспоминая, как спящий портал некронов на Симиа Орихалке был включен схожим явлением.

— К сожалению, они оказались слишком многочисленны, чтобы их можно было легко отпугнуть.

— Я заметил, — произнес я. Затем, сам того не желая, снова кинул взгляд на предмет, который не мог быть не чем иным, как тенесветом, — эта лишенная каких-либо определенных черт черная плита вызывала странное, жутковатое восхищение. — Значит, вам все-таки удалось узнать, каково его истинное предназначение?

— Настоящая его функция? — Метей покачал головой. — Это все еще остается для нас загадкой, но, если так можно выразиться, его побочный эффект, который и интересует нас более всего прочего, очевиден.

— Очевиден, — эхом повторил я, искренне надеясь, что побочный эффект этот вовсе не тот, о котором я подумал. — И сам по себе ошеломителен.

Киллиан охотно кивнул, и в глубине его глаз снова зажегся прежний нездоровый огонек, в очередной раз упрочив мои и без того значительные сомнения в здравом рассудке инквизитора.

— Более чем ошеломителен, — произнес он. — Он потрясет всю Галактику! Подумайте об этом, Каин, подумайте об открывающихся возможностях! Если мы обретем надежный способ усилить психические способности сотен, возможно тысяч, индивидуумов на каждом из миров Империума — какое подспорье окажется у нас в руках против орд Хаоса! Мы могли бы обратить против врага его собственное оружие, сокрушить,

очистить само Око Ужаса от нечистого присутствия! А когда Губительные Силы лягут к нашим ногам, сломленные, падут к подножию Золотого Трона, мы сможем стереть со звезд все до единого выводки ксеносов, и Галактика будет принадлежать лишь ее полноправным хозяевам — чистому, незапятнанному Человечеству!

— Это впечатляющая картина, — осторожно произнес я, уверенный, что этот инквизитор не менее помешанный, чем культисты Хаоса, на которых он призван был охотиться. — Но в Империуме немало миров, а подобный камень у вас всего один.

— В настоящий момент это так, — кивнул безумец, как будто я только что выдвинул возражение в разумном диалоге. — Именно поэтому исследования Метея настолько важны. Если ему удастся установить истинную природу и частоту энергии варпа, которая активирует превращение латентного псайкера в подлинного, мы могли бы сами производить устройства, служащие для

той же самой цели.

— Нам также необходимо будет немного отточить методику, — несколько застенчиво добавил Метей. — На данный момент он действует лишь на очень небольшой процент латентных псайкеров. Для остальных тенесвет оказывается столь же смертелен при прикосновении, как и для обычного, незапятнанного человека.

— Ясно, — снова кивнул я. — Значит, добровольцев находить, должно быть, очень затруднительно.

— Именно по этой причине мы и подчинили себе Завет Благословенных, — объяснил Метей. — Они достаточно безумны, чтобы рискнуть, а те, что выживают, открывают в себе полезные умения и становятся орудиями Императора, даже не подозревая о том, кому же теперь служат.

— В иронии уже содержится немалый смак, не правда ли? — Киллиана снова понесло. — Солдаты врага, которых обманом заставляют защищать тот самый Империум, который они мечтают

разрушить.

— Понимаю, отчего вы находите это столь занятным, — заверил я, — и почему вы так остро желаете продолжать сие доброе дело.

Я не удержался, вложив в эти слова немалую долю сарказма, но Киллиан страстно вцепился именно в них:

— Я знал, что вы поймете! — Он кинул победный взгляд на Метея. — Ну что я тебе говорил? Ради этого стоило рисковать, приводя комиссара сюда!

Как вы, вне сомнения, можете понять, изумление — слово, которое в очень малой степени описывало мои ощущения на тот момент. Чувствуя себя так, будто осторожно передвигаюсь по узкому карнизу над бездонной пропастью безумия, я медленно кивнул:

— Вы рассчитываете, что я передам от вас послание для Лазура и заставлю его отступиться?

— Именно! — воскликнул Киллиан. — Для того чтобы наша работа увенчалась успехом, мы должны быть свободны от вмешательства извне. Наш челнок

отправится в течение часа, и, если вы доложите по возвращении, что все мы погибли на этом плато, никто не усомнится в ваших словах — только не в ваших, человека с подобной репутацией!

Плотный ледяной узел завязался где-то внизу моего живота, и я кинул беспокойный взгляд на Юргена.

— Не вполне уверен, что понимаю вас, — произнес я, и снова в моей памяти, будто призрак прошлого, возникло воспоминание о бойне в Долине Демонов.

Но перестрелять всех находившихся в тайном храме Механикус — это одно дело, а на Гаварроне проживают тысячи человек, не говоря уже о сотнях воительниц Сестринства только в этом монастыре. Как именно Киллиан предполагает устранить всех их без посторонней помощи — совершенно непонятно. На лице инквизитора промелькнуло выражение ненормальной хитринки.

— Сестры полностью верны нам, в этом нет сомнения, но слишком многие из их числа знают о нашем здесь

присутствии. Так что я заранее принял определенные меры.

Велев мне следовать за ним, он вышел из лаборатории, и я послушно отправился следом, как обычно сопровождаемый наступающим мне на пятки Юргеном. Метей остался, где был, осуществляя те приготовления, которые, очевидно, были необходимы для их скорого отбытия.

— Если вы откажетесь помочь нам, что, должен сказать, меня не слишком удивит, то, к сожалению своему, должен сообщить, что у нас хватит способов обеспечить и ваше молчание также.

— Что за меры вы приняли? — спросил я, немного задохнувшись, но наконец-то поравнявшись с собеседником.

Киллиан задержался возле одной из дверей, которые вели из коридора.

— Вот эти, — произнес он, распахивая створку.

Я отшатнулся, рефлекторно потянувшись к цепному мечу, в то время как Юрген вскинул лазган, выпуская весь заряд энергетической батареи на полном

автоматическом режиме поверх моего плеча. Ликтор тиранидов, который обнаружился в открывшейся комнате, с визгом отпрыгнул и рухнул на пол, собственной тяжестью выбив пыль из щелей каменной кладки. Я осторожно ступил вперед, не спуская с него прицела лазерного пистолета, давая Юргену время перезарядить оружие, и только сейчас заметил, что тиранид еще до наших выстрелов был тяжело ранен и к тому же надежно прикован к стенам цепями, которые выглядели достаточно крепкими, чтобы удержать даже дредноута.

— О, браво! — Киллиан захлопал в ладоши, взглянув на Юргена с интересом, прежде чем снова обратить свое внимание ко мне. — Я понимаю теперь, почему вы настояли на том, чтобы ваш помощник остался при вас. Очевидно, в нем скрыто многое, что не видно глазу.

— Какого фрага эта тварь здесь делает? — спросил я, слишком потрясенный и ошеломленный, чтобы продолжать притворяться, будто все мы — рассудительные, спокойные люди.

Киллиан воззрился на меня как на недоумка, считая, что цель присутствия здесь тиранида очевидна.

— Привлекает рой, — пояснил он. — Эти существа источают феромоны, которые...

— Да знаю я, что они делают! — Я сорвался на крик, затем активировал бусину вокса. — Эмберли! Этот идиот припрятал в катакомбах ручного ликтора! Сюда идет целый фрагов рой!

— Предатель! — взвизгнул Киллиан, почти заглушив подтверждение приема от Эмберли, и выхватил из-под плаща плазменный пистолет.

Мое оружие, впрочем, было уже в руке, так что я просто нажал на спусковой крючок, прежде чем инквизитор успел поднять свое. Но вместо того чтобы ожидаемо рухнуть, безумец внезапно исчез с громким хлопком воздуха, устремившегося в освободившееся пространство.

— Фраг! — злобно выругался я, узнав работу телепорта.

Эмберли использовала такое на

Гравалаксе, и мне было известно, что миниатюрное устройство телепортации не могло закинуть Киллиана слишком далеко. Пришла пора убираться отсюда, пока инквизитор не выбрался из какой-нибудь ниши. Почему-то я сомневался в том, что он все еще пожелает использовать меня в качестве мальчика на побегушках.

— Кайафас! Что у вас происходит? — спросила Эмберли, и голос ее прозвучал с неожиданной заботой.

Я как мог кратко посвятил ее в то, что мне удалось узнать, и одновременно со всех ног бежал к выходу из этого ненормального тайного лабиринта, благословляя свою врожденную способность ориентироваться в любых подземных катакомбах.[92]

— И еще надо найти Эглантину, — подвел я итог. — Эта заблудшая женщина — единственная, кроме Киллиана, кто знает, как попасть сюда.

— Эта заблудшая женщина уже в курсе происходящего, — холодно сообщила

мне канониса, очевидно прослушивавшая весь наш разговор. — Инквизитор Вейл раскрыла свою истинную личность Сестре Каритас, как только они оказались вне слышимости Киллиана, потребовала встречи и убедила меня в подлинных намерениях предателя.

— Вот это хороший фокус! — произнеся, про себя недоумевая, как же это у Эмберли получилось,[93] но для подобных рассуждений времени у меня оказалось не так уж много.

Вспышка впереди по коридору на мгновение ослепила меня, и заряд плазмы разбился о каменную кладку неподалеку, выпарив в камне дыру размером с мою голову. Видимо, это мое невезение заставило телепорт закинуть Киллиана ровнехонько между нами и спасением.

Глава двадцать шестая

— Назад! — крикнул я Юргену, направляя куда-то в сторону инквизитора-отступника град выстрелов из лазерного пистолета, и это заставило безумца нырнуть в нишу за одним из дверных проемов.[94]

Поскольку в голом каменном коридоре было совсем немного пригодных укрытий, я начал отступать к ближайшему пересечению проходов, откуда мой помощник уже вел отрывистый прикрывающий огонь, поскольку достиг столь желанного укрытия за несколько мгновений до меня. Я, трачно ухмыляясь, наконец присоединился к нему.

— Никогда не думал, что мне будет так не хватать этих их кошмарных статуй, — произнес я, а Юрген недоуменно

нахмурился.

— Которых? — спросил он.

— Не важно, — отозвался я как раз в тот момент, когда очередной плазменный заряд разорвался достаточно близко, чтобы жар от него опалил нам лица. — Давай назад в лабораторию. Мы должны заполучить тенесвет раньше, чем Метею удастся снова сбежать вместе с ним.

Мысли о том, что вещь, подобная этому артефакту, окажется без присмотра где-то в Галактике, было достаточно, чтобы заставить меня уползти и забиться куда-нибудь, завывая от ужаса, но в то же время я скорее готов был схватиться с невооруженным техножрецом, чем с психованным инквизитором. Если нам немного повезет, ты сможет забаррикадироваться в лаборатории на то время, которое потребуется Эмберли, чтобы добраться сюда и разобраться с Киллианом, так чтобы я мог объявиться в самый нужный момент и прибрать себе славу за спасение столь ценного артефакта.

— Это может оказаться немного

затруднительно, сэр, — заметил Юрген. — Он нас хорошо прижал. Если попытается отступить, он поджарит нас раньше, чем мы доберется до следующего перекрестка. — Тут в голос его закралась нотка укоризны. — Если бы со мной была моя телта, я мог бы легко достать его прямо отсюда.

— Только не тогда, когда на нем портативный телепорт, — возразил я. И с этими словами оптимальная стратегия сама пришла мне на ум, так что я осторожно прицелился, положив лазерный пистолет на чуть согнутую руку. — Беги назад. И как можно больше шуму.

— Сэр?

Юрген, казалось, принял вид еще более недоуменный, чем обычно, но, как всегда, последовал моим приказам буква в букву и припустил по тому коридору, в котором мы укрывались. Звук ударов подошв его ботинок эхом раздался в закрытом пространстве, и, как я и предполагал, Киллиан клюнул. Очевидно поверив, что оба мы обратились в бегство, он спустя мгновение появился на

перекрестке со злорадным выражением лица.

— Приятного путешествия, — пожелал я, укладывая лазерный заряд прямиком в центр груди инквизитора.

Злорадство сменилось удивлением, а затем он снова исчез все с тем же громким хлопком занявшего его место воздуха. Сказать, насколько далеко он окажется на этот раз, конечно, было нельзя, поэтому я поспешил следом за Юргеном так быстро, как только мог, нагнав его как раз в тот момент, когда мой помощник достиг лаборатории.

— Что-то вы быстро... — начал Метей, прежде чем взглянул на нас и, очевидно, начал понимать, что дела пошли совсем не так, как предполагалось. — Что происходит? Где инквизитор?

— Император его знает, — ответил я, уставив лазерный пистолет в лоб техножрецу. Вероятно, даже там он состоял в основном из аугметики, так что, даже если бы я выстрелил, особых повреждений могло и не быть, но уж пара зарядов определенно даже ему подпортила

бы настроение. — Отойдите от теневеста и держите руки так, чтобы мы могли их видеть. Да, и механодендриты тоже.

— Я возьму эту каменную штуку, — вызвался Юрген, перекидывая лазган через плечо и протягивая покрытую неотмываемой грязью руку за артефактом.

Метей наблюдал с самодовольной мстительностью, как пальцы с обгрызенными ногтями сомкнулись на артефакте, но очень скоро ему пришлось забеспокоиться.

— Вы его отключили! — Покрутив головой, он вгляделся в приборы, и голос его задрожал, словно от обиды. — Этого просто не может быть! — Он снова повернулся ко мне: — Что вы наделали?!

— Возможно, Лазур не такой глупец, как вы думали, — произнес я, запуская свободную руку в карман шинели и позволяя техножрецу на мгновение увидеть, что его оттопыривает на вид безобидный инфопланшет.

Очевидно поверив, что я оснащен каким-то техно-колдовским

приспособлением, которое предоставил мне его бывший коллега, техножрец-отступник подался ко мне, явно раздираемый любопытством более сильным, чем страх того, что его застрелят.

— Он нашел какой-то способ разрушить поле варпа? — Голос Метея звучал одновременно жадно и недоверчиво. — Вы должны позволить мне взглянуть. Это может открыть совершенно новое направление в моих исследованиях.

— Что мы и обсудим, как только поднимемся на наш корабль и начнем удаляться от этой планетной системы, — вступил в разговор Киллиан, появляясь в дверном проеме со своим плазменным орудием наготове. Кинув на меня злобный взгляд, он навел короткий ствол прямо мне в грудь. — Медленно достаньте то, что там у вас, и передайте Метею. Вряд ли я промахнусь на таком расстоянии.

— Вероятно, нет, — отозвался я, стараясь внешне сохранять уверенность. В сложившихся обстоятельствах это очень непросто. К счастью, Киллиан, кажется,

оставался под очень сильным впечатлением от моей ложной репутации и считал, что запугать меня невозможно, поэтому и не пытался. — Но плазмаган стреляет не слишком чисто. Скорее всего, вы испарите разрушающий поле варпа аппарат вместе с верхней частью моего тела. — Я пожал плечами, все еще направляя лазерный пистолет в центр лба Метея со всей твердостью, которую придавали мне аугметические пальцы. — К тому же вы, должно быть, достаточно убивали, чтобы знать, что мой палец на спусковом крючке рефлекторно согнется прежде, чем я упаду. Если застрелите меня, убьете и Метея.

Я рискнул кинуть быстрый взгляд на Юргена, но у него в правой руке все еще был тенесвет, так что он не мог выхватить лазган.

Киллиан кивнул, как будто соглашаясь с неизбежным.

— Я всегда смогу найти нового техножреца, — медленно произнес он, — а вот артефакт у нас только один.

Палец его начал сгибаться на

спусковом крючке, и я повидал достаточно безумцев, чтобы знать, что он не блефует. За мгновение до выстрела мне пришлось опустить руку с оружием.

— Ладно, — произнес я, вкладывая пистолет в кобуру.

Конечно, Киллиан все еще мог застрелить меня из чистой мстительности, но если я прочел этого человека правильно, то он не сделает этого еще по крайней мере ближайшие пару минут. Подобные типы всегда хотят сначала восторжествовать, особенно если считают, что вышли победителем. Я вытащил инфопланшет из кармана и протянул ему:

— Ваша взяла. Берите.

— Не держите меня за такого дурака, — отозвался Киллиан. — Передайте Метею. Уверен, что у вас бродят мысли броситься на меня, как только я опущу оружие.

Разумеется, здравый смысл не позволял мне затевать борьбу с безумцем, так что я просто пожал плечами.

— Не можете же вы винить меня за

попытку, — произнес я, затем протянул инфопланшет в его лишенном отличительных признаков полевом футляре техножрецу, который тут же принялся возиться с застежкой, очевидно, в нетерпении увидеть, как выглядит чудесное устройство, которое, как он был уверен, создано его соперником. — Просто нажмите, и крышка откроется.

Я добавил это самым дружелюбным тоном.

Метей застыл, разглядывая матово-зеленый футляр в своих руках так, будто он внезапно начал тикать.

— Ну, разумеется, там должна быть мина-ловушка, — произнес он, сверля меня взглядом так, будто я только что едва не заставил его открыть футляр. На такой эффект я и рассчитывал. Если бы он увидел, что в действительности скрывается внутри чехла, уверен, дело приняло бы самый неприятный оборот. — Настроен на ваш генный код, конечно же?

— А вы эксперт, — ответил я, позволяя его паранойе сделать всю работу за меня и стараясь не выдать облегчения

при виде того, как он засунул футляр куда-то в складки одеяния, не предпринимая больше попыток как-то исследовать его. — Теперь, полагаю, вы ожидаете, что мы отдадим вам и тенесвет?

Вопрос этот я обратил к Киллиану. Душевнобольной инквизитор только покачал головой.

— Нет, я ожидаю, что убью вас и возьму его из мертвых рук, — ответил он, очевидно наслаждаясь такой перспективой.

Про себя недоумевая, сколько же еще времени потребуется Эмберли, чтобы добраться до нас, я с сожалением произнес:

— Ну что же, если вы полагаете, что он выдержит заряд плазмы в упор, тогда, конечно, вперед. — Трудно было выдерживать обыденный тон, руку я держал так близко к рукоятке лазерного пистолета, как только осмеливался. — Само собой, если вы сначала выстрелите в Юргена, у меня появится шанс узнать, работает ли мое устройство и в отношении вашего телепорта тоже. Вы, должно быть, стоите как раз в радиусе действия. — Я быстро взглянул на моего

помощника. — С другой стороны, если вы выстрелите сначала в меня, то у него будет время бросить камень и начать палить из своего лазгана.

Как мне часто приходилось убеждаться, одним из главных преимуществ моей совершенно незаслуженной репутации абсолютно прямолинейного человека было то, что чем более возмутительную ложь я выдавал, тем больше было шансов на то, что в нее поверят, а Киллиан, не будем забывать, и так уже витал головой где-то в стране херувимов. Воинственное выражение его лица постепенно начало сменяться колебанием.

— Ты. — Инквизитор перевел взгляд на Юргена, все еще держа плазменный пистолет нацеленным в мою грудь. — Передай артефакт Метею и положи оружие на пол, медленно. Если увижу хоть намек на предательство, превращу комиссара в пар.

Юрген, как всегда, посмотрел, испрашивая подтверждения приказа, и я кивнул.

— Делай так, как он говорит, — ровно произнес я. — Мы всегда можем забрать артефакт позже.

Киллиан рассмеялся.

— Не будет никакого «позже», — напомнил он мне. — Тираниды подъедят все на этом плато дочиста, включая вас.

Это наблюдение, конечно же, и от меня не ускользнуло, но, как обычно в подобных ситуациях, я предпочел сосредоточиться на насущной проблеме на том резонном основании, что если не поступать всегда именно так, то до возникновения следующих проблем меня может не быть в живых.

— Тогда вам лучше поторапливаться, — предложил я, когда Метей с сомнением протянул механодендрит, чтобы принять тенесвет от моего помощника. Как только загадочный артефакт покинул пальцы Юргена, тот сразу же со свирепым выражением лица скинул лазган с плеча, очевидно испытывая величайшее искушение привести его в действие, но, как обычно, вместо этого буквально исполнил

мой приказ, позволив оружию упасть на пол. Метей подхватил его еще одним механическим щупальцем, после чего быстро подошел к Киллиану и встал рядом с ним, очень довольный собой. — Тираниды не склонны придерживаться разработанного кем-либо расписания.

— И вы бросайте оружие, комиссар, — приказал Киллиан, обращая все свое внимание ко мне.

Я расстегнул портупею, ощущая странное смущение оттого, что с моего пояса исчез столь привычный вес, и, когда пистолет и цепной меч звякнули о плиты пола у моих ног, перешагнул через кожаное кольцо портупеи. Метей мгновение помедлил, а затем сделал то, на что я едва смел надеяться, — передал тенесвет Киллиану, чтобы подобрать с пола мое оружие, при этом не слишком приближаясь ко мне самому.

— Благодарю вас. — Безумный инквизитор заткнул каменную планшетку под мышку и сделал шаг к дверному проему. — Не думаю, что нам предстоит еще раз свидеться.

— От всего сердца надеюсь, что нет, — заверил я его, наконец-то услышав в коридоре шаги.

Прежде чем Киллиан успел сообразить, что наше подкрепление прибыло, Эмберли уже входила в лабораторию со всей свитой, буквально наступающей ей на пятки, и приветствовала меня самым обыденным кивком, пока Пелтон, Симеон и Земельда наводили оружие на инквизитора-отступника. Юрген при их появлении сразу же с яростным выражением лица двинулся вперед и вырвал свой лазган и мою портупею с оружием из механодендритов ошеломленного техножреца.

— Эрнст Ставрос Киллиан, — громко и четко произнесла Эмберли, высоко подняв руку, дабы продемонстрировать инсигнию Инквизиции, которая, мерцая, проявилась на ее предплечье. — Серым Советом триединых Орденов Инквизиции вы признаны Экскоммуникате Дьяболус, и данной ими властью я приказываю вам сложить оружие и проследовать для ответа по обвинениям в предательстве и

ереси, выдвинутым против вас.

Она вытащила откуда-то из своей шинели свиток пергамента такой длины, что им можно было бы задушить грокса, и теперь потрясала им перед обвиняемым.

— Именно этого я и должен был ожидать от малодушной пуританки, — презрительно усмехнулся Киллиан. — Именно недалекую слабачку Совет и должен был выбрать, чтобы послать по моему следу.

— У недалекой слабачки больше пушек, чем у тебя, — радостно отметила Эмберли, пока я снова пристегивал портупею и вытаскивал лазерный пистолет, тем самым подчеркивая ее слова. Юрген, который выглядел необычайно довольным собой, встал между Земельдой и Пелтоном, добавив свой ствол к ряду лазганов, направленных на зажатого в угол инквизитора, совершенно не обращая внимания на то, как эти двое торопливо расширили кольцо окружения, едва он усилил его своей персоной. — И мандат Инквизиции дает мне право по своему усмотрению привести высшую меру

наказания в исполнение, в случае если вы откажетесь от сотрудничества.

— Ну что же, тогда вы не оставляете мне выбора, — смиренно произнес Киллиан, опуская наконец-то свой плазменный пистолет.

Я едва успел облегченно выдохнуть, когда он нажал на спусковой крючок, пробив дыру в полу под своими ногами и заставив нас отшатнуться от яркой вспышки яростного пламени.

— Вниз! — прокричала Эмберли, пока я промаргивался от пляшущих после яркого света на сетчатке изображений.

Без колебаний она прыгнула в дыру за Киллианом, и Пелтон с Симеоном сразу же последовали за нею.

Мне пришлось вытянуть руку, чтобы остановить Земельду, колеблющуюся на самом краю.

— Стойте! — произнес я, затем указал на Метея, который все еще стоял, покачиваясь, дезориентированный и заметно обожженный близким разрывом плазменного заряда, но определенно достаточно скоро должен был очнуться

благодаря своим аугметическим составным частям. — Если сможете, удерживайте его на месте, если не сможете, просто застрелите. Юрген, за мной!

Заключив по отсутствию пальбы, что Эмберли со товарищи не встретили ничего особенно враждебного в помещении внизу, которое, насколько было видно, являлось идентичным по размерам и форме лаборатории, но при этом совершенно пустым, я спрыгнул в дыру.

Приземлился я тяжело, но погасил удар благодаря рефлексам, отточенным на штурмовых полосах препятствий в Схола Прогениум и опытом настоящих сражений, быстро откатился в сторону как раз вовремя, чтобы Юрген не приземлился прямо мне на голову. Он же огляделся, подняв лазган и всматриваясь в полумрак, окружавший нас. Кажется, Киллиан не озаботился тем, чтобы засветить люминаторы здесь, внизу, но я полностью доверял своим инстинктам уроженца улья, так что просто тщательно прислушался, без труда определяя направление по звуку,

который издавали бегущие люди.

— Куда, сэр? — спросил Юрген как раз в тот момент, когда дальний топот ног оборвался, утонув в полном страдания вопле, вслед за которым воцарилась гулкая тишина.

Я указал в ту сторону:

— Полагаю, нам туда.

В полном соответствии с моим предположением коридоры здесь шли точно так же, как и на верхнем этаже, да и моя способность к ориентированию в подобной обстановке не подвела. Через считаные минуты мы нагнали Эмберли и остальных, которые в этот момент таращились на то, что осталось от Киллиана, в свете переносных люминаторов, которые они, очевидно, прятали до поры где-то в стандартных гвардейских подсумках.

— Что случилось? — спросил Пелтон, и лицо его в этот момент было бледным даже для настоящего вальхалльца. — Он бежал впереди нас, а затем просто остановился. Как будто все его тело вдруг перекорежило.

Бывший арбитр оборвал сам себя, видимо не испытывая желания продолжать, но в действительности ему и не нужно было ничего говорить. Тело Киллиана было деформировано, будто у самого жуткого мутанта, кости и мышцы, казалось, расплавились и потекли, подобно свечному воску, когда сама душа его была вырвана из тела.

— Это сделал тенесвет, — сказал я, обращаясь напрямую к Эмберли, и слова мои буквально наползали друг на друга в отчаянной спешке передать представляемую им угрозу. — Он пропитан энергией варпа, как маринадом. Киллиан думал, что мы как-то отключили его, потому как видел, что ты может его касаться, но как только Киллиан вышел из зоны юргеновской «пустоты», на него тут же обрушилась вся мощь этой штуковины.

— Ясно, — кивнула Эмберли, сразу же поняв, что к чему. — Нам потребуется соответствующая защита, чтобы безопасно перевезти его.

— Метей готовился упаковать его для перевозки, — продолжал я. — В

лаборатории должно быть что-то, что справлялось с этой задачей.

— Тогда нам следует вернуться туда, — решила Эмберли. Она указала на зловещий черный камень. — Юрген, не будете ли вы так любезны взять это?

— Конечно же, мэм, — широко заулыбался мой помощник и быстро шагнул, чтобы забрать проклятый артефакт.

Я уже готов был с облегчением выдохнуть, когда сквозь треск статики в моем воксе пробился голос Эглантины.

— Инквизитор Вейл, — произнесла она, — тираниды атакуют.

Глава двадцать седьмая

Канониса, стоя возле покореженных силовых доспехов, красующихся на почетном месте, ожидала нас в той самой комнате, через которую мы вошли в лабиринт, в окружении личной охраны из числа целестинок. Старшая Сестра, что стояла во главе отряда, показалась мне смутно знакомой, но, лишь когда она заговорила со мной, я узнал в ней командира того небольшого подразделения, которое изрубили на куски на Ацеральбатерре и чье фанатичное рвение едва не стоило нам плато. Я, впрочем, ответил на ее приветствие с достаточным радушием, потому как неясно отчего, но она, кажется, была рада меня видеть, а тактическая ситуация располагала к тому, чтобы радоваться

любому человеку в силовых доспехах, готовому встать между мной и тиранидами.

— Я вам более чем обязана, комиссар, — сообщила она и при этом выглядела на удивление смущенной. — Вы напомнили мне о долге, когда собственное тщеславное рвение настолько увлекло меня, что заставило совершенно позабыть о нем.

— Это моя работа, — скромно ответствовал я, но женщина только серьезно кивнула в ответ, очевидно принимая мои слова за чистую монету.

— Сам Император послал вас, в этом у меня нет сомнения. Оставить храм Его без защиты, осажденным ксеносами... — Она вздохнула. — Тяжело было бы исповедоваться в этом, представ перед Золотым Троном.

— Будем надеяться, что туда вас не потребуют еще долгое время, — ответил я.

Эглантина, которая до сего момента подчеркнуто игнорировала мое присутствие, оторвалась от разговора с Эмберли и кинула на меня быстрый взгляд.

Выражение лица ее было самым серьезным.

— Никто из Сестер не ожидает пережить это сражение, — произнесла она так спокойно, будто говорила о сегодняшней погоде. — Да мы и недостойны остаться в живых. Орден наш стал инструментом самого отвратительного святотатства. Единственное, что мы можем сделать теперь, — это пытаться искупить грех и молиться Императору, чтобы деяния наши оказались достойны Его прощения.

— Киллиан лгал многим людям, — сообщил я ей, на секунду задумавшись о том, не было ли безумие недавно почившего инквизитора каким-то образом заразным и не передалось ли канонисе. — Вы следовали его приказам, ни в чем не преступая своей веры.

— Это лишь усиливает нашу вину, — мрачно произнесла Эглантина. — Мы были настолько уверены в пути своем и столь горды тем, что выполняем волю Его, что и не подумали молиться о божественном напутствии, которое открыло бы глаза и

сердца для правды. Гордыня стала семенем нашего падения.

Все это звучало очень похоже на те проповеди, что гарантированно доводили меня до полного ступора всякий раз, когда нас загоняли в церковь Схолы. С тех самых пор я старался держаться подальше от храмов во всех случаях, кроме тех, когда правила этикета и мое положение в Комиссариате делали мое присутствие на какой-нибудь службе совершенно неизбежным.

Очевидно, взывать к ее здравому смыслу было бесполезно, так что я не стал тратить дыхание на попытки переубедить канонису. Вместо этого я лишь склонил голову в согласии.

— Император защищает, — произнес я, снова отступая в границы привычных солдатских банальностей, и Эглантина ответила таким же поклоном, очевидно вдохновленная этим избитым набором слов.

— И Ему придется очень постараться, — мрачно вставила Эмберли.

Возвращенная таким образом к

насущной ситуации, Эглантина кивнула.

— Рой уже преодолевает внешние укрепления, — сообщила она. — Сестра Боника и ее целестинки проводят вас к вашему челноку. После этого наши судьбы будут в руках лишь Его, сущего на Земле. — Она посмотрела на гладкий черный футляр, который находился в левой руке Юргена, в то время как в правой он нес лазган, ремень которого был переброшен через плечо, чтобы позволить ему стрелять с бедра, и даже с некоторым подобием точности. — Здесь ли та отвратительная вещь, что осквернила нашу цитадель?

— Именно, — подтвердила Эмберли.

Эглантина вздохнула:

— Слишком она кажется небольшой, эта вещь, чтобы принести столь много зла.

— Зло совершал Киллиан, — произнес я, не удержавшись от злобного взгляда в адрес Метея, тащившегося за нами с видом паиньки, в чем ему помогали регулярные подталкивания ганом Земельды. — Не без помощи, конечно.

Теперь важно исправить совершенное.

— Именно. — Канониса снова обратила свое внимание к Эмберли. — Как только вы окажетесь в воздухе, мы перегруппируемся и попытаемся удержать рой, чтобы он не достиг города. Мы будем сдерживать их столько, сколько сможем.

— Волей Императора этого должно оказаться достаточно, — ответила Эмберли.

— Молюсь об этом.

Эглантина провела нас обратно по тем широким коридорам, что мы пересекали не далее как час назад, и при этом продолжала обмениваться отрывистыми сообщениями с подчиненными, которые, кажется, теперь сражались на нескольких фронтах. Я прислушивался к своему воксу, но для меня очень немногое из того, что удалось услышать, имело какой-то смысл. Взаимное расположение зданий монастыря не было мне известно, да и Сестры использовали свои собственные протоколы обмена сообщениями и боевой язык. Впрочем, было понятно, что дела у них

идут не слишком хорошо.

Через некоторое время мы отклонились от того пути, который запомнился мне, обходя стороной принадлежавшие Киллиану гостевые комнаты, и тут мне начали попадаться на глаза первые свидетельства повреждений: обожженные огнеметами фрески, болтерные дыры в статуях и драпировках, а также несколько тел, оставленных там, где они пали, когда приливы и отливы битвы увели сражающихся прочь. Глубокие зарубки в керамитовой броне первой из погибших Сестер, на чье тело мы наткнулись, показались неприятно знакомыми, и я совершенно не удивился, обнаружив останки нескольких генокрадов, сваленных в кучу на следующем перекрестке. Кажется, коллективное сознание роя придерживалось традиционной для него тактики, включающей проникновение в тыл противника организмов-разведчиков, способных подорвать ту оборону, с которой рою лишь предстояло столкнуться, так что я покрепче сжал лазерный пистолет и

цепной меч, хоть меня и окружала масса черных и серебристых силовых доспехов.

— Сюда, — наконец-то произнесла Эглантина и указала дальше по коридору, на пересечение с которым мы только что вышли. Она обернулась к одной из Сестер-целестинок и осенила себя знамением аквилы. — Император да пребудет с тобой, Боника.

— И с вами, — отозвалась та, — пока мы не встретимся снова перед Золотым Троном.

Эглантина запомнилась мне размытым пятном движения, когда она со всей скоростью своих усиленных доспехами мышц устремилась к отдаленному грохоту битвы. На краткий миг я увидел страшные разрушения во внутреннем дворике, куда она направлялась.

Широкий коридор, где мы остались, выходил в еще недавно ухоженный сад с широкими лужайками и цветущими живыми изгородями, ныне втоптанными в грязь, сожженными, искалеченными челюстями тиранидов, болтерным огнем

и сариссами[95] Сестер.

— Понтий, — передала по воксу Эмберли, — нам требуется эвакуация, и быстро.

— Уже близко, мэм, — отозвался наш пилот, и я ощутил слабый проблеск надежды. — Примерно в шести сотнях метров от вас есть внутренний двор, до которого еще не добрались тиранидЫ. Большая мозаика на стене.

— Я знаю, о чем вы говорите, — заверила его Боника, и мы бегом рванули за ней, удаляясь от битвы, хотя некоторые из Сестер в нашем охранении были явно разочарованы тем, что не могут последовать за своей канонисой в пасть смерти (в данном случае вполне буквальным образом).

— Отлично. — Эмберли снова переключилась на вокс пилота. — Продолжай отслеживать наше местоположение на случай, если нам потребуется отклониться от прямого маршрута.

Ей пришлось перепрыгнуть через еще

одну павшую Сестру Битвы, у которой отсутствовала большая часть головы.

— Есть признаки, что враг уже проник в здание.

— Держу вас на ауспике, — заверил ее Понтий, что, по мне, было весьма неплохо.

Мы как раз проходили через очередной крытый портик, когда на нас бросилась целая свора генокрадов, беззвучно вытекшая из полумрака часовни. Это было само по себе устрашающе, но, кроме того, возвышаясь над ними гибельным силуэтом, их сопровождал повелитель выводка, который, растопырив похожие на косы когти, надвигался на нас во главе своего мерзкого потомства.

— Бегите! — рявкнула Боника, а Сестры дали первый залп из болтеров, выкашивая передний ряд противника. Меня поторапливать не было нужды, потому как я-то сразу сорвался в галоп, стремясь к единственному оставшемуся выходу. — Мы удержим их здесь.

«Ненадолго», — подумал я, потому что врагов было слишком много.

Эмберли, очевидно, разделяла мое

мнение, поскольку бросилась бежать к открытой двери и прямоугольнику синего неба за ней столь же отчаянно. Земельда замешкалась, чтобы выпалить разок по надвигающейся орде, и Пелтон, на секунду отделившись от нас, вернулся и схватил ее за руку, побуждая снова бежать. И пока их внимание таким образом оказалось отвлечено, Метей использовал представившуюся возможность для побега, припустив прочь со скоростью, которая оказалась буквально ошеломительной. Я полагаю, что ноги у него были аугметическими, потому как он умудрился обогнать даже меня, что не слишком-то легко сделать в тех случаях, когда мне приходится спасать свою жизнь.

— Во имя Императора! — выкрикнула Боника, размахивая цепным мечом и бросаясь вперед, чтобы врукопашную сразиться с патриархом.

К моему изумлению, ей даже удалось ранить тварь, заставив отшатнуться, но ее соперник тут же пришел в себя и просто отпел Сестру в сторону ударом когтей, вскрывшим ее броню. Прежде чем он

покончил с нею, еще одна Сестра окатила тварь струей из огнемета, выкосив добрую часть его более мелких сородичей и заставив тирана отшатнуться от намеченной жертвы.

Конец этого боя мне увидеть не удалось, поскольку я наконец-то достиг дверного проема, который вел во внутренний двор с мозаикой, именно той, которую приметил с воздуха Понтий, и, благословение Императору, наша «Аквила» уже была там. Челнок завис в нескольких метрах над землей, завывая двигателями, что перекрыло крики целестинок, умирающих страшной смертью за нашими спинами. Я был настолько сосредоточен на спасении, которое обещал медленно опускающийся посадочный пандус, что даже не заметил новой напасти, угрожавшей нам, пока буквально из ниоткуда на нас не спикировала горгулья — чтобы подхватить Метея и унести его с собою.

Техножрец медленно поднимался вместе с тварью в воздух, отчаянно извиваясь в ее когтях, пока та не оторвала ему голову от плеч, забрызгав мозаику

кровью и слизкой. Сочтя, что в добыче слишком много органики, крылатая нечисть развернулась в поисках свежей добычи, и, к своему ужасу, я понял, что вижу целую стаю этих злобных созданий, перелетающих через стену и направляющихся прямиком к нам.

Если бы у них в распоряжении были телепортеры, то, вне всякого сомнения, все закончилось бы за считаные секунды, но эти, кажется, были выведены для ближнего боя и использовали для расправы с врагами только когти и челюсти. Мне удалось единственным выстрелом из лазерного пистолета вывести из строя ту тварь, что утащила Метея, да и Эмберли, открыв пальбу из лазгана, прикончила еще одну.

— Пелтон! Уведите Юргена на борт! — приказала инквизитор. — Мы вас прикроем.

И даже тогда именно ко мне мой помощник повернулся, ожидая подтверждения приказа.

— Мы сразу за вами, — заверил я его со всей убежденностью, которую только

мог найти в себе.

Спорить с Эмберли было бесполезно и в лучшие времена, а в текущих обстоятельствах и просто самоубийственно. Мне приходилось просто верить, что она знает, что делает, и, когда артефакт окажется в безопасности, нам будет позволено последовать за ним. Паля из ружей, Пелтон и Земельда начали пробиваться к пандусу, по дороге сбив не меньше дюжины летающих кошмаров, в то время как Эмберли, Симеон и я отличились, уничтожив более двух десятков из числа тех, что еще оставались в воздухе над нами.[96]

Симеон носился зигзагами, отслеживая цели и расправляясь с ними с такой скоростью и эффективностью, которой позавидовала бы батарея «Гидр», и мне не надо было видеть раздутые вены на его лице и руках, чтобы осознавать, что ему в этом помогает большая доза слота. Сейчас, когда рефлексы и агрессия Симеона были усилены до пределов, на которые не рассчитано человеческое тело, он более

всего походил на берсеркера Кхорна, и впечатление это еще более усилилось тогда, когда энергетическая батарея его лазгана иссякла.

Вместо того чтобы поставить на ее место свежую, как должен был поступить любой тренированный солдат, он просто издал вой разочарованной ярости и стал использовать свое оружие в качестве дубины, сбив одну из горгулий на землю, едва она попыталась спикировать ему на голову и всадить в него когти. И что неизбежно, оказался настолько увлечен превращением упавшего существа в кровавую кашу, что совершенно позабыл о присутствии остальных тварей. Очевидно, обезумевшие от вида ужасной кончины своего соплеменника[97] остальные твари всей кучей набросились на бывшего комиссара, подобно облаку сверкающей когтями смерти, разрывая его в клочья.

— Вперед!

Что бы инквизитор ни почувствовала при виде страшной смерти своего подчиненного, она определенно не потеряла

присутствия духа и воспользовалась тем, что это событие отвлекло горгулий от нас. Пока внимание летучей стаи было сосредоточено на Симеоне, мы опрометью бросились к посадочному пандусу.

— Генокрады быстро приближаются, — передал Пелтон, и они с Юргеном принялись стрелять из своих лазганов с борта — помощник мой наконец-то сложил с себя бремя тенесвета (в теории, я полагаю, любой из нас мог бы теперь нести артефакт, когда он был соответствующим образом изолирован, но никто не стремился попробовать). Через мгновение к ним присоединилась и Земельда, выражение лица которой было более мрачным, чем я когда-либо видел. Полагаю, ее маленькая игра в инквизиторов и еретиков внезапно перестала быть такой уж веселой.

Я рискнул кинуть взгляд назад и тут же пожалел об этом. Рой генокрадов выливался из здания, которое мы покинули считаные минуты назад, где, очевидно, тиранидыуже разделались со всеми

Сестрами и теперь быстро приближались к нам, хотя, кажется, повелитель выводка из битвы выбыл. Самым же неприятным было то, что от Симеона не осталось ничего, что могло бы и дальше привлекать уцелевших горгулий, и они снова начали подниматься в воздух, тяжело взмахивая кожистыми крыльями. Подстегнутый новой порцией адреналина, я постарался вытряхнуть подкашивающее ноги сомнение в том, что мы успеем, и устремился в сторону «Аквилы» и спасения, которое она сулила.

Понтий наконец открыл огонь из смонтированных под кабиной лазерных пушек, и стремительно надвигающаяся орда генокрадов рассыпалась в смятении.

Одну из горгулий зацепило ракетным огнем, и она тяжело рухнула с порванным в клочья левым крылом, чтобы забиться в липкой луже, оставшейся на месте бренного тела Симеона, но остальные ее товарки оказались достаточно проворными, чтобы избежать смертоносных лучей.

Какой бы короткой ни была данная

нам передышка, ее оказалось достаточно. Подошвы моих сапог наконец-то загрохотали по металлическому покрытию пандуса, и «Аквила» начала подниматься с земли, и мы уже с борта продолжали расточать лазерные заряды в качестве нашего прощального жеста учтивости. Инквизитор переговаривалась с кем-то по своему воксу, и, секунду повозившись с частотой, я сумел ухватить последний обрывок передачи.

— Артиллерия готова, — сообщил незнакомый голос, затем помедлил в нерешительности. — Вы можете подтвердить, что координаты верны?

— Подтверждаю! — отрезала Эмберли тем тоном, который приводил в страх даже планетарных губернаторов, и снова обратила свое внимание на разворачивающуюся внизу битву.

Глядя через зазор быстро поднимающегося пандуса, я ощутил, как дыхание запирает у меня в горле. Весь монастырь погребла под собою копошащаяся волна хитина, стены и крыши были равно покрыты движущейся

скользкой пленкой машин для убийства, и казалось, им нет и не будет конца. Но самым ужасным было другое. Когда мы взлетели над пропастью, удаляясь от плато, я смог разглядеть, что большая часть роя все еще поднимается по скале необозримой массой брони, шипов и когтей, простирающейся вниз так глубоко, что края не было видно.

— Сестры не смогут сдержать все это, — мрачно произнес я, и Эмбрели покачала головой.

— Не смогут, — согласилась она, и закрывающийся пандус наконец-то со стуком встал в пазы, скрывая мрачное зрелище.

Выражение лица инквизитора было строгим, когда она направилась в пассажирское отделение челнока. Я последовал за нею, и взгляд мой помимо воли оказался прикован к картине ужаса за иллюминаторами, пока нос не подсказал мне, что к нам присоединился и Юрген. Он положил футляр с тенесветом на стеклянный столик.

К моему удивлению, оказалось, что

некоторые Сестры еще оставались в живых и крохотные очаги сопротивления внутри монастыря пылали болтерным огнем, но лишь жалкая горстка Сестер попыталась следовать плану боя Эглантины, заняв позиции рядом с «Рино», которые позволили им отступать до поры до времени на безопасное расстояние и предпринять последнюю отчаянную попытку смирить надвигающуюся волну смерти. Мое внимание на минуту привлек караван быстро движущихся точек, приближающихся со стороны города, которые оказались дюжиной грузовиков, битком набитых солдатами СПО из того самого гарнизона, что мы намеревались посетить еще этим утром; очевидно, они, как обычно, были готовы последовать за своим Сестринством.

Но конечно же, они никак не могли успеть на подмогу монастырю, в этом у меня не было ни малейшего сомнения. Да и успевать не было смысла.

И я был прав. Мы в последний раз прошли над тем, что осталось от святой обители, и как раз в этот момент

последние Сестры Битвы, удерживавшие клочки, на которых стояли, были раздавлены хитиновыми цунами. Разумеется, СПО должны были вскоре разделить их судьбу.

— По моему приказу, — спокойно произнесла Эмберли, и голос, с которым она переговаривалась ранее, с треском помех, но уже уверенно ответил:

— Мы готовы, инквизитор. Похоже, вы на безопасном расстоянии.

Эмберли пожала плечами.

— Ну, тогда огонь! — просто сказала она.

Я напрягся, недоумевая, какую же новую угрозу для нас она углядела, и ожидал, что Понтий снова приведет в действие лазерные пушки, но несколько секунд не происходило, кажется, ничего.

Внезапно, без всякого предупреждения, раскаленные столбы огня ударили с неба над нашими головами, врезавшись в землю точно перед основным фронтом волны тиранидов. Плюмаж дыма от расплавленного камня и хитина поднялся в воздух, и наш маленький челнок заплясал

от ударных волн, прокатившихся в потревоженной атмосфере.

Юрген громко сглотнул.

— Они промахнулись! — воскликнул я, ошеломленный таким разочарованием, и, честно говоря, минуту-другую казалось, что линейные батареи звездных кораблей на орбите и правда промазали, едва опалив ведущий край роя, вместо того чтобы попасть прямо в его центр, как я того ожидал.

Эмберли продемонстрировала мне белозубую усмешку:

— Ты так полагаешь?

Через секунду вся мощь флотилии обрушилась на плато, озарив пространство нестерпимо белым огнем, испаряя здания, стирая само воспоминание об этом месте до самого скального основания. Уцелевшая часть роя закрутилась на месте, когда направляющий их интеллект оказался ослаблен образовавшимися в рое дырами.

— Нехило поднатаскались! — произнесла Земельда с явным восхищением в голосе, из чего я заключил, что она таким манером выразила одобрение.

Эмберли кивнула, и в этот момент целый кусок плато откололся и пополз вниз, в глубину, по пути разваливаясь на множество обломков, так что через считаные секунды стало сложно различить в этой лавине тиранидов. Через минуту огонь с орбиты прекратился, и мне удалось увидеть напоследок, как грузовики СПО, пройдя юзом, останавливаются у новой, расплавленной кромки плато, словно недоумевая по поводу происшедшего, а затем Понтий развернул челнок на Принципиа Монс, и все скрылось из виду за краем иллюминатора.

— Весьма неплохо, — констатировала Эмберли. — Мы вернули тенесвет, а Киллиан мертв, как и все, кто знал о нем. — Она радостно ухмыльнулась. — Конечно же, не считая нас.

— Конечно же, — повторил я.

Но мне бы очень хотелось, чтобы мысль о своем исключительном положении доставляла поменьше неуютных ощущений.

Эмберли снова улыбнулась, протягивая мне бокал амасека, который я

опрокинул в себя с поспешностью, оскорбительной для этого шедевра винокурения.

— Было бы еще неплохо получить возможность должным образом допросить Метея, но, по крайней мере, у нас есть копии данных его исследований, — добавила она, затем кинула задумчивый взгляд на зловещий черный футляр, лежащий в центре стола между нами. — Теперь, когда на Перлии обнаружились новые артефакты, возможно, мы получим лучшее представление о том, для чего эта штука предназначена в действительности.

— Вполне возможно, — согласился я, размышляя с некоторым облегчением о том, что мне никогда больше не придется увидеть эту адскую штуковину (конечно же, я снова ошибался, но на тот момент мне было суждено пребывать в счастливом неведении о потрясших Галактику событиях, скрывающихся за порогом нового тысячелетия).

Эмберли задумчиво смотрела на меня.

— Что ты собираешься предпринять теперь? — спросила она.

Я пожал плечами:

— Полагаю, вернуться к полку. Мы проведем здесь еще немалое время, подчищая оставшихся врагов, а где есть солдаты, там должно быть и комиссару.

Внезапно мне пришла в голову свежая мысль, и я вздохнул с некоторым раздражением.

— Юрген, — продолжил я, — отметьте для себя, что необходимо связаться с СПО на Гаварроне и перенести наш визит с инспекцией.

Конечно же, теперь в этой поездке не было никакого смысла, поскольку я уже знал, что могу более не беспокоиться о возможности дальнейших покушений на мою жизнь, а готовность солдат Гаваррона схватиться с тиранидами плечом к плечу с Сестрами Битвы разрешила любые оставшиеся сомнения относительно заражения генокрадами, но отмена проверки без понятной причины могла вызвать дополнительные вопросы, а это, уверен, совсем не понравилось бы

Эмберли. Я задумался о той горе бумажной работы, в которую выльется эта непредвиденная задержка. Снова уловил знакомый запах над плечом.

— Будет сделано, сэр, — произнес Юрген и потряс графином. — Налить вам еще?

Мне оставалось лишь лениво улыбнуться.

— Вы просто читаете мои мысли, — отозвался я.

— Надеюсь, что нет, — вставила Эмберли, с осторожностью покосившись на теневсвет.

[Что не вполне справедливо, потому как вряд ли существует кто-то менее склонный к проявлению псайкерских способностей, чем Юрген, и я на тот момент была вполне в курсе этого факта. Но как бы то ни было, на этой несколько натянутой попытке рассмешить читателя данный отрывок из архива Каина подходит к своему естественному завершению.]

Примечания

1

Каин и его 597-й полк по чистой случайности обнаружили гробницу некронов на ледяном мире, который были отправлены защищать от набега орков. Тот факт, что столь большая часть личного состава пережила данное событие, является свидетельством заслуживающей всяческого уважения находчивости Каина.

Обычная черта обитателей ледяных миров, которые из-за климата этих планет не очень часто бывают на солнце, да и избегают этого по мере возможности.

А иногда и самого губернатора лично.

Прозэнцефалон (передний мозг) обрабатывает внешние сигналы, поступающие от органов чувств. — Прим. ред.

Как и ко многим провинциальным мирам, к Перирегунде был приписан лишь один постоянный представитель Адептус Арбитрес, в обязанности которому вменялось наблюдение за работой всех местных служб поддержания правопорядка.

Столица планеты. Говорящее о некотором отсутствии воображения название Главная Гора принадлежало тому плато, на котором был выстроен город, носящий в равной мере скучное наименование Принципиа Урби, Главный Город, но, поскольку тот разросся так, что занимал большую часть поверхности, оба названия стали практически синонимами. Если Каин и знал об этой тонкости, он нигде не указывает на данный факт.

Километров; расхожее вальхалльское просторечное выражение, которое Каин, среди прочих, подхватил за время продолжительной совместной службы с людьми, происходящими из этого мира.

Настолько, что местные гражданские не раз нарушали границы закрытого воздушного пространства, до тех пор пока предупреждающим выстрелом не сбили воздушную машину, полную членов городского совета, возвращавшихся с банкета в палатах Гильдии фабрикаторов; дело, к счастью, обошлось без того, чтобы в результате причинить кому-либо серьезные травмы. После этого, кажется, запрет соблюдался неукоснительно.

Что наводит на мысль о том, что, вероятно, Каин хотя бы бегло просмотрел материалы совещания за время путешествия с Коронуса, несмотря на собственные его заверения в обратном.

Сады губернаторского дворца. Против обыкновения, они были разделены на внутренний сад, единственную часть, доступ в который был жестко ограничен и предоставлялся лишь домочадцам, и внешний парк, открытый для граждан города во время фестивалей и праздничных дней.

Во многих местах на страницах архива Каин намекает на то, что происходит из мира-улья, но из какого в точности — остается загадкой.

Местное наименование стражей правопорядка. Как уже было отмечено ранее, общепринятые наименования подобных должностей широко варьировались от мира к миру, так что, подобно многим бывалым путешественникам, Каин зачастую упоминает их просто как арбитров, хотя они являются всего лишь подчиненными Адептус Арбитрес, а не состоят в этой организации по-настоящему. В данном случае, впрочем, он точно передает данное отличие, как поступает всегда, когда приходится соприкасаться с настоящими должностными лицами Адептус Арбитрес.

13

Обычный позывной личной машины арбитра на Перирегунде. Несколько театральный, но до сих пор этот маленький мирок по большей части оставался очень скучным, так что, я полагаю, юстикаров нельзя обвинить в том, что они пытались придать рутинной шоферской работе более интересное звучание.

Космический халк, на который Каин высаживался вместе с Орденом Астартес во время кампании на Виридии.

Оружейник Ордена, который, кажется, считал Каина настолько близким другом, насколько это было вообще возможно в отношении не Астартес.

Это он так говорит. Я же вспоминаю, что довольно продолжительное время он демонстрировал темперамент, более приличествующий вареной рыбе.

В действительности я съела только две штучки, да и те не были очень уж большими, а сил потратила немало — зачистка гнезда генокрадов может иногда по-настоящему вымотать.

Несколько пренебрежительная кличка для техножрецов и технопровидцев, бытующая в среде Имперской Гвардии.

Здесь Каин не преувеличивает, поскольку Юрген был «пустым», одним из тех чрезвычайно редких индивидуумов, которые обладают врожденной способностью сводить к нулю любое псайкерское или колдовское влияние поблизости от себя. Именно реакция Рахиль во время их первой встречи на Гравалаксе привлекла к нему мое внимание.

Сама по себе эксцентричность — нет. Но, как согласятся, несомненно, многие мои собратья-инквизиторы, наша работа сводит нас с людьми, взгляд которых на окружающую Галактику идет в некоторой мере вразрез с общепринятым.

Который Каин предположительно перехватывал с помощью своей капли-коммуникатора.

Планетарная столица Гравалакса.

Один из малых Орденов, который отделился от Ордена Святой Розы во второй половине M39.

Как свидетельствует мой личный опыт, благодарность за наши усилия не входит в число обыденных явлений.

Как раз в этом месте менее гордая женщина испытала бы искушение добавить: «Я же вам говорила!»

Каин, вероятно, был наслышан об этой истории от переживших ее, поскольку данные события произошли до его приписки к полку. Любой, кто желает получить более полный отчет о них, отсылается к главе 87 «Отвратительного хитина» Артена Буррара, процитированной ранее.

Третья рота в основном предоставляла полку логистическую поддержку, поскольку состояла из транспортников, медиков, военных инженеров и других специализированных подразделений. Хотя они и были способны в критической ситуации сражаться не хуже любых других солдат, развертывание их на передовой проводили только в не имеющих другого решения ситуациях.

Версия вероучения, которая наиболее широко используется капелланами Имперской Гвардии, сокращена до двадцати двух строф, потому как службы, отправляемые на поле боя, тяготеют к лаконичности.

В отличие от Дариена Верхнего, который был орбитальной частью инфраструктуры космопорта.

Газовые сумки, которые поддерживают дирижабль в воздухе, обычно разбиваются на отдельные секции таким образом, чтобы он не потерял летных свойств в том маловероятном случае, если одна из них случайным образом прорвется.

Репортер, подбирающий крохи новостей, болтаясь на тротуаре возле здания.

Зная Кастин, можно с уверенностью утверждать, что ответить она не отказалась, но, конечно же, все те слова, которые она могла произнести в ответ на подобный вопрос, не годились для печати.

В данном конкретном случае необходимости в этом не возникло.

Как и многие подразделения с обширным опытом городских боев, 597-й, как правило, разделял свои отряды на две огневые команды, в каждой из которых было по пять солдат.

Полоса кометного мусора, которая представляет собой номинальную границу планетной системы.

Гимн, призывающий защиту Императора во времена большой опасности, несколько сентиментальный на современный вкус, но все еще популярный среди глубоко верующих и чтущих традиции людей.

Это вполне возможно, ведь человеческий мозг работает с помощью миниатюрных электрических разрядов, так что представляется весьма вероятным, что маскирующее поле противника Каина также влияло на все электронные приборы в округе.

Нет, не было.

На самом деле, учитывая популярность Каина среди личного состава Имперской Гвардии, его гибель произвела бы весьма неблагоприятное воздействие на боевой дух, каковое соображение ему самому, кажется, и в голову не приходило – что для него, впрочем, типично.

И именно поэтому у нас есть Ордо Еретикус и Ордо Маллеус. Хотя надо сказать, что некоторые наиболее радикальные инквизиторы из их числа плохо отличимы от собственной добычи — даже в том, что касается степени нормальности психики, которую они демонстрируют.

«Д'Лориэн Хищник», изготовленный на Рубике, если кому-то интересно знать. Конечно же, значительно модифицированный Янбелем; базовая комплектация не включает в себя коммуникационное оборудование, оружие и броню.

Здесь Каин преувеличивает. Было по меньшей мере по три сантиметра с каждой стороны.

Скорее, монументальной тяжести похмельем.

Ну что сказать, если требуется играть роль избалованной богатой девчонки, то почему бы ею не насладиться? Ничто не убеждает людей в том, что у тебя больше денег, чем мозгов, настолько же эффективно, как абсурдно дорогие капризы.

Что, конечно же, является вопросом личного мнения. Некоторые инквизиторы верят в то, что дело Императора лучше всего вершить, бросаясь на все в округе с последствиями, подобными таковым от действий грокса, попавшего в магазин, специализирующийся на продаже керамики, и оставляя за собою такие же разрушения; в то время как другие предпочитают не позволить врагам всего, что добро и свято, уйти чистенькими, а потому и не склонны афишировать тот факт, что идут по их следу.

Нет, я тоже представления не имею, что это такое.

На армейском сленге Имперской Гвардии — новобранцы. Очевидно, слово является фонетической трактовкой аббревиатуры ФНГ, которая, как я слышала, в свою очередь, расшифровывается как «Фраговы Новенькие Гвардейцы».

Действительно, челнок этот был с моей персональной яхты «Экстернус Экстерминатус», которая, как обычно, ждала на орбите, посылая в ответ на все запросы идентификационный код рудной баржи с Дезолатии.

На самом деле они, скорее всего, узнали лично Каина, который к тому времени стал очень известной фигурой, и особенно на Хоарфелле, где его действия во время инцидента с дирижаблем сделали из него настоящего героя для местного населения.

То есть как можно быстрее снова взлететь, покинув опасную зону высадки. Иногда я начинаю думать, что язык Имперской Гвардии должен получить классификацию как отдельный, независимый диалект готика.

Темно-серые, синие и черные цвета, предназначенные скрывать диверсанта в тенях нижних уровней улья.

Что тоже, конечно, бывает необходимо, особенно если нуждаешься в достаточной огневой мощи, чтобы проделать дырку в какой-нибудь планете, но гораздо приятнее все же обладать чем-то более уютным, что можно назвать домом.

Который, как может с готовностью подтвердить любой, кто носил одну из этих штуковин, в действительности подпорчен неистребимым букетом Император знает сколько веков оседавших в нем запахов застарелого пота и кишечных газов. Но даже с этой оговоркой воздух в нем был получше, чем на Окраине Ада.

Ближайшее плато с достаточно крупным поселением где-то в трех сотнях километров к югу, очевидно названное в честь исследователя, который в первый раз внес эту похожую на лоскутное одеяло планету в каталоги.

Более вероятно, что оборудование было выключено, когда перестало поступать сырье для переработки.

Вспоминая этот эпизод, не могу припомнить ни одного.

Оценки расходятся, что объяснимо. От полутора до трех тысяч. Записи того времени являются несколько отрывочными, что объяснимо.

597-й полк был единственным на тот момент подразделением на Периремунде, обладавшим опытом сражения с тиранидами, хотя 463-й Картеланский принимал участие в зачистке нижних уровней планеты-улья Тарагон, которое последовало за обнаружением недавно основанного там культа генокрадов в 929.М41.

В действительности Живан вполне верно выбирал слова. Тиранидыы забирали не только людей: те поселения, которые подверглись их нападениям, были очищены от любых форм жизни, включая растения и домашних животных.

Несмотря на тот высокий пост, который она впоследствии заняла, отношение Каина к Сулле всегда выражалось в лучшем случае в антипатии, отраженной и в его мемуарах. Она же — какая ирония! — всю свою жизнь оставалась в полном неведении об этом подлинном мнении Каина и считала его чем-то вроде своего наставника.

Несомненно, подобная мысль посещала лорда-генерала, и нередко, но Живан был слишком добросовестным исполнителем воли Императора, чтобы рисковать имперскими интересами, так же как и жизнями подчиненных, лишь затем, чтобы избавиться от этого планктона. К тому же всегда нашлось бы немало желающих занять их место, так что избавление все равно было бы весьма кратковременным.

В реальности же дальнейшие события указывают на совершенно иную интерпретацию Гравалакского инцидента. Культ генокрадов на этом мире, как Каин упоминает в собственном отчете, намеревался спровоцировать войну на истощение против тау, что самым серьезным образом ослабило бы защиту Империума по всему Дамоклову Заливу и прилегающим секторам. Учитывая направление вторжения флота-улья «Кракен», на данный момент кажется более вероятным, что они скорее собирались подготовить путь для этой мощной атакующей силы, чем для какого-то флота-огрызка.

Части 597-го были развернуты для поддержки СПО в трех отдельных случаях за этот период, что позволило отразить нападение тиранидов полностью в одном из них и в двух других продержаться достаточное время, чтобы успешно завершить эвакуацию гражданских, прежде чем в полном порядке отступить самим. Предшествовавший опыт сражений с этими конкретными ксеносами, вне сомнения, сослужил им хорошую службу, а положительное влияние этих побед на боевой дух распространилось далеко за пределы их полка.

Отчет Каина о его воинских похождениях во время Тринадцатого Черного Крестового Похода, хоть и захватывающий, в данный момент не должен отвлекать внимание читателя.

Или, возможно, именно из-за них каждый взвод потерял около пятнадцати процентов своего изначального состава (да и большинство этих убитых были, что неизбежно, из «фангов»), что необыкновенно мало, учитывая природу врага, с которым они столкнулись. Не говоря уже о том, насколько воодушевляющим для переживших бойню на Корании было видеть, как тираниды, ломая перед их обороной свои же ряды, ударяются в бегство.

Сулла действительно снискала доверие и уважение солдат, которых вела за собой, почти в той мере, какую ей приписывает Каин. Эта женщина, нужно признать, имела свойство рисковать там, где более осторожный командир подумал бы дважды, но, как это бывает, ее готовность перехватить инициативу в бою оказывалась в решающий момент совершенно необходимой, так что более высокий процент погибших в ее взводе компенсировался ошеломительно высоким уровнем боевого духа.

Бинарный язык остается полной загадкой для всех, кто не принадлежит к Адептус Механикус. Несмотря на десятилетия интенсивных исследований, сестры Ордо Диалогус так и не сумели вычленить даже самые основные правила грамматики или синтаксиса.

Плато находилось слишком низко, чтобы получать достаточно атмосферной влаги, Ацеральбатерра была покрыта толстым ковром лиственных растений, чьи испарения почти сразу же конденсировались из плотного, горячего воздуха.

Вне сомнения, сравнение с ранее упомянутым Суллой зеленым миром смерти намертво застряло у Каина в голове.

Каин, похоже, пишет здесь, обладая полученной позже информацией, и, хотя концентрические круги наскоро возведенных фортификаций должны были быть видны с воздуха, он на тот момент не мог обладать детальным представлением о ходе битвы до описываемого им самим момента.

Впечатление это, определенно, отразилось на Дженит Сулле, чьи длиннотные описания «благородной стати» Каина в ее изложении подробностей данной высадки сентиментальны до изжоги.

Оператор вокса, обычное сокращение, принятое в среде гвардейского персонала.

Ополчение каждого из плато носило собственный набор цветов, обычно столь же ярких, как и модная гражданская одежда, которую Каин упоминал ранее. Ацеральбатеррцы, к примеру, отдавали предпочтение оранжевой полевой форме под нательной броней в зеленые и фиолетовые полосы, в то время как силы обороны Принципиа Монс, кажется, предпочитали сочетание ярко-красного и переливчато-синего. Поскольку тираниды в целом полагаются на чутье и осязание в той же мере, что и на зрение, подобные смехотворные пристрастия, вероятно, не сильно способствовали потерям. Если бы местные СПО столкнулись с любым другим врагом, им пришлось бы пересмотреть свои цветовые предпочтения.

Хотя Каин мог вести переговоры практически с кем угодно на планете, передавая сигнал через вокс командной «Химеры» Суллы, Сестры Ордена Белой Розы, видимо, использовали свою собственную систему, независимую от сети Имперской Гвардии. Лишь после того, как два набора персональных вокс-систем ближнего действия оказались на достаточно близком расстоянии, он смог связаться с ними.

Учитывая, что комиссарская форма включает в себя фуражку, а не какой-то более функциональный защитный головной убор, Каин, возможно, говорит здесь от всего сердца.

Очевидно, потому, что полагают веру в Императора достаточной броней. Пара лишних сантиметров керамита, впрочем, им тоже не помешала бы.

Учитывая температуру и влажность на Ацеральбатерре, большинство выходцев с ледяного мира должны были раздеться, оставив на себе лишь нательную броню да, конечно же, штаны.

Наставник Каина по фехтованию в Схола Прогениум.

Учитывая часто повторяющиеся упоминания Каина о едва ли не постоянной плотной облачности над Хоарфеллом, могу спокойно сообщить, что Сулла здесь преувеличивает для драматического эффекта. Читатели, которые желают получить более точное описание битвы в космосе, отсылаются к главе 87 произведения «Прихлопнуть рой: эволюция тактики Имперского флота в противостоянии флотам-ульям» за авторством Леандера Кастидеса.

Как я уже отмечала ранее, 597-й регулярным образом разбивал свои отряды на две огневые команды по пять солдат в каждой. Первая команда находилась под руководством сержанта, возглавляющего отряд, в то время как вторую во всякое время, когда они действовали раздельно, вел заместитель командующего отрядом, обычно в ранге капрала.

Может ли «пустой» влиять на функционирование коллективного сознания улья, все еще остается в области предположений, хотя Юрген определенно был способен разрывать телепатическую связь выводка в группах генокрадов, что доказал более чем в единичном случае. Однако же, когда речь идет об антипсайкерских феноменах, сложно что-либо утверждать с уверенностью, и я не могу припомнить ни одного несомненного случая, когда Юрген нарушал бы функционирование общественного разума тиранидов.

Родное плато тех трех псайкеров, которые встретились Каину с Юргеном на Хоарфелле.

Он был бы допущен, если бы я могла найти хоть одну причину для привлечения внимания лорда-генерала к этим записям.

Хотя Гаварронские СПО и были в теории подчинены юрисдикции комиссара, приставленного именно к ним, на практике тот несчастный получал также обязанность надзирать за боевым духом и разбирать дисциплинарные вопросы в СПО всей системы, не говоря уже о подразделениях планетарной обороны тридцати семи других, столь же отдаленно расположенных имперских миров по всему сектору. Как результат, комиссар Баннинг проводил почти все свое время в каюте того или другого звездного корабля, много пил и потому оставлял подавляющее большинство солдат, вмененных его заботам, в блаженном неведении о самом факте своего существования.

Распространенная традиция среди населения на многих мирах вокруг Дамоклова Залива — отмечать святые праздники любительскими театральными представлениями, сюжеты которых позаимствованы из жития святых или Императора и которые нераздельно смешивают в себе благочестивые мотивы с самым что ни на есть вульгарным, дешевым фарсом.

На тот момент Каин еще не посетил ни одного из занятых тау миров, но, с другой стороны, он был знаком с их архитектурным стилем еще с Гравалакса, так что эта аналогия, похоже, действительно могла прийти ему в голову.

Старший инструктор по тренировочной работе в 597-м.

Скорее, они просто искренне верили в то, что Император убережет их от любой беды, что не лишено иронии, учитывая, как обернулись события.

Огневая команда, численность которой сократилась в результате потерь, но которую все еще можно эффективно использовать на поле боя. Сокращенные отряды, более знакомые солдатам под названием «огрызки», являются обычным явлением для многих гвардейских подразделений и часто представляют собой одну огневую команду, развертываемую как отдельный отряд.

Из «Заповедей святой Эмилии». К этому труду Каин выражает удивительную привязанность в некоторых частях своих мемуаров. Полностью фраза звучит так: «Путь долга часто каменист, но тем более гладок, чем больше заботишься о других».

На тот момент наш прославленный герой просто случился поблизости, и я решила, что он позволит отвлечь всеобщее внимание от моих действий. То, что это позволило выманить Киллиана и заставить его раскрыть карты, было не более чем приятным (хотя, очевидно, не для Каина) добавочным бонусом.

Талант, который он не раз демонстрировал и который приписывал своему происхождению с мира-улья.

Инквизиторский мандат обычно производит определенное впечатление — наверняка дело в том, сколько на нем всяких разных печатей.

Телепорты никогда не бывают совершенно надежными, так что мы всегда стремимся представлять собой как можно меньшую мишень, даже располагая одним из них.

Род штыка, которым предпочитают пользоваться в Адепта Сороритас.

Каин может и несколько преувеличивать, но мои собственные воспоминания об этом столкновении слишком отрывочны, чтобы сказать об этом уверенно.

Или, что гораздо более вероятно, коллективное сознание выделило Симеона как наибольшую угрозу среди нас всех.